

Е.И.Кычанов

ЖИЗНЬ ТЕМУЧЖИНА,

думавшего
покорить
мир

Чингис-хан:
личность и эпоха

Е.И.Кычанов

ЖИЗНЬ ТЕМУЧЖИНА,

**думавшего
покорить
мир**

**Чингис-хан:
личность и эпоха**

Москва
Издательская фирма
"Восточная литература" РАН
•
"Школа-Пресс"
1995

Редактор издательства
Т.М.ШВЕЦОВА

Кычанов Е.И.

- К97 Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир:
Чингис-хан. Личность и эпоха. 2-е изд., перераб. и
доп. — М.: Издательская фирма «Восточная литера-
тура» РАН; Школа-Пресс, 1995. — 272 с.: ил.
ISBN 5-02-017390-8

Книга представляет собой значительно переработанное издание монографии с тем же названием, вышедшей в свет в 1973 г. В книге раскрываются исторические условия, которые способствовали формированию такой личности, как Чингис-хан, и дана оценка этого завоевателя современниками и исследователями более поздних эпох. Описаны судьбы многочисленных народов, проживающих на территориях современных Китая, Монголии и Тибета. Автор привлекает множество исследований и обильно цитирует первоисточники.

Книга написана в научно-популярном ключе и рассчитана на широкие читательские круги.

К 0503010000-46
013(02)-95 Без объявления

ББК 63.3(0)4

© Е.И.Кычанов, 1995
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 1995

12.5.95
Заведующий редакцией С.С.Цельникер
Редактор Т.М.Швецова
Младший редактор И.М.Гриднева
Оформление Н.Д.Горбуновой, Е.Н.Урусова
Художник Л.С.Эрман
Художественный редактор Э.Л.Эрман
Технический редактор Г.А.Никитина
Корректор М.В.Малькова

ИБ № 16957
ЛР № 020513 от 15.04.92

Формат 60×90¹/₁₆. Усл.п.л. 17. Уч.-изд.л. 18,9. Тираж 20 000 экз.
Изд. № 7201. С46. Заказ 57545.

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
Издательство «Школа-Пресс»
103051, Москва, Цветной бульвар, 21/2

Отпечатано в типографии АО «Молодая гвардия»
103030, Москва, Сушешская, 21

А как пришло родиться ему, то родился он,
сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови

Сокровенное сказание

Предисловие ко второму изданию

Со времени первого издания этой книги минуло более полутора десятков лет¹. Во вступлении к первому изданию автор писал, что на протяжении многих столетий личность Чингис-хана, его эпоха привлекали и привлекают внимание и историков-специалистов, и широкие круги читателей во всех странах мира. Чингис-хану посвящены солидные научные труды, популярные брошюры, а также изобилующие домыслами романы и повести на многих языках. В Европе первая книга о Чингис-хане была опубликована в 1710 г.²

К моменту написания и первой публикации нашей книги, к началу 70-х годов, интерес к личности Чингис-хана возрос в связи с событиями, происходившими в те годы в Китае, которые привели к неоправданному возвеличению личности завоевателя в китайской исторической литературе. Подготовить второе издание книги (исправленное и расширенное) о Чингис-хане нас побудило решение ЮНЕСКО отметить 750-летие «Тайной истории монголов» (см. [Сокровенное сказание]³), выдающегося памятника монгольской письменности и культуры, в основном посвященного описанию жизни Чингис-хана и его эпохи.

В период после выхода в свет первого издания этой книги литература о Чингис-хане значительно обогатилась. В 1973 г. во Франции в популярной серии «Что я знаю о...» была опубликована монография «Чингис-хан» Луи Гамбиса, видного французского специалиста по Монголии и Китаю. Через десять лет немецкий монголовед и синолог Поль Рачневский издал книгу под тем же названием. Труд П. Рачневского наиболее полно учитывает все последние научные разработки проблемы, отличается полнотой использования источников и литературы

¹ Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973.

² Многие книги о Чингис-хане на западноевропейских языках кратко охарактеризованы в исследовании советского монголоведа М. Гольмани [Гольман, 1988].

³ Более подробные выходные сведения см. в Списке цитированной литературы в конце книги.

на русском языке. Следует упомянуть многочисленные статьи о Чингис-хане, появившиеся за последние десятилетия в самых различных журналах Кигайской Народной Республики, и наиболее систематизированное изложение результатов этих исследований, предпринятых китайской наукой в двухтомной «Истории династии Юань». В Китае в 1987 г. на монгольском языке опубликована в двух томах книга монгольского историка Сейшала «Сказание о Чингис-хане»⁴.

Из недавно вышедших трудов советских авторов следует упомянуть капитальное исследование и публикацию текста «Мэн-да бэй лу» («Полное описание монголо-татар») безвременно скончавшегося доктора исторических наук Н. Ц. Мункуева. Для изучения завоевательных войн Чингис-хана в Средней Азии, Северном Иране и на Кавказе ценный материал содержат труды З. М. Буниятова, в особенности его книга «Государство хорезмшахов-Ануштегинидов (1097—1231)». Оценка личности и деяний Чингис-хана недавно вновь дана в статье М. С. Капицы «Еще раз о роли Чингис-хана в истории».

Широко известен роман В. Г. Яна «Чингис-хан». Недавно советская художественная литература о Чингис-хане пополнилась романом сибирского писателя Исае Калашникова «Жестокый век». Немало внимания Чингис-хану и его эпохе уделит в своем романе-эссе «Память» Владимир Чивилихин. Мы также рекомендовали бы читателю «повесть к роману» Чингиза Айтматова «Белое облако Чингис-хана»⁵. Нет нужды говорить о том, что юбилей «Тайной истории» вызвал к жизни публикацию десятков новых книг и сотен статей о Чингис-хане и об увековечившем его память блестящем историческом источнике.

И первое издание, и данная книга, также посвященные жизни Темучжина — Чингис-хана, были написаны на основе сохранившихся до наших дней монгольских, китайских и мусульманских первоисточников и сведений первых европейских путешественников, совершивших свои вояжи в глубины Азии. Поскольку книга базируется на исторических источниках и их исследованиях учеными-специалистами, т. е. на материалах, абсолютно исключаящих авторский вымысел, она является научной; по форме изложения автор хотел бы сделать ее популярной, т. е. доступной широким кругам читателей. Автор намеренно пространно цитирует первоисточники и литературу, стремясь показать читателю, как воспринимали личность Чингис-хана и ту эпоху его современники или те, кто жил во время, сравнительно недалеко от этой эпохи отстоящее, в разных уголках мира — в Монголии и Китае, Средней Азии и на Ближнем Востоке, на Кавказе и в Европе. И оценки Чингис-хана и его эпохи нашими современниками автору хочется дать не в пересказе, а в подлиннике. Надо прямо сказать, что единой и общепринятой оценки личности Чингис-

⁴ Хух-Хот, 1987. К сожалению, данный труд в нашей книге не использован.

⁵ См.: Знамя, 1990, № 8, с. 7—57.

хана и его деяний не существует. Эти проблемы — постоянный объект явной и тайной идеологической борьбы, столкновения мнений и прямых спекуляций.

Имеются четыре источника первостепенной важности для любого автора, который собрался писать о Чингис-хане. Это «Тайная история» или в русском переводе акад. С. А. Козина «Сокровенное сказание» — эпическое повествование о Чингис-хане и его роде, написанное в середине XIII в., вскоре после смерти Чингис-хана; сам термин «сказание» С. А. Козин позаимствовал у Палладия Кафарова (см. [Старинное монгольское сказание]). Наиболее распространенным является мнение, что данный памятник был составлен в 1240 г., т. е. через 13 лет после того, как умер Чингис-хан, хотя имеются и другие суждения. Например, совсем недавно французский монголовед Жак Легран предложил считать датой написания памятника июль — август 1264 г. — время разгрома ханом Хубилаем его соперника в борьбе за великоханский престол Ариг-Буки [Легран]. «Секретной», или «тайной», эта история называлась потому, что первоначально предназначалась только для членов ханского рода, хранилась в ханской сокровищнице и была недоступна для прочих людей.

Данный памятник содержит наряду с фольклорными сюжетами большое количество достоверных данных. «Тайная история» не идеализирует образ Чингис-хана. «Вообще образ Чингиса у авторов „Сокровенного сказания“, — писал советский исследователь истории монгольской литературы Г. И. Михайлов, — не слишком привлекателен... объективность авторов „Сокровенного сказания“ приходится особо подчеркивать, ибо последующие летописцы в этом отношении часто уступали своим предшественникам. Божественность Чингиса была для них аксиоматичной, в его деятельности они не видели неудач и поражений; о братоубийстве, как и некоторых других мрачных сторонах жизни Чингиса, они умалчивают» [Михайлов, с. 26].

Важно указать, что «Тайная история» не сохранилась в записи на монгольском языке. Тот текст памятника, который дошел до наших дней и, кстати, был найден нашим соотечественником, выдающимся русским китаеведом XIX в. Палладием Кафаровым (см. [Старинное монгольское сказание]), был записан на монгольском языке в китайской транскрипции китайскими иероглифами. Реконструкция текста на языке оригинала — работа, которой наука занята около ста лет. От восстановления «подлинного» монгольского текста в известной мере зависит и перевод памятника на другие языки. Имеются переводы «Тайной истории» на русский, немецкий, английский, французский, венгерский, современный монгольский, китайский, японский языки. Из последних переводов укажем перевод Игоря де Рахевилья на английский язык, опубликованный частями в научном австралийском журнале (см. [Тайная история монголов]). Предполагается издать этот перевод в ближайшее время. Русский перевод «Тайной истории» (см. [Сокровенное сказание]) был опубликован

С. А. Козиным в 1941 г. Работал над переводом «Тайной истории» также известный советский монголовед и китаевед Б. И. Панкратов, однако его труд остался незавершенным, а то, что было сделано, еще не опубликовано и хранится в Архиве востоковедов Института востоковедения Российской академии наук (С.-Петербург).

Не меньшего внимания, чем «Тайная история», заслуживает и «Сборник летописей» Рашид-ад-дина, законченный в 1310—1311 гг. Основные разделы труда Рашид-ад-дина, касающиеся истории монголов, были основаны на сочинениях его предшественников, в том числе «Истории завоевателя мира» [Джувеини] и сохранившейся части «Золотой книги» («Алтан дебтер») на монгольском языке — официальной истории Чингис-хана, его предков и преемников, труде, не дошедшем до наших дней. Рашид-ад-дин широко использовал и устную информацию, полученную от знатоков монгольской старины.

Третьим важнейшим источником является официальная история правившей в Китае монгольской династии Юань — «Юань ши». Указ о составлении этого коллективного труда был издан в 1368 г., сразу после изгнания монголов из Китая. Считается, что работа была выполнена очень быстро, за 331 день; столь же быстро книга была отпечатана ксилографическим способом и опубликована в 1370 г. Первый изюань (глава) этого труда занимает жизнеописание Чингис-хана. Для нас значительный интерес представляют жизнеописания многих его сподвижников и сторонников. К сожалению, по китайской традиции описаны жизнеописания его соперников и врагов.

Четвертым основным источником сведений о Чингис-хане является труд «Шэн у цинь чжэн лу» — «Описание личных военных походов Августейшего и воинственного [императора], т. е. Чингис-хана [Пельо — Гамбис]. Считается, что текст относится ко второй половине XIII в. и тогда же он был переведен с монгольского на китайский язык. Французские переводчики памятника Поль Пельо и Луи Гамбис возводят этот труд, как и «Сборник летописей» Рашид-ад-дина, к оригинальному монгольскому сочинению «Алтан дебтер», как мы уже упоминали, не дошедшему до наших дней. Ту же часть «Юань ши», которая относится к жизни и деятельности Чингис-хана, они считают производной от «Шэн у цинь чжэн лу».

Прочие источники так или иначе будут упоминаться нами по ходу изложения.

В первом издании книги мы обращали внимание читателей на оценку личности Чингис-хана выдающимися отечественными востоковедами академиками Б. Я. Владимирцовым и В. В. Бартольдом. По мнению ряда советских историков, Б. Я. Владимирцов дал идеализированную оценку личности Чингис-хана и его политики, а В. В. Бартольд был не чужд идеализации уже не столько личности Чингис-хана, сколько его империи и последствий монгольских завоеваний.

Откуда взялась столь могущественная сила, оказавшаяся способной завоевать почти всю, кроме Японии, цивилизованную Восточную Азию, Центральную Азию, значительную часть Ближнего Востока и Восточную Европу? В каких условиях она смогла реализовать свою мощь? Как можно и нужно оценивать деятельность Темучжина — Чингис-хана? В данном издании автор значительно больше уделяет внимания ответам на эти непростые вопросы. В книге не только содержатся сведения из отдаленного прошлого, показывающие, как зарождаются и к чему приводят захватнические войны. Автор задумывается и над ценой для человечества событий, трактуемых нередко в определенных кругах ученых как прогресс. Если заслуга Чингис-хана состоит в том, что он соединил Дальний Восток и Центральную Азию с Ближним Востоком и Европой, как думают некоторые историки, то стоит ли эта «заслуга» (может быть, и без кавычек?) той цены, которую заплатило за нее человечество?

Цена иных сфер прогресса, судьбы сотен тысяч и миллионов людей в поступательном движении истории — это не праздный вопрос прошлого человечества и его настоящего. История, как и само время, необратима. Что было, то было. Но историк, кроме беспристрастного, тщательного, объективного описания событий, всегда имеет право поставить и ставит вопрос о причинах и следствиях, о том, чем и как человечество поплатилось за то, что произошло. И наконец, историк обязан поставить вопрос о том, а могло ли быть иначе? История сделала свой выбор. Но был ли этот выбор единственно допустимым? И автор данной книги также счел себя вправе в той или иной степени коснуться данных вопросов при описании жизни Темучжина — Чингис-хана, при характеристике той эпохи, в которую он жил.

Историки знают, что человечество не извлекает уроков из истории, тем не менее всегда надеются на то, что такое время придет. Надеется на это и автор.

Оэлун и Есугай-баатур

Между тем, как он далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин:
Сына бог им дал в аршин.

А. С. Пушкин

Говорят, Есугай-баатур, отец Темучжина, будущего Чингис-хана, имел много жен из разных племен. А старшую из них, Оэлун, мать Темучжина, он силой отбил у меркитского Эке-Чиледу. Вот как это было. «В ту пору, охотясь однажды по реке Онону за птицей, Есугай-баатур повстречал меркитского Эке-Чиледу, который ехал со свадьбы, взяв себе девушку из олхонутского племени. Заглянув в возок и поразившись редкой красоте девушки, он поспешно вернулся домой и привел с собой своего старшего брата Некун-тайчжи и младшего Даритай-Отчигина. Видя их приближение, испугался Чиледу, но под ним был скакун Хурдун-хуба. Хлещет он своего хуба по ляжкам, старается скрыться от них за холмами, но те втроем неотступно следуют за ним по пятам. Когда Чиледу, объехав мыс, вернулся к своему возку, Оэлун говорит ему:

— Разве ты не разгадал умысла этих людей? По лицам их видно, что дело идет о твоей жизни. Но ведь был бы ты жив-здоров, а девушки в каждом возке найдутся. Был бы ты жив-здоров, а жены в каждой кибитке найдутся. Придется, видно, тебе тем же именем Оэлун назвать девушку с другим именем. Спасайся, поцелуй меня и езжай!

С этими словами она сняла свою рубаху, и когда он, не слезая с коня, потянулся и принял ее, из-за мыса уже подлетели те трое. Пришпорив своего Хурдун-хуба, Чиледу помчался, убегая от преследования вверх по реке Онону.

Трое бросились за ним, но, прогнав его за семь увалов, вернулись. Есугай-баатур повел за поводья лошадь Оэлун, старший его брат, Некун-тайчжи, ехал впереди, а младший, Даритай-Отчигин, ехал вплотную рядом с ней. Едут они так, а Оэлун приговаривает:

— Батюшка мой, Чиледу! Кудрей твоих встречный ветер никогда не развевал. В пустынной земле никогда ты не голодал. Каково-то теперь?

И, роняя обе косы свои то на спину, то на грудь, то вперед, то назад, она причитала «Каково-то теперь уезжаешь?», так громко, что

Онон-река волновалась,
В перелесье эхо отдавалось.

Уже близко к дому стал унимать ее плач Даритай-Отчигин:

Лобызаемый твой много перевалов перевалил,
Оплакиваемый твой много вод перебродил.
Сколько ни голоси — а он не бросится взглянуть на тебя,
Сколько ни ищи — его и след простыл. Замолчи уже!

Так унимал он ее. Тут же Есугай и взял Озлун в дом свой. Вот так произошло умыкание Есугаем Озлун-учжины» [Сокровенное сказание, с. 84—85].

В те далекие времена монгольские девушки не выбирали себе мужей. Отцы или слепой случай решали их судьбы. Монгольский род был экзогамным, т. е. монгол не мог взять в жены девушку из своего рода. Роды жили на общей пастбищной территории. Иногда тот род, из которого, как правило, члены данного рода брали себе жен, кочевал относительно далеко, и за женой приходилось ехать в дальние края. Это чаще всего касалось знати, которая особенно строго придерживалась традиционного брачного партнерства. Но за женами нередко ездили в дальние края, их умыкали. Чиледу принадлежал к меркитской знати (неправ был Исай Калашников, превративший в своем романе «Жестокый век» Чиледу в полусвободного батрака). Мы не знаем, как Озлун досталась Чиледу — по сговору ли с ее родителями или он тоже умыкнул ее. Но ясно одно — Чиледу нравился Озлун. Иначе не подарила бы она в прощальный час возлюбленному свою рубашку, не оплакивала бы его и свою судьбу.

И когда ее, плачущую, везли в стойбище Есугай-баатура, еще не знала она, что в тот момент, когда Есугай случайно заглянул в ее возок, а позже, отбив от любезного ее сердцу Чиледу, твердой хозяйской рукой взял за повод ее коня, ей уже было суждено стать матерью сына, одно имя которого повергало в ужас целые народы на гигантской территории от Тихого океана до океана Атлантического...

Переселение на запад

«Приволье на горах родных — приволье в темных долах...
Белют летом овцы там, зимой снега белют.
Там светит солнце красное, там смерти не боятся!»
Так в тартаре три молодца о свете толковали.

А. Н. Майков

Кто такие монголы и откуда они появились? Вопрос не праздный, если науке достаточно хорошо известно, что на той территории, где расположена нынешняя Монгольская Народная Республика и где будут разворачиваться события нашего повествования, на рубеже нашей эры жили гунны, этническая принадлежность которых (тюрки? монголы? самодийцы?) достоверно неясна. После них здесь господствовали жуаньжуани (авары, обры русских источников) и сяньбийцы, а затем, с VI по X в. н.э., сменяли друг друга каганаты тюрков, уйгуров, кыргызов.

Как говорится в последнем издании «Истории Монгольской Народной Республики», «само слово „монгол“ до сих пор в исторической науке не имеет единого толкования», «наиболее вероятно предположение о том, что термин „монгол“, обозначавший вначале одно из племен, затем стал собирательным, подразумевавшим всю монгольскую народность, вместе взятую» [ИМНР, с. 124]. Рашид-ад-дин полагал, что слово «монгол» значило или «слабый», «бессильный», или «прямодушный», «чистосердечный» [Рашид-ад-дин, т. I, с. 154]. Академик Российской академии наук Я. Шмидт считал, что «монгол» это «смелый», «отважный», «неустрашимый»; П. Рачневский допускает и уничижительное толкование: «монггоо» — «глупый», например в наименовании предка Чингис-хана Бодончар-мунгкака — «Бодончар-простак», «Бодончар-дурачок» [Рачневский, с. 5].

Но есть одна заманчивая гипотеза, которую также приводит в своей монографии П. Рачневский. Хорошо известно, что династия киданей Ляо, воцарившаяся в Центральной Азии и Северном Китае в самом начале X в., именовалась «Железная». Очень возможно, что, создав свое государство Хамаг монгол улус в середине XI в., монголы называли его «мунгу» — «Серебряное», а утвердившиеся в Центральной Маньчжурии, свергнувшие власть киданей и уничтожившие государство Ляо чжурчжэни назвали свое государство Цзинь — «Золотое» [там же]. В этой гипотезе есть своя логика.

Свидетельства китайских источников позволяют убедительно проследить древнюю историю монголов — вплоть до племен ся-

нби. Прямое родство монголов (протомонголов) с гуннами, о котором иногда пишут, можно скорее рассматривать как желательное, чем имеющее в настоящее время строгие научные доказательства.

Монголы впервые упоминаются под именем мэньу, или мэива, в старой и новой историях китайской династии Тан (618—908) среди племен шивэй. В тексте старой истории династии Тан «Цзю Тан шу» сказано: «Шивэй — особый род киданей. Их государство находится на северо-востоке от столицы на расстоянии свыше семи тысяч ли... В этом государстве нет государя и старших начальников, а есть семнадцать главных правителей, которые зовутся мохэфу и наследственно правят ими, хотя и зависят от тюрок. В качестве боевого оружия они имеют роговые луки и стрелы из дерева „ху“ (тальник?) и являются превосходными стрелками из лука¹. Временами собираются на охоту с метательными копьями². А когда дело закончится, расходятся. Эти люди обрабатывают землю, но не платят поземельного налога. В огнищах [своих]³ строят небольшие дома, которые покрывают сверху шкурами. Объединяются в группы и живут иногда числом до нескольких десятков или сотен семей. Заостряют деревья и делают сохи, не насаживая на них металлических сошников. Соху тянет человек, и производится посев. Не разрешается использовать [для пахоты] быков. Летом там много туманов и дождей, зимой много инея и снега. В качестве домашних животных там годятся собаки и свиньи. Их откармливают и поедают, а шкуры используют для изготовления выделанных кож. И мужчины, и женщины из [этих кож] шьют одежды. Волосы [у них] расстрепаны, одежды застегивают на левую сторону. Богатые семьи выделяют себя тем, что делают украшения из разнообразного пятицветного жемчуга.

Законы, регулирующие вступление в брак, [таковы:] жених прежде входит в дом невесты и работает [там] три года. По этой причине он может лично близко общаться с этой женщиной. Когда срок отработки кончится, то семья невесты выделяет им их долю имущества, муж и жена садятся на одну телегу и нагружают ее. С барабанным боем и плясками они вместе возвращаются [в дом мужа].

...Говорят, что при нашей [династии] Тан есть девять племен шивэй... Севернее Больших гор есть племя больших шивэй. Это племя живет около реки Ванцзянхэ. Истоки этой реки на северо-восточных границах владений тюрок, у озера Цзюйлунь. Отсюда, извиваясь, она течет на восток и протекает через границы западных шивэй, далее она течет снова на восток через границы

¹ Более поздние источники указывают, что монголы изготавливали древки стрел из ивы, а многие современные монголам авторы именovali монголов «прекрасными стрелками».

² Копье оставалось одним из главных видов вооружения монголов и в середине XII в.

³ Текст в квадратных скобках — от переводчика.

больших шивэй, еще далее на востоке она протекает к северу от мэнью шивэй [шивэй-монголов]... Затем она течет еще далее на восток и впадает в море» [Цзю Тан шу, цзюань (букв. «глава», далее цз.) 1196, с. 1673].

В тексте новой истории династии Тан «Синь Тан шу» имеются некоторые разночтения и дополнения. Местом жительства шивэй, опорным их пунктом назван Хуанлун, район к северу от современных городов Шэньяня и Кайюаня (в центре Маньчжурии), охватывавший всю территорию Гирина, на востоке до границ Внутренней Монголии. Правители шивэй названы не мохэфу, а мохэдо. Добавлено, что в ведении слабых из них — около тысячи семей, более сильных — по несколько тысяч семей.

«Живут, рассеявшись по речным долинам, ищут траву и воду и селятся». Не подчиняются друг другу. «Хотя они дерзки, отважны и любят воевать, но войска у них недостаточно для того, чтобы создать сильное государство». Повторены сведения «Цзю Тан шу» об обработке земли, и особо подчеркнуто, что получаемые урожаи очень малы. О семейных отношениях добавлено, что если муж умирал, то жена вторично не выходила замуж. Имеются дополнения о похоронных обрядах. Каждая группа шивэй строила большие навесы, на которые сверху клали трупы умерших. По умершим носили трехлетний траур. Если умирал правитель, его наследником становился его сын. Лишь при отсутствии у правителя сына его преемником становился сильный и решительный человек. Ездили шивэй на телегах, запряженных быками. Жилища строили из плетенок и покрывали шкурами. Или сгибали деревья, а крышу покрывали плетенками. Для переправ через реки делали плоты и кожаные лодки. Лошадей пускали пастись спуганными. О домашних животных добавлено, что у них нет овец и мало лошадей. Одежды, которые шили шивэй из шкур и кож, они называли мохэ. Сказано, что было 20 с лишним племен шивэй (вместо девяти, упомянутых в «Цзю Тан шу»). Интересующий нас текст о древних монголах изложен так: «На севере есть Большие горы. За горами живут большие шивэй, которые расселены по берегам реки Шицзяньхэ (верховья Амура, название сохранилось в наименовании реки Шилка). Река вытекает из озера Цзюйлунь и течет на восток. К югу от этой реки есть племя мэнва, к северу от нее — племя лотань» [Синь Тан шу, цз. 219, с. 1671].

И в том и в другом источнике шивэй названы «особым родом киданей». От имени этого народа, между прочим, происходит наше слово Китай. О соотносительности киданей и шивэй хорошо сказано в более раннем источнике, «Суй шу»: «Шивэй одного рода с киданями. Тех, кто образует южную часть этих племен, называют киданями, а тех, кто северную, — шивэй» [Суй шу, цз. 84, с. 602].

В слове «шивэй» ряд исследователей, и, возможно, не без основания, видят первое упоминание столь хорошо нам знакомо-

го слова «Сибирь». Авторы последних китайских исследований («Юань чао ши») считают всех шивэй татарами [Юань чао ши, т. I, с. 6]⁴. В эпоху Ляо, т. е. в X—первой четверти XI в., татары—шивэй в китайских источниках—именовались цзубу. Племена шивэй, к которым, как мы видим, принадлежали и монголы, были родственны киданям, по некоторым сведениям, составляли их северную часть. Поскольку принадлежность киданьского языка к монгольским языкам нынешней наукой не оспаривается, а допускается лишь известное влияние тунгусо-маньчжурских языков, то и шивэй мы вправе считать группой племен, говорившей в основном на монгольских языках. Остается вопрос о локализации древних монголов.

Комаи Ёсиаки пришел к выводу, что та часть племен шивэй, которая именовалась монголами, жила по южному берегу реки Амур, западнее впадения в Амур реки Сунгари и восточнее хребта Малый Хинган [Комаи Ёсиаки, с. 329—330].

Другой японский ученый, Тамура Дзицудзо, делает вывод, что «монголы в это время жили кочевой жизнью в степных районах к югу от реки Аргунь» [Тамура Дзицудзо, с. 3—4]. Л. Гамбис на основании этих же самых материалов заключает, что наиболее древние тексты помещают монголов к западу от верхнего течения Нонни, возможно, в северной части области, расположенной между рекой и озером Кёлён, откуда вытекает Аргунь, составляющая главную часть верхнего Амура, и к югу от этой реки [Гамбис, История, с. 130]. Таким образом, по мнению высокоавторитетных специалистов, древние монголы жили к югу от среднего течения Амура, между Малым Хинганом и нижним течением Сунгари, или по южному берегу нижнего течения Аргуни и верхнего течения Амура. Рашид-ад-дин называет местность, где жили древние монголы, Эргунэ-Кун. Почему, как и когда монголы покинули ее и стали переселяться на запад, на территорию современной Монгольской Народной Республики?

Очевидно, причиной были войны — войны внутренние и нападения соседей. Китайские авторы связывают переселение прежде всего с разгромом киргизами Уйгурского каганата. Кстати, они полагают, что именно через уйгуров название «татары» — тюркское шивэй — попало в китайский язык. После падения власти уйгуров (середина IX в.) и переселения самих уйгуров на запад и на юг шивэй-татары, пользуясь тем, что киргизы не создали прочной политической власти в центре Азии, начали заселять «освободившееся место». Известно, что шивэй были атакованы киргизами в 847 г. и киданями между 885 и 887 гг. Если в тюркских текстах (надпись в честь Кюль-тегина) татары упоминаются

⁴ В Европе наименование «татары» одним из первых употребил монах Юлиан, посол венгерского короля Белы IV к команам (половцам) в 1235—1237 гг. Пытаясь осмыслить этот этноним, он в духе своего времени связал его с греческим Tartaros — «ад», «преисподняя». Слово «тартар» в значении «страна татар» употреблено и А. Майковым (см. эпитафия к данной главе).

впервые в 731 — 732 гг., то в китайских текстах — в годы, близкие к переселению, в 842 г.

Факт переселения монголов отражен прежде всего в собственных монгольских преданиях. «Предком Чингис-хана был Борте-Чино, родившийся по изволению Высшего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (Внутреннее море). Кочевали у истоков Онон-реки, на Бурхан-Халдуне, а потомком их был Бата-Чиган» [Сокровенное сказание, с. 79].

Позднейшие монгольские источники, подчиняясь буддийской историографической традиции, выводили предка Чингис-хана Борте-Чино из Тибета, из той страны, откуда к монголам пришла их новая буддийская вера.

Возможно, что первое движение монголов на запад началось примерно в середине VIII в.⁵ Новым мощным толчком к переселению могли стать войны с киданями. «Над монголами, — писал Рашид-ад-дин, — одержали верх другие племена и учинили такое избиение среди них, что в живых осталось не более двух мужчин и двух женщин. Эти две семьи в страхе перед врагом бежали в недоступную местность, кругом которой были лишь горы и леса и к которой ни с одной стороны не было дороги, кроме одной узкой и труднодоступной тропы, по которой можно было пройти туда с большим трудом и затруднением. Среди тех гор была обильная травой и здоровая [по климату] степь. Название этой местности Эргунэ-Кун. Значение слова кун — косогор, а эргунэ — крутой, иначе говоря, крутой хребет. А имена тех двух людей были Нукуз и Киян. Они и их потомки долгие годы оставались в этом месте и размножались» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1, с. 153].

Возможно, это было и до нападения киданей. Спасшиеся от врага монголы поселились в Эргунэ-Кун, местности у Большого Хингана и реки Аргуни. Монголы до поры до времени оставались слабыми — «слово же монгол звучало... мунгол, т. е. „бессильный“ и „простосердечный“». В Эргунэ-Кун монголы размножились и стали мастерами выплавки железа и кузнечного дела. По легенде, именно искусство плавки железа помогло им выбраться из горных теснин на простор нынешних монгольских степей, к голубому Керулену, золотому Онону. «И вот они нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавили железо. Собравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали из них кузнечные мехи. Затем заложили дрова и уголь у подножия того косогора и так оборудовали то место, что разом этими семьдесятю мехами стали раздувать [огонь под дровами и уг-

⁵ Рашид-ад-дин полагал, что к моменту рождения Чингис-хана (январь-февраль 1155 г.) его роду было «примерно около 400 лет» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 8]. Т. е. он начался примерно с середины VIII в. Причину же начала переселения монголов Рашид-ад-дин видел в «распре с другими... племенами».

нем] до тех пор, пока тот горный склон не расплавился. В результате оттуда было добыто безмерное количество железа и вместе с тем открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на простор степи» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 154].

Предок Чингис-хана Борте-Чино был как раз среди тех, кто вышел из теснин Эргунэ-Кун. Ясно, что гору, которую можно было расплавить, можно было и обойти. Оказывается так и поступили хунгираты и некоторые другие монгольские племена. И уже во времена Чингис-хана буквальное понимание смысла легенды — расплавление горы — ставилось под сомнение. «Группа монголов, живущая в настоящее время здесь и видевшая Эргунэ-Кун, — сообщает Рашид-ад-дин, — утверждает, что хотя это место для жизни тяжелое, но не до такой степени, как говорят, целью же расплавления ими горы было лишь открытие иного пути для своей славы» [там же]. В любом случае род Чингиса происходил от знаменитых металлургов.

Существовала многовековая традиция разработки этого сюжета, он встречается у сяньбийцев в IV—VI вв. Связь древнемонгольских и сяньбийских легенд прослеживается и в другом сказании, смысл которого состоит в том, что каждый прут легко переломить отдельно, а пучок прутьев переломить невозможно.

У предка Чингис-хана Добун-Мергана была супруга Алан-Гоа, «красивая, очень знатного рода... Войдя в дом Добун-Мергана, Алан-Гоа родила двух сыновей. То были Бугунотай и Бельгунотай. ...Долго ли, коротко ли, Добун-Мерган скончался». После смерти Добун-Мергана Алан-Гоа, будучи безмужней, родила трех сыновей. То были: Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончар-простака. Бельгунотай и Бугунотай, старшие сыновья, родившиеся еще от Добун-Мергана, стали втихомолку говорить про свою мать Алан-Гоа: «Вот наша мать родила трех сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовых братьев, родных или двоюродных, ни мужа⁶. Единственный мужчина в доме — это Маалих-Баяудец. От него-то, должно быть, эти три сына».

Алан-Гоа узнала об этих их тайных нересудах. И вот однажды весной сварила дожелта провяленного впрок барана, посадила рядом своих пятерых сыновей, Бельгунотая, Бугунотая, Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончара-простака и дала им всем по одной хворостинке, чтоб они их переломили. По одной все без труда переломили. Тогда она дала им штук по пять хворостинок, связанных вместе, и попросила переломить. Все пятеро и хватали сообща, и зажимали в кулаках, а сломать не смогли. Тогда мать их, Алан-Гоа, говорит: «Вы двое сыновей моих, Бельгунотай и Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: „Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?“ Подозрения-то ваши основательны. Но каждую ночь, бывало, через дымник

⁶ У древних монголов существовал обычай левирата, и брат мог, а то и был обязан взять себе в жены жену умершего брата.

юрты, в час, когда светило внутри [погасало], входит, бывало, ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходятся, процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что же болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то и выходит, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них, как о таких, которые под пару простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди».

И стала потом Алан-Гоа так наставлять своих сыновей: «Все вы пятеро родились из единого чрева моего и подобны вы давешним пяти хворостинкам. Если будете поступать и действовать каждый сам лишь за себя, то легко можете быть сломенны всяким, подобно тем пяти хворостинкам. Если же будете согласны и единодушны, как те связанные в пучок хворостинки, то как можете стать чьей-либо легкой добычей?» [Сокровенное сказание, с. 80—81]⁷.

Род Чингиса вел свое происхождение от младшего сына Алан-Гоа, Бодончара. Монголы делились на нирунов и борджигинов (дарлекинов). Потомки первых двух сыновей Алан-Гоа и Добун-Мергана считались нирунами («чистыми»), они были предками салджиутов и хатакинов. Потомки Бодончара, борджигины, отличались рыже(светло)волосостью и светлыми (голубыми, синими) глазами⁸.

Легенды о чудесном рождении не редкость, и не редкостью они были в том регионе. Мы знаем, что они существовали у ряда народов, например у родственных монголам киданей есть такая легенда.

Однажды ночью над тем местом, где спал Абаоцзи, основатель киданьской династии Ляо, «появился свет, что испугало и удивило всех окружающих». Когда жена Абаоцзи, Шулюй, рожала сына, будущего императора Тай-цзуна, «черное облако накрыло юрту, сверкал огонь и были слышны звуки, напоминавшие удары грома». «Как-то, когда Тай-цзун, сопровождая Тай-цзу, прибыл в Силю, над ним появились красный свет и багровые облака, что изумило всех окружающих» [Е Луи-Ли, с. 41, 54].

В «Тайной истории» были и легенды чудесно переплелись. Рассказ о чудесных предках монголов Волке и Оленях (маралу-

⁷ По Рашид-ад-дину, Алан-Гоа забеременела от луча света: «Через [дымовое] отверстие шатра проник луч света и погрузился в ее чрево. Она поразилась этому обстоятельству, и перепугалась, и никому не пошла рассказать об этом. Спустя некоторое время она поняла, что забеременела. Родичам, осудившим ее, она объяснила: «Да, я каждую ночь вижу во сне, что какой-то рыжеволосый и синего-кий человек медленно-медленно приближается ко мне и потихоньку возвращается назад. Я вижу [его собственными] глазами» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 14].

⁸ В 840 г. могущество Уйгурского каганата было сломлено киргизами. Среди киргизов попало немало светловолосых и светлоглазых. Не раз высказывалось предположение, что трех своих младших сыновей природительница Чингисхана Алан-Гоа родила от киргиза. В наши дни эту версию поддерживает П. Рачневский, который полагает Маалиха-Баяудца тюрком и истинным отцом предка Чингиса — Бодончара [Рачневский, с. 13].

хе). Борге-Чино и Гоа-Марал, связан с древнетюркскими легендами, широко использованными в наши дни Чингизом Айтматовым в его романах «Белый пароход» и «Плаха». Среди предков Чингис-хана есть циклоп Дува-Сохор, а Бодончар, младшенький Алан-Гоа. — это древнемонгольский Иванаушка-дурачок, который на деле оказывается самым умным и находит способ сделать свое племя могущественным, а своих братьев — родоначальниками монгольских племен. Здесь в монгольском предании мы сталкиваемся с весьма распространенным сюжетом об умном младшем брате, которого старшие братья считали глупым и после смерти матери (родителей) обделили наследством. «Долго ли, коротко ли, мать их Алан-Гоа скончалась. По смерти матери пятеро братьев стали делить между собою имущество. При этом вышло так, что четыре брата забрали себе все, а Бодончару совсем не дали его доли, считая его глупым и неотесанным и не признавая даже за родственника». Бедствовал Бодончар, покинув братьев, «питался и волчьими объедками», а потом надоумил братьев пленить «бесхозных» людей, и стали те люди «у них слугами-холопами при табунах и кухнях» [Сокровенное сказание, с. 81—82].

Сыновья Бодончара стали основателями многих монгольских племен. Эпоха Алан-Гоа, возможно, относится к концу X — началу XI в.⁹ Переселение имело два важных последствия: монголы вступили в прямую и более тесную, чем ранее, контакт с тюрками и в степной и лесостепной зоне полностью перешли к кочевому скотоводству¹⁰.

Основав государство Ляо, кидани поставили население Халхи под свой контроль. В 1004 г. было учреждено пограничное управление Сибэйлу чжаотаосы. Центром его был город, который по-китайски назывался Чжэньчжоу, по-тюркски Кудунь (Хатун). Он размещался к югу от нижнего течения реки Халхи. При династии чжурчженей Цзинь Сибэйлу чжаотаосы находились не на территории расселения татаро-монголов. Пограничные племена управлялись своими собственными предводителями: если таковые признавали верховенство Цзинь и пригоняли скот, то считалось, что они состоят на службе Цзинь и охраняют границы империи.

⁹ Рашид-ад-дин отмечал, что Алан-Гоа жила за 300 лет до того, как он писал свой труд [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 1, с. 103]. По данным «Алтан Тобчи» (XVIII в.), сын Алан-Гоа Бодончар, прямой предок Чингис-хана, родился в 970 г. [Монгольская летопись XVIII в., с. 138].

¹⁰ Л. Р. Кызласов указывает, что у монголов имеются свои термины только для обозначения собак, лошадей и свиней, т. е. как раз тех животных, которые были известны у шивей. Весь скотоводческий лексикон и названия для овец, быков, верблюдов, мулов монголы заимствовали у тюрков. В свою очередь, монголы принесли с собой из Маньчжурии тип оседлого жилища — квадратные, без фундаментов дома с каркасными стенами и П-образными камины для отопления. Очевидно, в X—XI вв. происходил процесс ассимиляции оставшегося в Халхе тюркского населения монголами. См.: Кызласов Л. Р. Ранние монголы. — Сибирь. Центральная и Восточная Азия в средние века. История и культура Востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975, с. 170—177.

Первое государство монголов

Каждый из нас неминуем,
Каждый из нас безграничен.
Каждый из нас обладает
Правом на эту землю.

Уитмен

К середине XII в. относится существование первого монгольского государства — Хамаг монгол улуса. Еще при династии киданей Ляо часть монгольской знати получила от киданей должности и титулы знатности, такие, как *липвэнь* или *сяовэнь* — военачальников пограничных войск. В целом татаро-монголы были лояльны к Ляо, династии, этнически родственной, хотя некоторые монгольские племена, например *джаджираты* и *меркиты*, вели с киданями изнурительные войны и к 1094 г. были сильно обескровлены. После гибели Ляо монголы поддерживали Елюй Даши, представителя утратившей свое государство династии, и выставили для него более чем десяти тысячную армию. Поддержка монголами Елюй Даши, который хотя и не смог вернуть власть дому Елюй, но представлял постоянную угрозу для *чжурчжэней*, привела к конфликту между монголами и *чжурчжэнями*.

С 1135 по 1147 г. монголы ведут войну с Цзинь. Поводом для войны послужила попытка *чжурчжэней* убить правителя монголов Хабул-хана. Рашид-ад-дин сообщает, что сам Хабул-хан и все его дети «были весьма храбры и талантливы». Желая наладить отношения с монголами, «проторить широкую дорогу единения и дружбы», император Цзинь пригласил Хабул-хана в свою ставку. Во время угощения Хабул-хан «возымел опасение и вообразил, что они ему подсыпают в пицу отраву ... Он поминутно выходил паружу... так как погода стояла жаркая... якобы для того, чтобы освежиться, и погружался в воду». Хабул-хан длительное время обучался находиться под водой. Если верить источнику, он мог держаться под водой «то количество времени, в которое съедают штуку барана». И вот Хабул-хан постоянно выбегал на волю, окунался, сблеивал все съеденное и вышитое и снова возвращался к столу. *Чжурчжэни* дивились: «Всевышний господь создал его счастливым и крепким, ибо он в состоянии не объедаться пищей, не пьянеть от вина и не блевать». Однако, видно, как ни старался Хабул-хан не пьянеть, вино сделало свое дело. Ибо кончилось все-таки тем, что Хабул-хан подошел к императору Цзинь, «Алтан-хану, хлопая в ладоши

и принявшая, схватил его за бороду и оскорбил его». Когда стража схватила Хабул-хана, хмель прошел, Хабул-хан принес свои извинения императору и ждал неминуемой расправы. Однако император Цзинь считал возможным из-за такого «пустяка» не ссориться с монголами и, «подавив гнев, простил его». Одарив щедро Хабул-хана, он отпустил его [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 35].

Однако позже к Хабул-хану прибыли одно за другим два посольства Цзинь, требуя приезда Хабул-хана ко двору Цзинь. Хабул-хан перебил членов второго посольства, что и привело помимо прочих причин к войне монголов с Цзинь. Война была успешной для монголов. В 1147 г. между Цзинь и монголами был заключен мир. Цзиньские власти уступили монголам 17 укрепленных к северу от реки Сунхэ, которая стала пограничной.

К этому времени относится сообщение китайязычного историка о том, что монгольский хан Аоло бонзиле (Олунь бэйле) был признан чжурчжэнями государем государства Мэнфу (Мэнфу го чжу). Однако Аоло, как это нередко бывало, в пределах своих владений не довольствовался титулом государя, а принял императорский титул цзюань хуанди, т. е. император — основатель династии. Он объявил свой девиз царствования — Тянь-син, т. е. «Расцвет, дарованный Небом». На предложение цзиньского двора довольствоваться титулом го ван Аоло ответил отказом. Большинство исследователей отождествляют Аоло бонзиле с Хабул-ханом [Комаи Ёсиаки, с. 336 — 338]¹.

В «Тайной истории» о Хабул-хане сказано: «Всеми монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана... стал веждать Амбагай-хаган». Амбагай-хаган имел титул «всенародного кагана и государя улуса» [Сокровенное сказание, с. 84]. Монгольское улус-ун эджен — «государь улуса» если и не соответствовало китайскому хуанди — «император», то уж наверняка могло иметь своим абсолютным эквивалентом титул го чжу — «государь государства». Рашид-ад-дин именует Хабул-хана «монгольским ханом», «государем и правителем своих племен и подчиненных» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 35]. Заметим и следующее: древние монгольские правители носили сяньбийско-жуаньжуаньско-тюркский титул каган (хаган); титул хан, равнозначный титулу каган, появился позже.

Хабул-хан был сыном Хайду. У Хайду был второй сын — Бай-Шинкор Докшин. Липия Бай-Шинкор Докшина является липией Чингис-хана. От Бай-Шинкор Докшина вели свое происхождение кияты, в среде которых родился Чингис-хан. Был у Хайду и третий сын — Чаракай-линку, от Чаракай-линку происходили гайиуты. Поскольку, как писал Л. Гамбис, «реальным основателем первого монгольского царства» — Хамаг монгол улуса был Хабул-хан, то предки Чингиса принадлежали хотя

¹ Г. Франке была высказана мысль, что Аоло бонзиле — это Есугай [Франке, с. 92]. Вряд ли это возможно, поскольку Есугай был только баатуром и никогда при жизни не имел ханского титула.

и непосредственно к хапской, но боковой линии [Гамбис, с. 14]. «История Монгольской Народной Республики» признает Хамаг монгол улус «государственным объединением первоначального типа» [ИМНР, с. 130].

С установлением мирных отношений с Цзинь, по некоторым данным, Хамаг монгол улус поставлял в государство чжурчжэней ежегодно 50 тыс. голов скота. Чжурчжэни отправляли монголам 50 тыс. доу зерновых и 300 тыс. кусков тонкого и 300 тыс. кусков грубого шелка.

Хамаг монгол улус просуществовал недолго и распался около 1160 г. Причиной распада явились вражда и война с татарами, искусно подогреваемые чжурчжэнями. Поводом к войне послужило следующее. Глава хунгиратов Сайн-Тегин, шурин Хабул-хана, заболел. Для лечения больного пригласили татарина-шамана. Лечение оказалось безуспешным, и Сайн-Тегин умер. Тогда родичи Сайн-Тегина убили шамана. В ходе боевых действий татары взяли в плен старшего сына Хабул-хана, Окин-баркака, передали его императору Цзинь, и тот казнил Окин-баркака на «деревянном осле». Речь, очевидно, идет о «линьчи» — жестокой казни, которая появилась в Северном Китае во времена киданьской династии Ляо и заключалась в том, что привязанного к столбу (в данном случае к «деревянному ослу») казнимого палач длительное время, иногда несколько дней, резал на куски, постепенно отрезая мягкие части тела и конечности по суставам.

Родословная Темучжина — Чингис-хана может быть представлена таким образом:

Алан-Гоа и се чудесный, божественный супруг
Бодончар-простак
Хайду (правнук Бодончара)
Бай-Шинкор Докшин
Тумбиней-сечен (прапрадед Чингис-хана)
Хабул-хан (прадед Чингис-хана)
Барган-баатур (дед Чингис-хана)
Есугай-баатур (отец Чингис-хана)

О деде Чингис-хана, Барган-баатуре, неизвестно ничего примечательного, кроме того, что он был дедом будущего завоевателя мира.

В Хамаг монгол улусе после смерти Хабул-хана власть перешла не к его сыновьям, а к Амбагай-хагану, внуку Хайду и двоюродному брату прапрадеда Темучжина — Тумбиней-сечена. «После Хабул-хагана, имевшего семерых сыновей, всеми монголами стал ведать, по слову Хабул-хагана, сын Сенгун-Бильгея, Амбагай-хаган, хотя Хабул-хаган имел собственных семь сыновей» [Сокровенное сказание, с. 84]. Рашид-ад-дин, однако, сообщает, что Амбагай-хаган был лишь «государем племени тайджитов» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 42]. «Тайная история», однако, полагает, что Амбагай-хаган был «всенародным каганом и государем улуса». Амбагай-хаган если и правил Хамаг монгол улусом, то правил недолго. «Однажды Амбагай-хаган лично отправился провожать свою дочь, которую он выдавал в замужест-

во к татарам из племени айриуд-буйрууд, что на реке Уршиун между озерами Буюр-наур и Колен-наур. В это время Амбагай-хагана и схватили татары чжунинского племени и повезли к Алтан-хагану Китадскому. Тогда Амбагай через посланника своего Балагачи, человека из бесудского рода, велел передать среднему из семи сыновей Хабул-хагана, Хутуле, с тем чтобы он, в свою очередь, передал следующее Хадаан-тайчжию... из всех десяти-рых сыновей: „Отомстите за меня, который самолично провожал свою дочь как всенародный каган и государь народа. Мстите и неустанно воздавайте за меня не только до той поры, что с пяти пальцев ногти потеряете, но и пока всех десяти пальцев не станет“» [Сокровенное сказание, с. 84].

Версия Рашид-ад-дина расходится с версией «Тайной истории». По его сведениям, Амбагай-хаган «поехал, чтобы выбрать себе в жены одну из девушек». Татары пленили Амбагай-хагана и отправили к императору Цзинь, который «согласно имевшемуся у хитаев обычаю приказал «пригвоздить его к „деревянному ослу“», и тот умер. Перед смертью Амбагай-хаган велел передать императору Цзинь, что тот, убивая его, навлечет на себя ненависть «племени и улуса монгольских». «Нет сомнения, что они подымутся для отплаты и мщения тебе за мою кровь, а потому убивать меня неблагоприятно!» Весть о страшной смерти Амбагай-хагана принес монголам Балагачи, посланный для этого самим императором Цзинь. «Прибыв, он подробно рассказал о Хамбагай-каане и обстоятельствах его умерщвления его сыну Кадан-тайши, сыну последнего Тудая, Кутула-каану, который был государем того племени, и Есугай-бахадuru, который был двоюродным братом отца Хамбагай-каана» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 42 и 43].

Еще раз обращаем внимание читателя на то, что Рашид-ад-дин не сообщает о том, что Амбагай-хаган был государем всех монголов, он называет его только правителем тайчиутов. Остальными монголами из бывшего Хамаг монгол улуса, видимо, правил Хутула. Кажется все-таки, что после смерти Хабул-хагана Хамаг монгол улус разделился, возможно, на два владения. Но Рашид-ад-дин противоречит себе, ибо далее пишет, что Хутула был «возведен в ханское достоинство» уже после гибели Амбагай-хагана на курултае, который обсуждал способы мести за погибшего хагана [там же, с. 93].

Хутула-хаган отличался необыкновенной физической силой, «голос его был подобен голосу, достигающему до небосвода, а длань его подобна лапе трехгодовалого медведя». Хутула возглавил поход мести на Цзинь. Одержав победу и возвращаясь домой, он подвергся нападению и спасся только благодаря своей силе и ловкости — во время переправы он сумел со спины коня прыгнуть на берег озера, заполненного грязью, а потом вытащить коня из грязи, ухватив его за холку. Он выбросил коня «на равнину, и тотчас сел верхом, и ускакал, враг же остался по ту сторону лужи» [там же, с. 44]. Участвовал ли в этом походе на Цзинь отец Темучжина, Есугай-баатур, неясно.

Отец Темучжина

В нем одном
Мощь тысячи силачей.
Лоб тигриный, сердце камень у него.

Манас

Слово «Есугай» по-монгольски значит «девять». Может быть, Есугай был девятым ребенком Бартан-баатура, но сыном его он был третьим. «Третий сын был Есугэй-бахадур, который является отцом Чингиз-хапа. Племя кият-бурджигин происходит из его потомства. Значение „бурджигин“ — „синеокий“, и, как это ни странно, те потомки, которые до настоящего времени произошли от Есугэй-бахадур, его детей и уруга его, по большей части синеоки и рыжи... Согласно их [монголов] словам, этот отличительный признак является знаком царской власти» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 48].

Хотя Рашид-ад-дин указывает, что Есугай-баатур был «государем большинства монгольских племен», это, очевидно, преувеличение. Он имел улус, был храбрым воином, «был причастен к отваге и храбрости», «много воевал и сражался» [там же, с. 50], в особенности с татарами. В улусе Есугая после гибели Амбагай-хагана была значительная часть тайчиутов, если не все тайчиуты. Есугай не был ханом, в «Тайной истории» он назван ханом только один раз [Сокровенное сказание, с. 95]. В 1266 г. император династии Юань Хубилай посмертно дал Есугаю титул *Ле цзу цзэнь юань хуанди* — «Прославленный предок, божественный император». Есугай был аньдой — поворотником правителя керейтов и, вероятно, его вассалом.

У Есугая было много жен, первой и старшей среди них была мать Темучжина — Оэлун. Как указывал Л. Гамбис, за то, что Есугай отобрал у Чиледу Оэлун, Темучжина всю его юность преследовала месть меркитов. И это длилось до тех пор, пока Темучжин сам не истребил всю меркитскую правящую фамилию, к которой принадлежал обиженный его отцом Чиледу [Гамбис, с. 21]. Хвачин, которую Исай Калашников в своем романе превратил в служанку и полощанку из Китая, по заключению П. Рачневского, скорее была второй женой Есугая и матерью Бектера и Бельгута, а не служанкой Темучжина [Рачневский, с. 15].

Темучжин родился в тот момент, когда его отец возвратился из очередного похода на тагар. «Когда Хутула стал хаганом,

Памятник Чингис-хану
вблизи предполагаемого его места рождения (МНР)

Хадаан-тайчжи пошел на обонх татар. Тринадцать раз он бился у обоих, у Котон-Бараха и у Чжили-Буха, но не мог все же за Амбагай-хагана отмищением отомстить, воздаянием воздать. Тогда-то Есугай-Баатур воротился домой, захватив в плен татарских Темучжина-Уге, Хри-Буха и других. Тогда-то ходила напоследях беременности Олун-Фучжин, и именно тогда родился Чингис-хаган в урочище Делиун-балдах, на Ононе. А как пришло родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови, величиною с альчик. Соображаясь с тем, что рождение его совпало с приводом татарского Темучжина-Уге, его и нарекли поэтому Темучжином» [Сокровенное сказание, с. 85 — 86]. Раз мальчик родился, держа в руке сгусток крови, Есугай решил, что это знак его высокого предназначения как воина, его будущая судьба — судьба завоевателя, и поэтому назвал его именем плешого врага. Некоторые ученые предполагают, что имя Темучжина в переводе с древнемонгольского означало «кузнец».

Мальчик, родившийся со сгустком крови в руке, — фольклорный сюжет, известный в буддийской Индии и в Иране; такое рождение предвещало появление безжалостного завоевателя. Местность Делюн-болдак, где родился Чингис-хан, строго не локализуется. Полагают, что это современный Делюн-булдак на правом берегу реки Онон, примерно в 250 км от Нерчинска, вблизи от устья реки Бальджи. П. Пельо и Л. Гамбис считали, что это холм («делюн-болдак» — букв. «холм, похожий на селезенку»),

Древнемонгольские кузнецы

который находился на берегу Онона по соседству с местностью Ехе-арал — «Большой остров» [Пельо — Тамбис, с. 11]. Находилась ли эта местность на территории современной Читинской области или в районе Бурхан-Халдуна, где прошли детские годы и юность Темучжина, а значит, намного южнее, в современном Хэнте, у гор, являющихся истоком Онона, Толы и Керулена, определенно сказать трудно.

Столь же трудно назвать точную дату рождения Темучжина — Чингис-хана. По Рашид-ад-дину и сочинению Чжао Хуна «Мэн-да бэй лу», Темучжин родился в 1155 г.; «Юань ши» указывает в качестве даты рождения Темучжина 1162 г. Эта же дата дается в «Шэн у цинь чжэн лу». Ряд иных китайских источников косвенно указывают на 1167 г. Последнюю дату принял Поль Пельо, считая, что она лучше всего согласуется с биографией Чингиса.

Между тем автору этих строк представляется, что, учитывая долгий и трудный путь Темучжина к объединению Монголии и к престолу всемонгольского хана, наиболее вероятной датой его рождения является 1155 год. Кэ Шаоминь, автор позднего сочинения «Синь Юань ши» («Новая история династии Юань»), писал: «Тай-цзу родился, держа в правой руке зацепленную кровь, похожую на крепкий камень. Лицо светилось. Этот год был и-хай, 3-й год Чжэнь-юань цзиньского владетеля Ляна», т. е. 1155 г. (цит. по [Полное описание, с. 117]). «1155-й год», — писал Н. Ц. Мункуев, — по-видимому, является вероятной датой рождения монгольского хана. При этом надо учесть, что Чжао Хун побы-

вал у монголов, от которых он черпал свои сведения еще при жизни Чингис-хана, в 1221 г., когда войны последнего, очевидно, были осведомлены о своем предводителе, в частности, о его возрасте» [Полное описание, с. 117].

Известна точная дата смерти Чингис-хана — 18 августа 1227 г. Разные источники по-разному указывают, сколько Чингис-хану было лет, когда он умер. «Юань ши», «Шэн у цинь чжэн лу», «Алтан Тобчи», все поздние монгольские источники, исходя из того, что Чингис-хан, по данным «Юань ши», скончался в возрасте 66 (65) лет (монголы, как и китайцы в старое время, считали возраст не с момента рождения, а с момента зачатия), считают годом рождения Чингис-хана 1162 г.

Рашид-ад-дин, зная, что «для всех монгольских царевичей, эмиров и вельмож... ведомо и достигло границы всеобщей гласности, что продолжительность его жизни была 72 года, а на 73-м году жизни он скончался» (т. 1, кн. 2, с. 74), вычислил дату рождения Чингис-хана и получился 1155 г. П. Пельо поставил под сомнение обе даты. Его смущало, что Темучжин стал отцом в 30 лет (Угэдэй родился в 1186 г., Чагатай — в 1185-м, дата рождения Чжочи сомнительна), подчинил народы Центральной Азии в 50 лет и лишь в 60 лет совершил походы в соседние страны, а в 72 года — поход на тангутов. Поэтому он «омолодил» Темучжина и признал датой его рождения тот же год 12-летнего животного цикла, только на 12 лет позже 1155 г. — 1167 г. [Пельо. Заметки, с. 285 — 287]. Этот вопрос остается открытым, как и вся датировка событий жизни Чингис-хана до начала XIII в.

Добавим, что, по мнению П. Рачневского, сам Чингис не знал точной даты своего рождения [Рачневский, с. 17].

По поздним версиям монгольских источников, уже подверженных влиянию буддизма, Темучжин родился, держа в руке не сгусток крови, а государственную печать. Чингис-Темучжин как кузнец живет в памяти народной. Еще в прошлом веке монголы считали, что наковальня Чингиса, сделанная из металла бурын, имеющего свойства меди и железа, хранится на горе Дархан. Выше села Новоселенгинска, на левом берегу реки Чикой, есть безлесая гора с плоской вершиной; говорят, что это наковальня Чингис-хана, здесь богатырь-кузнец ковал железо, стоя одной ногой на правом, а другой — на левом берегу реки.

Мы уже говорили о том, что Есугай-баатур был главой улуса, который объединял часть монгольских племен, в том числе тайчиутов. Жизнь его проходила в боях и походах, и «из страха перед его отвагой и натиском большинство друзей и врагов покорились ему ради спасения своей жизни, поэтому положение и дела его были в полном порядке и блестящем состоянии» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 75]. Действительно, можно думать, что за широкой спиной отца детство Темучжина было обеспеченным и безоблачным. Когда Темучжину исполнилось девять лет, Есугай по старинному монгольскому обычаю решил сосватать ему невесту из того же олхонутского племени, из которого была

и мать Темучжина, Озлун. Взяв с собой мальчика, он отправился в путь. В дороге повстречался им Дай-сечен из племени унгират.

Куда держишь путь, сват Есугай?

Я еду, — говорит Есугай-баатур, — сватать невесту вог этому моему сыну.

Дай-сечен посмотрел на Темучжина:

— У твоего сына взгляд, что огонь, а лицо, что заря. Снился мне, сват Есугай, этой ночью сон, будто слетел ко мне на руку белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну. Что-то он предвещает? — подумал я, как вижу, подъезжаешь ты, сват Есугай, ты со своим сыном. Унгиратское племя с давних пор славится, нет в том соперников нам, красотою наших внуков и пригожестью дочерей. Зайди ко мне, сват Есугай. Девочка моя малютка, да свату надо посмотреть!

Взглянул Есугай на Борте, десятилетнюю дочь Дай-сечена, а лицо у нее — заря, очи — огонь. Переночевали гости ночь, а на утро началось сватовство. Столько, сколько требовало того приличия, торговался Дай-сечен, заманивший знатного жениха, желавший породниться с Есугаем. Поторговался и сказал:

То не женская доля — состариться у родительского порога. Дочку свою согласен отдать. Оставляй своего сынка в зятях-женихах.

На том и поладили. Подарил Есугай Дай-сечену своего заводного коня, попросил его присмотреть за сыном:

— Страсть боится собак мой мальчик. Ты уж, сват, побереги мальчика от собак!

С тем и уехал Есугай, оставив девятилетнего Темучжина у его десятилетней невесты по старинному монгольскому обычаю в зятях у Дай-сечена из племени унгират (по «Сокровенному сказанию», с. 86 — 87).

На обратном пути повстречались Есугаю ирирующие татары. Томимый жаждой, думая, что никто из этих татар не знает его в лицо, решил Есугай задержаться на их празднике, немного передохнуть. Но кто-то из татар опознал Есугая. Не рискуя в открытую убить его, татары подмешали Есугаю в питье отраву. Уже в пути почувствовал Есугай неладное, а добравшись через трое суток домой, заболел и слег. Перед смертью он позвал своего приближенного, Муслика:

Дитя мое, Муслик! Ведь у меня — малые ребята. Извели меня тайно татары. Дурно мне. Прими же на свое попечение всех моих: и малюток, и осиротевших младших братьев, и вдову, и невестку. Дитя мое, Муслик! Привези поскорее моего Темучжина! (по «Сокровенному сказанию», с. 87).

С этими словами он скончался. Если Чингис-хан родился в 1155 г., то Есугай покинул этот мир в 1163, если принять за дату рождения Чингис-хана 1162 г., то в 1170 г., а если 1167, то в 1175 г., учитывая, что указание источника на то, что Темучжину было девять лет, означает, по нашему счету, что фактически ему было восемь. По расчетам Рашид-ад-дина, смерть Есугая при-

шла на то время, когда Темучжину было 13 (по нашему — 12 лет). Тогда соответственно и все даты должны быть сдвинуты на три года — 1166, 1174, 1178 гг.

Мунлик был верным соратником Есугая и выполнил его наказ. Боясь за Темучжину, он не сразу объявил о смерти Есугая. А Дай-сечену сказал:

Старший брат Есугай-баатур очень болеет душой и тоскует по Темучжину. Я приехал за ним.

Раз сват так горюет о своем мальчике, пусть Темучжин съездит, повидается с отцом, да и скорехонько назад.

Так и привез Мунлик Темучжину обратно, в опустевшую отцовскую юрту, в тот трудный час, когда люди Есугай-баатура покидали его семью, уходя каждый своим путем.

Итак, казалось, все предвещало Темучжину великое будущее. Родившись «он держал в ладони правой руки небольшой сгусток запекшейся крови, похожий на кусок сохнейшей печени. На скрижали его чела были явными знаки завоевания вселенной и миродержавия; а от его лица исходили лучи счастливой судьбы и могущества» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 75]. Но... минуло восемь — двенадцать лет, и, как посчитал Рашид-ад-дин, последующие двадцать семь лет своей жизни будущий завоеватель мира «находился в расстроенном состоянии», «у него случались сражения и битвы», враги «его несколько раз полоняли и заключали в оковы», и вообще наступило смутное время, когда обстоятельства его жизни «неизвестны в подробностях и погодно», и потому, заключает великий историк, «они пишутся сокращенно» [там же, с. 84].

Прежде чем перейти к этому смутному времени, мы расскажем о составе монгольских и соседних с ними племен, их расселении во второй половине XII в. и об обычаях древних монголов.

«Народ неизвестный и чужой»

Итак, когда мы вступили в среду этих варваров, мне, как я выше сказал, показалось, что я вступаю в другой мир.

Г. Рубрук

За рекой Керулен расселение монгольских племен происходило в разных направлениях. Тут нам на помощь снова приходит Рашид-ад-дин со своим поистине бессмертным трудом. Хамаг монголы, род Чингиса и его многочисленные сородичи жили в долинах Онона, Керулена и Толы. Урянхаты¹, претендовавшие на участие в расплавлении горы, заселили северо-восточные области Монголии и Забайкалье. Впоследствии они составили тысячу, охранявшую прах Чингис-хана в Бурхан-Халдуне. Из урянхатов был прославленный полководец Субетай-баатур [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 156—160].

Кунгираты, первыми покинувшие Эргунэ-Кун², были брачными партнерами рода Чингиса. Они имели свою легенду о происхождении, предки их, «трое сыновей, появились на свет из золотого сосуда», а «большинство их и их детей брали девушек из рода Чингис-хана, а в его род давали своих». Из кунгиратов была мать Чингиса, Оэлун, первая жена Чингиса, Борте, также была из кунгирагского племени [там же, с. 160—166]. Жили кунгираты в Восточной Монголии, на границах с киданьским государством. Комаи Ёсиаки предпологал, что в X в. кунгираты упомянуты в китайских источниках как юйцюэлюй: «На западе — тюрки и уйгуры. На северо-западе доходят до юйцюэлюй. Это люди высокого роста, с косматыми головами. Старейшины, если волосы у них сильно разрастутся, укладывают их в фиолетовые мешочки. Земля там грудная и холодная, в реках водится крупная рыба, которую очень любят есть кидане. Еще много черных, белых, желтых собольих шкур, их хватает на то, чтобы удовлетворить потребности всех государств севера. Это люди очень отважные, и соседние государства не осмеливаются нападать на них» [Комаи Ёсиаки, с. 359].

¹ В данном случае имеются в виду монголы-урянхаты, а не позднейшие урянхаты, предки тувинцев. Такое смешение допущено В. Чивилихиным, который, узнав, что Субетай-баатур — урянхат, решил, что тот был не монголом, а тувинцем.

² Любопытно, что сделали они это без всякого расплавления горы. Правда, по легенде, уходя, они осквернили очаги соплеменников и поэтому расплачивались за святотатство какой-то наследственной болезнью ног.

Из племени урют происходили сподвижники Есугая и самого Чингиса во главе с известным нам Мунликом. Сын Мунлика, Кокочу, знаменитый шаман Тэб-Тэнгри, внушал Чингису идеи мирового господства и дал ему его титул. «Он всегда приходил к Чингиз-хану и говорил: „Бог повелел, чтобы ты был государем мира!“ И чингизханово прозвание ему дал он, сказав при этом: „Повелением бога имя твое таково должно быть“» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1, с. 166—167].

По реке Селенге и притоку ее, реке Джиде, в пределах Забайкалья жили баяуты, а по реке Онону — тайчууты, чингисова родня, очевидно, одно из сильнейших монгольских племен. По берегам Керулена жили джалаиры числом до 70 тыс. кибиток. «Часть их становищ была в местности Онон». Здесь они в свое время потерпели сильнейшее поражение не то от киданей, не то от чжурчжэней. «в древние времена хитайские войска устроили такую бойню этой части джалаиров, что лишь немногие могли убежать» [там же, с. 92]. «Хитай перебили все те столь многочисленные племена джалаиров вплоть до детей ростом с плетъ, а их скарб и скот разграбили» [там же, кн. 2, с. 18—19]. Вспомним этот факт, когда станем говорить о жестокостях Чингиса. Джалаиры упоминаются в «Истории династии Ляо» («Ляо ши») как «цзубу-чжала бу» — «племя чжала среди цзубу». По оценке авторов «Юань чао ши», они жили к югу от Онона, до среднего и верхнего течения Керулена. Эти же авторы считают, что жестокий набег на джалаиров кидани совершили где-то между 983 — 1012 гг. [Юань чао ши, т. I, с. 21].

Специалисты полагают, что «истинные татары были монголоязычны». Татары впервые упоминаются в тюркоязычных надписях в 731—732 гг.; в китайских источниках — с 842 г. Именно татары, прежде всего в эпоху Ляо и Цзинь, именовались цзубу; как предполагает Ту Цзи, это название происходит от монгольского слова «джэбэ», означавшего вид стрел. Основным местом обитания татар были области у озер Буир-Нор и Кёлён-Нор, между Керуленом и Центральным Хинганом. Земли их были богаты серебром. Это была пограничная юго-восточная зона расселения монголоязычных племен на рубежах Ляо и Цзинь. «Их же основное обитание [юрт] есть местность, называемая Буир-наур» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1, с. 101]. «Татары были сильны и дерзки, если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих... не были бы в состоянии противостоять им». В среде татаро-монгольских племен татары «с глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части [монгольских] племен и областей, выдаваясь своим величием и могуществом и полным почетом [от других]» [там же, с. 102].

Именно этноним «татары» стал общим наименованием татаро-монгольских племен. «Из-за их чрезвычайного величия и почетного положения,— писал Рашид-ад-дин, другие тюркские

роды³ при всем различии их разрядов и названий стали известны под их именем, и все назывались татарами. И те различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним и стали известны под их именем, вроде того как в настоящее время, вследствие благодетельствия Чингиз-хана и его рода, поскольку они суть монголы — разные тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, онгутам, керейтам, найманам, тапгутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, — все они из-за самовосхваления называют себя тоже монголами, несмотря на то что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются [этим именем], — а это не так, ибо в древности монголы были лишь одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен [там же, с. 102 — 103]. Имя «татары» осталось позднее только за тюркскими племенами «вследствие силы и могущества татар... по этой причине еще [и поныне]... в стране киргизов, келаров и башкыр в Дешт-и-Кипчаке, в северных от него районах... все тюркские племена называются татарами [там же, с. 103].

Сильным монгольским племенем были меркиты, «часть монгольского племени», «племня... многочисленное», которое имело «чрезвычайно воинственное и сильное войско» [там же, с. 114]. Меркиты в форме мэйлицизи не раз упоминаются в «Ляо ши». В 1093 — 1096 гг. киданьский полководец Вотэля ходил в поход на меркитов и разгромил их. Весной 1094 г. меркитский правитель Хулуба просил вернуть ему старые, отнятые у него киданями земли и преподнес дары. Меркиты подверглись нашествию киданей также в 1102 г. [Комаи Ёсиаки, с. 354]. Меркиты жили в нижнем течении рек Орхона и Селенги, а также у Бурхан-Халдуна. Авторы «Юань чао ши» считают меркитов одними из ранних пришельцев и полагают, что этот народ был «с примесью уйгуров» [Юань чао ши, т. I, с. 22]. П. Рачневский считает, что часть меркитов после гибели Ляо ушла с Елюй Даши на запад, ибо они были в числе восемнадцати племен, оказавших помощь этому борцу за восстановление власти киданьской династии [Рачневский, с. 5].

Самым сильным, по мнению авторов «Юань чао ши», среди монгольских племен XI — XII вв. были керейты, проживавшие к югу от реки Керулен на востоке до Хангайских гор на западе, вдоль нижнего течения рек Толы и Орхона на севере и до пустыни Гоби на юге. Летние стоянки керейтского хана Тоорила были в Далаи-Даба у истоков Орхона и у озера Гусе-Нур, к югу от реки Толы; зимние — по реке Онгин-Гол, в районе г. Арбай-Хэрэ (МНР). Рашид-ад-дин пишет, что керейты представляли собой

³ Хорошо известно, что Рашид-ад-дин все татаро-монгольские племена считал «племенами тюркскими, которые в настоящее время называются монголами».

«род монголов». Керейты первыми из шивэй раньше всех ушли на запад. Они несколько столетий жили по соседству и смешанно с тюрками, поэтому подверглись сильному тюркскому влиянию. Под 1092 и 1100 гг. в «Ляо ши» упоминается восставший против киданей правитель керейтов Могусы (Маркус).

Улус керейтов имел развитый государственный аппарат, керейты приняли христианство несторианского толка. П. Рачневский считает, что керейты особенно усилились после распада монгольского Хамаг монгол улуса во второй половине XII в. Он полагает, что изначально керейты были не монголами, а тюрками (племя кирей в среде киргизов и казахов). До изгнания с Иртыша и Алтая они жили среди найманов и киргизов. Керейты отступили на восток под натиском найманов и, вступив в контакт с монголами, быстро монголизировались. Керейты были в давней вражде с найманами и татарами, часть монголов также входила в состав их улуса [Рачневский, с. 3]. Л. Гамбис подчеркивал, что вражду татар против керейтов постоянно подогревали чжурчжэни [Гамбис, с. 11—12].

Западные области Монголии заселяли найманы. Рашид-ад-дин, [т. I, кн. I, с. 137] об этнической принадлежности найманов высказывается очень осторожно: «их обычаи и привычки были подобны монгольским». Найманы были известны в государствах Ляо и Цзинь под именами няньбаг и няньбасы. При династии Цзинь они подчинялись государству кара-китаев Западного Ляо. Центром расселения найманов являлся Алтай. На западе их кочевья располагались до Иртыша, Аля и верховьев Оби, на севере найманы граничили с киргизами⁴, на востоке соседями найманов были керейты, на юге их границы простирались до Черного Иртыша. Авторы «Юань чао ши», развивая точку зрения Хань Жулия, полагают, что найманы, возможно, «часть киргизов, переселившихся на юг после династии Тан» [Юань чао ши, т. I, с. 33]. П. Рачневский, также считая найманов тюрками, высказывается в пользу того, что «найман» — это монгольское наименование тюрков («сэкиз огуз», «восемь огузов»). На Алтае они поселились после разгрома Уйгурского каганата киргизами в 840 г. Найманы потеснили киргизов на Енисее и вытеснили керейтов с Иртыша и Алтая на восток [Рачневский, с. 2]. Найманы испытали сильное культурное влияние уйгуров. Они, как полагают специалисты, имели самую развитую государственность среди прочих насельников Алтая и Халхи. Правитель найманов Тукуса упоминается в «Ляо ши» под 1097 г.

Современный монгольский ученый Чулууны Далай относит найманов «к кочевникам ойрат-монголам». Он пишет: «К концу XII в. найманы, обитавшие по соседству с уйгурами и другими тюрками и находившиеся под влиянием их культуры, по-видимому, уже давно пользовались уйгуро-монгольским алфавитом.

⁴ Китайский историк Хань Жулинь считал найманов вообще частью киргизских племен.

Однако, на наш взгляд, пока еще нет оснований соглашаться с выводами тех исследователей, которые считают, что найманы «были уйгуро-тюркского происхождения» или «были монгольским племенем, говорящим на тюркском языке», и что алфавит, которым они пользовались, был «чисто уйгурской письменностью» [Чулууны Далай, с. 151]. Найманы так же, как и керейты, были христианами-несторианцами.

В Восьмиречье (Секизмурэн) жили ойраты, «ой-арат», «люди лесов». В эпоху юности и возмужания Чингиса они жили между Ангарой и Енисеем. Авторы «Юань чао ши» считают, что четыре главных ойратских племени еще с глубокой древности жили в верхнем течении реки Енисей, в верховьях современной реки Улуг-Кэм. Любопытно, что если в юаньскую эпоху древние киргизы (сягасы) именуются цили-цзисы, то местность, в которой проживали ойраты, именовалась Шисы-цзисы [Юань чао ши, т. I, с. 24].

Эти самые общие сведения о народах Халхи и Алтая в годы, предшествовавшие объединению Монголии, хотелось бы завершить цитатой из «Юань чао ши»: «Таким образом, на Монгольском плато с X по XIII в. на восток от хребта Хангай до Большого Хингана образовалась территория, заселенная монголоязычными племенами. Однако переселившиеся на запад монголоязычные племена, несомненно, в той или иной степени включили в свой состав оставшиеся на данной территории тюркоязычные племена, что сильно повлияло на собственно монгольский язык, обычаи, хозяйство и произвело у монголов большие изменения» [Юань чао ши, т. I, с. 32].

Такие выводы получили признание в науке в последние пятнадцать-двадцать лет.

* * *

Описание монголов в эпоху Ляо мы находим в источнике 1180 г. «Цидань гочжи» Е Лун-ли. «Прямо на севере земли киданей доходят до владения Мангули. В этом владении нет правителя, который бы управлял народом. Население не занимается земледелием, основным занятием является охота. Люди не живут постоянно на одном месте, а кочуют в каждый из четырех сезонов года в поисках хорошей травы и воды. Пищей служат только мясо и кумыс. С киданями не воюют, а лишь торгуют с ними изделиями из шкур и шерсти крупного рогатого скота, овец, верблюдов и лошадей» [Е Лун-ли, с. 305]. Быстрое развитие и успехи монголов в XII в. китайские авторы не прочь были приписать себе. В данном случае характерен следующий текст: «С годов правления Тянь-цзюань (1138 — 1140) монголы начали возмущаться. Главнокомандующий войсками Цзун Би несколько раз подряд высылал против них войска, но эти войска не смогли их покорить. Тогда он разделил войска, которые заняли и стали удерживать стратегически наиболее важные пункты. С другой

стороны, им были даны щедрые подкуны. Их государства государь также назвался цзуюань хуанди — император — основоположник династии». Иногда они устраивали на границах беспорядки. И если им дарили юншей и девушек, яниму и парчу, то враги, вспомнив о своих домашних делах, возвращали войска обратно. Монгол назвался императором. И поскольку они нападали на государство Цзинь, они захватывали китайских и киданьских детей и женщин и делали этих [женщин] своими женами и паложницами. С этих пор родившиеся [от таких браков и связей] дети уже совершенно не походили на монголов. Итак, [монголы] постепенно стали есть вареную пищу, а когда прибывали ко двору, то именовали свое государство Да Мэнгу го — Государство Великих Монголов (цит. по [Коман Ёсиаки, с. 331]). В данном случае в достаточно раннем изложении мы сталкиваемся с китайской идеей о роли смешанных браков в ассимиляции иноплеменников.

Сведения о жизни монголов в XII в. и ранее очень ограничены. Но если нам не удастся заглянуть попристальней в XII в., давайте посмотрим на жизнь монголов первой половины XIII в. глазами их современников: даосского монаха Чан Чуня, у которого Чингис пытался заручиться рецентом бессмертия, сунских дипломатов Чжао Хуна, Пэн Да-я, Сюй Типа и Чжан Дэ-хоя, посланца папы Иннокентия IV францисканского монаха, итальянца Плано Карпини, еще одного монаха-минорита, фламандца Гильома Рубрука, посланного к монголам французским королем Людовиком IX, перса Ата-Малика Джувеини, приехавшего в столицу монголов со своим отцом на выборы нового хана, наконец, знаменитого венецианца Марко Поло.

Все эти люди, посетившие Монголию (Чан Чунь в 1220—1224 гг., Чжао Хун в 1221 г., Пэн Да-я в 1233 г., Сюй Тин в 1235—1236 гг., Плано Карпини в 1246—1247 гг., Чжан Дэ-хой — в 1248 г., Гильом Рубрук в 1253—1255 гг., Ата-Малик Джувеини в 1251 г. и Марко Поло в 1274 г.), описали ее в период могущества и расцвета, и тем не менее только они и те их современники, которые описывали монголов с чужих слов или столкнулись с ними как с завоевателями, увидели эту страну во многом и такой, какой она была в юные годы Темучжина.

Для всех них, китайского даоса и китайских дипломатов, европейских монахов и венецианского купца, сына персидского царедворца из Хорасана, это был новый мир, «народ безвестный и чужой». О нем они стремились поведать своему миру, каждый по-своему, но одинаково убеждая, как Плано Карпини, «верить тому, что мы пишем для вашей пользы и предосторожности, вы должны верить тем безопаснее, что мы или сами видели все своими глазами, странствуя одинаково у них и вместе с ними... или пробыв в их среде» [Путешествия, с. 24].

Монголия поражала воображение приехавших в страну чужеземцев. «Куда бы взор ни достигал, — писал Чан Чунь, — не видно конца горам и рекам; ветер и туман непрерывны, и реки вечно

текут. Для чего Творец, образуя вселенную, в этих странах повелел людям пасти коней и коров?» [Си юй цзи, с. 289]. «Дом татар и место их происхождения и рождения, — писал Джувеини, — гигантская долина, размеры которой составляют семь или восемь месяцев пути как в длину, так и в ширину. На востоке она граничит с землей Китая, на западе — со страной уйгуров, на севере — с киргизами и рекой Селенгой и на юге — с тангутами и тибетцами» [Джувеини, I, 21—22].

Соседи делили монголов на лесных и степных, а также на белых, черных, или диких. Северные районы обитания монгольских племен — Восточные Саяны, хребет Танну-Ола и Южный Алтай — заселяли так называемые лесные племена. Занимались они охотой и рыболовством, жили в легких шалашах из коры березы и других деревьев, приручали диких животных, в особенности марала-изюбря и косулю, мясом и молоком которых они питались. На маралов-изюбрей павьючивали они и свой нехитрый скarb, когда, блуждая по лесам, перебирались с места на место. Использовали они также и лошадей. Зимой охотились и передвигались по лесу на лыжах. Одежды шили из шкур животных. Особенно много били они соболей и белок, мехом которых славилась их края. «Лесными» по образу жизни и способу ведения хозяйства были и многие монголы северных районов Монголии, пока не перешли на кочевое хозяйство.

В юные годы Темучжина верховья Онона, Керулена и Толы представляли собой еще лесистую горную местность. Но уже в это время лесные племена жили на далеких северных окраинах и не играли сколько-нибудь существенной роли в бурных событиях второй половины XII в. Эти события называли и развивались в обширных степях, где жили степные племена, основная масса татаро-монгольских племен, занимавшихся кочевым скотоводческим хозяйством.

Китайцы делили татаро-монголов на белых и черных, или диких. Белые татары (онгуты) кочевали вдоль Великой китайской стены. Они были белыми потому, что в наибольшей степени восприняли достижения китайской цивилизации. Черные татаро-монголы жили в глубинных районах Монголии. Чжао Хун писал: «Так называемые дикие татары весьма бедны да еще примитивны, не обладают никакими способностями. Они только и знают, что скакать на лошадях вслед за всеми другими» [Полное описание, с. 48]. «Нынешний император Чингис, а также все его полководцы, министры и сановники являются черными татарами» [там же, с. 49].

Путешественников, особенно европейцев, поражал внешний облик монголов. «Внешний вид лиц, — писал Плано Карпини, — отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул, нос у них плоский и небольшой, глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей. В поясе они в общем тонки, за исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все

невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волосы, которые они отнюдь не стригут... Из... волос они составляют две косы и завязывают их каждую за ухом. Ноги у них тоже небольшие» [Путешествия, с. 26].

Альберик (умер в 1241 г.) сообщал: «...голова у них большая, шея короткая, весьма широкая грудь, большие руки, маленькие ноги, и сила у них удивительная. У них нет веры, они ничего не боятся, ни во что не верят, ничему не поклоняются, а король их называется королем всех королей» [там же, с. 4]. По словам армянского автора, «они были широкоплечие, с мускулистыми руками, большеголовые, с гладкими и взъерошенными волосами, узкоглазые, широколобые, плосконосые и редкобородые. Их отношение к людям было беспощаднее, чем у зверей, а их настоящее имя было хара-татар» [Армянские источники, с. 44]. «Татары, — писал Чжао Хун, — в большинстве случаев не очень высоки ростом. Самые высокие не превышают пяти чи и двух-трех цуней. Среди них нет также полных и толстых. Лица у них широкие и скулы большие. Лица без верхних ресниц. Борода весьма редкая. Внешность довольно некрасивая» [Полное описание, с. 48]. Рост монголов, таким образом, по Чжао Хуну, примерно 162—165 см.

Стоит особо сказать о мужской прическе древних монголов. «Бреют голову, оставляя три чуба... когда передний немного отрастает, его подстригают, а два боковых связывают в маленькие пучки и спускают на плечи» [там же, с. 75]. Чань Чунь писал: «Мужчины связывают волосы и свешивают до ушей». Другой китайский источник сообщал: «Сбривают круг на самой макушке. Остающиеся спереди волосы коротко подстрижены и свисают в беспорядке, но волосы по обе стороны [головы] отделяют и связывают в два узла. [Они] свисают до одежды слева и справа... Некоторые соединяют и заплетают [волосы слева и справа] в одну косу, и она прямо свисает сзади поверх одежды». В «Корё са» («Истории государства Корё») прическа монголов описана так: «У монголов обычаи сбривать макушку до лба» [там же, с. 76].

Н. Ц. Мункуев, сообщая, что волосы, свисающие на лоб, назывались кегюль, и пучки с двух сторон головы — пибильгер, предполагает, что такой тип прически, которую носили древние монголы-мужчины, идет от «обитателей древней Сибири» [там же, с. 186]. Между тем это не совсем так. Может быть, какие-нибудь народы Сибири и носили такую прическу, особенно в послекиданское время, но монголы свою прическу явно получили от киданей. Хорошо известно, что именно эту прическу, именовавшуюся по-китайски «туфа», — бритая верхняя часть головы и затылок, оставленные челка и две косицы по бокам, часто с висков, носили кидани. Имеется немало изображений киданей с такой прической, особенно из гробниц киданьских императоров, т. е. изображений из первых рук, выполненных, кстати,

в цвете. Этот же тип прически был заимствован от киданей тангутами Си Ся и введен в 1036 г. тангутским императором Юань-хао как государственный тип прически. Мы можем с уверенностью сказать, что и монголы заимствовали прическу от киданей. Модификации с косой — это уже чжурчжэньское влияние, ибо косу носили мужчины-чжурчжэни, позже их потомки маньчжуры и по приказу маньчжуров при династии Цин и все китайцы. Едилообразие прически имело государственное значение, ибо ее ношение означало подчинение и лояльность властям. Если монголы и не носили туфу до объединения Монголии, то можно почти определенно считать, что туфа была введена Чингис-ханом как акт унификации, акт подчинения и объединения страны.

Чан Чунь, одним из первых посетивший Монголию, изложил свои впечатления в путевом дневнике: «Обитателей весьма много; все они... живут в черных телегах и белых юртах. Обычное занятие их — скотоводство и звероловство. Одеваются в кожаное и меховое платье, питаются мясом и молоком... Жители пересходят с места на место, смотря по тому, где есть вода и трава для пастбища» [Си юй цзи, с. 288, 286]. «Вообще монголы, — писал несколько позднее Чжан Дэхой, — с наступлением лета кочуют по высоким и прохладным местам, а к зиме перекочевывают в места более теплые, открытые в полдень, где легко можно достать топливо и воду. По прошествии этих периодов они пересходят с одного места на другое; сегодня идут, завтра стоят, останавливаясь там, где есть трава и вода. Таковы потребности и обычаи страны» [Чжан Дэхой, с. 586]. «Земли... богаты водой и травой и благоприятны для овец и лошадей» [Полное описание, с. 68]. Дальность перекочевков определялась условиями местности и величиной стада. Сена на зиму монголы, как правило, не запасали, а старались жить в местах не очень заснеженных, где скот мог добывать себе корм — сухую траву на корню.

Жилищем монголам служили юрты, разборные или установленные на телегах. Плано Карпини так описывает монгольскую юрту: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же, в середине ставки, имеется круглое окно, откуда падает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны тоже из войлока» [Путешествия, с. 27]. По сведениям Чан Чуня, деревянный каркас юрты изготовлялся обычно из ивы [Си юй цзи, с. 288].

«Дома на колесах» — юрты монголов, поставленные на телеги, хорошо описаны Г. Рубруком: «Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы. Ее они покрывают белым войлоком, чаще пропитывают войлок также известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда они берут черный войлок. Этот войлок около

Монгольская разборная юрта

верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или какой-либо другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину... Я насчитал у одной повозки двадцать два быка, тянущих дом, одиннадцать в один ряд вдоль ширины повозки и еще одиннадцать перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков» [Путешествия, с. 91]. Марко Поло сообщает, что такие юрты на телегах надежно укрывали монголов от непогоды: «Телеги у них покрыты черным войлоком, да так хорошо, что хоть бы целый день шел дождь, вода ничего не подмочит в телеге; впрягают в них волов и верблюдов и перевозят жеп и детей» [Марко Поло, с. 88]. Разбирать и снова ставить юрты, не укрепленные постоянно на телегах, было обязанностью женщин. Каждый раз на новом месте юрты устанавливали так, что вход их всегда был обращен на юг. При перекочевках повозки передвигались по пять в одном ряду.

Древние монгольские юрты несколько отличались от современных, а колесные телеги с юртами в наши дни монголы не используют совершенно. Старый тип юрты с шейкой в современной Монголии не сохранился, но им пользуются монголы Афганистана — хазарейцы. Юрта с шейкой была и в Ордосе, в Эджен-Хоро, на месте смерти Чингис-хана, где были сооружены его войлочные юртовые усыпальницы. Л. Л. Викторова видит

Монгольская юрта с псйкой (реконструкция по Г. Г. Юлию)

отличие тюркской юрты от монгольской в том, что кровля тюркской юрты — куполообразная, а у монгольской — конической формы, и в том, что тюрки ставили юрты входом на восток, а монголы на юг [Викторова, с. 51 — 54]. Последнее отличие не может быть признано абсолютным, ибо древние монголы имели два вида ориентации — на восток и на юг. Соответственно и правая рука у них могла означать и юг и запад, а левая и север и восток.

На стоянках монголы располагались куренями, т. е. кольцом. В центре кольца находилась юрта главы данного кочевого сообщества. Курень обеспечивал надежную защиту от внезапного нападения врага. Однако владельцам больших стад часто было выгоднее пасти свои стада и кочевать отдельно, на лучших пастбищах. Поэтому состоятельный владелец стада мог жить и кочевать вместе с тем куренем, с которым он был связан отношениями подлинного или мнимого, так называемого «вторичного», родства, но свой скот пас отдельно, своей семьей, аилом. По мнению Б. Я. Владимирцова, «соединение куренного хозяйства с аильным представлялось, по-видимому, монголам XI — XIII вв. самым идеальным» [Владимирцов. Общественный строй, с. 37 — 38]. Выделение аила знаменовало собой разложение куреня. Позднее, с образованием единого монгольского государства, куренной способ кочевания исчезает. Курень гарантировал кочевнику безопасность. По тангутским законам XII в., современной эпохе юности Чингис-хана, кочевник не имел права самовольно покидать тот коллектив и то хозяйство, к которому он был приписан. Если же он покинул свой коллектив и, став в одиночку беззащитным, был ограблен, то нес за это уголовную

Монгольские лошади

ответственность. Курень долго оставался у монголов только как способ размещения войск на стоянках и ночлегах.

Летние и зимние пастбища каждого монгольского племени, а внутри племени — рода и куреня были точно определены. Если скот был собственностью аила (семьи), то пастбищами пользовались сообща. Право собственности какого-либо объединения кочевников на пастбища выражалось в том, что не только члены этого коллектива считали эти пастбища своими, но эти права признавались и другими объединениями кочевников. Главы этих объединений регулировали перекочевки подчиненных им людей.

Монголы разводили коней, коров и быков, овец, коз, в меньшем количестве верблюдов. Кажущееся, а иногда после завоевательных походов Чингис-хана и действительное обилие скота у кочевников поражало современников. «Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, коровами и лошадьми, — писал Плано Карпини. — Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет в целом мире» [Путешествия, с. 28]. «Поэтому в их стране, у кого есть одна лошадь, непременно есть шесть-семь овец. Следовательно, если у человека сто лошадей, то у него непременно должно быть стадо из шестисот-семисот овец» [Полное описание, с. 69]. «Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины» [Путешествия, с. 101]. «Всякий старшина, — дополняет

эти сведения Марко Поло.—или у кого много скота мстит своим знаком жеребцов и кобыл, верблюдов, быков и коров и всякий крупный скот; с меткой пускает их пастись без всякой стражи в равнины и в горы; если скотина смешается, отдают ее тому, чья метка; овец, баранов, козлов пасут люди. Скот у них крупный, жирный, славный» [Марко Поло, с. 91]. Клеймо (тамга), поставленное на животном, являлось знаком, свидетельством права собственности на него.

Современников особенно восхищали своей выносливостью и послушанием монгольские лошади. «Лошадей, писал Чжао Хун, ...на первом или втором году жизни усиленно объезжают в степи и обучают. Затем растят в течение трех лет и после этого снова объезжают их». Кони не ржут, не убегают. «В течение дня их не кормят сеном. Только на ночь отпускают их на пастбище... На рассвете сдelaют их и едут... Всякий раз, когда татары выступают на поход, каждый человек имеет несколько лошадей. Он едет на них поочередно, сменяя их каждый день. Поэтому лошади не изнуряются» [Полное описание, с. 68—69]. Как говорили древние монголы, «если не поскакать на коне и не пострелять из лука, то больше нечем и развлечься». Для верховой езды монголы чаще всего использовали мерингов.

Вторым по важности после скотоводства занятием монголов являлась охота. Монгол древней эпохи был, по определению Б. Я. Владимирцова, «кочевником-охотником». Охота была и одним из средств к существованию, и хорошей школой воинского мастерства. «Татары рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы они каждый день гоняются и охотятся. Это и есть их средство к существованию. Поэтому у них нет пеших солдат, а все — конные воины» [Полное описание, с. 66—67]. Помимо обычной индивидуальной охоты часто устраивались охоты облавные, в которых принимали участие многие айлы и курени. «Их обычай — стрельба из лука и охота. Когда их правитель устраивает облавную охоту, всегда непременно собираются большие массы людей. Они выкапывают ямы и втыкают в них колья. Последние соединяются между собой волосяными веревками, а к веревкам привязываются лоскуты войлока и птичьи перья... Веревки тянутся кругом на 100—200 ли (50—100 км). Так как на ветру колышутся перья и лоскуты войлока, то перепуганные звери не осмеливаются перебежать. После этого люди окружают огромный участок; постепенно прижимая зверей к середине круга, ловят и бьют их» [Пэн Да-я, Сюй Тин, с. 139—140].

Хорошо известно, что кочевничества в чистом виде практически не существовало. Монголам было знакомо и земледелие. «В их государстве также в двух-трех местах родится клейкое черное просо. Они варят из него кашницу» [Полное описание, с. 65—70]. Китайские комментаторы этого пассажа из сочинения Чжао Хуна приводили сведения других источников о родственниках монголам народах, которые «варят кашницу из проса в котлах с плоским дном и пьют, разбавляя ее холодной водой» [там же, с. 70].

В монгольской семье мужчины и женщины занимались своим делом. «Мужчины делают луки и стрелы, готовят стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, т. е. кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и выючат их». «Обязанности женщин состоят в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и гурт (сухое молоко), готовить шкуры и шивать их, а шивают их они ниткой из жил» [Путешествия, с. 101]. «Выступают в поход, взяв с собой жен и детей. Они сами говорят, что женщины нужны, чтобы заботиться о таких делах, как поклада, платье, деньги и вещи. У них исключительно женщины натягивают и устанавливают войлочные палатки, принимают и разгружают верховых лошадей, повозки, выюки и другие вещи. Они очень способны к верховой езде» [Полное описание, с. 79—80]. Все исследователи древнемонгольского общества подчеркивают, что монгольские женщины пользовались самостоятельностью и занимали высокое положение в обществе.

Скот и охотничья добыча поили, кормили, обували и одевали древнего монгола, «кочевника и охотника». Из шкур животных монголы шили себе одежду: рубашки, кожаные штаны, шубы. По словам Г. Рубрука, «богатые... подшивают себе платье шелковыми хлопками, которые весьма мягки, легки и теплы. Бедные подшивают платье полотном, хлопчатой бумагой и более нежной шерстью, которую они могут извлечь из более грубой» [Путешествия, с. 99]. Но данные сведения, по-видимому, отражают уже более поздние времена, когда у монголов после завоевательных походов появилось немало тканей. Ближе всего к древней, очевидно, была зимняя одежда монголов. «Зимой они, — сообщает Г. Рубрук, — всегда делают себе по меньшей мере две шубы: одну, волос которой обращен к телу, а другую, волос которой находится наружу к ветру и снегам. Эти шубы сшиты по большей части из шкур волчьих и лисьих... Бедные готовят верхние шубы из шкур собачьих и козьих» [Путешествия, с. 98—99]. «Они, — замечает Чжао Хун, — не стирают и не стирают одежду до тех пор, пока она не износится» [Полное описание, с. 75], «так как [считают], — как бы добавляет Г. Рубрук, — что бог тогда гневается и будет гром, если их (одежды. — Е. К.) повесить сушить» [Путешествия, с. 101].

Накидки от дождя и шапки монголы делали из войлока. По реконструкции специалистов-этнографов основной одеждой древних монголов был халат без плечевого шва, с запахом на правую сторону. Древние народы Центральной Азии различались по запаху халата: у монголов и тунгусо-маньчжурских народов верхняя одежда имела правосторонний запах, у тюркских народов — левосторонний. Халат перепоясывался мягким поясом. Пэн Да-я в 1233 г. так описывал одежду монголов: «У них верхнего платья пола запахивается направо, а борт квадратный. Раньше оно шилось из грубого сукна и кожи, а теперь из полотна, шелка. Цвет выбирается красный, фиолетовый, пурпурный и зеленый.

Рисунки на тканях — изображения солнца, луны, дракона и феникса». «Кроме того, татары скручивают полоску красного и фиолетового шелка и перевязывают платье поперек по талии. Эту полоску шелка называют поясом» [Пэн Да-я, Сюй Тин, с. 140].

Мужчины и женщины носили одинакового покроя сапоги, отличавшиеся лишь размерами и украшениями. Монгольский сапог был приспособлен к верховой езде. Голенище сапога было одинакового размера в верхней и нижней части, кроилось из двух кусков; также кроились и союзки, которые наглухо пришивались к голенищу. Все это крепилось на толстую подошву с войлочной прокладкой, жесткий носок сапога был загнут вверх.

Мы еще не очень четко представляем себе головной убор у древних монголов. Г. Рубрук упоминает войлочные шапки. Замужние женщины носили специальный головной убор богтаг. Высокий каркас шапки изготовлялся из проволоки. Его «украшали темно-коричневыми узорчатыми вышивками или жемчугом и золотом. Сверху на ней (шапке богтаг. — Е. К.) еще имеется горящая вертикально палочка. Ее украшают темно-коричневым сукном» [Полное описание, с. 80]. «Хвосты этих шапок, по описанию Чан Чуня, похожи видом на гуся или утку, а называются гугу; они весьма боятся, чтобы кто-нибудь неосторожно не наткнулся на эти шапки, и входят в юрты или выходят из них, нагнувшись вниз и задом» [Си юй цзи, с. 288 — 289].

Видимо, к числу нарядных женских одежд относился халат с большими рукавами и длинными полами — одежда скорее парадная, чем бытовая. По сведениям Чжао Хуна, «у женщин еще бывает халат с большими рукавами, как китайская шуба на гусином пуху, широкий и длинный, волочится полами по земле. Когда женщина идет, то две рабыни поддерживают плечи» [Полное описание, с. 81]. Л. Л. Викторова, исследовавшая в Халхин-Гол сомоне (МНР) изваяния из серого гранита, которые она датирует XIII — XIV вв., полагает, что парадная мужская шапка представляла собой «шляпу с небольшими полями, чуть спущенными книзу, и круглой тульей. Сзади к макушке на шляпе прикреплялись полоски шелка, которые свисали на спину» [Викторова, с. 39 — 40].

Питались древние монголы в основном мясом и кумысом. «Мясо они жарят на огне в девяти случаях из десяти, а в двух-трех случаях из десяти варят его в чаше с трех ног» [Пэн Да-я, Сюй Тин, с. 139]. «Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко... Зимой у них нет даже и кобыльего молока, если они не богаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет по утру чашку или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока⁵, они редко

⁵ Как сообщал Чжао Хун, «обычно молока от одной кобылицы достаточно для насыщения трех человек» [Полное описание, с. 69].

Монголца в нарядном головном уборе

едят мясо — если им случайно не подарят его или они не поймают на охоте какого-нибудь зверя или птицу» [Путешествия, с. 36]. «И они также довольно выпосливы; поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-либо нетерпения» [там же, с. 34]. «Когда при выездах в карательный поход в Срединное государство татары съедают в пути всех овец, то они стреляют зайцев и диких кабанов для пропитания» [Полное описание, с. 69], а «случается надобность, так скажут, скажу вам, дней десять без пищи, не разводя огня, и питаются кровью своих коней; проткнет жилу коня да и пьет кровь» [Марко Поло, с. 91]. Разделить трапезу с путником считалось у монголов делом естественным. «Встретив обед, они (т. е. проезжие монголы. — Е. К.) без церемоний садятся вместе с хозяевами» [Си юй цзи, с. 289]. — пишет Чан Чунь. Обычай, который стоил жизни отцу Темучжина Есугаю.

Возможно, уже в глубокой древности сложилась цветовая символика классификации пищи на пищу белую — молоко и молочные продукты; желтую — масло; красную — мясо и продукты из мяса; зеленую — дикорастущие корни и травы — лук, ревеня и т. п.; черную — мясной бульон, вода, позже чай без молока. Кровь животного считалась обиталищем его души. Поэтому скот забивали без пролития крови, делая, например, при забое барана разрез под грудиной, а затем, просунув в разрез руку, обрывали согнутым указательным пальцем сонную артерию. Если кровь животного не была пролита, то предполагалось, что животное спит. «А раз животное спит, оно временно перенло в тот невидимый, но вполне реальный мир, а потом может снова возродиться в своих потомках и убыли в стаде не произойдет» [Викторова, с. 26].

Из молока монголы гнали водку. Пьянство не рассматривалось древними монголами как порок, а наоборот, пьяный гость только радовал хозяина. «По обычаю татар, на пиру хозяин держит в руках блюдо и чарку и уговаривает гостя пить и есть. Если гость, который пьет, оставит хоть кашню, то хозяин ни в коем случае не берет обратно чарку. Когда видят, что человек выпил вино до конца, то бывают рады». «Всякий раз, когда они пьют вино, они прежде всего совершают возлияние». «Всякий раз, когда татары видят, что чужеземный гость, напившись, шумит, нарушает этикет либо его рвет или он уснул, они бывают очень довольны и говорят: „Раз гость напился, то, значит, он с нами душа в душу“» [Полное описание, с. 82 – 83]. Чжао Хун, выдержки из сочинения которого мы привели выше, сам был жертвой монгольского гостеприимства — Мухали оштрафовал его на шесть чарок вина за неявку на игру в конное поло: «К концу дня ваш посол неизбежно опьянел сильно и тем кончил» [там же, с. 82]. В ходу было и взаимное потчевание — пирующие обменивались чарками. Надо сказать, что, по сведениям Рашид-ад-дина, Чингис-хан стремился ограничить пьянство своих подданных; он постановил, что «если уже нет средств против питья,

то человеку нужно напиться три раза в месяц. Как только он перейдет за три раза — совершит наказуемый проступок. Если же в течение месяца он напьется только дважды — это лучше, если один раз — еще похвальнее, если же он совсем не будет пить, что может быть лучше этого? Но где же найти такого человека, который совсем бы не пил?» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 263].

Европейцам казались странными некоторые традиции, связанные с приемом монголами пищи. «Никогда не моют они блюд, — писал Г. Рубрук, — мало того, сварив мясо, они моют чашку, куда должны положить его, кипящей похлебкой из котла, а после обратно выливают в котел» [Путешествия, с. 101]. Совершенно необычными для европейцев были и некоторые виды пищи, например кумыс. Тот же Г. Рубрук не только подробно описал способ приготовления кумыса, но и те чувства, которые он испытал, впервые отведав его: «В тот вечер служитель, который провожал нас, дал нам выпить кумысу; при первом глотке я весь облился потом вследствие страха и новизны, потому что никогда не пил его. Однако он показался мне очень вкусным, как то и есть на самом деле» [там же, с. 104]. Г. Рубрук, очень обстоятельный информатор, отметил, что на пирах соблюдался определенный порядок угощения: «Прежде чем поставить мясо барана гостям, господин сам берет, что ему нравится, а также если он даст кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному и нельзя давать никому; если же он не может съесть всего, то ему надлежит унести с собою или отдать своему служителю» [там же, с. 96].

В знак приветствия при встрече монголы обнимали друг друга. Чжао Хун считал нравы монголов простыми. Монголы «презирают дряхлость и любят силу», «в их обычае нет взаимных драк и ссор», «они находят радость в питье и пирушестве», «по обычаю татары в большинстве случаев не моют рук, и они хватают рыбу или мясо грязными руками. Когда на руках появляется жир, они вытирают их об одежду. Они не снимают и не стирают одежду до тех пор, пока она не износится» [Полное описание, с. 75]. По заметкам тех же современников, древние монголы были закаленными, сильными, честными людьми, которые, «давши слово, не изменяли ему» (свидетельство Чап Чуля, см. [Си юй цзи, с. 289]) и которые «не подымут на дороге утерянных чужих вещей» [Пэн Да-я, Сюй Тин, с. 144]. Счет времени они вели, соотносясь с явлениями окружающей природы: «Когда зазеленеет трава, то считалось, что прошел целый год, а когда впервые появляется новый месяц, то считалось, что прошел месяц» [Пэн Да-я, Сюй Тин, с. 141]⁶.

⁶ Чжао Хун рассказывал: «Отсчитывают один год, когда зазеленеет трава», «когда у них люди спрашивают возраст, то они говорят: „Столько-то трав“». Чжао Хун также часто спрашивал у них дни и месяцы их рождения. Они смеялись и отвечали: «Мы никогда не знали этого». Они даже не могли вспомнить, было это весной или осенью. Каждый раз, когда они видят, что луна округлилась, они

Если монгола спрашивали, сколько ему лет, он отвечал: столько, сколько в его жизни было весен, сколько раз молодой травой зеленела степь. Древние монголы не знали письменности. По свидетельству Чап Чуня, и в годы его посещения Монголии они «договариваются только на словах и заключают контракты вырезыванием меток на дереве... Суд творят вот так: „Кто украдет, хотя бы и немного,— тому за это семь палочных ударов, или семнадцать, или двадцать семь, или тридцать семь, или сорок семь и так доходят до трехсот семи, увеличивая по десяти, смотря по тому, как украдено. От этих ударов многие умирают. Кто украдет коня или что-либо другое — тому за это смерть: мечом разрубаят его, а кто может дать выкуп, заплатит против украденного в десять раз, того не убивают“» [Марко Поло, с. 91].

«О свадьбах их знайте, что никто не имеет там жены, если не купит ее» [Путешествия, с. 101]. «А женятся они вот как: всякий берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли сможет их содержать» [там же, с. 26]. «Приданое отдают матери жены, а жена мужу ничего не приприсит. Первую жену они, знайте, почитают за старшую и самую милую» [Марко Поло, с. 88]. Богатые скотоводы устраивали пышные свадьбы. Такую свадьбу видел Чап Чунь: «Старшины окрестных кочевьев, в окружности на 500 ли (250 км), приехали с кобыльим молоком для вспоможения. Черные телеги и войлочные юрты стояли рядами в числе нескольких тысяч» [Си юй цзи, с. 287]. Женщины украшали себя, смазывая лоб желтыми беллами.

«Ни одна вдова не выходит у них замуж на том основании, что они веруют, что все, что служит им в этой жизни, будет служить и в будущей; отсюда о вдове они верят, что она всегда вернется после смерти к первому мужу. От этого среди них встречается обычай, именно что сын берет иногда всех жен своего отца, за исключением матери. Именно двор отца и матери достается всегда младшему сыну. Отсюда ему надлежит заботиться о всех женах своего отца, которые достаются ему с отцовским двором, и тогда при желании он пользуется ими как женами, так как он не признает, что ему причиняется обиды, если жена по смерти вернется к отцу» [Путешествия, с. 101]. «С чужой женой ни за что не лягут и считают это за дело нехорошее и подлое» [Марко Поло, с. 88].

Как мы видели на примере Темучжина, брачные контракты заключались родителями часто тогда, когда будущие супруги были еще малолетними детьми. Безбрачие, по-видимому, считалось недопустимым и позорным. Во всяком случае, описанный

отсчитывают один месяц. Только когда они замечают, что появление зеленой травы задерживается, они понимают, что в этом году имеется добавочный (тринадцатый) месяц» [Полное описание, с. 49]. Месяц древние монголы делили на три декады: новолуние, полнолуние и старость месяца. В летоисчислении они пользовались традиционным для Центральной Азии 12-летним циклом, в котором каждый год звался именем животного: мыши, быка, тигра, зайца, дракона, змеи, коня, овцы, обезьяны, курицы, собаки и свиньи.

Марко Поло обычно свидетельствует о том, что родители стремились добиться заключения брачных контрактов даже для умерших детей: «Если у двух людей помрут, у одного сын лет четырех или около того, а у другого дочь, они их женят; мертвую девушку дают в жены мертвому парню, потом пицут уговор и сжигают его, а когда дым поднимается в воздух, говорят, что уговор понесло на тот свет, к их детям, чтобы те почитали друг друга за мужа и жену. Играют свадьбу, разбрасывают еду там и сям и говорят, что это детям на тот свет... а кончат все это, почитают себя за родных и родство блюдут так же, как бы их дети были живыми» [там же, с. 92].

Весной монголы поминали усопших, забивали лошадей, мясо делили между членами семьи и рода в зависимости от близости родства, шкуру вешали на шест возле места погребения предков. Во время жертвоприношения старейший в роде, беки, в белых одеждах и на белой лошади исполнял «великое песнопение», гимн предкам и обращение к ним. Родовые кладбища находились в уединенных местах, часто под горой, скалой. Когда скончался военачальник Хуилдар, Чингис-хан повелел похоронить его в местности Халха под нависшей скалой.

«В их обычае больше всего чтить Небо и Землю. По каждому делу они непременно упоминают Небо» [Полное описание, с. 79]. Кроме «Вечного синего Неба» — Тэнгри и богини земли Этуген особенно почитался также бог — дух огня Ут. Изображения божков-онгонов имелись в каждой юрте. Описание их сохранилось в труде Марко Поло: «А вера у них вот такая: есть у них бог, зовут они его Начигай и говорят, что то бог земной; бережет он их сынов и их скот да хлеб. Почитают его и молятся ему много; у каждого он в доме. Выделявают его из войлока и сукна и держат по своим домам; делают они еще жену того бога и сынов. Жену ставят по его левую сторону, а сынов перед ним, и им тоже молятся. Во время еды возьмут да помажут жирным куском рот богу, жене и сынам, а сок выливают потом за домовую дверь и говорят, проделав это, что бог со своими поел, и пачипают сами есть и пить» [Марко Поло, с. 90].

Огромное значение имел воинский культ знамени. Знамени приносили жертвы, в эпоху Чингис-хана, возможно, и человеческие. По мнению одного из комментаторов «Книги Марко Поло», Г. Юла, название божества «начигай» имеет аналогию в бурятском «нугайт», «шогот»; это слово обозначает, как «онгот» у тунгусов, низших божеств. Из сонма этих божеств монголы особо выделяли заягчи — хранителя судьбы и божество, приносящее счастье, и эмгелджи — охранителя стад, изображение которого делалось из шкуры барана и ставилось у дверей юрты.

Многие поверья и гадания древних монголов были связаны с верой в духов. Гадали на бараньей лопатке. Ее жгли на огне, потом били по ней железным молотком. На лопатке образовывались трещины; разглядывая эти трещины, и гадали. «Что касается их гадания, то они обжигают баранью лопатку и определяют

счастье или несчастье, смотря по тому, проходят ли трещины по ней по направлению туда или обратно. Этим гаданием решается все — откажет ли Небо в желаемом или даст его» [Пэн Да-я, Сюй Тин, с. 149]. Известно, что Чингис-хан гадал, сжигая баранью бедренную кость. «Когда кто-нибудь занедужит, — сообщал Г. Рубрук, — он ложится в постель и ставит знак над своим домом, что там есть недужный и чтобы туда никто не входил... Именно они опасаются, чтобы с входящим не явился злой дух или ветер» [Путешествия, с. 103]. Наверное, это было и так, но главное — особый знак у юрты больного должен был помешать распространению болезни. Старое монгольское общество практиковало ряд запретов, связанных с верой в духов: запрещалось купаться в реке, черпать воду золотой и серебряной посудой, резать скот, перерезая ему горло, ступать ногой на порог жилища, извлекать мясо из котла пожом, бить лошадь уздой, осквернять огонь и т. д.

* * *

Определить уровень социального развития монгольских племен XII в. трудно. В решении этого вопроса пока нет единства мнений. Отметим только, что постепенно берет верх та точка зрения, в соответствии с которой исследователи отказываются признавать это общество первобытнообщинным, родо-племенным, обществом «военной демократии».

Современные историки из КНР Илпичжэнь и Намуюнь считают монгольское общество середины XII в., т. е. общество времен Хабул-хагана, обществом классовым [Илпичжэнь, с. 72; Намуюнь, с. 95—97].

Историки МНР и советские историки в последнем издании «Истории Монгольской Народной Республики» пишут, что «кочевое скотоводческое общество монгольских племен в конце XII в. вступило в стадию развития феодального способа производства» [ИМНР, с. 123].

Многими исследователями монгольский обок XII в. уже не рассматривается как род, а трактуется как «фамилия» («синши»), под господством которой находилось несколько семей [Намуюнь, с. 95—97]. Это уже не простая группа родственных по линии мужского предка, а «иерархическое образование, состоявшее из нескольких социальных групп» [Сяо Цици, с. 9]. Действительно, «тайная история» ничего не сообщает нам о времени существования первобытнообщинного строя у татаро-монгольских племен. Эпоха Алан-Гоа — это явный период его распада, время «взаимных пререканий и ссор» из-за пользования звероловными угодьями, развала старых родо-племенных форм и отпочкования новых обок¹. Родители Алан-Гоа перекочевали к Бур-

¹ «Каждая их ветвь стала известной под определенным именем и названием и стала отдельным обокан, а под термином обок имеются в виду те, кои принадлежат к определенным кости и роду» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 153—154].

хан-Халдуну из местности Арих-Усун в Хори-Туматской земле по той причине, что на родине в Хори-Туматской земле шли взаимные пререкания и ссоры из-за пользования звероловными угодьями» [Сокровенное сказание, с. 79]. Отец Алан-Гоа, Хорилаптай-Мерген, и решил поэтому «выделиться в отдельный род — обок, под названием Хорилар» [там же, с. 80].

Татарское общество той эпохи знает уже социальное неравенство, продажу людей в кабалу, в услужение. Распад старых обок вызывал недоверие людей друг к другу. Когда пятеро сыновей Алан-Гоа поделили между собой имущество и разошлись, соседи с недоверием отнеслись к откочевавшему в одиночку младшему сыну Алан-Гоа, Бодончару, не получившему при разделе своей доли имущества — хуби. «А жили между собой так, что у Бодончара не спрашивали, откуда и кто он, а тот взаимно и не пытался узнать, что они за люди» [там же, с. 82]. В монгольском обществе XII в. имелись баян — богатые (отец Боорчу был «богач Наху» — «Наху баян») и ядагу хувун — бедные, рабы и лично свободные люди. Рабы делились по полу на богол — мужчин-рабов и инд-же — женщин-рабынь.

Мы уже писали о том, что обок XII в. это не кровное родство, а объединение, в котором были бедные и богатые, господа и подчиненные, а также рабы. Родня от одного предка по мужской линии составляла урук, члены урука не могли вступать в брак между собой и заключали брачные союзы только с джадами — чужаками.

Зависимые монгольские племена именовались утэгу-боголы. «Значение наименования утэгу-богол, — сообщает Рашид-ад-дин, — то, что они (дарлекины) являются рабами и потомками рабов Чингис-хана» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 15].

Уже в X в. отношения социального равенства вызывали удивление и презирались. Бодончар говорит своему старшему брату Бугу-Халаги: «Давешние-то люди, что стоят на речке Тунгелик, живут — все равны, нет у них ни мужиков, ни господ, ни головы, ни конята, ничтожный народ. Давайте-ка мы их захватим!» «Тогда братья внятером полонили тех людей, и стали те у них слугами-холонами при табуне и кухне» [Сокровенное сказание, т. 82].

Китайский историк Гао Вэньдэ приводит сведения о том, что рабы были практически у всех предков Чингис-хана, начиная с предка в двенадцатом колене [Гао Вэньдэ, с. 82]. Рабство было наследственным, так как наряду с обычными рабами-мужчинами и рабынями были джалау — потомственные рабы. Источниками рабства являлись война и плен, купля-продажа. Рабов покупали и из-за рубежа. В 1130 г., наводя порядок в северных провинциях страны, чжурчжені ловили беглых людей и обращали их в казенных рабов. Часть этих казенных рабов они пригоняли на границу и меняли у монголов на лошадей.

Для воспроизводства рабов монголы заставляли их вступать в брак. В одном китайском сочинении говорится: «Монголы

объединяли в пары захваченных мужчин и женщин и заставляли их становиться мужем и женой». Родившиеся дети навечно становились рабами, по терминологии «Тайной истории», это были рабы, «доставшиеся от предков». В этой же «Истории» упоминаются «рабы у порога». Они открывали хозяину двери юрты-гэра, готовили для него седло, делали для него и для членов его семьи разную домашнюю работу.

Отдавая сто семей чжуркинцев семье Хуилдара, Чингис повелел, чтобы эти рабы-мужчины отдавали семье Хуилдара свою физическую силу, т. е. работали на нее, а женщины-рабыни стали служанками, «прислуживающими слева и справа». Рабы-ремесленники знатных и ханских семей именовались гэр-ин кёбегюд — «сыновья юрты». Рабы не только прислуживали хозяину и занимались ремеслом, они делали и основную работу в монгольском хозяйстве — ухаживали за скотом. Вспомним Бодончара, который заставил плененных им людей пасти своих коней. Ван-хан керейтский, о котором мы далее будем много говорить, отправил плененных «пасти верблюдов и овец». Рабы стригли овец, сбивали кумыс. Как и во многих обществах мира, рабы у монголов приравнивались к скоту.

Существует мнение [Гао Вэньдэ], что в богатых хозяйствах монголов XII—XIII вв. рабы являлись не вспомогательной, а основной рабочей силой. Раб был частной собственностью хозяина, от него требовалось беспрекословное послушание. Чингис говорил: «Если раб не предан хозяину — убить его». По мнению Гао Вэньдэ, «еще до объединения Чингис-ханом всех монгольских племен монгольское общество уже стало обществом рабовладельческим» [Гао Вэньдэ, с. 87]. Этот вывод не общепринят; в последнем издании «Истории МНР» читаем: «Рабовладение в Монголии не занимало столь значительного места, чтобы стать основной рабовладельческой общественно-экономической формации, но оно существовало как уклад в феодальном обществе в Монголии на раннем этапе его развития» [ИМНР, с. 127].

Лично свободные люди, не рабы, делились на людей благородных — сийн хувун, и простолюдинов — карачу. Среди благородных выделялись «золотые роды», «природные ханы», таков был «золотой род» Чингиса. «Золотые роды» имелись и у других объединений монголов, например у хунгиратов, икирессов. Прочие знатные люди именовались обобщенно — нояны. Со времен Ляо монгольские каганы и нояны имели титулы, которые получали от киданей и чжурчжэней⁸. Княжеский титул — ван имели керейтский Тоорил-каган, хан найманов Инанч, хан белых татар Байбосы. Чингис во время войны с татарами владел титулом чатухури — «сотник».

⁸ Например, сенгюн (от кит. цзянцзюнь — генерал), лингум (от кит. лингун — глава государственного секретариата, чжуншулина), тайши (от кит. тайцзы — наследник престола), сяньзнь (от кит. сянгун — министр), гуянь (от кит. го ван — князь), таян (от кит. тай ван — великий князь).

Таков вкратце был образ жизни древних монголов, уровень их социального развития, зафиксированный источниками и современниками. Таков был тот народ, сыном которого являлся Тему-чжинг, та среда, в которой ему предстояло из отрока-сироты превратиться в могучего Чингис-хана. Нет более грубой ошибки, чем утверждения о примитивности и первобытной дикости монгольского общества до Чингис-хана, его изолированности от внешнего мира. Думать так — значит не понимать тех условий и той среды, которые породили силу, оказавшуюся способной завоевать значительную часть центрально-среднеазиатского и дальневосточного мира, а также Ближнего Востока и Восточной Европы.

«Ключевые воды пропали, бел-камень треснул»

Нет у нас друзей, кроме собственной тени,
Нет у нас плоти, кроме конского хвоста.

Сокровенное сказание

Многое, видно, держалось только на личном авторитете Есугая в его улусе. Не стало его, и резко изменилось отношение окружающих к его семье, все меньше и меньше считались они с Оэлуи. В ту весну жены замученного чжурчжэнями Амбагай-хагана поехали в «землю предков», на родовое кладбище, совершать жертвоприношения. Не по своей вине припозднилась Оэлуи, а уже никто и не ждал ее, жену покойного баатура. Жертвоприношение было окончено, жертвенное мясо роздано и съедено, жертвенное вино выпито. Дрогнуло сердце Оэлуи. Отказываются от них сородичи, не желают напоминать о ней и о ее детях предкам. И страшная догадка мелькнула — того гляди, бросаю одну в степи с детьми, откочую без нее. С гневом обратилась она к Орбай и Сохатай, вдовам Амбагай-хагана:

— Почему вы заставили меня пропустить и жертвоприношение предкам, и тризну с мясом и вином? Не потому ли, что Есугай-баатур умер, так дети его и вырасти не смогут? Да, видно, вы можете есть на глазах у людей, не поделившись с ними, сможете и откочевать, не сказавшись?

И их надменный ответ подтвердил ее догадку: решили бросить ее сородичи мужа, чтобы не выросли ее дети, чтобы не было новых побегов корня есугаева.

— Видно, из-за того, что умер Амбагай-хаган, нас может оговорить даже Оэлуи. Ты и заслуживаешь того, чтобы, позвав тебя, тебе ничего не дали, тебе и следует есть то, что попадется. Сказать по правде, лучше покинуть эту мать с детьми в кочевье и не позволять ей идти с нами! (по «Сокровенному сказанию», с. 88).

Стало ясно Оэлуи, что все кончено. Входявшие в есугаев улус тайчиугы и раньше завидовали власти Есугая. Теперь именно они прежде других решили, что настал их час. Прочие родичи и нукеры, служившие Есугаю, отказались повиноваться его вдове и приняли сторону тайчиутов, а это сразу превратило тайчиутских вождей в таких же самостоятельных правителей улуса, богатырей-баатуриков, каким был и Есугай. Предводительствуемые Тар-

тутай-Кирилтухом и Тодоем-Гиртаем, некогда кочевавшие в улусе Есугая и зависевшие от него тайчиуты бросили Оэлуи с детьми и на другой же день после ссоры женщин «в земле предков» тронулись вниз по реке Онону. Лишь старик Чарха-Ебуген пытался усуетить уходящих. Но его не послушали, а Тодоем-Гиртай, чтобы не мучил Чарха народ, не вызвал к нечистой совести, ткнул для острастки старика копьём в спину:

Ключевые воды пропали
Бел-камень треснул.

Распался на глазах Оэлуи улус, созданный Есугай-баатуром. Когда Темучжин зашел проведать раненого Чарху-Ебугена, тот сказал:

— Я поплатился за то, что пытался остановить людей, когда те стали откочевывать, стремясь захватить с собой весь наш улус, собранный твоим благородным родителем (по «Сокровенному сказанию», с. 88).

Темучжин покинул его в слезах. Он был еще слишком мал и бессилен, чтобы наследовать дело отца. Лишь храбрая Оэлуи нашла в себе силы бороться до конца. Она собрала оставшихся еще с ней людей и погналась за уходящими. После стычки сначала многих ей удалось воротить, но и они вернулись лишь для виду и вскоре снова откочевали, оставив Оэлуи в широкой степи только с ее детьми да второй женой Есугая и ее потомством. Лишь несколько женщин-прислужниц — вот и все, кто остался при женах и детях некогда славного баатура!

Для того чтобы понять, что произошло, следует кратко рассказать о татаро-монгольском улусе середины XII в. Улус, который в широком смысле означал «народ», мог быть в зависимости от его силы и влияния как «улусом-владением», так и улусом-государством. «У древних монголов, — писал Б. Я. Владимирцов, — всякое объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, хана, называлось улус, народ, образующий „государство-владение“» [Владимирцов. Общественный строй, с. 97]. Для монголов в улусе большее значение имели люди, а не территория. Во главе улуса стоял предводитель из числа знати (нойонов), который носил какой-либо самобытный монгольский титул (баатур, сечен, мерген, бильге, бука и т. п.) или ему жаловали одну из китайских должностей или китайский титул.

Отец Темучжина — Есугай имел титул баатура и свой улус. Он-то и распался после ухода некогда подвластных Есугая людей. Именино людей, ибо улусом, как подчеркивал в своем определении Б. Я. Владимирцов, был прежде всего «народ, объединенный в улусе», а не только какая-то территория.

Улус в силу кочевого быта был подвижен, но всегда имел свой нунтук, свою территорию. Кочевья-нунтуки основных татаро-монгольских племен, территории их улусов в целом в XII в. были относительно стабильными и хорошо известными. Для

существования улуса объединенные в улус люди важнее, чем территория улуса. Смена территории — пунтука — не вела к гибели улуса, но уход, потеря людей означали его развал. Поэтому улусы рассевали или же улусы собирали, объединяли людей. Не объединенный в улус народ именуется в «Тайной истории» уже не улусом, а иркеп — просто «людьми». Мы увидим ниже, что Ван-хан, получив от Темучжина доху, обещает ему: «В благодарность за черную соболью доху объединю твой разрозненный улус. В благодарность за соболью доху соберу твой рассеянный улус!» [Сокровенное сказание, с. 96]. Современный монгольский историк из КНР Намуюнь также особо подчеркивает значение понятия «собирать народ» (шоуцзи байсин) для формирования улуса [Намуюнь, с. 100].

Основой улуса был род его правителя — урук. В улус входили и чужаки (джад), среди чужаков выделяли родственников по женам урука, они были сватами (худа). Правящему роду подчинялись завоеванные им ранее племена — отгу-боголы. Улус был не племенной организацией и не союзом племен. Хорошо это видно из первого состава улуса Темучжина. В нем были представители племен джалаир, барулас, манхут, арулат, урянхат, олхонут и др. Личная зависимость от хана стала важнее племенной принадлежности. Вероятно, улусы внутри строились по десятичной военно-административной системе, т. е. по тысячам, которые именовались куренями. Рашид-ад-дин так поясняет термин «курень». «Значение термина „курень“ следующее: когда множество кибиток располагаются по кругу и образуют кольцо в степи, то их называют курень. В ту эпоху (Рашид-ад-дин имеет в виду XII в. — Е. К.) тысячу кибиток, располагавшихся таким образом, считали за один курень» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 18].

Улус составляли не просто люди, а люди, организованные по определенным правилам. Помимо рода правителя, ханского рода, урука, в улусе важнейшая роль принадлежала нукерам. Нукеры — это дружина хана, его друзья. Нукеры составляли гвардию правителя. Все крупные ханы монгольских степей XII в. имели нукеров. У тайгунского Тиргутай-Кирилтуха была «дневная стража», турхауты; при Ван-хане в 1203 г. имелась «тысяча турхаутов». «Монгольский предводитель XI—XII вв., — писал Б. Я. Владимирцов, — всегда... неразлучен со своими нукерами, они всегда, в том или другом качестве, при нем, они составляют его свиту. Нукер в ставке своего правителя оказывается прислужником, на войне или во время набега он — воин, во время облавных охот он — помощник; он заведует всегда чем-нибудь, наблюдает, он состоит в свите: он же является ближайшим другом и советником своего предводителя» [Владимирцов. Общественный строй, с. 93].

Гвардейцами, по «Юань ши», были и первые нукеры Чингис-хана. «Во времена Тай-цзу Мухуали. Чилаовэнь, Борху и Борчжу составили четыре цесе (кешик) для того, чтобы командовать

поседай (кешиктенами) и поочередно служить в качестве гвардии императора. Эти четверо звались дорбен кулюд („четыре героя“)... Тай-цзу приказал им, передавая эту власть по наследству, командовать четырьмя цесе. Цесе означает: „гвардия, которая служит поочередно“» [Юань ши, цз. 99, с. 1а].

Нукеры, гвардейцы, являлись частью господствующего класса монгольского общества. Нукеры были воинами, стражниками-гвардейцами, администраторами, прислугой при хане-правителе.

Ранняя монгольская государственность не знала разделения функций охраны ханской ставки, управления двором хана и управления государством. С нашей точки зрения, крупным улусы татаро-монгольских племен — Хамаг монгол улус, улусы татар, меркитов, тайчиутов, улусы керейтов и найманов являлись ранними государствами, хотя эту точку зрения разделяют не все.

Улус Есугая, возможно, был частью распадавшегося Хамаг монгол улуса; во всяком случае, Есугай не был ханом всех монголов. С его гибелью власть в улусе перешла к тайчиутам. Улус Есугая распался после ухода его нукеров, которым некому было больше служить, не с кем было совершать дерзкие набеги, а также после ухода подвластных ему сородичей — тайчиутов и уведенных ими людей, некогда входивших в есугаев улус. Мы уже упоминали, что в среде предков чингисова рода Есугай был киятом, той его ветвью, которую представляли потомки сына Гумбинай-сечена Хабул-хагана и потомки его старшего сына Якин-баркака. К киятам примыкали чжурки, старшие внуки Хабул-хагана. Есугай, как полагает Хань Жулинь, был главой киятов [Хань Жулинь, с. 9].

Тайчиуты вели свой род от Чаракай-линку, третьего сына Хайду. По китайским данным, Чаракай-линку, его сын Сянкунь-бильге были потомственными ляоскими чиновниками высокого ранга. Тайчиуты оспаривали право на власть у киятов, и, как полагает Хань Жулинь, тяготелись зависимостью от них, и тайно их ненавидели [там же, с. 9]. Поэтому, когда погиб Есугай, тайчиуты не только не отомстили за его смерть татарам, но и захватили и увели людей Есугая, бросив на произвол судьбы его семью.

У Темужина, оставшегося без отца, было три родных младших брата — Хасар, Хачиун и Тэмуге и родная сестра Тэмулун. Кроме того, в семье жили два сводных брата, которые родились от второй жены Есугая, — Бектер и Бельгутай.

Предоставленные самим себе, две жены Есугая (а на деле, возможно, и больше) и его дети с гореткой сохранивших им верность людей легко могли стать добычей любого пойона или хана. Защитой им служила лишь былая слава отца и мужа, богатыря Есугая, и знатное происхождение, чтимое хотя бы близкими сородичами.

По монгольским обычаям после смерти мужа первая и главная жена, до тех пор пока не подрастет и не жепятся сыновья, становится единовластной правительницей семьи и ее имущества.

А семья Оэлун оказалась в крайней нужде. Скота, а значит, молока и мяса, не хватало. Оэлун «бегала» по реке Онон вверх и вниз, собирала дикие яблоки и черемуху, дикий чеснок, выкапывала съедобные коренья. Дети, помогая матери, удочками и сетями ловили в Ононе рыбу: «Когда же укладывали Тайчиудские братья, покинув в старом кочевье вдову Оэлун-учжин с малыми детьми, вот как пошло:

Мудрой женой родилась Оэлун,
Малых детей своих вот как растила:
...шапочку pokrëиче приладит,
Поясом платье новыше подберет,
По Онон-реке вверх и вниз побежит,
По зернышку с черемухи да яблок-дичков соберет
И день и ночь своих деток пестует.
Смелой родилась наша мать Учжин,
Чад своих благословенных вот как растила:
С лыковым лукошком в степь уйдет,
На вареве деткам корней накопает...
Черемухой да луком вскормленные,
Доросли до ханского величия...
Праведной матери дети
Стали правосудными и мудрыми.
Голым чесноком у матери вскормлены,
Поднялись у матери отважными сынами...
Из всех выдались мужеством и отвагою.
А обетом себе поставили мать кормить.
На крутом берегу матушки Онон-реки
Вместе усядутся, друг для друга крючья ладят,
На крючья рыбешку нежную притравливают.
Ленков да хайрюзов выуживают.
Невода ли сплетут, плотву неводят.
С сыновней любовью матушку папитают

[Сокровенное сказание, с. 88. 89].

Как полагает П. Рачневский, «Тайная история» умышленно драматизирует ситуацию, в которой оказалась семья Есугая, прежде всего для того, чтобы подчеркнуть путь Темучжина «из грязи в князи» [Рачневский, с. 21]. Рашид-ад-дин приводит некоторые важные детали, которые свидетельствуют о том, что действительно все было не столь обыденно и просто. Отложились тайчиуты, которые Есугая «завидовали и питали к нему ненависть», другие люди из улуса есугаева ушли «постепенно»: «Благодаря тому что тайджиуты были главнейшей из ветвей родственных племен, дело постепенно дошло до того, что другие родичи и войска, оказывавшие Есугэй-бахадuru повиновение, отпали от его детей и склонились к гайджиутам. Они сплотились вокруг них, благодаря чему у этих племен появилась полная сила и могущество» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 84]. Оэлун не просто в сопровождении нескольких человек пыталась вернуть ушедших, а это была война, погоня носила характер военных действий, ибо «Оэлун самолично села верхом, подняла бунчук (тук), посадила на коней войска и отправилась в погоню за беглецами, дабы вернуть их назад. Когда они сошлись, с обеих сторон постро-

ились ряды в боевом порядке и начали сражение» [там же, с. 85]. Судя по Рашид-ад-дину, при сражении присутствовал и Темучжин, что допустимо, если мы примем во внимание хронологию Рашид-ад-дина, в соответствии с которой на момент смерти Есугая Темучжину было уже тринадцать лет [там же, с. 85].

П. Рачневский ставит еще несколько справедливых вопросов: Почему клан Есугая был против Озлун? Почему ее не поддерживали братья Есугая? Почему не вступил в силу закон левирата и никто из братьев Есугая не взял ее себе в жены? [Рачневский, с. 21]. И снова, если следовать Рашид-ад-дину, выясняется, что для Темучжина, младший брат Есугая, Даритай-отчигин, «вначале, когда племена и войско Чингиз-хаана перешли на сторону тайджиутов... со своим войском был с ним заодно» и лишь «спустя некоторое время... слился с племенем тайджиутов» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 48]. Двоюродный брат Темучжина, сын старшего брата Есугая, Негун-тайгин, Хучар, прославленный стрелок, про которого сложили поговорку — «стрела Хучара уносится так, что становится невидимой», «в то время, когда Чингиз-хан ребенком лишился отца и племена его склонились на сторону тайджиутов... со своим войском заключил с Чингиз-ханом союз и в течение некоторого времени находился при его особе и похвально служил ему» [там же, с. 47]. Очевидно, у Озлун и Темучжина было первоначально, на кого опереться. У нас нет материалов, которые позволили бы в деталях судить о развале есугаяева улуса. Как писал Рашид-ад-дин, «из-за смерти Есугэй-бахадуря судьба их запуталась и подробности их жизненных обстоятельств за тот промежуток времени неизвестны» [там же, с. 76].

Как бы то ни было, братья от разных жеп Есугая не ладили между собой. Они часто ссорились, нередко из-за пустяков. Озлун, которую не покидала мысль отомстить тайчиутам за предательство, старалась укротить семью, сплотить братьев, будущих мстителей за отца и ее обиды. Хорошо зная «древние слова», она рассказывала им об их роде — о мудрой праматери Алан-Гоа, о прадеде Бодончаре, о славных делах их предков Хабул-хагана и Амбагай-хагана, о богатыре Хутула-хагане и их отце богатыре Есугае. Темучжин по праву первородства был старшим, он должен был наследовать социальный статус и титул отца. Но, видимо, и Бектер, старший сын от второй жены, заявлял свои претензии. Как-то Темучжин поймал в Ононе красивую рыбу, а Бектер с Бельгутаем отняли ее у него и его брата Хасара. Побежали братья жаловаться Озлун. Та почувствовала недоброе, стала упрекать их:

Ах, что мне с вами делать? Что это так неладно живете вы со своими братьями? Нам надо думать о том, как отплатить за обиду тайчиутам, а вы ссоритесь между собой.

Обида братьев была сильнее разумных слов матери:

— Ведь совсем недавно они отняли у нас жаворонка, а теперь вот опять. Как же нам быть в согласии?

И хлопнув дверью, братья вышли, полные решимости отомстить за обиду (по «Сокровенному сказанию», с. 90).

Брат Чингис-хана Хасар

Бектер в это время пас на холме коней. Подкрались к нему сыновья Озлун с луками и стрелами. Темучжин сзади, Хасар спереди. Испугался Бектер.

— Разве подумали вы о том, с чьей помощью можно исполнить непосильную для вас месть за обиды, нанесенные тайчиутами? Зачем вы смотрите на меня, будто я у вас — ресница в глазу или заноза в зубах?

И по их лицам он понял, что не ждать ему пощады. Со словами: «Не разоряйте моего очага, не губите Бельгута» — он покорно присел на корточки перед братьями. В упор, спереди и сзади пронзили Бектера стрелами Темучжин и Хасар и ушли, бросив бездыханное тело своего единокровного брата на холме.

Озлун по лицам своих сыновей сразу все поняла.

— Душегубцы! — закричала она. — Недаром этот вот яростно из утробы моей появился, сжимая в руке своей запекшийся сгусток крови! Вы сгубили его, словно дикие псы, прогрызающие материнскую утробу! Кто вам поможет отомстить тайчиутам? У вас сейчас нет дружеской сени, кроме собственной тени, нет другого хлыста, кроме хвоста! (по «Сокровенному сказанию», с. 91).

Позднее народное предание вложило в уста Озлун такие слова:

Убийцы!
 Этот выходил
 Из тела моего,
 В руке своей сгусток крови
 Сжимая, родился.
 Вы убили его,
 Как злые собаки,
 Свое брюхо кусающие,
 Как хищные птицы,
 На скалы бросающиеся,
 Как щуки,
 Незаметно заглатывающие,
 Как верблюды-самцы,
 Связки ног у своих верблюжат кусающие,
 Как волки,
 В дождь нападающие,
 Как турпаны,
 Своих же птенцов поедаящие,
 Своих же птенцов не в силах за собой увести,
 Как шакалы,
 Свое логово, когда оно потревожено, защищающие,
 Как барсы,
 Без промедления хватающие,
 Как псы сторожевые,
 Без разбору бросающиеся!

И долго с великим гневом порицала она сыновей своих за необузданную жестокость.

Бельгутай, родной брат Бектера, прожил 110 лет и умер в 1225 г.¹ Об убийстве Темучжином брата сообщает только «Тайная история». Оно не упоминается ни в «Юань ши», ни у Рашид-ад-дина, ни в «Шэн у цинь чжэн лу». Не упоминает этот факт в своей монографии «Чингис-хан» и Хань Жулинь. Авторы последних западных монографий о Чингис-хане не сомневаются в убийстве Темучжином брата. П. Рачневский пишет, что «мы не имеем никаких оснований сомневаться в исторической подлинности убийства» [Рачневский, с. 22]. Л. Гамбис замечает, что «Темучжина не взволновали слова его матери и он не испытал ни малейших угрызений совести от поступка, который казался ему справедливым. Он не мог допустить того, чтобы лишить себя чего-то, на обладание чем, как он полагал, он имеет неоспоримое право. Эта черта характера освещает всю его жизнь, потому что он никогда не воспринимал взгляда на его власть и на его волю, как на нечто оспоримое. Он до самой смерти применял этот принцип, никогда не идя ни на какую сделку, и применял его в крайних проявлениях, хотя в действительности он не был ни жесток, ни кровожаден». Убийство брата, совершенное Темучжином, Л. Гамбис предлагал

¹ Опираясь на этот факт и учитывая претензии Бектера на старшинство, П. Рачневский допускает мысль, что Бельгутай был старше Темучжина, а значит, и Бектер значительно старше его. Следовательно, и Озун была не первой женой Есугая [Рачневский, с. 24]. Однако большинство исследователей не разделяют эту точку зрения и полагают, что Озун была первой женой Есугая, а Темучжин — его старшим сыном от первой жены.

считать «проявлением инстинкта господства и власти» [Гамбие, с. 27].

Даже в те годы, когда наезды, грабежи, убийства были довольно обычными в монгольской степи, убийство брата стало событием из ряда вон выходящим. Дело, конечно, было не в отобранной рыбе. Темучжин видел в Бектере соперника. Он устранил его с помощью физически сильного, но не очень умного брата Хасара.

Видимо, через несколько лет после распада есугасва улуса братья возмужали, превратились в юношей и кто-то один должен был наследовать дело отца. Бектер тоже понимал, что ссора из-за рыбы — только повод, и, умирая, просил об одном: чтобы дети Озлун не убивали его младшего брата Бельгутаю, не разоряли его очага. А Темучжин добился своего. Именно после убийства Бектера он был признан главой семьи.

Весть об убийстве быстро распространилась по степи. Возможно, что одними из первых узнали об этом тайчиуты. Тайчиуты не могли не знать, что Озлун живет думами о мести и воспитывает это чувство в своих сыновьях. Они побаивались подросткового Темучжина. Случай предоставил им возможность если не уничтожить Темучжина (видимо, по этике родства это было сделать непростой), то как-то взять его под более надежный контроль. Таргутай-Кирилтух со своими пукерами явился к стану Озлуна и потребовал выдачи Темучжина, главного виновника убийства. Однако Темучжин предусмотрительно бежал и укрылся в глухой чаще на вершине горы. Тайчиуты обложили лес и стали ждать.

Через пятнадцать суток, не выдержав мук голода, Темучжин вышел из лесу и был схвачен тайчиутами. Таргутай привез его в свой улус и подверг «законному наказанию»: Темучжину надели на шею кангу — тяжелую деревянную шейную колодку, к нему приставили стражу, а так как, естественно, в кочевом улусе тюрьмы не было, на почлег Темучжина переводили из юрты в юрту. Казалось, тайчиуты надежно охраняли своего будущего врага. А Темучжин отныне жил одной мыслью о побеге.

Плен (или пленение) юного Темучжина — в принципе тоже не очень ясный эпизод в истории ранних лет жизни Чингис-хана. В «Тайной истории» [Сокровенное сказание, с. 91—92] вначале рассказывается о пленении Темучжина Таргутай-Кирилтухом и стремлении подвергнуть его «законному наказанию». Однако позже в этом же источнике приводится случай, когда Таргутай-Кирилтух, плененный своими подданными, убеждает их отпустить его, так как Темучжин все равно не убьет его: «Ведь Темучжин не может, не должен меня убить! Когда он был мальшом, я привозил его к себе, зная, что он остался сиротой, без отца и что у него

Во взгляде — огонь,
А лицо — как заря...

Полагая, что он в состоянии выучиться, если его учить, и учил — наставлял его, наподобие того, как обучают породистых жеребят. Убьет ли он меня? Нет, он не может, не должен убить меня...» [там же, с. 120—121].

Таким образом, возможно, и отношения правителя тайчиутов с Темучжином и с семьей покойного Есугая были не столь однозначно враждебными².

По Рашид-ад-дину, Темучжин был захвачен меркитами. Некоторые обстоятельства самой истории пленения Темучжина тайчиутами и меркитами при этом совпадают. В «Тайной истории» рассказывается, что после того как был убит Бектер, «появился» во главе своей охраны Таргугай-Кирилтух. Он сообразил теперь:

Видно, овечки-то, кургашки, облияли,
Слюни свои подобрали.

Тут матери с детьми и все братья в ужасе бросились прятаться в тайгу. Бельгугтай построил укрепление из поваленных деревьев, а Хасар перестреливался с неприятелем. Хачиуна, Темугея и Тэмулун спрятали в ущелье, а сами вступили в бой³. Тогда тайчиуги стали громко кричать им: «Выдайте нам своего старшего брата Темучжина! Другого нам ничего не надо!» Этим они и побудили Темучжина обратиться в бегство. Заметив, что Темучжин пустился в лес, они бросились за ним в погоню, но он успел пробраться в густую чащу на вершине Тергуне. Не сумев туда проникнуть, тайчиуги окружили бор и стали его сторожить (по «Сокровенному сказанию», с. 91—92).

«Пропочевал Темучжин трое суток в тайге и решил наконец выходить. Взял свою лошадь под уздцы и пошел. Вдруг — неожиданная задержка: с лошади сползло седло. Стал он рассматривать — и видит: седло сползло при туго подтянутой подпруге и нагруднике. Вот так причина задержки?! Тогда стал он раздумывать: „Подпруга еще туда-сюда, но как могла сползти также и подгрудная шлея? Не иначе само небо меня удерживает“. И он вернулся назад и провел в лесу еще трое суток. Решил было опять выходить, как смотрит: у самого выхода из тайги, у самого выхода лежит белый валун-камень, величиной с походную юрту, и вплотную закрывает выход. „Не ясно ли, — подумал он, — не ясно ли, что само небо меня удерживает“. Провел он в лесу еще девять суток без всякой пищи и думает: „Ужели довести себя до бесславной смерти? Выйду теперь!“ И принялся срезать стволы ножом для очистки стрел, срезать деревья, которые не давали

² П. Рачневский ставит под сомнение прямую связь между увозом Темучжина к тайчиутам и убийством им брата Бектера, ссылаясь на то, что Темучжин, возможно, не раз был в плену в юности, и не только у тайчиутов [Рачневский, с. 24]. Однако нам кажется, что весь имеющийся материал подчеркивает такую связь. Следует учесть, что это был не просто плен, а наказание за убийство близкого родственника.

³ Этот факт лишний раз подтверждает, что при семье Озлун имелись люди, воины и прислуга.

прохода, окружая тот белый валун, величиной с юрту, что свалился откуда-то и заслонил проход. Кое-как провел он свою спотыкавшуюся лошадь и уже стал было выходить на прогалину. А тайчиудцы тут как тут, сторожат. Схватили его и повели с собой» [Сокровенное сказание, с. 92].

Мы не станем сосредоточивать внимание читателя на имеющихся здесь фольклорных мотивах — лес укрывает героя, небо, чудесные силы предупреждают его: «не выходи», но он вынужден нарушить их волю, выходит и попадает поэтому в руки преследователей. Обратимся к тому, что пишет Рашид-ад-дин. Он, как мы помним, ни словом не упоминает об убийстве Бектера. В повествовании о меркитах говорится: «Как-то раз во время юности Чингиз-хана они одержали над ним победу, и его внезапно захватили в плен. В те дни не существовало обычая быстро убивать пленных, так как, возможно, что-нибудь за них возьмут и тогда их освободят. Это дело произошло так. Однажды Чингиз-хан ехал по некоему важному делу; он достиг высокого холма и направился на его вершину; седло вместе с ним отделилось от спины лошади без того, чтобы распустились подпруга и развязались нагрудные ремни; Чингиз-хан упал. Сильно удивившись этому обстоятельству, он сам себе сказал: „Может быть, всевышняя истина не желает, чтобы я ехал по этой дороге, и затрудняет мое дело“. Он подумал о возвращении, но сатана снова одержал над ним верх, и Чингиз-хан отправился по влечению сердца. Неожиданно некоторое количество людей из племени меркитов напали на него, захватили, увели и стерегли до тех пор, пока, по прошествии некоторого времени, не прислали им кое-что из дому Чингиз-хана и не взяли его обратно» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 1, с. 115].

Обстоятельства пленения Темучжина тайчиутами и меркитами, как мы видим, совпадают. Но Рашид-ад-дин упоминает и о тайчиутском плене Темучжина: «В то время, когда между Чингиз-ханом и тайджиутами была вражда и распря, эти последние, найдя однажды удобный случай, внезапно схватили Чингиз-хана». «Однажды Чингиз-хан попал к ним, врагам, в руки. Его освободил... Соркан-Ширэ из племени сулдус» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 86]. Совпадает в основных деталях и рассказ о победе Темучжина из тайчиутского заточения в «Тайной истории» и у Рашид-ад-дина. Оба рассказа красочны, и то, что автор позволил себе привести их здесь полностью, думаю, не затруднит читателя.

Итак, «Тайная история»: «16-го числа Первого летнего месяца, по случаю праздничного дня полнолуния, Тайчиудцы праздновали веселым пиршеством на крутом берегу Онона и расходились, когда уже заходило солнце. На это празднество Темучжина привел какой-то слабосильный парень. Выждав время, когда все празднование разошлось, Темучжин бежал от этого слабосильного парня, вырвавшись у него из рук и всего раз ударив его по голове шейной своей колодкой. Он прилег было в Ононской

дубраве, но, опасаясь, как бы его не заметили, скрылся в воду. Он лежал в заводи лицом вверх, а шейную колодку свою пустил вниз плыть по течению. Между тем упустивший его человек громко воил: „Упустил колодника!“ На его крики со всех сторон стали собираться Тайчиудцы. Они тотчас же принялись обыскивать ронцу Ононскую: светил месяц, и было светло как днем. Сул-дусский Сорган-Шира проходил как раз мимо того места, где Темучжин лежал в заводи. Он заметил его и говорит: „Вот это дело! За то, видно, ты и не мил своим братцам, что так хитер, что

Во взгляде — огонь,
А лицо — что заря.

Но не робей, так и лежи, я не выдам!“ — и поехал дальше. Когда стали уговариваться о дальнейших поисках, Сорган-Шира посоветовал: „Давайте снова хорошенько обыщем каждый свой участок обратным путем“. Все согласились и пошли каждый обратно тем же своим путем, снова тщательно его обыскивая. Вторично проезжая мимо него, говорит Сорган-Шира: „Лежи себе. Неподалеку тут твои братцы точат на тебя зубы и языки. Но не робей!“ — и поехал дальше. И опять уговариваются они о новых поисках, и опять советует Сорган-Шира: „Сынки Тайчиудцы! Среди белого дня вы потеряли целого человека, как же можем мы найти его темною ночью? Давайте напоследок хорошенько посмотрим на обратном пути, каждый свою долю, да и по домам: а завтра утром опять сойдемся на поиски. Куда может уйти этот человек с колодкой на шее?“ Все согласились и пошли снова повторным поиском. Опять подъехал к нему Сорган-Шира и говорит: „Уговорились кончать поиски, утром будем искать. Теперь ты выжди, когда мы разойдемся, да и беги домой. Если же тебя кто увидит, смотри, не проговорись, что я тебя видел“. И с этими словами уехал.

Выждав, пока они разошлись, Темучжин пошел вниз по Онону разыскивать юрту Сорган-Шира. Он размышлял так: „Еще позавчера... мне пришла очередь ночевать тут... сыновья его (Сорган-Шира) Чимбай с Чилауном жалеют меня. Ночью, видя мои мучения, ослабляют колодку и дают возможность прилечь. А теперь вот Сорган-Шира хоть и заметил меня, а проехал мимо. Не донес. Не спасут ли они меня и в настоящем положении?“

Юрта Сорган-Шира была приметная: все время переливали молоко и всю ночь до самого рассвета пахтали кумыс. Примета — на слух. Идя... на стук мутовки, он и добрался до юрты. Только он вошел, как Сорган-Шира говорит: „Разве я не велел тебе убраться восвояси? Чего ты пришел?“ Тогда оба его сына, Чимбай и Чилаун, стали говорить: „Когда хищник загонит малую птичку в чашу, то ведь и чаща сама ее спасает. Как же ты можешь говорить подобные слова человеку, который к нам пришел?“ Не одобряя слов своего отца, они сняли с него колодку и сожгли ее на огне, а самого поместили в телегу, нагруженную овечьей шерстью и стоявшую за юртой. Они

поручили его заботам младшей сестры, но имени Хадаан, строго наказав ей не проговориться об этом деле ни одной живой душе.

На третий день, подозревая, что его скрывает кто-нибудь из своих же, стали всех обыскивать. У Сорган-Шира обыскивали в юрте, в повозках и всюду, вплоть до исподов сидений. Забрались потом и в телегу, загруженную овечьей шерстью, позвали юрты. Разобрали шерсть сверху и стали уже добираться до дна, как Сорган-Шира говорит: „В такую-то жару как можно усидеть под шерстью?“ Тогда люди, производившие обыск, слезли и ушли. Когда обыск окончился, Сорган-Шира говорит Темучжину: „Чуть было ты не развеял меня прахом. Ступай-ка теперь и разыскивай свою мать и братьев!“ Он дал Темучжину беломордую рыжую яловую кобылу, сварил двухголовалого барана, снабдил его бурдюком и бочонком, но не дал ни седла, ни огнива. Дал только лук да пару стрел. С таким снаряжением его отпустил. ...Он пошел своих...» [Сокровенное сказание, с. 94—96].

По Рашид-ад-дину: «Случилось так, что Таргудай-Кирилтук, государь племени тайджигут, который был его врагом, настиг и захватил его. Он сделал для него рогатку и берег его: в то время еще не было в обычае быстро убивать пленников. Была одна старуха из племени Тайджу-Эгэчи. Ее называли Тайджу... эта старуха все время расчесывала волосы Чингиз-хана и прислуживала ему. Поскольку все время шея у него была до крови натерта рогаткой, она подкладывала Чингизу под шею немного войлоку и вообще постоянно проявляла к нему милосердие. Спустия некоторое время Чингиз-хан в один из дней пошел удобный момент и бежал вместе с рогаткой. В тех пределах было большое озеро. Он залез в него и вместе с собой погрузил в воду и рогатку, так что из всего его тела из воды высовывался лишь один нос. Отряд тайджиутов пустился его преследовать: его искали. Сорган-Ширэ из племени сулдус... был среди того племени, и кибитка его тоже была поблизости. Внезапно его взор упал на благословенный нос Чингиз-хана. Он догадался, что это он. Тайком он подал знак, чтобы тот погрузил поглубже голову и сказал тем людям (тайджиутам): „Вы продолжайте обыскивать другие окрестности и стороны, чтобы мне здесь быть настороже!“ и этим он их рассеял по разным сторонам. Когда настала ночь, он вытащил из воды Чингиз-хана, снял с его шеи рогатку, отвез его в свой дом и спрятал на телеге под большой кучей шерсти. После этого сборище иппуних Чингиза проследило его следы до той местности. Они возымели подозрение, что он может быть в кибитке Сорган-Ширэ, учинили там тщательный розыск вплоть до того, что несколько раз протыкали ту шерсть вертелами, но он не появился оттуда. Так как Всевышняя истина возжелала его счастья, то ни разу не было причинено вреда и боли его благословенному телу; его не нашли и ушли. После того Сорган-Ширэ дал ему рыжую кобылицу, немного мяса и вертел для кебаба, а также дал ему кое-что из вещей, которые нужны в путешествии, как то: стрелы, лук и прочее, а кое-чего не дал; говорят, что он также не

дал ему огня и отправил его» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 172—173].

Далее Рашид-ад-дин повествует о том, что малолетний четвертый сын Чингис-хана Тулуй чудесным образом предсказывает возвращение отца из плена: «Вот подъезжает мой отец верхом на рыжей кобылице с двумя тарбаганчиками в тороках!», и через час прибыл домой Темучжин на рыжей кобыле и с двумя тарбаганами, и «все принесли в величайшее удивление от слов Тулуя» [там же, с. 173—174].

Таким образом, за исключением деталей, рассказ о пленении Темучжина тайчиутами и о его победе из плена и в «Тайной истории», и у Рашид-ад-дина совпадает. Был ли Темучжин и в меркитском плену? Это остается неясным. П. Рачневский утверждает, что «очевидно, Темучжин более чем раз попадал в плен» [Рачневский, с. 24]. Он исходит из того, что подобное в то время было не редкостью. Тоорил, хаган керитов, семь лет был в плену у меркитов и тринадцать лет — у татар, его брат Джака-Гамбу жил в плену у тангутов, а аьнда Темучжина Чжамуха побывал в плену у меркитов.

О пребывании Темучжина в юности в плену знал Чжао Хун: «Чингис в малолетстве был захвачен в плен цзиньцами, обращен в рабство и только через десять с лишним лет бежал» [Полное описание, с. 49]. Версию о чжурчжэньском, китайском плене Темучжина отвергал В. В. Бартольд: «Китайские современники Чингис-хана, по всегдашнему обыкновению китайцев, старались объяснить успехи монгольского завоевателя китайским влиянием и с этой целью придумывали факты; такой характер имеет известие, что Темучжин в молодости был взят в плен цзиньскими войсками и более десяти лет провел в Китае; едва ли возможно, чтобы монгольское предание не сохранило ни единого намека на период в жизни Чингиса, продолжавшийся целых десять лет» [Бартольд. Образование империи, с. 261—262]. Джузджани в «Табакат-и-Насири» (источник XIII в.) датирует тайчиутский плен Темучжина 584 г. хиджры — 1187/88 г. [Рачневский, с. 24]. Если принять во внимание разные даты рождения Темучжина — 1155, 1162 или 1167 г., то, следуя дате, приводимой Джузджани, Темучжину было соответственно 32, 25 или 20 лет; в любом случае он был уже не только не мальчик, но даже и не юноша. По Рашид-ад-дину, когда умер Есугай, Темучжину было 13 лет (т. е. это произошло в 1167 г.). Темучжин жил с матерью до тайчиутского плена 20 лет, не случайно он имел уже четырех сыновей. Разумеется, эта хронология не может считаться верной и безупречной. П. Рачневский полагает, что когда умер Есугай, Темучжину было восемь-девять лет, в 14—15 лет он убил Бектера и после этого попал к тайчиутам [Рачневский, с. 26].

Следуя источнику, и после бегства из тайчиутского плена Темучжин жил со своей семьей, кормясь ловлей тарбаганов и горной крысы кучугур. Как замечает Б. Я. Владимирцов, «в таких занятиях проходили юные годы человека, перед которыми

впоследствии трепетали могущественные царства, который, казалось, нигде не мог встретить препятствия для достижения своих желаний» [Владимирцов, Чингис-хан, с. 31].

Здесь, в уединении, семья Озлун постепенно окрепла. Выросли дети. Темучжип превратился в крепкого молодого мужчину. Но от своих сверстников он отличался не телесным здоровьем — младший брат Хасар был сильнее его, — а умом и хитростью. Постепенно именно Темучжин становится главой аила. Появляются у Темучжина и первые пукеры.

«У твоего порога пусть будут они рабами»

Врагов твоих подавлю.
Добычу твою пригоню и доставлю.

А.тап Тобчи

Как-то люди из чужого племени угнали из аила Оэлун восемь меринов. Видимо, недругам была известна незащищенность Оэлун, и поэтому это было сделано нагло, на глазах у всех. И видела Оэлун со своими близкими, что грабят их, а ничего не могла поделать. Не было в стане лишней лошади. Осталась лишь та, на которой Бельгутай уехал на охоту за тарбаганами. Как только он возвратился, заспорили братья, кому ехать в погоню. Бельгутай говорит:

— Я еду в погоню.

А Хасар говорит:

— Ты не справишься, в погоню отправлюсь я!

— Вам не справиться. — решил Темучжин как старший. — Погонюсь-ка я!

Сел на коня и поехал по следу, оставленному угнанными мериными. После третьей ночевки встретил он табун и молодого парня, который в это время доил кобылу. Тот сказал ему, что видел, как рано утром, перед восходом солнца, какие-то люди прогнали мимо восемь меринов. Заменял он Темучжину уставного коня на другого из своего табуна и сказал:

— Друг, ты ведь сильно намаялся в пути, а у добрых молодцев горе общее. Поеду-ка я с тобой в товарищах. Мой отец зовется Наху-Баяном. Я его единственный сын, имя мое Боорчу.

Отправились они вместе в погоню. Вдвоем они отбили угнанных меринов. На обратном пути, когда новые друзья прибыли к стану Боорчу, Темучжин предложил ему плату за помощь, но Боорчу наотрез отказался. Более того, Наху-Баян снарядил Темучжина в дорогу: зарезал для него ягненка и дал полный бурдюк питья. На прощание Наху-Баян сказал:

— Вы оба — молодые ребята. Любите же друг друга и никогда не бросайте друг друга (по «Сокровенному сказанию», с. 93—95).

Так, по преданию, Темучжин приобрел своего первого друга-пукера Боорчу, который всю жизнь был одним из лучших полководцев и сподвижников Темучжина.

Это предание в поэтической форме¹ повествует об усилении Темучжина и приходе к нему на службу нукеров, причем Боорчу необязательно был самым первым из них. Боорчу принадлежал к племени арулатов. арулаты и ранее были в хороших отношениях с Есугаем. По «Юань ши», когда Боорчу начал служить Темучжину, ему было 13 лет. Он отличался храбростью, знал военное дело и любил сраженья. «Как брат (единомышленник — тунци) он участвовал в походах на все четыре стороны и не было похода, в котором бы он не сопровождал [Темучжина]». «Когда все племена еще не были усмирены, Боорчу каждый раз клялся, что ночью император будет почивать обязательно спокойно, клал подушку и располагался прямо внутри, [где ночевал Темучжин]. Они говорили о самом важном, иногда до рассвета. Союз государя и его слуги был подобен единству рыбы и воды». Однажды в бою Темучжином был дан приказ не отступать ни на шаг; Боорчу привязал себя к лошади у поясницы и коленей, и не отступил ни на вершок от первоначального места [Юань ши, цз. 109, с. 106].

Рашид-ад-дин, со слов самого Темучжина, приводит следующий эпизод: «Я ехал с Богорчи, на горе находились в засаде против нас двенадцать человек. Богорчи ехал сзади. Я его не дождался, а надеясь на свою силу и мощь, напал на них. Они все двенадцать разом выпустили в меня стрелы, их стрелы летали вокруг меня, а я нападал. Вдруг мне в рот попала стрела. Я упал и от жестокости полученной мною раны лишился чувств. Меж тем подоспел Богорчи и увидел меня ерзающим по земле ногами и катающимся, словно шар, словно человек, находящийся при последнем издыхании. Тотчас он нагрел и принес воды, и я полоскал рот и выплюнул кровь, свернувшуюся в горле. Покинувшая меня душа вновь вернулась в тело, появилась способность чувствовать и двигаться. Я встал и вновь кинулся на них. Они устремились моей крепости, скатились с той горы и отдали душу. Причина тарханства Богорчи-нойона и его уруга та, что в тот момент он проявил столь похвальное усердие». [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 265]². Мы еще вернемся к эпизоду

¹ Эпизод красочно расписан в «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана.

² Существует и такая версия раннего Темучжина: Богорчи «с детства... неотлучно находился при Чингиз-хане, никогда не выступал против него и оказывал похвальные услуги... Говорят, что в то время, когда Чингис-хан был в юношеском возрасте, он отправился на войну с некоторыми тайджитами и там, будучи ранен стрелой в рот и в горло, повернул назад и обессилел; с ним вместе были Богорчин-нойон и Борагул-нойон. В пути они его сняли с лошади. Шел сильный снег. Борагул-нойон, попривержав его лошадь и видя Чингиза в таком состоянии здоровья, накопил камень и поливал его водой, пока не поднялся пар. Он держал рот Чингиза над этим паром, пока застывшая кровь не вышла сгустком из горла, и ему стало немного легче дышать. Так как шел сильный снег, то Богорчин-нойон держал двумя руками над головою Чингиз-хана свою доху, чтобы снег не падал на него. Он так простоял до утра, и снег засыпал его по пояс, он же не двинулся с места. Утром он посадил Чингиз-хана на коня и доставил в свои стойбища» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 169].

ранения Темучжина в шею, пока заметим лишь то, что, по «Тайной истории», во время ранения ему помог Чжельме, а не Богорчи.

Мы уже не раз упоминали о том, что хронологическая последовательность основных событий юных лет и возмужания Темучжина запутана. Эпизод с Боорчу и возвращением угнанных меринов мог быть и до тайчиутского плена, если мы примем во внимание, что, по некоторым источникам, во время тайчиутского плена Темучжин уже был отцом четырех сыновей. Так это или не так, но «Тайная история» связывает со временем появления Боорчу в нукерах у Темучжина женитьбу последнего.

Настала пора Темучжину жениться. Вместе с Бельгутаем он поехал к Дай-сечену и взял себе в жены Борте, девочку, теперь девушку, нареченную ему еще в детстве. Цотан, мать Борте, проводила дочь прямо в семью мужа, в аил Оэлун, на речку Сунгур, в урочище Гулельгу. Только женившись, по обычаю, Темучжин стал по-настоящему главой аила вместо своей вдовой матери Оэлун. Провожать домой тещу Темучжина поехали Бельгутай и нукер Темучжина Боорчу.

Боорчу вошел в число четырех кулюков — героев Темучжина (Борохул, Боорчу, Мухали и Чилаун). Собственно, в какой-то мере нукерами Темучжина являлись и его братья Бельгутай и Хасар. Недаром Темучжин говаривал: «С мечом Бельгутаея и луком Хасара мы возьмем всю Поднебесную» [Юань ши, цз. 107, с. 1а]. Бельгутай «в детстве сопровождал Тай-цзу», «водил заводную лошадь. По обычаю государства, [при хане] постоянно был преданный, верный человек. Если [хан] терпел поражение, то взнуздывали заводную лошадь» [Юань ши, цз. 107, с. 1а]. Бельгутай постоянно сражался в авангарде. Он сам и его семья и люди всегда занимали место к югу от ставки Темучжина. Хасар был «человеком весьма сильным и стремительным», «говорят, что его плечи и грудь были так широки, а талия до такой степени тонка, что когда он лежал на боку, собака проходила под его боком; сила же его была такова, что он брал человека двумя руками и складывал его пополам, как деревянную стрелу, так что его хребет переламывался. Большую часть он находился в союзе и был единоплеменным со своим братом Чингиз-ханом» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 51].

Отец Мухали «считал себя родственником и соседом и потому находился в подчинении Тай-цзу» [Юань ши, цз. 119, с. 1а]. Он спас жизнь Темучжину, отдав ему свою лошадь, когда их преследовали враги. Когда родился Мухали, белый воздух заполнил юрту и шаман объявил, что родился необычный ребенок. Мухали отличался умом, упорством, ловкостью, был отличным стрелком из лука. Это был человек, преданный Темучжину. «В «Юань ши» рассказывается, что однажды, когда Темучжин терпел одну неудачу за другой, он со своими людьми попал в снежный буран. Они не могли найти юрты и заночевали в болоте. Мухали и Боорчу расстелили шубы и войлок, поставили из войлока щиты

от снега и укрыли Темучжина. Сами они до рассвета продержали укрывавшие Темучжина от снега войлоки, ни разу не пошевелившись. Раз, когда на Темучжина и его людей напали разбойники, Мухали вначале успешно отстреливался, а потом снял с коня седло и укрыл им Темучжина от стрел нападавших [Юань ши, цз. 119, с. 1а — 1б].

Про Борохула известно, что он служил Темучжину, был первым его тысячником и пал от руки врага. Сын Сорган-Шира Чилаун помог Темучжину бежать из тайнгутского плена. Очевидно, по разным причинам каждый из них перешел на службу к нему, стал его нукером, но столь же очевидно и то, что они чтили Темучжина за его высокое происхождение и за его личные качества. Эти люди, как и многие другие, о которых мы скажем ниже, примкнули к Темучжину в той междоусобной борьбе, которая развернулась в монгольской степи в последнюю треть XII в., и не ошиблись.

Судя по материалам источников, Темучжин после женитьбы стал проявлять активность как политический деятель. Прежде всего он стал думать о том, как найти союзников для будущих битв с врагами. Придя в дом мужа, Борте подарила своей свекрови Озлун доху из черного соболя. И решил Темучжин отвезти эту доху в подарок правителю керейтов Тоорил-кагану, рассудив так: «Ведь когда-то Тоорил-хан керейтский побратался, стал андой с батюшкой Есугай-ханом. А тот, кто доводится андой моему батюшке, все равно что отец мне» [Сокровенное сказание, с. 95].

Темучжин был молод и смышлен. Он знал цену титулам и потому, видно, уже не впервой величал своего покойного отца ханом. А кем мог стать ханский сын? Тоже только ханом.

Когда-то Есугай-баатур и керейтский Тоорил-каган действительно были побратимами, ибо Есугай неоднократно оказывал помощь Тоорил-кагану и вызволял его из разных бед. Путь Тоорил-кагана к власти, как и многих татаро-монгольских ханов, был устлан не розами, а головами. Дед Тоорил-кагана Маркуз был пленен татарами и выдан ими чжурчжэням. Тоорил-хан начал свою «карьеру» с того, что убил двоих своих братьев — Тай-Тимур-тайши и Юла-Магасу. Воспользовавшись этим, дядя Тоорил-кагана — Гур-хан напал на него и лишил его улуса. [Гур-хан заставил бежать Он-хана (Тоорила. — *Е. К.*), разграбив его. Он-хан, бежав с сотней людей, уходил от преследователей. Есугэй-каан принял его сторону и взял его. После того Есугэй сказал: „Нам нужно вести дружбу с этим человеком“ и стал с ним побратимом (анда). В этом положении Кутула-каан сказал [Есугэю]: „Дружба с ним — недоброе дело, поскольку мы его хорошо узнали. Лучше стать андою с Гур-ханом, так как у него мягкий и хороший характер, а этот человек убил своих братьев и кровью их запачкал знамя чести“... Есугай-бахадур не согласился с этим и стал с ним [Он-ханом] другом и побратимом. Он напал на Гур-хана и обратил его в бегство, а улус его отдал Он-хану» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 130].

Гур-хан бежал на территорию тангутского государства Си Ся. Брат Тоорила — Эрке-Хара до этого бежал к пайманам. Найманы через какое-то время нанали на Тоорила, разгромили его и отдали его улус Эрке-Хара. «Отец Чингиз-хана вторично оказал помощь Он-хану и, изгнав Эрке-Хара и опять взяв место, [занимавшееся] Он-ханом, отдал ему» [там же, с. 131]. Можно с уверенностью сказать, что Темучжин, живя в захолоустье и испытав муки плена, тем не менее был хорошо осведомлен о ситуации в огромной монгольской степи. Выбор его не случайно пал на керитов.

Кериты были сильным племенем. «В то время и в тех пределах,— по словам Рашид-ад-дина,— они имели больше силы и могущества, чем другие племена. До них дошел призыв Иисуса — мир Ему! и они вступили в его веру» [там же, с. 127]. Таким образом, кериты были христианами несторианского толка. Покровительство и дружба одного из сильнейших ханов монгольских степей обеспечивали Темучжину защиту и поддержку в сокрушении врагов и восстановлении отцовского улуса.

Темучжин прибыл на реку Толу, где была орда, ханская ставка Тоорил-хана.

Когда-то вы с родителем моим побратались и, стало быть, вместо отца мне,— сказал он и подарил Тоорил-хану соболью шубу матери.

Тоорил-хан также, по-видимому, хорошо осведомленный о делах сына бывшего своего побратима Есугая, наслышанный о способностях Темучжина, а главное, о его целях, сказал в ответ именно то, чего тот желал:

— В благодарность за соболью шубу я соберу твой рассеянный улус.

По возвращении от Тоорил-хана один старик монгол, помнивший славу семьи Есугая и подаривший некогда на рождение Темучжина его родителям соболью пеленку, отдал в услужение Темучжину своего сына Чжельме:

Вели ему коней седлать,
Вели ему дверь открывать.

Так Темучжин приобрел второго нукера. С такими же присказками отдавали своих сыновей в нукеры Темучжину и другие монголы. Гун-ва, передавая Темучжину Мухали и его брата Бугу, якобы сказал:

Пусть станут слугами
У твоего порога.
Если от твоего порога
Уйдут,
Связки ног им перережь.
Пусть станут наследными слугами
У твоего полога.
Если твой полог
Покинут,
Печень
Им вырежь.

То же самое говорит Чилаун Хайчи, отдавая Темучжину в нукеры сыновей Тунге и Хаши:

Я отдаю, чтобы они
Постоянно пребывали у твоего золотого порога.
Если от твоего золотого порога
Отделятся, уйдут.
Жизнь их прерви.
Я отдаю, чтобы они
Широкий полог твой поднимали.
Если от твоего широкого полога
Прочь уйдут,
Вырви их сердце!

(по «Сокровенному сказанию», с. 114—115)

Ясно, что вступление в нукерство сопровождалось обрядом, во время которого произносились известные, стандартные слова, символизирующие акт передачи сына в вечную службу хану, службу преданную, за измену которой полагалась смерть. Чжельме был урянхат. Рашид-ад-дин дает его полное имя — Джэлмэ-Ухэ. «Значение „ухэ“ — дерзкий человек, разбойник и богатырь. Так как он обладал этими качествами, то был прозван этим именем» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 157].

Очевидно, не всем понравились переговоры Темучжина с Токтоа-каганом, видимое усиление его. И вот меркиты задумали отомстить Темучжину за старые дела Есугая, за то, что отнял он у их соплеменника Чиледу невесту Оэлу. Лихие разбойные набеги в Монголии середины XII в. были делом обычным. Украсть тайком считалось недостойным поступком, а отбить силой — подвигом мужества. Джувеини так писал о жизни татаро-монгольских племен до возвышения Чингиса: «Они не были объединены друг с другом, и между ними постоянно была вражда и происходили ссоры. Некоторые из них считали разбой и насилие, безнравственные поступки и пьянство за подвиги мужества и превосходства» [Джувеини, т. I, с. 21].

Почти врасплох застали триста меркитских воинов, предводительствуемых старшим братом Чиледу, Тохтоа-беки, аил Оэлу и Темучжина. Кто вскочил на коня, только тот и успел ускакать. Жена Темучжина Борте и вторая жена Есугая, мать Бельгута, были схвачены и уведены меркитами в плен. Чиледу не было уже в живых, а то они вместо Оэлу достались бы ему. Поэтому жену Темучжина Борте в отместку за умыкание Есугаем Оэлу отдали в наложницы младшему брату Чиледу Чильчеру. Правда, кажется, она в то время была уже беременной и ждала первого сына Чжочи.

Но меркитам нужен был и Темучжин. Долго гонялись они за ним, «метались туда-сюда, шли по его следу по таким болотам, по такой чаще, что сытому змею и не проползти. Однако изловить его все же не смогли» [Сокровенное сказание, с. 97]. Темучжин знал: если поймает его меркиты — убьют. «Великий ужас я испытал», — сказал он после ухода меркитов, когда следова-

вшие по пятам меркитов Бельгутай, Боорчу и Чжельме убедились в том, что меркиты действительно возвратились в свой улус и не оставили засаду для поимки Темучжина.

В знак избавления от беды Темучжин совершил жертвоприношение солнцу. Он снял пояс и повесил его себе на шею, снял шапку и, ударяя ею себя в грудь, совершил девять коленопреклонений, а также возлияние кумыса [там же, с. 98]. «Так монголы чествовали в ту пору свои святыни, выражая сниманием пояса и шапки свое полное подчинение высшей воле, потому что пояс и шапка, надетые как следует, были у монголов как бы показателем личной свободы их владельца» [Владимирцов. Чингис-хан, с. 37].

По версии Рашид-ад-дина, меркиты не оставили Борте у себя, а отдали ее Тоорил-хану. Тоорил-хан принял ее дружелюбно и «содержал ее на положении молодой снохи». Когда ему предложили взять ее в жены, то он ответил:

— Она моя невестка, не следует смотреть на нее оком предательства.

Темучжин послал за Борте своих людей. По дороге родился Чжочи. «Так как дорога была опасна, то они не имели возможности остановиться и устроить колыбель. Сапа из некоторого количества муки сделал мягкое тесто, завернул в него младенца и то тесто с младенцем положил в свой подол и понес бережно, чтобы члены его не пострадали. И ребенка называли Чжочи по той причине, что он неожиданно появился на свет» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 98]. Однако есть основания больше доверять «Тайной истории», которая, сохраняя почтение к своему герою, осталась более правдивой, и авторы ее позволяли себе писать то, чего Рашид-ад-дин написать уже не мог. Не могла жена основоположника династии быть чьей-то наложницей и возвратиться к мужу с сыном, отцом которого он мог и не быть!

«Я нашел, что искал»

Кровную месть мы свою совершим.
Меркит-Удуйт и Увас истребим.
Милую сердцу Борте возвратим.

Сокровенное сказание

Однако нападение меркитов неожиданно обернулось для Темучжина удачей. Жена была в меркитском плену, своих сил для ее избавления не было, и поэтому появился законный повод просить кереитского Тоорил-кагана перейти от обещаний к делу. Вскоре братья Темучжина, Хасар и Бельгутай, отправились на берег Толы, в Темный бор, в орду Тоорил-кагана. Тоорил согласился выступить в поход на меркитов:

— За черную соболью доху, предав огню всех без исключения меркитов, доставим мы тебе твою Борте.

Тоорил-каган обещал выставить две тьмы войска и только попросил, чтобы вместе с ними в поход отправился Чжамуха, дальний сородич Темучжина, некогда, еще при жизни Есугая, деливший с Темучжином его детские игры и забавы. Чжамуха из племени чжачжират был родственником Темучжина и его андой. В его подчинении было немало людей, которые должны были бы принадлежать Темучжину. Рашид-ад-дин характеризует Чжамуху как человека «крайне умного и хитрого», за что его прозвали «сечен». «Чингиз-хан называл его анда. Однако тот постоянно чинил по отношению к нему козни, вероломство и обман и стремился к тому, чтобы забрать в свои руки государство» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 190]. Чжамуха, по настоянию Тоорил-хана, должен был определить место и время встречи отрядов монголов и кереитов.

Приглашение Чжамухи для участия в походе не было случайным. Видимо, Тоорил-хан хорошо знал о том, как обстояли дела у монголов. Достоверно только одно — за Чжамухой в это время шло большинство монголов. Чжамуха и Темучжин, по всей вероятности, уже тогда рассматривались окружающими как два возможных претендента на власть над монголами, и Тоорил-хан, будучи даже обязанным отцу Темучжина, не желал своим дружеским союзничеством, уже не на словах, а на деле выделить его из этих двух молодых батыров.

Да и Темучжин видел в Чжамухе своего соперника. Это подтверждается хотя бы тем, что, сохраняя свое достоинство, Темучжин не поехал к Чжамухе, а, как и к Тоорил-хану, послал к нему своих братьев, наказав им передать Чжамухе его слова:

— Ложе мое обращено в пустой воздух. Разве мы чужие с тобой? Как же мы отомстим за обиду?

Темучжин просил передать также слова керейтского хана: «Памятуя, что я в свое время был благодетельствован отцом Бегугай-ханом, я буду блюсти дружбу. Со своими двумя тьмами я выступаю правым крылом. Пошли переговорить с младшим братом Чжамухой, не поднимется ли и он со своими двумя тьмами? Место же и время встречи пусть назначит сам брат Чжамуха» [Сокровенное сказание, с. 99—100]. Именно Чжамуха, а не Темучжин должен был определить время и место встречи, ведь реальная сила монголов — две тьмы войска — была в его руках, а не в руках Темучжина.

Выслушав от его братьев послание Темучжина, Чжамуха ответил:

— Видное издали зная свое с длинным древком окропил я, в свой густоголосый барабан, обтянутый воловьей кожей, ударил я. Черноспинного скакуна своего оседлал я, пропшитый ремнями своей панцирь одел. С рукоятью меч свой поднял я, свои стрелы с зазубринами приладил я и готов смертным боем биться с удуг-меркитами. Так и передайте!

Что подвигло Чжамуху в поход на меркитов: жажда добычи, желание помочь Темучжину и в то же время намерение поставить соперника под свой контроль? А возможно, зависимость от Тоорил-хана, которого в рамках дипломатии тех лет он считал своим старшим братом, сам являясь младшим? Трудно ответить достоверно; может быть, и то, и другое, и третье. Чжамуха, как и было условлено, разработал план внезапного нападения союзных войск, назначил место их встречи в верховьях Онона. Хасар и Бельгугай, послы, обязанные слово в слово запомнить и вопросы, и ответы, и послания, оповестили о решении Чжамухи Темучжина и Тоорил-хана.

Между союзными предводителями, которым предстояло сыграть столь важную роль в жизни монгольских степей конца XII в., с самого начала существовала атмосфера взаимного недоверия. Тоорил-хан и Чжамуха, имея по двадцать тысяч войска, воспользовались случаем разграбить меркитов. Характерно, что до этого ни тот, ни другой и не думали помогать Темучжину в его злоключениях. Темучжин надеялся спасти честь, вернуть жену, а получив свою долю добычи и имея сильных покровителей, поправить дела и возродить свой улус.

Каждый думал перехитрить другого, и все действовали с опаской. Темучжин, ставка которого располагалась как раз на пути войск Тоорил-хана, откочевал в сторону. Только пропустив войска керейтов и убедившись, что ему не угрожает их внезапное нападение, он присоединился к Тоорил-хану. Тоорил-хан, в свою очередь, намеренно или случайно опоздал к месту встречи на три дня. Чжамуха, ожидавший союзников, при их приближении выстроил свои войска в боевом порядке, тотчас же это сделали и керейты. Лишь после взаимных

пререканий по поводу опоздания союзники выступили в поход. Случилось это в год змеи, соответствующий 573 г. хиджры (мусульманского календаря), т. е. в 1177/78 гг., когда, по Рашида-ад-дину, Темучжину было 22—23 года; по другим подсчетам, поход состоялся в 1184 г. (исходя из даты рождения Угэдэя). Монгольский ученый Сандаг указывает 1188 г. Соответственно в зависимости от предполагаемой даты рождения Темучжину могло быть 29(33), 22(26) или 17(21) лет.

Главным в замысле Чжамухи было внезапное нападение на меркитов. «Обрушившись на него (меркитского Тохтоа-беки) прямо через дымовое отверстие юрты, на самое почетное у него налетим и в прах сокрушим. Женщин и детей в полон всех заберем; самое святое у него ногами потопчем, весь народ до конца истребим» [Сокровенное сказание, с. 101]. Замыслы, как видим, были серьезные и зловещие, и план этот почти удался. Войска Тоорил-хана и Чжамухи-сечена, «вторгшись через дымник», как снег на голову, внезапно атаковали меркитов, «весь улус его [Тохтоа-беки] дочиста полонили». Но сам Тохтоа-беки, получив предупреждение о нападении от слуг, занимавшихся рыбной ловлей и охотой недалеко от орды, с горсткой своих людей бежал вниз по Селенге к Байкалу, «в страну Баргучжинскую». И весь улус Тохтоа-беки, гонимый превосходящими силами противников, тоже бежал вниз по Селенге. Победители «гнали, губили и забирали в плен беглецов». Лишь Темучжин был занят другим — поисками своей Борте. «Забегая навстречу бежавшим, он все время громко окликал: „Борте, Борте!“ Услышав крик Темучжина, Борте соскочила с возка, ухватилась за поводья темучжинова коня. Узнали они друг друга и обнялись. А вскоре послал Темучжин своих людей сказать Тоорил-хану и Чжамухе:

— Я нашел, что искал. Прекратим же ночное преследование и остановимся здесь» (по «Сокровенному сказанию», с. 102—103).

Б. Я. Владимирцов полагал, что Темучжин «имел основание не желать их [меркитов] полного разгрома». Тем временем Бельгутай не мог отыскать своей матери, второй жены Есугая, и меркитам пригрозили полным истреблением, если они не вернут ее. Меркитские воины, которые на ставку Темучжина, пленили Борте и мать Бельгутая, были казнены. Их жен, «миловидных и подходящих», забрали в наложницы, а «годных стоять при дверях» поставили прислугой, т. е. попросту обратили в рабство [там же, с. 104].

Победители закончили свой поход у слияния рек Онона и Селенги. Отсюда Тоорил-хан отбыл в свою орду, а Темучжин и Чжамуха остались жить вместе в одной орде Хорхонох-Чжуртур. Соединила их страшная сила, та дружба, при которой друг боится и на час оставить друга, чтобы не пасть его жертвой. Хотя Темучжин был против массового истребления меркитов во время первого нападения союзников на них, видимо, желая сохранить их как самостоятельную силу в борьбе за власть в Монголии, он

никогда не простил им их нападение и позорное пленение его жены. По сведениям Рашид-ад-дина, он «постановил, чтобы никого из меркитов не оставляли в живых, а всех убивали, так как племя меркит было мятежное и воинственное и не раз воевало с ним» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 116].

Возможная этимология имени, которым был назван старший сын Темучжина, Чжочи,—«гость». Видимо, Темучжина никогда не покидала тайная мысль, что Чжочи мог быть и наполовину меркитом.

Есть все основания считать, что в поход Темучжин пошел «гол как сокол», г. е. с горсткой своих людей, сородичей и нукеров,—мысль, которая постоянно проводится и подчеркивается в «Тайной истории»,—был одинок, даже гоним, но его дарования и способности необычного, небесного происхождения были замечены, и он вдруг почти сразу стал ханом. Как полагает Л. Гамбис, вполне допустимо, что у Темучжина в меркитском походе если не имелось своих две тьмы, то была достаточно многочисленная армия. «По имеющимся источникам,—писал он,—неразрешима проблема, каким образом перед походом на меркитов Темучжин собрал армию, достойно противостоящую двум тумэнам Тоорила и двум тумэнам Чжамухи?» [Гамбис, с. 36].

П. Рачневский справедливо подчеркивает, что к этому времени Темучжин уже вошел в систему взаимоотношений между правителями части монгольской степи, оформленных в терминах кровного родства, как это было принято в ту эпоху в Центральной Азии и в Китае:

Поскольку важна была разница между поколениями и в пределах одного поколения, то положение Чжамухи как младшего брата Тоорил-кагана было выше, чем положение Темучжина-сына, правителя «младшего по поколению» [Рачневский, с. 33].

Очевидно, наиболее полно и правдиво события, связанные с меркитским походом, хотя и в эпической форме, описаны в «Тайной истории». «Юань ши» и «Шэн у цинь чжэн лу», источники императорской эпохи, о походе и меркитском плене Борте, жены основоположника династии, умалчивают вообще. Рашид-ад-дин, как мы уже видели, о походе и плене сообщает, но находит ход, который как бы выводит Борте из игры: пленив ее, меркиты тут же отдают ее Тоорил-кагану (от которого, кстати тоже вполне вероятно, они «зависели», т. е. признавали его старшинство в рамках той системы, о которой мы только что упомянули), а тот тут же возвращает ее Темучжину. Если бы Темучжин получил от Тоорил-кагана Борте, возможно, меркитский поход был бы и не нужен, да и как мог бы, не потеряв престижа, участвовать в нем Тоорил? Кстати, если верить более поздней

версии «Алтан Тобчи», го в наложницы была отдана и вторая жена Есугая: «Бэдхутэй отправился спасать свою мать. Когда он вошел через правую дверь в ее юрту, его мать в изорванной овчинной одежде вышла через левую дверь и сказала какому-то человеку: „Мне говорили, что мои сыновья стали ханами. Здесь я была соединена с плохим человеком, как я посмотрю в лицо сыновьям?“» [Алтан Тобчи, с. 93].

В этом же источнике Чильчер, брат Чиледу, кается в том, что он посмел взять в наложницы Борте:

Черный ворон
По обычаю должен поедать остатки кожи.
А он, говорят, пожелал есть гусей и журавлей.
Ах я, скверный грубиян Чильчер!
Покусился я на Бортэ-уджин!
Стал я бедствием для всех меркитов.
Простолюдин я, скверный я Чильчер!
Не ответить бы мне за то своей черной головой...
Скверная птица-мышеловка.
Которой судьба назначила есть мышей да сусликов.
Пожелала, говорят, вкушать лебедей да журавлей.
Скучный, скверный я, Чильчер.
Августейшую священную уджин
Страстно пожелал,
Стал я бедствием для всех меркитов

[Алтан Тобчи, с. 92]

Реально Чильчер, который взял Борте в наложницы в отместку за позор своего брата Чиледу, конечно, и не мог подозревать, что имеет дело не с обычной пленницей, а с будущей государыней — императрицей.

Свой улус

А вот вижу — комолей рябой вол. Везет он главную юрту на колесах, идет позади Темучжин, идет по проторенной дороге, а бык ревет-ревет, приговаривает: «Небо с Землей сговорились, наскли Темучжина царем царства. Пусть, говорят, возьмет в управление царство»

Сокровенное сказание

Закончился победой меркитский поход. «Темучин почтительно поклонился и сказал Тогорил-хагану и Джамухе: „Хаган, отец мой, и побратим Джамуха, с вами обоими сдружившись, получив от Неба и Земли силу и мощь,

По предписанию всемогущего Неба,
При помощи матери-Земли
У меркитов, звавшихся мужами,
Мы сумели опустошить грудь
И рассечь их печень,
Их ложе мы сделали пустым,
Их род и людей мы уничтожили,
Тех, кто остался, мы взяли в плен,
Народ меркитов, дотла разорив, удалимся“»

[Алтан Тобчи, с. 93—94].

Чжамуха — родственник и друг детских лет Темучжина — был в то время фактически главой той части татаро-монгольских племен, которая и именовалась собственно монголами¹. Мы уже говорили, что в его улусе жило много людей, которые когда-то принадлежали к улусу Есугая, а могли бы стать людьми Темучжина.

После разгрома меркитов Темучжин, видимо, тоже получил немалую добычу. Но по неясным для нас причинам — из-за боязни опять остаться одному или вынашивая какие-то дальновидные планы, — он со всеми своими людьми не ушел от Чжамухи. Полтора года их совместной жизни, когда побратимы даже иногда укрывались одним одеялом, сыграли важную, если не

¹ По Рашид-ад-дину, в его время монголы делились на тех, которые искони были монголами, «прозвание которых было монголы», и тех, которые стали называться монголами позже, «которые в настоящее время называются монголами». Истинные монголы подразделялись на пирунов и дарлскинов. Об этом делении упоминалось ранее.

решающую роль в карьере Темучжина, на пути превращения его из Темучжина в Чингис-хана. Именно в это время он успел привлечь на свою сторону многих соплеменников, поставил их перед выбором между ним и Чжамухой и смог начать борьбу за восстановление своего улуса. Л. Гамбис относит эти события к 1184 г. Он полагал, что Темучжин действовал щедростью, по выражению источника, «одевал людей в собственные одежды», «сажал их на их собственных коней», это была «тактика либерализма, способная снискивать уважение» [Гамбис, с. 36].

Чжамуха и Темучжин дважды братались в детстве. «В то время как они побратались, Томучину было одиннадцать лет. Джамуха отдал ему косточку — бабку косули, Томучин Джамухе крепкую бабку-налиток. Так они стали побратимами. Еще тогда, когда они гоняли кости по льду Онона, они назывались побратимами. Потом весной, когда они вместе стреляли из малых луков, Джамуха отдал Томучину свою шумящую стрелу с наконецником, сделанным из рога оленя. Томучин обменялся с ним стрелой с шишечкой из можжевельника: так они стали побратимами. Вторично назвались побратимами — таков был обычай.

Они сказали друг другу: „Слышали мы некогда сказанные слова стариков о побратимстве: У побратимов одна общая жизнь, не оставляйте друг друга, в жизни будьте охраной друг другу. Таков закон взаимного братства. — Ныне мы также произнесем клятву побратимства — будем жить мирно“.

Томучин опоясал Джамуху золотым поясом, отобранным у меркитского Тогтага, подарил Джамухе светлую, с черными хвостом и гривой яловую кобылицу, взятую у Тогтага. Джамуха в ответ на это опоясал Томучина золотым поясом, отобранным у уиаг-меркитского Даир-Усуна, посадил Томучина на белого коня с шишкой на лбу, принадлежавшего когда-то также Даир-Усуну. На южной стороне крутого откоса Хулдагар в Хорхог-Джибуре, под ветвистым деревом, они назвались побратимами и, услаждая друг друга, пировали, и праздновали, и спали вместе под одним покровом» [Алтан Тобчи, с. 95—96].

Таким образом, Темучжин и Чжамуха дважды братались в детстве и теперь, после победы над меркитами, заключили союз побратимства в третий раз, обменявшись, по обычаю, золотыми поясами и конями. Встает вопрос, где же раньше был анда Чжамуха, почему не помогал Темучжину? Мы не находим на него ответа. Судя по всему, до похода на меркитов Чжамуха или не мог, или, скорее всего, не хотел поддерживать Темучжина. Поводом к признанию послужил, вероятно, восстановленный Темучжином союз с Тоорил-каганом. Каждый из дважды побратавшихся помнил о том, что на деле один не поддержал другого в трудный час, и поэтому было решено подтвердить побратимство и побрататься в третий раз.

Так, как повествует «Тайная история», жили они одним становившем полтора года (по Лубсан Данзану — один год и «часть следующего года») и неизвестно почему внезапно покинули его

в один день. Видимо, и у того и у другого уже имелись для этого основания. Умен и хитер был Темучжин, но умен и хитер был также и Чжамуха.

Итак, орда тронулась в путь. И хотя побратимы ехали рядом, впереди своих людей, последующие события показали, что едут они в разные стороны. По преданию, поводом для внезапного расставания послужили загадочные слова Чжамухи, сказанные им Темучжину:

— Покочем-ка возле гор — для табунщиков наших шалаш готов,

— Покочем-ка возле реки — для наших пастухов овец еда готова! [Сокровенное сказание, с. 106].

Лубсан Данзан в «Алтан Тобчи» передает эти слова так:

Вблизи горы сойдем с коней,
Тогда наши пастухи коней
Найдут себе огонь и искры!
Не верно ли это?
Вблизи реки сойдем с коней.
Там пастухи овец, ягнят
Найдут себе еду для горла!
На это ведь запрета нет?

[Алтан Тобчи, с. 96].

Никто не знает, что имел в виду Чжамуха: может быть, намекал на то, что нет такого кочевья, где всем было бы одинаково хорошо.

Темучжин же, не поняв смысла слов Чжамухи, испугался. Поотстал немного, подъехал к своим матери и жене посоветоваться. Жена его Борте истолковала слова Чжамухи так:

— Недаром про анду Чжамуху говорят, что он человек, которому все скоро приедается. Ясно, что давешние слова Чжамухи — намек на нас. Теперь ему стало скучно с нами. Раз так, нечего останавливаться. Поедем поскорее, уйдем от него и будем ехать всю ночь. Так-то будет лучше! [Сокровенное сказание, с. 106].

Побратимы, видимо, давно опостытели друг другу. Такое истолкование Борте слов Чжамухи было подготовлено всей жизнью побратимов и их людей в последние месяцы — уж слишком быстро согласился Темучжин с мнением жены, столь превратно истолковавшей слова его побратима, не возражали, видимо, и его нукеры и сородичи. Более того, как мы вскоре убедимся, и между людьми Чжамухи, полтора года прожившими под властью побратимов, начались колебания, с кем из них остаться? Может быть, действительно Чжамуха своими словами намекал: «Давай разойдемся, всем станет удобнее», как это толкует Дорона-Тиб, составитель нового краткого перевода «Тайной истории» на китайский язык [Дорона-Тиб, с. 83].

Люди Темучжина покинули Чжамуху и ехали всю ночь. И оказалось, что не зря эти полтора года Темучжин провел с андой. Многие нойоны и нукеры присоединились к Темучжину.

С Темучжином ушли и некоторые сородичи Чжамухи. Один из них, Хорчи, заявил:

«Мы с Чжамухой происходим от жены, которую имел наш священный предок Бодончар. Стало быть, у нас, как говорится,

Чрево одно
И сорочка одна.

Мне никак не надо было отделяться от Чжамухи. Но явилось мне ясное откровение. Вот вижу, светло-рыжая корова все ходит вокруг Чжамухи. Рогами раскидала у него юрты на колесах. Хотела забодать и самого Чжамуху, да один рог у нее сломался. Роет и мечет она землю на него и мычит-мычит и приговаривает: „Отдай мой рог!“. А вот вижу — комолый рябой вол. Везет он главную юрту на колесах, идет позади Темучжин, идет по проторенной дороге, а бык ревет-ревет, приговаривает: „Небо с Землей сговорились, нарекли Темучжина царем царства. Пусть, говорят, возьмет в управление царство“. Вот какое откровение предстало глазам моим!» [Сокровенное сказание, с. 107].

Видел ли Хорчи подобный сон, навеянный полутора годами деятельности Темучжина в улусе Чжамухи, или удачно, зная суть происходящего, придумал его², не столь важно. Важно то, что, по тому же преданию, стал Хорчи гут же бесстыдно торговаться:

— Чем же ты, Темучжин, порадуеть меня за откровение, когда станешь государем народа? [там же].

Всем было ясно, что у двух коров не может быть по одному рогу — какая-то из них потребует оба рога себе.

Те, кто решил, что верх возьмет Темучжин, присоединились к нему. Как этого достиг Темучжин всего за полтора года, неясно, но отделился он от Чжамухи уже не гонимым сыном, у которого только и было, что слава отца да претензии на его былую мощь, а обладателем своего улуса, способным отныне почти на равных говорить со всеми ханами, сеченами, баатурами и прочими многочисленными правителями татаро-монгольских племен.

Это был сговор Темучжина и группы нойонов из окружения Чжамухи, увидевших в Темучжине долгожданного вождя. Темучжин чем-то привлек их на свою сторону, щедростью ли (как полагает Л. Гамбис) или обещаниями добычи, возвеличения правящего урука, наконец, личными качествами, но они по своей воле избрали вместо Чжамухи или кого-то другого именно Темучжина. Они решили провозгласить его своим ханом, заключив с ним, видимо, по тогдашним обычаям, специальный договор, определявший обязательства и хана и нойонов. Темучжин, возможно, и раньше привлекал взоры части монгольского нойонства. Иные из них помнили еще о недавнем величии предков Есугая и Темучжина, «природных ханов», одним из отпрысков которых являлся Темучжин.

² Или позднее придумали его те, кто в «Тайной истории» писал о ранних годах Темучжина и его приходе к власти.

Когда Темучжин пировал с Чжамухой под развесистым деревом после разгрома меркитов, один из пойонов, Мухали, намекал ему, что именно под этим деревом плясал и веселился Хутула-хаган, храбрый правитель монголов. Ныне племя монголов потеряло былое значение, но лишь на время. Вечное синее Небо, которое уже не раз спешествовало ему, Темучжину, не может покинуть и лишить милостей свое излюбленное племя. Будет из племени монголов новый хаган, который соберет в один улус всех монголов. Об этом уже идет молва, так говорят старые люди. И не Темучжин ли этот будущий хан? (по «Сокровенному сказанию», с. 161).

Выбор пал на Темучжина благодаря его происхождению и, бесспорно, личным качествам — хитрости и уму, которые по достоинству оценили его современники, пойоны и араты, желавшие объединения монголов в одном улусе под сильной властью.

Условия взаимного договора сторон были простыми и бесхитростными. Хан был нужен пойонам и нукерам монголов, чтобы собрать их силы в единый кулак, такой же прочный, как у керитов, татар, найманов и других народов Монголии, в такой, каким был Хамаг монгол улус. Богатую добычу и славу мог принести им разумный, смелый и удачливый в сражениях хан. Хан был нужен и аратам. Он и его нукеры могли защитить их от набегов соседей. На примере первых двух с половиной-трех десятков лет жизни Темучжина мы видели, что грабеж, наезды, резня были постоянной угрозой слабому, тому, кто не мог ответить на силу силой.

Избрание Темучжина ханом было оформлено в урочище Хара-Чжуркену, на речке Сангур, близ озера Коко-Нур³. По преданию, представители нойонства Алтан и Хучар из борджигинов, того же рода, из которого происходил и Темучжин, и Сача-беки из чжурки, родственники Темучжину, т. е. люди из кланов «природных ханов», явились к Темучжину, который, разумеется, знал об их приходе и ждал его.

Они заявили ему:

«Мы решили поставить тебя ханом. Когда же Темучжин станет ханом, в битвах с многочисленными врагами мы будем первыми, и если полоним прекрасных девиц, жен да добрых коней, то будем отдавать их тебе. В облавах мы будем выступать раньше других и половину пойманных нами зверей будем отдавать тебе. Если мы в ратных делах преступим твои приказы или в мирное время повредим делам твоим, то ты отними у нас жен и имущество и покинь нас в безлюдных пустынях» [Сокровенное сказание, с. 108—109].

Таким образом, нойоны и нукеры («мы решили») поставили Темучжина ханом. Конечно, повторяем еще раз, трудно сейчас убедительно доказать, почему выбор пал именно на Темучжина — он-то полагал, что его выбрало прежде всего само Вечное

³ Не смешивать с озером Куку-Нор в Северо-Восточном Тибете.

синее Небо! — но это действительно был выбор. Позднее, когда избравшие Темучжина ханом Алтан и Хучар вновь переметнулись к Чжамухе, Темучжин напомнил им некоторые обстоятельства своего избрания: «Открыто ли вы хотите покинуть меня или надумали покинуть коварно и лицемерно? Тебе, Хучар, как сыну Некун-тайчжи, мы предлагали быть ханом, но ты ведь сам отказался. И тебе, Алтан, мы предлагали: „Хутула-хан правил ведь всеми нами. Будь же и ты ханом, ведай всеми, как и отец твой!“ Но ты тоже отказался. Не мог же я повелеть и другим, более высокого происхождения: „Будьте ханами вы. Сача и Тайчу, как сыновья Бартан-баатура“. Итак, не имея возможности возвести в ханы вас, я вами же был наречен ханом» [там же, с. 137]. Темучжин, таким образом, был не из самых знатных по происхождению и был избран на ханство монгольским нойонством и сородичами, точнее, их частью, видимо, прежде всего благодаря своим личным достоинствам.

По расчетам Ш. Сандага и Хань Жулиня, избрание Темучжина ханом произошло в 1189 г. [Сандаг, с. 27; Хань Жулинь, с. 13]. Л. Гамбис указывал на 1190 г. [Гамбис, с. 60]. Соответственно, если исходить из хронологии, принятой Рашид-ад-дином, то избрание Темучжина ханом произошло в 1180 г., а если считать, что меркитский поход состоялся в 1184 г., то в 1186 г. При различии в датировках в целом на десять лет и различии дат рождения Темучжина на 12 лет, ему было 25(35) лет, если он родился в 1155 г.; 18(28) лет и 13(23) года, если датой его рождения считать 1162 и 1167 гг.

По сведениям «Тайной истории», именно в это время, одновременно с провозглашением его частью монголов ханом, Темучжин получил впервые титул Чингис-хан [Сокровенное сказание, с. 109].

Биографы Темучжина, то предпочитая «Тайную историю» другим источникам, то почему-то вдруг делая акцент на ее тенденциозности, не все признают факт принятия Темучжином до 1206 г. титула Чингис-хан. Л. Гамбис полагал это сообщение «ошибкой „Тайной истории“», он считал, что Темучжин был провозглашен ханом до 1200 г., а титул Чингис-хан получил только в 1206 г. [Гамбис, с. 46]. П. Рачневский также фразу из § 123 «Тайной истории» «Темучжина же нарекли Чингис-хаганом и поставили ханом над собою» [Сокровенное сказание, с. 109] расценивает как «анахронизм» [Рачневский, с. 40]. Хань Жулинь обошел этот вопрос, но, видимо, и он критически относился к факту принятия Темучжином титула Чингис-хан, во всяком случае, и после создания Темучжином своего первого улуса Хань Жулинь в своей биографии Чингис-хана продолжает именовать его Темучжином.

Новый, сокращенный перевод «Тайной истории монголов» сообщает о присвоении Темучжину титула Чингис-хан, но Дорона-Тиб никак не комментирует это сообщение [Дорона-Тиб, с. 88]. Лубсан Данзан красочно описывает присвоение Темучжину

Темучжин — Чингис-хан

ханского титула: «Как только они приняли это решение (избрать Темучжина ханом. — *Е. К.*), то поклялись и принесли жертву Верховному вечному Небу, водрузили и воздвигли девятиножное белое знамя. Еще до того, как родился Темучин, хаган мудрых луусов (духов земли и воды. — *Е. К.*) вытолкнул из камня печать Хасбу; черноватая птица, сидя на дымнике, прошептала: „Чингис, чингис“. Шебегание этой птицы и было причиной того, что Темучину дали имя Чингис, когда сделали его хаганом. В возрасте сорока пяти лет в год бинг (тигра) в истоках реки Онон он водрузил свое девятиножное белое знамя и воссел ханом на великий престол» [Алтан Тобчи, с. 100]. Здесь явное смешение событий 1206 г. и более ранних.

Казалось бы, если другие источники не сообщают, что Темучжин стал Чингис-ханом до 1206 г., то и верить «Тайной истории» не следует. А собственно, почему? Наука с готовностью принимает множество фактов, сообщаемых этим источником, но умалчиваемых другими источниками эпохи имперского периода, по почему-то не доверяет этому сообщению, полагая, что оно вписано позже. Это неоправданно. Да и для славы Темучжина безразлично, стал ли он Чингис-ханом, когда был ханом только своего монгольского улуса, в который вошла лишь часть монголов, или ханом объединенной Монголии.

Автор данных строк полагает, что если мы верим в убийство Темучжином Бектера, в пленение Борте, сомневаемся в случае с Чжочи в отцовстве Темучжина, то мы можем допустить и то, что Темучжин получил титул Чингис-хан до 1206 г. Тем более что все знатные ханы имели титулы не просто хагана (хана), а с какими-то добавлениями — Онг (ван)-хан, Даян (да ван)-хан и т. п. Провозглашая Темучжина ханом, ему тоже должны были дать какой-нибудь подобный титул. Если бы это был иной титул, чем Чингис-хан, мы бы также знали об этом из «Тайной истории». Остается все-таки поверить в то, что, впервые став ханом, Темучжин сразу получил титул Чингис-хан. Впредь в нашем повествовании мы станем именовать Темучжина не по имени, а по его более широко известному титулу Чингис-ханом или просто Чингисом.

Имеется немало объяснений титула «чингис», но ни одно из них не является научно строго обоснованным. Рашид-ад-дин объяснял этот титул так: «значение „чин“ — сильный и крепкий, а „чингис“ — множественное от него число, по смыслу одинаковое с наименованием гур-хан, которое было прозванием великих государей Кара-Китая, иначе говоря, государь сильный и великий» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 150]. Рашид-ад-дин также объясняет титул «чингис» как равный титулу «пахашпах», «царь царей»: «По-монгольски же „чин“ — значит „крепкий“... а „Чингиз“ — множественное число от него. Причина была та, что в то время у великих государей кара-хитаев титулом был гур-хан, а значение слова „гур“ также „крепкий“, и до тех пор пока государь не бывал предельно велик, его не называли гур-ханом.

На монгольском языке прозвание „Чингиз“ имеет тот же смысл, но с более преувеличенным значением, так как оно есть множественное число, и обобщить это слово можно, например, с персидским „шаханишах“ („царь царей“)» [там же, т. I, кн. I, с. 167]. В данном же отрывке своего «Сборника летописей», в рассказе о племени уряут, Рашид-ад-дин сообщает о том, что этот титул придумал шаман Тэб-Тэнгри: «Он всегда приходил к Чингиз-хану и говорил: „Бог повелел, чтобы ты был государем мира!“ И чингиз-ханово прозвание ему дал он, сказав при этом: „Повелением бога имя твое таково должно быть!“» [там же].

Это, конечно, обобщенные толкования, сделанные после того, как Темучжин уже явил миру свое «величие». Все ученые-монголоеды хором утверждают, что «чингис» как множественное число от «чин» невозможно [Банзаров, с. 175]. Видимо, рациональным в сообщении Рашид-ад-дина является то, что он допускает получение титула от шамана, из шаманского, возможно, тайного лексикона, который был непонятен простому смертному, ибо шаман знал язык зверей и птиц, имена духов и т. п.

Д. Банзаров еще в прошлом веке полагал, что «чингис» — это наименование одного из древних татаро-монгольских духов — тэнгриев. Он отмечал, что встречал в одной из монгольских рукописей упоминание о существовании духа хаджир-чингис-тэнгри [там же, с. 311]. Б. Я. Владимирцов также допускал именно такое истолкование титула «чингис»: «Очень трудно определить значение слова „чингис“, сделавшегося титулом Темучжина, — писал он. — Можно догадываться только, что титул этот Темучжин получил от имени светлого духа, которому поклонялись тогдашние монголы-шаманисты. Предположение это имеет под собой и то основание, что многие смотрели на Темучжина как на предопределенного Небом, да и сам Темучжин, по-видимому, много думал об этом вмешательстве „Вечного Неба“ в его судьбу» [Владимирцов. Чингис-хан, с. 45]⁴. Рубрук в своем сочинении называет Чингиса «Демугин-Хингей», «Темучжин-Чингис», сливая воедино и имя и титул [Путешествия, с. 180].

Чжао Хун указывал, что Темучжин — это «детское имя» Чингиса. Титул Чингис-хан ему придумали божавшие к татаро-монголам чжурчжэньские чиновники. «Поэтому [татарский владетель] стал называться Чэнь-цзи-сы хуан-ди [в переводе его титула на китайский язык]. Некоторые говорят, что Чэнь-цзи-сы есть не что иное, как перевод двух китайских слов: „тянь цы“» [Полное описание, с. 50]. Китайское словосочетание „тянь цы“ значит „пожалованный Небом“» [Васильев, с. 218]. Чжао Хун при объяснении титула «чингис» употребил слова «и юй» — «передает».

⁴ «Существует заповедь вечного Бога: на небе есть один только вечный Бог, над землею есть только единый владыка Чингис-хан, сын Божий, Демугин-Хингей (т. е. „звон железа“). Они называют Чингиса звоном железа, так как он был кузнецом, а возносясь в своей гордыне, именуют его пыле и сыном Божиим» [Путешествия, с. 180].

Именно на этом основании В. П. Васильев и предположил, что китайское «тянь цы» было передачей, транскрипцией слова «чингис» [там же].

Предметом спора в науке было и то, является ли слово «чингис» собственно титулом или лишь определением, эпитетом к слову «хан». Еще в середине прошлого века немецкий историк Ф. Эрдман писал, что если бы слово «чингис» само являлось титулом, то к нему не надо было бы прибавлять слово «хан». Ему резонно возражали, указывая на многие примеры «масла масляного» — Онг-хан, Буюрук-хан, Таян-хан и т. п. Покойный советский монголовед Н. Ц. Мункуев указывал, что «титулом является все сочетание, в котором первый элемент представляет собой эпитет». Н. Ц. Мункуев, следуя поздней монгольской традиции, склонялся к шаманским корням титула Чингис-хан (см. [Полное описание, с. 109—114]). По этой традиции, зафиксированной, в частности, в «Эрдэни-ийн тобчи» Саган-сэцэна, в 1189 г., в день избрания Темуджина ханагом, «на четвероугольном камне, перед юртой сидела пятицветная птица, похожая на жаворонка, она и пропела „чингис, чингис“» [Банзаров, с. 311, примеч., 297].

Немецкий переводчик «Тайной истории» Э. Хэниш предложил связать слово «чингис» с китайским «чжэн» — «правильный», «справедливый» (см. [Рачневский, с. 82—83]). Но эта гипотеза не получила широкой поддержки.

Ныне наиболее принятой является версия, предложенная знаменитым французским ученым П. Пельо. Он предложил считать слово «чингис» монгольской формой тюркского «тэнгис» — «море», «океан» [Пельо. Монголы, с. 23, примеч. 2]⁵. В этой интерпретации титул «Чингис-хан» значит «хан-океан», «хан обширный и могучий, беспредельный, как океан», что в переносном смысле означало «владыкя вселенной». Тенгиз (Денгиз) — имя одного из сыновей предка тюрков Огуз-хана⁶.

Таким образом, очевидны две версии, трактующие титул «чингис»: местная и китайская. Китайская версия выводит происхождение титула из Китая через «журчженей» и истолковывает титул «чингис» с помощью китайского «тянь цы» — «пожалованный Небом», получивший власть волею Неба, верховного божества. Местная версия связывает титул с шаманскими верованиями, где Небо — также верховное божество. Небо явило свою волю через птичку, прощеватавшую титул нового хагана — «чингис, чингис». «Чингис» — немонгольское, во всяком случае непонятное самим монголам имя одного из духов или тюркское слово «тенгиз» — «море». Такое заимствование вполне допустимо.

⁵ Независимо от П. Пельо это истолкование титула «чингис» было предложено также Г. И. Рамstedом (см. [Полное описание, с. 111]).

⁶ По Рашид-ад-дину, «у Огуза было шесть сыновей, имена их следуют в таком разделении и порядке: Кун, Ай, Юддуз, Кок, Так, Денгиз». В переводе на русский язык эти имена значат: «солнце», «луна», «звезда», «небо», «гора», «морс» [т. I, кн. 1, с. 86]. Тюркское имя Тенгиз достаточно распространено и в наши дни.

Важно, что и в том и в другом случае Темучжин считался хаганом, поставленным по воле Неба, т. е., прибегая к европейским меркам, был государем, поставленным волею бога, помазанником божьим. Еще раз подчеркнем, что никаких достаточно основательных доводов к тому, чтобы полагать, что Темучжин не имел титула Чингис-хан до 1206 г., у нас нет.

Итак, Темучжин, став Чингис-ханом, по традиции водрузил свой туг — знамя, символизирующее духа — защитника народа и войска, и приступил к устройству своего улуса. Если мы обратимся к последним авторитетным исследованиям, то, по мнению Л. Гамбиса, Чингис проводит мероприятия, которые «должны были стать эмбрионом администрации монгольского государства» [Гамбис, с. 43]. П. Рачневский полагает, что Темучжин «организовал» своих последователей, «создал службу», что означало «введение нового порядка» в степи [Рачневский, с. 82—84]. Хань Жулинь отмечает, что первый улус Темучжина был создан представителями монгольской знати из киятов и каждый получил свое место, основанное на клятвенном союзе⁷.

Нужно было создать аппарат управления и, по тогдашним обычаям, назначить на должности сподвижников и родственников нового хана. Следовало отметить и тех, кто покинул Чжамуху ради Темучжина и его нового улуса. При этом своих верных и испытанных нукеров Чингис ставил выше братьев. Темучжин первоначально ввел около десяти должностей.

— Благоволением Неба и Земли, — заявил вновь избранный хан, — умножающих мою силу, душою стремясь ко мне, вы отошли от анды Чжамухи и вступили в мои дружины. И разве не назначено судьбой быть вам старой счастливой дружиной моей? Поэтому я поставил каждого из вас на свое место!

Старшими над дружиной и всеми должностными лицами были поставлены два первых нукера Темучжина — Боорчу и Чжельме:

— Да пребудете вы в сердце моем, — заявил, по преданию, Чингис при их назначении, — ибо когда у меня не было иных друзей, кроме собственной тени, вы оба стали тенью моей и успокоили мою душу. Да пребудете вы на лоне моем, ибо когда у меня не было иной плети, кроме конского хвоста, хвостом моим стали вы и успокоили мое сердце. Вы пришли ко мне и пребывали со мною прежде всех. Не вам ли подобает быть старшими над всеми, здесь находящимися! (по «Сокровенному сказанию», с. 110, 111).

Командование армией и охраной орды было поручено трем «лучникам» — лицам, обязанным в качестве знаков власти носить лук и стрелы⁸, в том числе Оголай-черби — младшему брату

⁷ По заключению Хань Жулиня, все назначенные на должности, кроме младшего брата, были выходцами или из рабов, или из людей зависимых, не связанных со старой родовой знатью. Это была опора власти Темучжина, ядро которой составлял отряд нукеров (см. [Хань Жулинь, с. 13—14]).

⁸ Впоследствии это была должность хорчи — «стрелка».

Боорчу, и трем «меченосцам» (букв. «носителям сабель») во главе с младшим братом Чингиса Хасаром. Четыре нукера были назначены разведчиками-гонцами, исполнявшими личные поручения хана, в основном в качестве послов с вестовыми стрелами:

Дальними стрелами — хoorпах,
Ближними стрелами — одора [Сокровенное
сказание, с. 110].

Командный пост в дружине Чингис-хана получил и его будущий полководец Субетай-баатур. Возможно, именно ему было поручено командование авангардом еще немногочисленных в то время военных сил в орде Чингис-хана. Свои обязанности Субетай, по преданию, образно охарактеризовал так: «Обернувшись мышью, буду собирать-запасать вместе с тобою. Обернувшись черным вороном, буду вместе с тобою подчищать все, что снаружи. Обернувшись войлоком, намбе, попоной, попробую вместе с тобою укрываться, обернувшись юртовым войлоком, герисге, попробую вместе с тобой им укрыться!» [там же]. Приумножать улус хана и беречь его, укрывать, как теплым войлоком, обещал Чингису его нукер Субетай.

По сведениям «Юань ши», Субетай был «монгол урянхат», «его предки из поколения в поколение охотились в верховьях реки Онон». Субетай был храбр, являлся отличным наездником и стрелком из лука. Из текста «Юань ши» неясно, когда Субетай попал к Чингис-хану. Рассказывается лишь, что в то время когда Темучжин находился на реке Баньчжуна, отец Субетая Хабань был захвачен разбойниками. Орудя пиками, Субетай и его старший брат Хулухань отбили отца. Хулухань стал сотником у Чингиса, а Субетай вначале был отдан ему в заложники, а затем тоже стал сотником [Юань ши, цз. 121, с. 1а].

Чингис-хан говорил о своем нукере и полководце Субетай: «Субетай — опора и щит. В кровавых боях все свои силы отдает на службе моей семье. Я очень ценю его!» [там же, с. 2а].

Были назначены люди для управления хозяйством улуса — старшие над стадами овец, над конскими табунами и над кочевыми телегами с юртами. Еще одна группа лиц ведала различными службами непосредственно ханской орды. Это были три кравчих, ведавших ханским столом, их девизом являлось: «Утреннего питья не заставим ждать, об обеденном питье не позабудем». К ним относились также ханские конюшие и среди них брат Чингиса по отцу Бельгугай и черби — управляющий слугами и домашними людьми.

Чингис учредил привилегированное сословие дархатов. Дархаты освобождались от всяких налогов и поборов, они могли не делиться своей военной добычей и охотничьими трофеями, не наказывались за ряд преступлений и имели постоянный и свободный доступ к хану.

Таким образом, мы можем выделить в улусе Чингис-хана три группы должностей. Первая группа — управление ордой, ханской ставкой, т. е. непосредственно личными нуждами хана, его семьи,

Субетай-баатур знаменитый полководец
Чингис-хана

его урука и, вероятно, шире — рядом «ведомств» администрации улуса, управление охраной самого хана и его орды.

Вторая группа должностей — управление хозяйством улуса: улусным скотом, перекочевками и пользованием пастбищами в границах улуса. Третья группа должностей — управление войсками, дружиной.

Улусом правил «природный хан», получивший власть, так или иначе дарованную Небом. При нем имелся совет из родственников и знати. При хане нукеры и его гвардия. Возможно, улус делился на аймаки.

Когда после похода на татар Чингис захотел отыскать мужа пленной татарской ханши Есуй, он приказал Боорчу и Мухали «расставить всех имевшихся при орде людей по аймакам». Улус располагал своей территорией, имел границы, которые охранялись.

Это был первый шаг к формированию государства Чингис-хана. Дальнейшее развитие эти реформы получили после объединения всей Монголии под его властью.

Побратимы-враги

Враги! Давно ли друг от друга
Их жажда крови отвела.

А. С. Пушкин

Согласимся вместе с подавляющим большинством исследователей, что сколько бы лет в это время ни было Темучжину, свой первый улус он собрал и создал в 1189 г. Как подчеркивает Хань Жулинь, это был «Маленький улус», размещавшийся в верховьях реки Керулен, улус, в котором людей было не очень много [Хань Жулинь, с. 14]. Но какой улус считался по меркам XII в. малым, а какой — многочисленным?

По некоторым данным, Чингис имел 13 куреней и три тьмы войска, т. е. армию в тридцать тысяч человек. Первый курень составляли люди и родня Озлун, его матери, второй — родня и люди самого Темучжина, с третьего по десятый — люди и войска монгольской знати из киятов, и двенадцатый — тринадцатый — люди и войска знати из нирупов [Хань Жулинь, с. 15]. Не так уж и мало было войск у Чингис-хана.

Новый хан разослал гонцов известить о своем воцарении. Улусы создавались и разваливались в то время в монгольских степях не столь уж редко. Так, распался улус Есугая — и никто не бросился на помощь его семье, никто не удивился, даже Тоорил-хан, который сам был обязан Есугаю воцарением в собственном керейтском улусе. Одним ханом стало больше, и как будто это никого не беспокоило. В те времена очень часто происходила смена правителя, а также перераспределение власти и людей в рамках одного — нескольких улусов — у керейтов, монголов, найманов и т. п. Простым людям часто было все равно, с кем идти воевать, для кого пасти скот и кому платить налоги, тем более что борьба шла, как правило, в среде «природных ханов».

Тоорил, узнав о возведении Темучжина в ханское достоинство, ответил послам Чингиса:

— Справедливо, что посадили на ханство сына моего Темучжина. Как можно монголам быть без хана? Не разрушайте же своего согласия, не развязывайте узла единопутия, который вы завязали, не обрезайте своего собственного вóрота!» (по «Сокровенному сказанию», с. 111).

Очевидно, он не усматривал в Чингисе, его вассале (сыне), соперника и, возможно, даже надеялся получить для себя немалые выгоды от его быстрого возвышения. Вскоре так и вышло.

Чингису пришлось оказать Тоорилу серьезную поддержку, он фактически расплатился с ним за все прежние милости. Случилось так, что, поссорившись со своим младшим братом Эрке-Хара, Тоорил хотел казнить его, но тот бежал к найманскому Иианч-хану. Иианч-хан напал на Тоорил-хана, разбил его и вынудил бежать в Семиречье, в государство кара-китаев. Не ужившись там, Тоорил-хан двинулся на восток, прошел через земли уйгуров и тангутов, жил «в полном оскудении... всю дорогу питался тем, что кое-как держал у себя пять коз для подоя да точил на еду кровь верблюда». Чингис-хан поспешил прийти на выручку к своему бывшему покровителю, находившемуся в столь бедственном положении. Он встретил его у истоков Керулена, собрал для него имущество, взял в свой курень и какое-то время содержал его. Из-за междоусобиц жизнь Тоорила с детства была полна опасностей — семи лет он попал в плен к меркитам, тринадцати — к тагарам, затем ему была уготована постоянная борьба за власть, борьба не на жизнь, а на смерть. Много повидавший на своем веку Тоорил-хан при поддержке Чингис-хана снова подчинил себе большинство керентов.

Но, естественно, иной была реакция Чжамухи на прибытие послов от Чингиса. Оказавшись бессильным помешать Темучжину отделиться и стать Чингисом, потеряв многих своих пугеров, Чжамуха не решился прямо осудить Чингиса за коварство. Он обвинил его послов в том, что они разлучили его с андой.

Судя по тексту «Тайной истории», сам Чжамуха, по-видимому, даже не принял послов Чингиса — Алтана и Хучара, людей знатных, виднейших нойонов, которые возвели Чингиса на ханство. Алтан, как мы упоминали, был сыном Хутулы, а Хучар, сын Некуна-тайчжи, являлся дядей Темучжина по отцу. Алтан и Хучар сделали ставку на Темучжина. По мнению П. Рачневского, именно отделение Темучжина от Чжамухи, переход на сторону Темучжина части потомков «природных» ханов означали начало борьбы за единого монгольского хана, за воссоздание Хамаг-монгол улуса [Рачневский, с. 41].

Итак, Чжамуха даже не принял Алтана и Хучара, он только сказал:

— Передайте от меня Алтану и Хучару: «Зачем, вы, Алтан и Хучар, разлучили нас с андой, вмешавшись в наши дела,

Одного в живот бодая,
А другого — под ребро.

И почему вы не возвели в ханы моего анду Темучжина в ту пору, когда мы с ним были неразлучны? И с каким умыслом поставили его на ханство теперь? Блюдите же теперь, Алтан и Хучар, блюдите данное вами слово покрепче! Да получше служите другу моему анде!» [Сокровенное сказание, с. 111].

Чжамуха подчеркивает, что именно знатные родичи поставили Темучжина ханом по своей воле. А последние слова Чжамухи

были обращены не столько к послам, сколько к самому Чингису. Дескать, помни, анда: те, кто плохо служил мне, вряд ли станут и твоими преданными слугами; они возвели тебя ханом, они же могут и лишить тебя ханской власти. Чжамуха явно надеялся посеять в душе Чингиса семя недоверия к тем людям, которые сделали его ханом, учинить смуту в чингисовом улусе.

Надо сказать, что в науке достаточно прочно утвердилось точка зрения на то, что Чжамуха был сторонник «племенной знати», а Темучжин представлял интересы тех, кто стремился освободиться от родовых оков, был человеком, который поощрял индивидуализм и личные качества. Жак Легран обращает внимание на то, что «в момент разрыва Темучжина и Чжамухи за Темучжином пошли не столько целые обокы, сколько отдельные их группы, не в силу родовой дисциплины, а на основании самостоятельных политических решений» [Легран, с. 168]. В то же время В. В. Бартольд и Б. Я. Владимирцов видели в Чжамухе носителя «демократических» тенденций, а в Темучжине представителя «степной аристократии». Был ли Чжамуха борцом за «племенное состояние», за «солидарность племенных вождей» и являлся ли Темучжин деятелем, «оспаривавшим племенную иерархию и племенной порядок... сторонником людей, покинувших свой род или племя и ушедших на службу к своему господину, за лучшую жизнь»? [Рачневский, с. 35—36]. Этот вопрос кажется нам надуманным. И за Чжамухой и за Темучжином шли люди, представлявшие и те и другие интересы.

Чжамуха жаждал повода для открытой ссоры; не случайно именно он нашел его первым. Тайчар, по одной из версий, младший брат Чжамухи, угнал табун коней у одного из сторонников Чингиса. Нападение было столь провокационным, что бывшие при этом люди не решились преследовать Тайчара. Лишь владелец табуна Чжочи-Дармала¹ бросился в погоню, настиг глубокой ночью Тайчара и убил наповал, прострелив ему спину. По версии Рашид-ад-дина, Чжочи-Дармала даже не позволил Тайчару угнать табун. Он спрятался в середине табуна, а когда Тайчар приблизился, поразил его стрелой. Отбив свой табун, он вернулся победителем, но «привез на хвостах своих коней» войну.

Теперь Чжамуха, мстя за смерть своего младшего брата, получил долгожданный повод напасть на Чингиса. Вскоре он так и сделал. В сражении с той и с другой стороны участвовало приблизительно по тридцать тысяч человек. Сражение в Далан-Балчжутах произошло у гор Гүлегу, между истоками реки Сенгур и верхним течением реки Онон. Чингис был уверен в нападении Чжамухи. «Затем к Чингис-хану на урочище Гүлегу пришло известие от Мулке-Тотаха и Боролдая из племени икирес: „За убийство своего младшего брата Тайчара Чжамуха решил воевать с Чингис-ханом. Чжадаранцы во главе с Чжамухою

¹ По некоторым сведениям, табун даже принадлежал не ему, а лично Чингису.

объединили вокруг себя тринадцать племен и составили три тьмы войска, которое переправляется через перевал Алаут-турахут и собирается напасть на Чингис-хана» [Сокровенное сказание, с. 112]. У Чингис-хана тоже было тринадцать куреней, и он также составил три тьмы войска и пошел навстречу Чжамухе. Сражение произошло при Далан-Балчжутах, причем Чжамуха опрокинул и потеснил Чингис-хана, который укрылся в Цзереновом ущелье при Ононе. «„Ну, мы крепко заперли его в Ононском Цзереене!“ — сказал Чжамуха, и прежде чем вернуться домой, он приказал сварить в семидесяти котлах княжичей из рода Чонос, а Неудайскому Чахаан-Ува отрубил голову и уволок ее, привязав к конскому хвосту» [там же, с. 112].

По Рашид-ад-дину, вместе с Чжамухой против Чингиса выступили и тайчиуты. «Согласно этому со стороны Чингиз-хана собралось тринадцать куреней войска. Войска тайджиутов, выступив в поход и пройдя через холмы Алаут-Тураут, пришли в местность Талан-Балджиус и стали против Чингиз-хана. С обеих сторон дали сражение. Всевышняя истина даровала Чингиз-хану свое вспомоществование, и он перебил этими тринадцатью куренями тридцать тысяч вражеских всадников. От сияния солнца счастья Чингиз-хана враги рассеялись, словно пылинки в воздушном пространстве. ...В той местности, на берегу реки, был огромный лес. Чингиз-хан расположился там и приказал поставить на огонь 70 котлов; в них сварили заживо врагов-смутьянов, которых он захватил» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 88]. Третью версию исхода сражения дает «Шэн у цинь чжэн лу». «Армия [Темучжина] была сформирована, и большое сражение произошло в степи Далань-Баньчжусы. Чжамуха был разбит и бежал. Его армия вначале перевалила через две горы, на полпути она для пропитания в семидесяти котлах сварила волков» [Пельо — Гамбис, с. 35—37].

Таким образом, по «Тайной истории», поражение потерпел Чингис-хан, а по Рашид-ад-дину и «Шэн у цинь чжэн лу» — Чжамуха. По «Тайной истории», Чжамуха сварил пленных из племени чонос, по Рашид-ад-дину, пленных сварил заживо Чингис-хан, а по «Шэн у цинь чжэн лу», отступающие отряды Чжамухи просто с голодухи сварили и съели сваренных в семидесяти котлах волков.

Все исследователи склоняются к тому, что истинным является свидетельство «Тайной истории», и Чингис-хан свое первое большое сражение проиграл. Как писали П. Пельо и Л. Гамбис, Чингис-хан был побежден. Как позже писал Л. Гамбис, Рашид-ад-дин и автор «Шэн у цинь чжэн лу» уже не могли сообщить, что Чингис-хан потерпел поражение [Гамбис, с. 56]. П. Рачневский полагает, что Рашид-ад-дин знал о поражении Чингис-хана, но как официальный историк не мог написать истины [Рачневский, с. 43]. Кстати, он считает, что поражение при Далан-Бальчжуте имело место не позднее 1187 г. П. Рачневский указывает, что между поражением, которое потерпел Чингис-хан от Чжамухи,

и достоверно датированным походом Чингис-хана на татар в 1196 г. лежит промежуток в десять лет, о котором мало что известно. На трудности этих лет жизни намекает Рашид-ад-дин: «Чингиз-хан в те годы испытал различного рода бедствия от племени тайджиут и других старших и младших родичей, равно и от племен джурят, меркит, татар и прочих. Разные племена его неоднократно захватывали в плен, а он освобождался от их рук разными способами и средствами. Так как его счастье и благоденствие были predetermined, то постепенно положение его крепло...» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 248]. «Очевидно, — отмечает П. Рачневский, — нечто в жизни Темучжина стало умалчиваться, и это нечто было табу как для современников, так и для позднейших потомков, хотя бы по той причине, что это наносило ущерб репутации повелителя мира» [Рачневский, с. 45].

Он полагает, что, вероятно, несколько лет, с согласия цзиньских властей, Темучжин провел на территории чжурчжэньского государства. В это время в результате поражения Чингис-хана оказался в изгнании и Тоорил-хан, о чем мы писали выше. Цзиньские власти были заинтересованы в возвращении и воцарении Тоорила. Они приютили Темучжина как его потенциального союзника и помогли ему окрепнуть и возвратиться в Монголию. Это случилось около 1195 г. Отсюда, поясняет П. Рачневский, и версия Чжао Хуна о том, что Чингис-хан десять лет провел в цзиньском плену [там же, с. 46].

Сам П. Рачневский допускает, что его гипотеза нуждается в дальнейшем исследовании. В ней, возможно, есть рациональное зерно. Однако почему об этом не сообщает «Тайная история», наш единственный правдивый и беспристрастный источник? Судя по духу этого источника, Темучжин и не должен был пойти к чжурчжэням, так как вражда с ним красной нитью проходит в «Тайной истории». Мы уже видели, сколько противоречивого и взаимоисключающего в ранней биографии Темучжина. Трудно даже надеяться на то, что истина когда-либо станет известной. Можно сказать одно — поражение было столь тяжким, что на какое-то время Чингис действительно был выбит из «победной» колеи и должен был собраться с силами, чтобы продолжать борьбу.

За эти годы к Темучжину Чингис-хану вновь присоединилось несколько влиятельных людей. Это был Муслик со своим сыном, известным шаманом Кокочу, который, по сведениям Джувейни, заявил, что он, как глашатай Вечного Неба, все то, что на поверхности земли, отдал Темучжину и его сыновьям. В это время перешел к Чингис-хану и будущий знаменитый полководец Чжэбе.

Итак, несмотря на поражение, к Чингис-хану постепенно продолжали присоединяться новые сторонники. Приход одной из таких групп вызвал ликование в его стане. По этому случаю был устроен пир, во время которого всплыли разногласия среди чингисовой родни. Из-за порядка раздачи молока произошла

ссора между ханшами, на пиру побили кравчего, а затем вспыхнула драка между Бельгутаем и Бури, ведавшим конями Сача-беки, из рода чжурки. Сача-Беки пировал вместе с Чингис-ханом, Бури рассек Бельгутаю мечом плечо, и, как ни уговаривал Бельгутай Чингиса: «Пустяки! Сушие пустяки! Опасного со мною ничего нет, и я сохраняю хладнокровие и дружелюбие. Одного только боюсь, как бы из-за меня не перессорились младшие и старшие братья, которые только что примирились и соединились. Братец, подожди же, оставь, удержиись!» [Сокровенное сказание, с. 112], Чингис не утерпел, схватил громадный сук и сам ввязался в драку. Дерущиеся не пускали в ход оружие, но усердно молотили друг друга сучьями, мутовками для взбивания кумыса, бурдюками и всем, что попало под руку. Чингис со своими одолел. Возмущенные и обиженные чжурки и их люди покинули его орду и улус. Правда, через некоторое время родственники примирились, тем более что представился случай совместно воздать татарам за старые обиды.

Помогло Чингис-хану выстоять после поражения и то, что в рядах Чжамухи не было единства, несмотря на одержанную победу, его улус стал постепенно разваливаться.

Набег на татар

Говорят, что при ловкости большого пальца
На кругом берегу
Можно сразу прострелить двух уток.

Лубсан Данзан

Еще в годы царствования Да-дин (1161—1189) император Цзинь, говорят, сказал: «Татары непременно явятся бедствием для нашего государства!». Выполняя императорскую волю, войска Цзинь фактически начали войну на истребление татар. Осуществлялась так называемая политика «сокращения численности совершеннолетних». Суть ее состояла в том, что через каждые три года в восточные районы Монголии, туда, где проживали татары, отправляли экспедиционный корпус для истребления татар. Как повествует Чжао Хун, «в Шаньдуне и Хэбэе, в чем бы доме ни были татарские дети, купленные и превращенные в маленьких рабов, — все они были захвачены и приведены войсками» [Полное описание, с. 70]. От набегов Цзинь страдали и другие татаро-монгольские племена. Нападения кочевников на границы Цзинь и карательные походы в глубь застенных для Китая степей и гор чередовались с определенными промежутками в течение тысячелетий.

По сведениям китайских источников, в 1195 г. ряд племен Монголии, точнее, вероятно, сборная орда из представителей ряда племен и улусов, разорили в очередной раз пограничные районы Цзинь. Цзиньский экспедиционный корпус вторгся в пределы Монголии. Чжурчжэньские войска дошли до реки Халхи и озера Хулуш-Нор. Было взято много добычи. И когда победители-грабители возвращались обратно, их атаковали татары и отбили у них добычу. Командующий экспедиционным корпусом Цзинь генерал Сягу Цанчэнь приказал татарам немедленно вернуть все, что они захватили. Но татары отказались подчиниться приказу и, по понятиям тех лет, «взбунтовались».

В 1196 г. император Цзинь отправил в карательный поход против татар войска под командованием Ваньянь Сяня, который у реки Керулен разбил татар. Часть татар бежала на реку Ульдза, и преследовать их было поручено отряду под командованием Ваньянь Анго. По версии Л. Гамбиса, от цзиньского двора последовало предложение Тоорил-хану присоединиться к отряду, а Тоорил-хан, недавно вновь обретший свой улус, потребовал от Чингис-хана участия в походе. Было ли это требование или

Монгольский всадник

предложение, не столь важно, только узнав об этом, Чингис-хан заявил:

Татары — наши старые враги. Они — губители наших дедов и отцов. Поэтому мы не можем отказаться от похода против них.

И он послал Тоорил-хану оповещение: «По имеющимся сведениям, Алтын-ханов Вангин-чинсян гонит перед собою вверх по Ульچه Мегучжина-Сеульту и прочих татар. Давай присоединимся к нему и мы против татар, этих убийц наших дедов и отцов. Поскорее приходи, хан и отец мой, Тоорил!».

— Твоя правда, сын мой. Соединимся! — ответил Тоорил-хан керейтский (по «Сокровенному сказанию», с. 113).

В поход были приглашены и обиженные татарами чжурки, с которыми не столь давно произошла драка на пиру. Прождали их шесть дней, но чжурки в поход не явились. Объединенные войска Тоорил-хана и Чингис-хана, примкнув к войскам Цзинь, двинулись вниз по реке Ульچه. Зажатые в клещи, татары закрепились в двух урочищах, но были выбиты оттуда монголами и керентами. Менгучжин-Сеульту погиб. Победители разграбили стада и имущество татар, среди прочего нашли серебряную колыбель и одеяло, расшитое жемчугом. «Так как, — писал позднее Рашид-ад-дин, — среди монголов такого рода предметов было мало, это событие сочли важным, и оно приобрело известность» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 93]. Разгром татар на реке Ульдэ

Л. Гамбис датирует маем — июнем 1196 г. [Гамбис, с. 51]. Среди пленных, доставшихся Чингис-хану, был мальчик, будущий Шиги-Хутукту, главный судья государства Чингиса.

Ваньянь Сян пожаловал Чингис-хану за заслуги чин джаутхури, по современному толкованию, чжаотао, т. е. чин пограничного чиновника-военачальника, призванного привлекать местное население (чжао) на службу цзиньской династии и в случае неповиновения и беспорядков на границе карать виновных и непокорных (тао). Одновременно Чингис-хан стал числиться командующим группы войск — цзю. Эти войска были и у киданей и у чжурчжэней. Они набирались в пограничной зоне из местного разнородного населения и в основном несли пограничную службу. На европейский лад чин Чингис-хана джаутхури обычно трактуют как чин сотника.

Тоорил-хан получил титул вана, как полагает, например, Л. Гамбис [Гамбис, с. 51], не от Ваньянь Сяна, а непосредственно от императора Цзинь. Отсюда в дальнейшем появилось его имя Ван-хан (Онг-хан), столь популярное, что проникло в Европу и породило на свет «христианнейшего правителя Центральной Азии пресвитера Иоанна». Необычность нового «имени» даже отмечена в «Юань ши». «Ван-хан, имя Толи, был пожалован титулом от Цзинь и стал ваном. На туземном языке слово „ван“ было труднопроизносимым, поэтому из титула ван сделали вань-хань» [Юань ши, цз. 1, с. 36]. П. Рачневский высказывает предположение, что княжеский ванский титул цзиньский двор мог дать Тоорил-хану не за поход против татар, а в связи с упрочением его власти в своем улусе и возросшим авторитетом в монгольских степях [Рачневский, с. 49].

Современные китайские авторы придают большое значение получению Чингис-ханом цзиньского чина. «Используя статус чиновника, оперирующего приказами двора», Чингис, по их мнению, мог командовать монголами и знатью других племен [Юань чао ши, с. 72]. Действительно, получение чина от государя соседней могущественной страны было по тем временам почетным актом, придававшим авторитет правителю, получившему титул. Подобные пожалования часто практиковались китайцами по отношению к их иноземным соседям. По господствовавшим в то время взглядам, это «верховное признание» часто делало законными в глазах соплеменников притязания на власть. Чингису чин был весьма кстати. Мы знаем, что в тот момент ему подчинялись еще далеко не все монголы. Значительная часть их была с Чжамухой, да и иные из тех, кто уже жил в улусе Чингис-хана, все еще «смотрели в лес». В их числе оказался и Сача-беки и его чжурки.

Стрела, пущенная умелой рукой, поразила первую цель — татар и принесла Чингис-хану чжурчжэньский чин. Она же попала и в чжурки. Ибо, не выступив в поход на татар вместе с Чингис-ханом, Сача-беки дал последнему законный повод к расправе над чжурки. А это был важный шаг к устранению одного из

«природных ханов», вероятного и опасного соперника. Драка с чжурки на ниру, в которую вмешался лично Темучжин, имела слишком глубокие корни. По легенде, Чингис хотел показать свою силу не только чжурки, но и своим братьям. Бельгутаи во время драки подсадил Темучжина на коня левой рукой. Делать что-либо левой рукой, например подать что-то левой рукой, у монголов считалось проявлением неуважения. Бельгутаи за проявленное неуважение, хотя и во время драки, в обстановке экстремальной, был взят под арест. Бельгутаи и Хасар кичились перед братом своей силой и ловкостью. По преданию, чтобы поставить их на место, Чингис-хан объявил: «Я подавлю их гордость! ...Он принял облик простого старика и, держа длинный желтый лук, подошел к ним и сказал: „Продаю этот лук!“ Тогда Хасар и Бельгутаи спросили:

— Что ты за человек, откуда пришел? Этакое мы и не видавали.

— Я бедный человек, живу тем, что продаю луки. Хотел бы я знать, не будет ли он плох, если его натянуть?

Бельгутаи и Хасар, оба не смогли натянуть лук. Тогда тот старик обернулся седым человеком, сидящим верхом на сером муле с белым пятном на лбу. Он приложил к длинному желтому луку свою золотую стрелу и выстрелил так, что скала раскололась. „Разве вы оба не младшие братья августейшего владыки, которых называют ловкий стрелок Хасар и силач Бельгутаи?“ Ведь говорят, что

Вместо большого хвастовства
лучше прикусить язык

Произнес это, он ушел. Только тогда оба брата устрашились и сказали друг другу: „Это был гений владыки. Так-то!“ И оба виредей „прикусили языки“» [Алтан Тобчи, с. 106].

Пришла очередь чжурки. Это была кровная родня. Основателем ветви чжурки был Сорхату-Чжурки, сын Окин-Бархаха, старшего сына Хабула, т. е. двоюродный брат Есугая. Сорхату в свое время были выделены самые умелые люди. Потомки их, с которыми теперь столкнулся Чингис, «были все люди действительно неукротимые, мужественные и предприимчивые». Они требовали себе почта. Это их ханши побили на ниру кравчего Чингиса, а их человек ранил Бельгутаю. Вначале, кажется, был найден путь к примирению и не раз звучали призывы: «Давайте будем жить в согласии». Но чжурки не согласились участвовать в походе Чингиса против татар. Более того, по версии «Гайной истории», в отсутствие Чингиса, когда он был занят татарским походом, они напали на его ставку — аурук, десятерых убили, а пятьдесят человек «обобрали донага».

— Мыслимо ли простить чжуркинцам их дела? — в гневе заявил Чингис. — Ведь не кто иной, как они, на ниру в ононской дубраве избili кравчего Шикиура. Они же рассекли плечо Бельгутаю. Потом, после их извинения, мы любознательно вернули им обеих ханш, Хоричжин-хагун и Хуурчин. Когда же мы пред-

пожили им участвовать в походе на татар, этих исконных врагов и убийц наших отцов и дедов, то они не явились, и мы прождали их шесть дней. Ныне же на глазах у врагов они сами стали нашими врагами (по «Сокровенному сказанию», с. 114).

Судьба чжурки была предрешена. В одиночку им было не выстоять против Чингиса, а союзники покинули их. Чжамуха, обиженный на них за неверность, помогать им не хотел. Поэтому Чингис жестоко расправился со своими мятежными сородичами, «уничтожил самое племя и род их» [там же, с. 116], а оставшихся в живых «сделал своими наследственными рабами».

Между «Тайной историей» и Рашид-ад-дином имеются расхождения в некоторых существенных деталях. Согласно «Тайной истории», Чингис ходил походом на чжурки, вожди чжурки Сача-беки и Тайчу бежали, но были пойманы и доставлены Чингису, который приказал казнить их [Сокровенное сказание, с. 114]. По Рашид-ад-дину, Чингис вообще не гневался на чжурки и даже вел для них часть татарской добычи. В пути отряд людей Чингиса был атакован чжурки, что послужило причиной похода на них. Чжурки были разгромлены, но Сача-беки и Тайчу удалось бежать [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 93 – 94]. П. Рачневский, кажется не без оснований, полагает, что в § 139 «Тайной истории», во фразе: «Таких-то знаменитых людей сокрушил Чингис-хан и уничтожил самое имя и род их» содержится завуалированное осуждение уничтожения Чингисом своей близкой родни [Рачневский, с. 51]. Кстати, в «Юань ши» сказано, что люди Чингиса вообще были ограблены не чжурки, а найманами [Юань ши, изд. 1, с. 36].

Позже, по сведениям Рашид-ад-дина, упрекая Тоорил-хана, Чингис вообще станет утверждать, что убил Сача-беки и Тайчу ради Тоорил-хана. «Для тебя я убил своего старшего брата и погубил младшего. Если меня спросят, кто они, они — Сэчэ-беки, который был моим старшим братом, и Тайчу-Кури, который был моим младшим братом» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 128].

Все это, разумеется, силовое лицемерие. Сача-беки был реальным соперником Чингиса, к тому же живущим в его собственном улусе. Был найден предлог устранить его, и он был устранен. Все исследователи биографии Чингис-хана сходятся на том, что «это был важный шаг на пути возвышения Темучжина» [Юань чао ши, с. 73], ибо он уничтожил самую могущественную ветвь знати среди своей родни. П. Рачневский полагает, что убийство чжуркинских предводителей было «политическим мероприятием», которое «утихомирило старую злобу» [Рачневский, с. 51]. И в дальнейшем Чингис старается постоянно низвести представителей старой монгольской знати до обычных пукеров.

К концу XII в. в Монголии все еще было несколько сильных лидеров, претендовавших на власть. Кроме Чингис-хана это были: Ван-хан керейтский¹, Чжамуха с теми собственно монголами,

¹ По заключению Л. Гамбиса, керенты в это время стали главной силой в Восточной Монголии [Гамбис, с. 31].

которые не признавали Темучжина — Чингис-хана, и прочими его союзниками, найманские ханы, татары, а также тайчиуты и меркиты. По крайней мере трое из ханов Центральной Монголии — Чингис-хан, Ван-хан и Чжамуха — реально претендовали на лидерство. По характеристике Л. Гамбиса. «Тоорил был энергичным государем, характер имел переменчивый и нерешительный, он одновременно был хитер и жесток» [Гамбис, с. 31], «он не имел данных стать главой кочевой империи». Это мы знаем сейчас, а тогда, после 1196 г., это было еще неизвестно. Тем более что Чингис-хан ходил в вассалах Ван-хана, и, по оценке правительства Цзинь, Ван-хан был наиболее могущественным из правителей Восточной Монголии.

Приблизительно в 1197—1198 гг. Ван-хан без Чингис-хана совершил поход против меркитов, разграбил их и из захваченной добычи ничего не уделил своему «сыну» и вассалу Чингису. Это, возможно, положило начало новому охлаждению. В 1198 г. цзиньские армии совершили новый поход в Восточную Монголию против хунгиратов и других монгольских племен и разорили местное население. Но после 1198 г. Цзинь стала довольно быстро утрачивать власть в этих районах. Это помогло Чингис-хану в овладении восточными районами Монголии.

На западе Монголии также происходили важные события, в перспективе способствовавшие победе Чингис-хана. После смерти найманского Инанч-хана найманское государство распалось на два улуса: Буюрук-хан стал править гористой частью страны на Алтае, а Таян-хан — степными областями на Черном Иртыше. В 1198—1199 гг. Ван-хан, Чингис-хан и Чжамуха общими силами обрушились на Буюрук-хана, как полагает П. Рачневский, возможно, не без молчаливого одобрения Таян-хана. Буюрук был разбит объединенными силами керситов и монголов и бежал в верховья Енисея (на Кэм)².

В этом походе, кажется, Тоорил-хан впервые решил отделаться от Чингиса. Когда победители возвращались обратно, один из найманских отрядов загородил им путь. Чингис-хан и Ван-хан построили свои войска в боевой порядок. Однако уже опускалась ночь, и они решили переночевать, не ломая строя, а с утра пораньше начать бой. В эту ночь побратимы предали Чингиса. Не потушив огней, Ван-хан и Чжамуха тайно покинули позиции, оставив Чингиса один на один с сильным противником, надеясь, что тот покончит с ним. Только утром Чингис понял хитрый замысел своих союзников.

— Оказывается, они задумали вовлечь нас в беду-пожарище! — И спешно покинув боевой лагерь, отступил, не принимая боя с найманами.

² По сасдениям «Юань ши», Буюрук-хан и его найманы перед битвой «вызывали шамана, чтобы он принес жертвы и вызвал ветер и снег, желая воспользоваться этим и атаковать [Чингис-хана и Ван-хана]. Однако когда задул ветер, то он стал дуть в обратную сторону и обрушился на их позицию». Выпал обильный снег, и найманы были разбиты [Юань ши. цз. I, с. 5а; Сокровенное сказание, с. 117].

Пока союзники уходили прочь, Чжамуха наговаривал Ван-хану на Чингиса:

Ясное дело, мой анда Темучжин издавна обменивается послами с найманами. Вот почему он и не подтянулся к нам теперь. Хан, хан! Я-го вот оказался более надежным, а мой анда — переметнулся!

Однако наутро найманы стали преследовать не Чингис-хана, а Ван-хана. Византизм ударом они разорили его кочевья, захватили в плен семью сына Ван-хана Сангума³ и угнали много людей и скота. Пользуясь смутой, от Ван-хана ушли сыновья меркитского Тохтоа-беки, которых он в качестве заложников принудил кочевать с собой после успешного похода на меркитов в прошлом году.

Кереиты вступили в трудную борьбу с найманами. Нужны были союзники. Ван-хан спешно направил гонца к Чингис-хану с вестью: «Найманы полонили у меня жен и детей. Поэтому и посылаю просить у тебя, сына своего, твоих богатейшей. Да спасут они мой народ!» Вовремя подоспели нукеры Чингиса. Одолевали найманы кереитов. Был ранен конь Сангума, и сам он чуть не попал в плен. Но ударили монголы, разгромили вместе с кереитами найманов, вернули Ван-хану (в который раз!) его людей и имущество. В битве особенно отличились четыре верных нукера Чингиса — Боорчу, Мухали, Борохул и Чилаун. Чингис сказал Тоори-хану: «Я послал четырех полководцев, они захватили и вернули твой народ, снова утвердили твое государство!»

То ли совесть заговорила, то ли, что скорее всего, Ван-хан задумал новую хитрость, только решил он завещать и свой улус, и управление кереитами Чингис-хану:

Итак, один раз мой потерянный улус вернул мне мой анда Есугай-баатур, а в другой раз погибший улус спас мне сын Темучжин. Отец с сыном, возвращая мне утраченный улус, для кого же трудились они, собирали и отдавали? Ведь я уже стар. Я до того одряхлел, что пора мне восходить на вершины. Когда же в преклонных годах взойду на горы, на скалы, кто примет в управление весь мой улус? Младшие братья мои — ничемные люди. Сыновей у меня все равно что нет: один-единственный Сангум. Сделать бы мне сына моего Темучжина старшим братом Сангума! Вот тогда бы и стало у меня два сына, а потом — на покой!

Чингис согласился на усыновление, и на берегах Толы был совершен положенный обряд. Поклялись они друг другу:

На врага ли поспешно ударить
Как один, общей силой ударим.
Или дикого зверя облавить
Как один, общей лавой облавим.

Будем уповать лишь друг на друга, а потому:

³ Это, собственно, не имя, а чин, от кит. сянгун — «министр», «первый министр», «везирь».

Змеи ль зубастые
Нам клеветой шипят —
Мы клевете не поверим.
С другом увидимся.
Другу мы веру дадим.
Змеи ль клыкасты
Злобу внушают нам —
Злобу отбросим мы.
Друга послушаем.
Другу лишь веру дадим

(по «Сокровенному
сказанию», с. 125—127).

Но хитрый Чингис-хан давно уже не верил словам. Он предложил скрепить новый союз брачными узами — женить своего старшего сына Чжочи на дочери Ван-хана, младшей сестре Сангума, Чаур-беки, а Тусаху, сына Сангума и внука Ван-хана, женить на своей дочери Хочжин-беки. Керейган, в особенности новоявленному братцу Чингиса Сангуму, это не понравилось: они не желали, даже ради каких-то тайных планов Ван-хана, породниться с Чингисом, а потому стали возражать. Чингис, и до этого не доверявший полностью даже Ван-хану, понял, что его усыновление керейтским ханом — пустое дело, и, внешне не выказав обиды, «внутренне охладел к Ван-хану и Нилха-Сангуму» [Сокровенное сказание, с. 127]. Возможно, эти события были чуть позже. По «Юань чао ши», замысел «породниться с Темучжином и убить [его]» относится к 1203 г. [Юань чао ши, с. 76].

Несоответствия в хронологии, столь обычные для всей ранней биографии Темучжина — Чингис-хана, относятся и к рубежу XII — XIII вв.

Разгром чжурки Рашид-ад-дин относит к 1196—1197 гг., а «Тайная история» — к 1201 г. Поход Ван-хана против меркитов, по Рашид-ад-дину, имел место в 1198 г., а по «Тайной истории» — в 1202 г. Совместный поход против найманского Буюрук-хана Рашид-ад-дин относит к 1199 г., а «Тайная история» — также к 1202 г.

1201 год — год избрания Чжамухи коалицией союзников гур-хаином — единственная дата, которая совпадает как у Рашид-ад-дина, так и в «Тайной истории». Современные китайские историки полагают, что поход Чингис-хана и Ван-хана против тайчиутов, о котором мы расскажем ниже, имел место в 1200 г., Рашид-ад-дин тоже излагает его до рассказа об избрании Чжамухи гур-ханом. Согласно же «Тайной истории», он случился весной 1202 г.

Итак, возможно, в 1200 г. Ван-хан и Чингис-хан выступили в совместный поход против тайчиутов. Тайчиутам пришли на помощь меркиты. Сражение произошло на Ононе, судя по всему, с тайчиутами бился один Чингис-хан. Ван-хан в это время был на Аргуни, где сражался против следовавших за Чжамухой меркитов [Тамбис, с. 60]. Пока Ван-хан преследовал союзников

Чжамухи, Чингис двинул свои силы на тайчиутов, давних его гонителей. Те знали: добра от Чингиса не жди, а потому приготовились к бою. В упорном сражении ни одна из сторон не смогла одолеть противника до наступления темноты, и бойцы заночевали на месте боя.

Битва с тайчиутами, возможно, единственное сражение, в котором Чингис активно участвовал лично — так велико было его желание отомстить тайчиутам за обиды, нанесенные ему в юности, в тайчиутском плену. В бою Чингиса ранили в шейную артерию, и он потерял сознание. Близким Чингиса никак не удавалось остановить текшую из раны кровь. Чжельме отсасывал запекшуюся кровь и сидел подле раненого хана с окровавленным ртом, никому не давая сменить себя. После полуночи Чингис наконец пришел в себя и попросил пить. Не найдя ничего под рукой, Чжельме в одном исподнем тайком пробрался в стан тайчиутов и с трудом отыскал там кислого молока. Чингис стал было упрекать Чжельме за то, что, оставив его одного, ушел в стан тайчиутов, где его могли схватить и узнать о гяжелом состоянии Чингиса. Но преданный Чжельме пояснил, что он для того и шел в исподнем, чтобы при случае сказаться перебежчиком:

Я уверен, что они поверили б мне, дали бы одежду и приняли к себе. Но разве я не вернулся бы к тебе на первой попавшейся верховой лошади?

Утром воины Чингиса обнаружили, что тайчиуты отступили, бросив в лагере многих людей. Среди них оказался престарелый Сорган-Шира, спасший когда-то юного Чингиса, и меткий стрелок Чжэбе, на которого пало подозрение, что он ранил Чингиса. Чжэбе признался, что с горы, с той стороны, откуда был ранен Чингис, стрелял действительно он. Чингис ценил откровенность и простил Чжэбе.

Заклятый враг всегда таит про себя свое душегубство и свою враждебность. Он держит свой язык за зубами. Что же сказать об этом? Он не только не запирается в своем душегубстве и вражде своей, но еще и сам себя выдаст с головой. Он достоин быть товарищем.

Так в стане Чингиса появился еще один из будущих его прославленных полководцев.

Вслед за бежавшими тайчиутами была организована погоня. Те, кто не успел уйти, кого догнали нукеры Чингиса, жестоко поплатились за юношеские обиды хана: «Перебил и перлом развеял» он тайчиутов, «вплоть даже до детей и внуков их» [там же, с. 120], а тех, кого попалил, забрал себе, в свой улус. Таргутай-Кирилтуха схватили его же люди и чуть не выдали Чингису. Лишь опасения, что, выдав хана, т. е. совершив предательство, они вызовут сомнения у Чингиса в их преданности в будущем, побудили их сдать его без него.

Захватили мы и везли сюда Таргутай-Кирилтуха. Но, памятуя, что он наш природный государь, и не решаясь предать его

на смерть и погубить, мы отпустили его и пришли отдать свои силы Чингис-хану.

— Правильно вы поступили, что не предали своего хана, — сказал Чингис. Ибо я должен был бы вас казнить со всем родом вашим как холопов, паложивших руки на своего придного хана (по «Сокровенному сказанию», с. 118, 119, 121).

Так Чингис нанес первое поражение тайчиутам, но еще не одолел их.

В 1201 г. произошло важное событие. Монгольские и немонгольские силы решили объединиться в борьбе против Чингис-хана. По данным «Тайной истории», «в год Курицы» (1201 г.) в урочище Алхуй-Булах собрались [на сейм] следующие племена: Хадагинцы и Сальчжиугы совместно; Баху-Чороги Хадагинский со своими; Хадагин-Сальчжиутский Чиргидай-Баатур со своими; договорившись с Дорбен-Татарами. Дорбенский Хачжиул-беки со своими; татарин Алчи и татарин Чжалик-Буха со своими; Икиресский Туге-Маха со своими; Унгиратский Дергек-Эмель-Алхуй со своими; Горлосский Чоёк-Чахдан со своими; из Наймана — Гучуут; Найманский Буирух-хан; Хугу, сын Меркитского Тохтоа-беки; Худуха-беки Ойратский; Таргутай-Кирилтух Тайчиудский. Ходун-Орчан, Аучу-Баатур и прочие Тайчиудцы. Уговорившись, возвели Чжачжурадайского Чжамуху в ханы, они приняли присягу, рассказывая при этом с разбега жеребца и кобылу. Оттуда все они покочевали вниз по реке Эргуне и совершили обряд возведения Чжамухи в Гур-ханы на вершине поросшей лесом горы при впадении в Эргуне реки Кан-мурен. По окончании обряда возведения в Гур-ханы они уговорились выступить в поход против Чингис-хана и Ван-хана. Чингис-хан находился в Гурельгу в то время, когда прибыл Горлосский Хоридай и сообщил ему о их уговоре воевать. Получив это известие, Чингис-хан передал его Ван-хану, а тот немедленно поднял войско и прибыл к Чингис-хану» [Сокровенное сказание, с. 116].

В «Юань ши» мы читаем: «В это время хунцила выразили желание подчиниться [Чингис-хану]. Хасар, не зная об их намерении, ограбил их. Тогда хунцила подчинились Чжамухе, и с долубань, ициласы, хадацзинь, холуласы, татарами, саньчжиу собрали съезд на реке Цзяньхэ и сообща возвели на трон Чжамуху, дав титул цзюйэрхань» [Юань ши, изд. 1, с. 36 — 4а]. «Шэнь у цинь чжэнь лу» описывает это событие так: «Затем хатацзинь, саньчжиу, долоубань, татары, хунцила собрали съезд у истоков реки Алей. В знак клятвы они разрубили по поясице белую лошадь и выразили желание атаковать нашу армию и Ван-хана» [Пельо — Гамбис, с. 392—393]. Об избрании Чжамухи гур-ханом здесь не сообщается.

Рашид-ад-дин сообщает о создании коалиции не один раз: «В то время, когда большинство племени гайджиут по вышеупомянутой причине были перебиты, а часть бежала, эти племена катакин и салджиут собрались вместе. С ними заключили союз племена дурбан, татар и кунират. Они поклялись друг другу

клятвой, крепче которой нет среди монголов. Клятва эта заключается в следующем: они вместе зарубают мечом жеребца, быка и кобеля и при этом говорят: „О Господь Неба и Земли, слушай, какую клятву мы приносим! Эти самцы — корень и мужское начало этих животных. Если мы не сдержим своего слова и нарушим договор, пусть мы станем такими же, как эти животные“. Таким способом они поклялись в том, что заключили союз друг с другом и будут воевать с Чингиз-ханом и Он-ханом». [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 117]. И далее: «В году такику, который является годом курицы, начинающимся с месяца джумада I 597 г. хиджри (февраль 1201 г.), когда племя кунгират подверглось нападению и, потеряв голову, ушло к Джамукэ-сэчэну, посоветовавшись совместно с племенами икирас, куралас, дурбан, катакин и салджиут, они устроили собрание в местности на реке Гам и возвели Джамукэ на гурханство. Значение слова гур-хан — государь султанов и царей. Когда он стал гур-ханом, они задумали выступить на войну против Чингиз-хана» [там же, с. 119—120].

Итак, в 1201 г. (в первый раз даты в «Тайной истории» и у Рашид-ад-дина совпадают) произошло резкое размежевание сил в Монголии. С одной стороны, Ван-хан керейтский и Чингис-хан с той частью монголов, которая шла за ним. Выжидательную позицию занимал Таян-хан найманский, довольный тем, что керейты и Чингис-хан нанесли урон его брату Буюруку. С другой стороны, объединились те силы Монголии, которые выступали против Ван-хана и Чингис-хана, — сторошники Чжамухи, в том числе побитые тайчиуты, ослабленные походом на них Ван-хана меркиты, неразумно ограбленные Хасаром хунгираты и др.

В этот союз вошли татары, они помнили тот урон, который нанесли им керейты и Чингис-хан. Под дурбанами («четырьмя») П. Пельо и Л. Гамбис видели или потомков «чегырех» сыновей Дува-Сохора, или (с большой осторожностью) «четырех» ойратов [Пельо — Гамбис, с. 400—402]. Итак, на реке Ган, притоке Аргуни, объединились силы, давшие клятву не допустить усиления Ван-хана и союзного ему Чингис-хана. Вряд ли стоит сомневаться в том, что этот союз был направлен в первую очередь против Ван-хана, сюзерена, «отца» и побратима Чингис-хана.

Монголия ждала решающих битв. Сколько их было и кто одерживал верх? Остановимся пока на достаточно ясном и точно датированном событии — походе Чингис-хана на татар осенью 1202 г. и разгроме им чаган-татар и аньчи-татар, хотя Рашид-ад-дин, излагая это событие после избрания Чжамухи гур-ханом, почему-то датирует его даже 1182 г. Это явная неточность, хотя П. Рачневский считает, что наиболее достоверный порядок событий после 1201 г. именно у Рашид-ад-дина [Рачневский, с. 52].

Месть за отца

И гибнут люди целыми народами.

*Восхождение Иллы.
Пер. А. Ахматовой*

Чингис не забыл долга крови, гибели его отца Есугай-баатура и сородича Амбагай-хагана от рук татар. И называл он татар не иначе как «губителями дедов и отцов». Среди монголов была жива память о жестоких войнах с татарами в прошлом. Рашид-ад-дин писал о татарах: «Их имя издревле известно в мире. От них отделились многие ветви. Все это племя состояло из семидесяти тысяч домов». Татары были воинственным племенем: «Это племя прославилось поножовщиной, которую оно устраивало промеж себя по причине малой сговорчивости и по невежеству, бесцеремонно пуская в ход ножи и сабли... Если бы при паличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих и вообще ни одна тварь не были бы в состоянии противостоять им. И тем не менее при всей вражде, кои царили в их среде, они уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части племен и областей, выдаваясь своим могуществом, величием и полным почетом от других... Из-за их чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при всем различии их разрядов и названий, стали известны под их именем, и все назывались татарами. И те различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним и стали известны под их именем» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 102].

Как мы помним, вражда монголов и татар началась еще во времена хана Хабула, когда татарский шаман не смог вылечить брага жены Хабул-хана, за что был убит. После этого «с обеих сторон во всякое время, как находили удобный случай, они убивали друг друга и грабили» [там же, с. 104]. Есть сведения о том, что помимо Амбагай-хагана татары выдали чжурчжэням и предка чжурки — Окин-Бархаха.

К концу XII в. татары были ослаблены войнами с чжурчжэнями, особенно сказалось на них поражение, которое они претерпели в результате совместного похода против них чжурчжэней, монголов Чингис-хана и керситов в 1196 г. Дела их, по-видимому, обстояли неважно, так как в 1202 г. «на осень в год собаки Чингис-хан положил воевать с татарами» [Сокровенное

сказание, с. 123]. Впервые в одиночку Чингис решился напасть на одно из древнейших и сильных татаро-монгольских племен. Видимо, с этого похода он задумал начать решающий тур борьбы за власть в Монголии, используя в качестве предлога для войны обычай кровной мести.

Итак, по «Юань ши» в 1202 г., «император отправил войска к реке Улукуй-Шилянчжэнь и атаковал аньчи-татар и чаган-татар. Перед боем войска поклялись: „Если разобьем врага и станем преследовать разбитое войско противника, то ни под каким видом не собирать брошенное имущество, лишь когда закончится сражение, разделим его!“ Сражение тогда закончилось победой, сородичи [императора] Аньдань, Хочар, Далитай, три человека, нарушили договор. Император разгневался, отобрал все, что они захватили, и распределил среди войска» [Юань ши, цз. 1, с. 5а]. Рашид-ад-дин излагает события почти так же, сообщая только их последствия для ослушавшихся приказа знатных сородичей: «Чингиз-хан с берегов реки, имя которой Улкуй-Силу-джолджит, выступил против племен аличи-татар и чаган-татар. Он издал указ (йасак), чтобы никто не смел заниматься захватом добычи, а чтобы забрали добычу только после того, как будет покончено с войною и враг будет уничтожен, только тогда все бы полностью мирно разделили между собою. Все согласились на этом. Алтап, сын Кутула-каана, Кучар, сын Нэкун-тайши, и Доритай-отчигин, дядя Чингиз-хана, не сдержав слова, занялись захватом добычи до окончания ратного дела. Чингиз-хан этого не одобрил, послал к ним Кубилая и Джэбе и отобрал у них добычу. Вследствие этого они обиделись на него и, изменив ему, тайно склонились на сторону Он-хана. Впоследствии они стали частью причин, которые привели к разладу между Чингиз-ханом и Он-ханом. Они совместно с ним [Он-ханом] сражались против Чингиз-хана и в конце концов все были перебиты. И все!» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 120—121].

Однако это было далеко еще не все. Осенью побурела степь, пожелтела и заалела листва деревьев, потемнели ели, светлые воды рек и ручьев утратили свою былую весеннюю бурливость, текли масляно, сыто, лениво, как сыты и тучны были стада, отъевшиеся за лето, сыты, бодры и веселы радовавшиеся обильной мясной пище люди. Стремительно, как табун коней, напуганный какой-то опасностью, вздымая тучи пыли, под скрип телег с юртами, рев животных и воинственные крики нукеров, двигалось войско Чингиса на татар.

Ночью, накануне решающей битвы, в юрте Чингис-хана собрался совет. Еще раз объяснил Чингис своим нукерам и родичам — это не поход за добычей, не молодецкий наскок для угона татарских табунов и стад, увоза в плен татарских красавиц, поисков в тайниках татарских юрт диковинных вещей, полученных татарами от Алтан-ханов из Китая. Это битва не на жизнь, а на смерть, битва с «губителями наших делов и отцов» — помни-те, как завещал Амбагай-хаган:

Мстите за меня,
Пока с пяти пальцев своих не сотрете,
Пока ногти с десяти пальцев своих не сотрете,
Пока десять пальцев своих не потеряете,
Как львы, не в силах унять свою радость,
Как мангусты, стремящиеся живым поглотить,
Как кречеты, на тень свою нападающие!

Это была битва, призванная определить судьбу великого дела, судьбу татар. С общего согласия Чингис установил такое правило для предстоящего сражения: «Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома неприятеля добыча эта от нас не уйдет. Сумеет, поди, поделиться. В случае же отступления все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать свое прежнее место. Голову с плеч долой тому, кто не вернется в строй и не займет своего первоначального места!» [Сокровенное сказание, с. 123]. Тайный замысел состоял в том, чтобы полностью уничтожить татар, а не просто захватить добычу.

Жестоким сражением началось утро следующего дня в Далан-Намургесе, недалеко от озера Буир-Нор. Стойко бились татары, но монголам удалось потеснить их, а затем и вынудить к отступлению. Тесня татар со всех сторон, монголы достигли центра их улуса, урочища Улухуй-Шилугельчжит, и тех, кто не пал на поле брани, вынудили сдаться.

Первыми из полоненных казнили вождей татарских племен чаган-татар, алчи-татар, дутаут-татар и алухай-татар. Остальные пленники со страхом ждали своей участи.

И снова в своей уединенной юрте созвал Чингис-хан совет, на этот раз великий семейный совет, совет тех, чьих дедов и отцов погубили татары. Они должны были решить судьбу всего татарского народа. Приговор Чингиса и его родных, знатных монголов, был жесток: «Татарское племя — это ископные губители отцов и дедов наших. Истребим же их полностью, равняя ростом к тележной чеке, в отмщение и воздаяние за дедов и отцов. Дотла истребим их, а остающихся (малых детей) ростом ниже тележной чеки. — Е. К.) обратим в рабство и раздарим по разным местам» [Сокровенное сказание, с. 123].

Пленные татары знали: от монголов не жди добра. Когда закончился совет, татарин Еке-Церен спросил у Бельгутае:

— На чем порешил совет?

То ли болтлив был Бельгутае, то ли самому ему страшным представлялся приговор совета, тяжело было на душе, и он проговорился:

— Решено всех вас предать мечу, равняя к концу тележной оси!

Спешно оповестил Еке-Церен своих о принятом монголами решении. И тогда татары уговорились: тем оружием, которое еще осталось, и чем попадая биться до последнего. А кто останется в живых, когда станут монголы приравнивать их по росту

к концу тележной оси, пусть спрячут в рукавах ножи и режут монгольских воинов, чтобы спать им, татарам, вечным сном, не на голой земле, а на подушках из вражеских тел (по «Сокровенному сказанию», с. 123-124). Так и поступили.

Сделал Чингис-хан татар «кормом своего меча» (Рашид-ад-дин), но при этом очень большие потери понесли и монголы. Однако страшное свершилось. Примерили-таки монголы татар к концам тележных осей и фактически истребили их. Повелел Чингис, рассказывает Рашид-ад-дин об этой жуткой победе монгольского хана, «произвести всеобщее избиеание татар и ни одного не оставлять в живых до того предела, который определен... чтобы женщин и малых детей также перебить, а беременным рассечь утробы, дабы совершенно их уничтожить... Ни одному творению не было возможности оказать покровительство тому племени, или скрыть кого-нибудь из них, или даже несколькими из них, кои уцелели от истребления, обнаружиться или объявиться» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 106]. Лишь немногие уцелели — дети и близкие жен-татарок знатных монголов — кто убежал, а кто был обращен в рабство. Брат Чингиса Хасар ради любви к жене своей — татарке — из данной ему на истребление тысячи убил только пятьсот человек. Чингис впоследствии припомнил ему этот «проступок». В фильме «Чингис-хан», выпущенном в КНР, Чингис-хан плачет, истребляя татар, жалко, мол, да иначе не могу. Но это крокодиловы слезы. Татары были истреблены хладнокровно и расчетливо, с намерением запугать и других.

Так погибло племя татар, еще до возвышения монголов давшее свое имя в качестве нарицательного всем татаро-монгольским племенам. И когда в далеких аулах и селениях на западе через двадцать-тридцать лет после той резни раздавались тревожные крики: «Татары!» — мало было среди надвигающихся завоевателей настоящих татар, осталось лишь их грозное имя, а сами они давно лежали в земле родного улуса, порубленные монгольскими мечами.

Знали это и те европейские современники, которые сравнительно неплохо были осведомлены о Монголии и о ее прошлом. Рубрук писал: «Чингис повсюду посылал вперед татар, и отсюда распространилось их имя, так как они везде кричали: „Вот идут татары!“ Но в недавних частых войнах почти все они были перебиты» [Путешествия, с. 116]. И хотя Рубрук путал события — татары были истреблены ранее в междоусобных войнах татаро-монголов, — он писал правду: истинных татар в монгольском войске, нахлынувшем в Восточную Европу, было очень немного.

По тому, как приняли смерть татары, Чингис-хан понял, что кто-то проговорился о решении истребить их. Когда было выяснено, что тайну разгласил Бельгутай, его надолго лишили права участвовать в заседаниях совета:

— Из-за того что Бельгутай рассказал о решении Великого совета нашего рода, погибло много наших воинов. С этого времени пусть Бельгутай не входит в Великий совет! Пусть он

охраняет нас снаружи до тех пор, пока не окончится совет! Пусть он судит всех воров и лжецов! Когда совет окончится и питье будет выпито, только после этого Бельгутаи и все остальные могут войти!

Тогда же произошла и следующая история. Чингис взял себе в наложницы татарскую красавицу Есуган-хатун. Есуган правилась ему и была у него в милости. Как-то Есуган сказала Чингису:

Хаган может почтить и меня своим попечением и сделать настоящей ханшей, если будет на то его хаганская милость. Но ведь более меня достойна быть ханшей моя старшая сестра по имени Есуй. Она только что просватана. Куда ей деваться теперь, при настоящей-то суматохе?

Если твоя сестра еще краше, чем ты, то я велю ее сыскать. Но уступишь ли ты ей место, когда она явится?

— С хаганского дозволения я тотчас же уступлю сестре, как только ее увижу.

Приказал Чингис разыскать Есуй. Ее поймали вместе с женихом в то время, когда они пытались укрыться в лесу. Есуган, как только увидела старшую сестру, сразу встала и посадила ее на свое место. Есуй действительно поправилась Чингису, и он сделал ее своей женой. Жених Есуй сумел скрыться.

Как-то раз, уже после похода на татар, Чингис сидел у своей юрты, пил кумыс. Тут же рядом сидели ханши. Вдруг Есуй глубоко и скорбно вздохнула. Чингис заподозрил неладное, смекнул, не любимого ли увидела Есуй, и приказал:

— Расставьте-ка по местам работы всех собравшихся здесь аратов. Людей посторонних выделяйте особо.

Расставили людей. И остался в стороне только один юноша. Волосы у него были заплетены в косу, как у человека благородного.

— Кто ты такой? — спросил Чингис.

Он ответил:

— Я нареченный зять дочери татарского Еке-Церена, по имени Есуй. Враги разгромили нас, и я в страхе бежал. Сейчас как будто все успокоилось, и я пришел. Я думал, меня не опознают среди стольких людей.

Чингис сказал приближенным:

— Что ему здесь шпионить, этому врагу и бродяге? Ведь подобных мы уже примеряли к тележной оси! Что тут судить да рядить? Уберите его с глаз долой! (по «Сокровенному сказанию», с. 124—125).

И молодому татарину тут же срубили голову с плеч. Любовь привела его к порогу чингисовой юрты, любовь его выдала, а ненависть — погубила. Не могла заступиться за него Есуй. Только ночами иногда, лежа на мягком войлоке в ханской юрте, верно, горько плакала она украдкой да вспоминала суженого, молодого татарина, его открытое юное лицо, черные как смоль косы. Татаро-монгольские девушки принимали как должное, что

мужья покупали их или брали силой. Есуган, приблизившись к ханскому ложу, искренне любя и почитая старшую сестру, просила разыскать ее, так как верила, что счастье сестры — не сидеть в лесу с молодым татаринцом, а быть здесь, на ханском ложе, и уступила ей свое место. Поняла ли она свою ошибку!? Кто теперь знает об этом?

Кстати, позднее именно Есуган добилась от Чингиса разрешения собрать уцелевших татар и объединить их под властью двух татарских поюнов — Кули-нойона и Менге-Уху, которых Чингис мальчишками подарил своим сестрам и воспитал в своей орде. К тому времени сама Есуган тоже стала женой Чингиса.

Итак, первое же самостоятельное предприятие Чингиса завершилось его победой и небывалым кровопролитием. Было сокрушено одно из некогда самых сильных и культурных татаро-монгольских племен. Как писал Л. Гамбис, «истребление татар было осуществлено систематически, и в живых остались только женщины и дети» [Гамбис, с. 73]. Кровавое избиение татар, хотя и было в духе той среды и тех лет, не могло не напугать своей жестокостью современников. Сбивалось мрачное пророчество чингисова рождения с куском запекшейся крови в руке. Монголия, которая, как по крайней мере полагает современная наука, жаждала объединения, могла впервые воочию увидеть ту цену, которую она за него заплатит. В междоусобных войнах татаро-монгольских племен рождался тот их истребительный характер (вспомним семьдесят княжичей, заживо сваренных Чжамухой!), который потом, когда они выйдут за пределы Монголии, заставит содрогнуться весь мир.

Уничтожение татар привело к установлению господства Чингис-хана в Восточной Монголии. Оно в принципе причинило ущерб Ван-хану, поскольку усилило Чингис-хана. Ван-хан, который поначалу обрадовался уничтожению татар, по словам Л. Гамбиса, «не сразу понял, что баланс сил стал в пользу Темучжина» [Гамбис, с. 74]. Победа Чингис-хана побудила коалицию, возглавляемую Чжамухой, к более решительным действиям.

Кто же станет владыкой степей?

И вечный бой! Покой нам только снится,
Сквозь кровь и пыль
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль.

А. Блок

Если верить «Шэн у цинь чжэн лу», то после создания коалиции во главе с Чжамухой армии коалиции сразу же двинулись на Чингис-хана и Ван-хана. Чингис получил предупреждение от хунгиратов, и объединенная армия Ван-хана и Чингис-хана разгромила войска коалиции. А в 1202 г. победители каждый в отдельности совершили два похода: Ван-хан — на меркитов, а Чингис-хан — на татар. По Рашид-ад-дину, Чингис-хана о походе на него войск коалиции Чжамухи предупредил в 1201 г. Дай-сечен из племени хунгират. Войска коалиции Чжамухи и Ван-хана и Чингис-хана сошлись у озера Буир-Нор, и «в конце концов Чингис-хан опять одержал победу, и враги были разбиты. И все!» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 117]. П. Рачневский полагает, что это была «первая война», о которой «Тайная история» не упоминает [Рачневский, с. 57]. Таким образом, можно допустить, что коалиция Чжамухи действительно потерпела поражение от Ван-хана и Чингис-хана. Оба победителя совершают, теперь уже в одиночку, походы против меркитов и татар. Убедительная победа Чингис-хана над татарами резко усиливает его позиции, что неизбежно ведет к разрыву и войне с Ван-ханом.

Проведав о злосчастной судьбе татар, гур-хан Чжамуха смекнул, что и ему нечего ждать добра. Сломить Чингиса можно было, лишь сгравив его с Ван-ханом. И вот Чжамуха со своими сторонниками уже у Нилха-Сангума, сына Ван-хана, уговаривает керитов заключить союз против Чингис-хана:

— Мой анда Темучжин явно и постоянно обменивается полами с найманским Таян-ханом. С языка у него не сходят слова «отец» и «сын», но в душе у него совсем другое. Он хорош только на словах. Неужели вы доверяете ему? Если же вы пойдете на анду Темучжина, то я присоединюсь к вам и ударю ему во фланг! (по «Сокровенному сказанию», с. 127).

По словам Рашид-ад-дина, «жарким дыханием он вложил эту мысль в сердце Сангума» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 123]. И чингисовы побратимы порешили: «Пойдем лучше и захватим у Темучжина его улус. Что ему делать, когда улус его будет отобран и останется он без улуса?» [там же, с. 128].

Будущее Чингиса оказалось под угрозой, когда к Чжамухе и Сангуму примкнули знатные монголы, его сородичи Алтан и Хучар, посадившие некогда Чингиса на ханство, а теперь обидевшиеся на своего хана за несправедливый, по их понятиям, дележ татарской добычи.

Оставалось только склонить самого Ван-хана на войну с Темучжином — Чингис-ханом, его вассалом и приемным сыном. Не сразу согласился престарелый и осторожный Ван-хан; он понимал неизбежность столкновения с Чингисом, но не доверял и Чжамухе:

— Чжамуха ведь — перелетный болтун. Правду ли, лебыхицы ли плетет он — не разобрать!

Долго с глазу на глаз говорили Ван-хан и Сангум. Обиженный неговорчивостью отца, выскочил Сангум из юрты, сильно хлопнул дверью. Испугался Ван-хан: а ну как столкнется Сангум с Чжамухой, лишит его власти. Велел догнать сына, сказать:

— Ваше дело, делайте только то, что вам под силу (по «Сокровенному сказанию», с. 128).

Чжамуха и Сангум, не решаясь одолеть Чингиса силой, надумали прибегнуть к хитрости: «Согласимся на брак Чжочи и Чаурбеки. Устроим сговор, заманим сюда, да здесь и схватим его». Чаурбеки, дочь Ван-хана, Темучжин просил для сына, чтобы закрепить свое усыновление Ван-ханом еще и родством с ним.

Чингис-хан в это время, возможно, имел ставку около озера Бальжжуна, в Северо-Восточной Монголии. Его сила росла, связи с внешним миром крепились. Именно здесь его посетили мусульманские купцы Хасан, Джафар-ходжа и Данишменд-хаджиб. К нему присоединяются икиресы во главе с Боту, потерпевшие до этого поражение от хоруласов. От купцов-мусульман Чингис-хан узнал о ситуации в Восточном Туркестане и Мавераннахре. К сведениям о Китае добавились новые; как полагал Л. Гамбис, «эти три человека дали ему ценные сведения об их странах, и Темучжин начал считаться с политической ситуацией в Азии» [Гамбис, с. 82].

Трудно судить, как оценивал сложившуюся обстановку сам Чингис. Во всяком случае, он согласился на брак, может быть желая оттянуть столкновение с Ван-ханом и надеясь в дальнейшем на более благоприятное для него размежевание сил в Монголии. Если верить «Тайной истории», он не подозревал о заговоре и поехал на сговор лишь с десятком своих людей. По дороге они заночевали у Мунлика, того самого Мунлика, который, по завещанию умирающего Есугая, привез малолетнего Темучжина из зятьев от унгиратского Дай-сечена. За чашкой кумыса вспомнили далекие годы, поговорили о нынешних делах. Усомнился Мунлик в искренности керентов:

— Сами же они только что нас унижали и отказывались выдать Чаурбеки. Как это могло случиться, что теперь они сами приглашают нас на сговорный пир? Как это может быть, чтобы люди, которые только что так чванились, теперь вдруг

согласились на брак, да сами еще и приглашают? Чистое ли гут дело? Вникнув в дело, неужели ты, сын, поедешь? Давай-ка лучше пошлем извинение в таком роде, что, мол, кони отощали, надо подкормить коней (по «Сокровенному сказанию», с. 129).

Иснугался Чингис, сам на стовор не поехал, прямо из дома Мулика повернул назад, домой. Однако на стовор послал двух своих людей.

Увидев провал своего плана, Сангум, Чжамуха и их сторонники решили не медлить, напасть на ставку Чингис-хана и пленить его. Хотя и мало кто знал об этом, но и среди них оказался болтун. Пришел домой, стал собираться в поход, все рассказал жене, да еще и добавил:

Чего бы только не дал Темучжин тому человеку, который бы принес ему эту весть!

Подслушали их разговор слуги. Двое из них смекнули, в чем дело, и на приговоренных для завтрашнего похода хозяйских конях ночью усаkali к Чингису и той же ночью, по монгольскому обычаю, стоя у задней стены юрты, передали ему все, закончив словами.

С соизволения Чингис-хана, тут нечего сомневаться и раздумывать — они порешили вас окружить и схватить! (по «Сокровенному сказанию», с. 129).

Чингис поверил сообщению. И надо сказать, это известие застало его врасплох. Хотя и не пристало недавнему победителю татар искать спасения, но Чингис знал нравы степей, не раз его жизни угрожала опасность, и потому, оновестив о готовящемся нападении «самых надежных и близких людей своих», он налетке «сам в эту же ночь усакал». Ван-хан и его союзники по пятам преследовали уходящего от них Чингиса. На одной из стоянок преследователи чуть не схватили его Чингис-хан, «едва увидав пыль, поймал мерина, завьючил и уехал. Еще немного, и было бы поздно» [Сокровенное сказание, с. 130]. К его стоянке подъехал Чжамуха, который, как мы знаем, со своими людьми шел вместе с армией Ван-хана.

Но всем было известно, что Чжамуха и Ван-хан не доверяли друг другу. Сказалось это в тот час, когда разговор зашел о подготовке к рвняющему сражению. То ли Ван-хан верил в полководческий талант Чжамухи и, как в давнем походе против меркитов, просил его принять командование войсками, то ли и вправду с личной охраной хотел оставаться вне поля боя, но Чжамуха расценил его предложение как какой-то умысел, направленный против него, и решил принять контрмеры:

Ван-хан просит меня управлять своим войском. Я ведь не могу сражаться с андой, а он велит мне стать во главе этого войска. Как ни прыток был Ван-хан в преследовании, а оказался позади меня. Значит, и дру-то он на час. Поддам-ка я весть анде, пусть анда воспрянет духом.

И незамедлительно он выдал Чингису план предстоящей схватки. Бой был жестоким. Раненого в щеку сына Ван-хана,

Сангума, керейты окружили плотным кольцом и увезли с собой с поля боя. Был сбит копьем и ранен Хуилдар-сечен, командир передового отряда войск Чингиса. Солнце село за горы, а ни один из противников не одержал победы. Под покровом ночи Чингис решил отвести свои войска подальше от поля сражения на новое место.

Пока Чингис-хан приводил в порядок потрепанные в бою отряды и готовился к отражению новых атак, оказалось, что и Ван-хан, боясь за жизнь своего раненого сына, отступил. Решение его было predetermined и тем, что приближенные внушили Ван-хану мысль о бессилии и неминуемом поражении Чингиса.

— Будь же ты милостив к Сангуму. Ведь молитвами твоими он родился на свет. Притом же с нами большинство монголов — Чжамуха, Алтан и Хучар. А те, темучжиновцы, в леса нами загнаны, и вот каковы они теперь: передвигаются они на конях, покровом-плащом служит им лес. Покажись только они нам на глаза, так мы загребем их в полы халатов, словно скотский помет. Мы им покажем!

— Ладно, сказал Ван-хан, выслушав эти доводы. — Пусть будет так. Усердно ухаживайте за сыном да смотрите, чтобы его не растрясло (по «Сокровенному сказанию», с. 131—133). И керейты покинули поле боя.

И в самом деле, не только не все монголы были в улусе Чингис-хана, но большинство их продолжали идти за Чжамухой. Ушли от Чингиса Алтан с Хучаром. А тут еще это жестокое сражение с Ван-ханом и Чжамухой. Все это подорвало силы чингисова улуса. Если «Тайная история» не говорит о том, что Чингис-хан в сражении с керейтами потерпел поражение, — впечатление такое, что после жестокого боя стороны просто ночью разошлись, — то Рашид-ад-дин на этот раз сообщает, что поражение в этом сражении потерпел Чингис-хан.

Победитель татар уступил поле боя керейтам. Не случись ранения Сангума, и Чингис-хану, по словам Рашид-ад-дина, «грозила опасность полного урона... Чингис-хан не смог устоять (перед керейтами. — Е. К.) и отступил... Когда он обратился вспять, большая часть войска покинула его, он же ушел в Балджуинэ» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 126]. По «Сокровенному сказанию», войска при нем оставалось всего 2600 человек; по сведениям Рашид-ад-дина — 4600 человек. Точное местонахождение Балджуны, сыгравшей важную роль в биографии Чингис-хана, неизвестно¹.

Здесь сторонники Чингис-хана, разумеется, самые знатные, в знак верности ему и его делу пили мутную воду из озера. «Они

¹ Одни полагают, что это озеро Бальзина, из которого вытекает река Тура. Монгольский исследователь Прюэ отождествлял Бальджууну с Балаж-Булаком, находящимся в том месте, где река Могоит впадает в реку Халху. Н. Поппе указывал на озеро Бальзино в 50 км западнее г. Агинска в Читинской области (см. [Рачневский, с. 66]).

выжимали воду из грязи и пили ее... Группа лиц, бывших в то время вместе с Чингис-ханом в Балджуинэ, была немногочисленна. Их называют Балджиунту, т. е. они были с ним в этом месте и не покинули его. Они имеют установленные права и отличны перед другими» [там же, с. 126]. Воду в знак клятвы верности пил и сам Чингис-хан. Как сказано в «Юань ши», «в это время Ван-хань был силен, могуществен, а император слаб и неуверен в победе. Отряд был очень испуган. Что касается тех, кто пил с ним воду этой реки, то их называют теми, кто пил мутную воду в Бальджуне. Это значит, что они разделяли тогда трудности» (цит. по [Кливз, с. 371]).

О Бальчжуне говорится в биографии Джабар-ходжа. Джабар-ходжа попал в армию Чингис-хана как раз в войнах с Ван-ханом. Он отличался храбростью, был отличным наездником и стрелком из лука, в бою часто сидел на верблюде, а не на лошади. В его биографии сообщается: «Ван-хан напал внезапно. Чингис потерпел поражение и только с девятнадцатью человеками бежал. Кончилось продовольствие. Подстрелили дикую лошадь, сварили и ели. Чингис воздел руки к небу и сказал: „Если я окажусь способным завершить великое дело, я всегда разделю с этими людьми и сладкое и горькое. Если же я нарушу это слово, то пусть стану, как эта вода“. Среди присутствующих не было ни одного, кто бы не утирал слез!» (цит. по [там же, с. 372]).

Позже Чингис-хан объявил: «Тот, кто пил со мной воду из этой реки, из поколения в поколение останутся на моей службе!». В жизнеописании Ачжулу сказано: «Тай-цзу приказал всех пивших с ним воду из реки Баньчжунахэ зачислить в его свиту» [Юань ши, цз. 131, с. 96]. В ряде жизнеописаний сподвижников Чингис-хана встречаются такие фразы: «Вместе с Тай-цзу пил воду из реки Хэйшуй» (Ачжулу), «сопровождал Тай-цзу в войне с Ван-ханом, вместе пили воду из реки Баньчжэнь» (Сюэлицизьянойон) [там же, цз. 132, с. 4а].

Американский монголовед Ф. Кливз, опубликовавший в 1955 г. специальную статью «Историчность конвенции Бальчжуна», указывает, что в «Юань ши» упомянуты 14 сподвижников Чингис-хана, которые принимали клятву при Бальчжуне. Любопытен их состав: Из монголов здесь были сам Чингис-хан, его брат Хасар, в это время вернувшийся к нему, и Ачжугут. При Чингисе оказались три керейта, два киданя, один мусульманин, один меркит и представители других племен: икирес, мангут, чеутай, суддус (см. [Кливз]). События у озера Бальчжуна вошли позже в литературу — в юаньскую поэзию и раннюю литературу династии Мин. Сколь переменчива судьба и как быстро истребитель татар сам оказался на краю пропасти! П. Рачневский полагает, что Чингис-хан отошел к границам Цзинь: «Не в первый и не в последний раз в случае поражения Темучжин ищет убежища у границ Китая» [Рачневский, с. 67]. Он должен часто перекочевывать с места на место, опасаясь внезапного нападения своих врагов. Казалось, Вечное синее Небо лишило милостей своего избранника.

Не имея сил сражаться, Чингис начал переговоры с Ван-ханом и Чжамухой, требуя объяснения причины вражды. В длинном наказе послам, отправляемым к Ван-хану, он перечислял все услуги, оказанные им самим и его отцом керейтскому хану: «Хоть я и низок родом, а не занимать мне многолюдства. Хоть я и низок родом, а не занимать мне благородства. Когда у повозки о двух оглоблях сломается одна оглобля — и волю ее не свезти. Не так ли и я был твоею второй оглоблей? Когда у двухколесной телеги сломается одно колесо — нельзя на ней ехать. Не так ли и я был у тебя вторым колесом?.. За какую вину мою прогневался ты на меня теперь, хан и отец мой? Пошли ко мне посла для объяснения своего неудовольствия!» [Сокровенное сказание, с. 134—136].

Обратим внимание на то, что, хотя бы на словах, Чингис-хан готов признать свое младшее партнерство, он величает Ван-хана «ханом и отцом», таким образом полагая себя подданным и сыном.

Положение самого Ван-хана, видимо, было не из лучших. Он победил, но не уничтожил Тэмучжина и знал, что тот при случае быстро соберется с силами и отомстит. Кругом были враги — найманы, Чжамуха, недобитые меркиты и тайчиуты, а он остался один, без союзников, «в прекрасном небе властелин, в прекрасном небе, но один».

Поэтому, судя по «Тайной истории», пламенные речи Чингис-хана, переданные его послами, вызвали у Ван-хана прилив раскаяния. Ван-хан сказал:

«О погибнуть мне!
Сына ли только забыл я?
Правды закон я забыл.
Сына ли только отверг я?
Долг платежа я отверг.

Если теперь я увижу своего сына, да умышлю против него худое, то пусть из меня вот так выточат кровь!»

И в знак клятвы он уколол ножом мизинец и, «выточив из ранки берестяной бурачок крови, просил передать его своему сыну» [Сокровенное сказание, с. 136], которого совсем недавно помышлял лишить улуса.

Послание (также, разумеется, устное) к Чжамухе-анде было более резким и обличительным: «Ты из ненависти разлучил меня с ханом и отцом моим. Бывало тому из нас, кто вставал раньше, полагалось пить из синей чаши отца и хана. Вставая раньше, я и получал право пить из нее. Вот ты и возненавидел меня с тех пор из зависти. Осушайте же теперь отцову ханскую синюю чашу! Не много отнимете у меня!» [там же, с. 136—137].

Вражда Чингиса с Чжамухой, соперничавших с раннего детства, вспыхивала нередко по незначительным поводам, но она была глубокой по сути, а потому и более непримиримой, так как дело шло о власти над монголами.

Алтану с Хучаром, некогда возведшим Темучжина в ханское достоинство, а теперь покинувшим своего хана, Чингис напомнил историю своего избрания, когда не он, а любой из них мог быть избран ханом и не захотел этого. Если бы кто-то из них был ханом, уж он-то, Темучжин, служил бы ему верно и преданно. «Открыто ли вы хотите покинуть меня или надумали покинуть коварно и лицемерно?» [там же, с. 137] — задавал он им вопрос, скорее риторический, чем по существу, так как эти знатные монголы, некогда избравшие его ханом, ныне уже были в стане его врагов. Судя по словам послания еще к одному перебежчику («ведь моего улуса Алтан с Хучаром, конечно дело, никому не дадут» [там же, с. 138]), Чингис считал Алтана и Хучара реальными претендентами на его ханское место в улусе монголов.

В версии Рашид-ад-дина, Чингис прямо заявляет Алтану и Хучару: «Вы оба задумали убить и оставить меня брошенным на темной земле либо упрясть лежать под землю» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 129]. Становится понятной суть новой вспышки вражды — это была борьба за то, чтобы лишить Чингиса власти в монгольском улусе, покончить с ним самим. Слишком опасен стал Чингис после победы над татарами. Чжамухе и примкнувшим к нему «природным ханам» Алтану и Хучару, стало не по душе резкое усиление власти Чингис-хана. Ван-хан и Сангум, как мы видели, были вовлечены в борьбу с Чингисом монголами — его соперниками.

Дипломатическая акция Чингис-хана, несомненно, имела значение отвлекающего маневра. На деле он собирал разрозненные силы, сжимая их в кулак, ожидая лишь удобного момента, чтобы разделиться со своими противниками.

Раненому Сангуму Чингис велел сказать, что тот торопится стать ханом еще при жизни его отца, Ван-хана. Чингис хотел вбить клин между отцом и сыном. Вzbешенный Сангум в ответ заявил, что Чингис никогда и не именовал его отца иначе как старым разбойником, и приказал откармливать коней и готовиться к новой войне с Чингисом [Сокровенное сказание, с. 138]. В «Юань ши», в хронике царствования Тай-цзу — Чингис-хана, в уста Сангума вложены такие слова: «Если мы победим, то поглотим его, если он победит, то поглотит нас. Зачем много говорить?» [Юань ши, цз. 1, с. 66]. Сложившаяся ситуация охарактеризована Сангумом предельно четко.

Размежевание происходило постоянно. Вот что сообщает Рашид-ад-дин: «Когда Чингиз-хан отправил посла Он-хану, он подчинил себе важнейшую часть племени кунгират и ушел в Балджиунэ. Племя куралас обратило в бегство Боту из племени икирас. Уходя разгромленным от них, он присоединился к Чингиз-хану в этом месте... Они там вместе жили и пили воду Балджиунэ. В то время Джочи — Касар жил отдельно от Чингиз-хана. Войско Он-хана совершило набег на его жен и детей в местности Караун-Джиун. Он же сам уходил [к Чингиз-хану]. Он настолько обеднел и лишился всяких средств к существованию,

что варил пададь и чаруки² и ел. От такой еды он изнурился. Напал он Чингиз-хана на стоянке в Балджиун» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 131, 132].

Поистине, 1203 г. был драматическим и решающим в судьбах Монголии. Все те, кто не был на стороне Чингис-хана, Ван-хана или Чжамухи, пытались сколотить еще одну коалицию и против Ван-хана, и против Чингис-хана. «Даритай-отчигин, который был дядей по отцу Чингиз-хана, Алтаи-Джиун, сын Кутула-каша, который был дядей по отцу Чингиз-хана, Кучар-беки, сын Нэжун-тайши, а Нэжун-тайши был дядей по отцу Чингиз-хана, Джамукэ из племени джаджират, племя баарин, Суэгай и Тогорил из уруга Ноктэ-буула, Тагай-Кулакай... из племени мангут и Куту-Тэмур, эмир племени татар, все объединились и договорились о следующем: „Нападем врасплох на Он-хана, станем сами государями и не присоединимся ни к Он-хану, ни к Чингиз-хану и не будем на них обращать внимания“» [там же, с. 132]. Слова их в «Тайной истории» переданы так: «Нападем врасплох на Ван-хана, станем сами государями и не присоединимся ни к Ван-хану, ни к Чингис-хану и не будем на них обращать внимания».

Как Чингис-хан реагировал на этот новый вызов, мы не знаем. Может быть, он и не успел что-либо предпринять, так как Ван-хан не медлил: он напал на новоявленных союзников и «предал их разграблению».

Одержав эту победу, Ван-хан уверился лишний раз в своей силе и беспечно пировал у своего золотого шатра. Люди Чингиса донесли: «Ван-хан в совершенной бесчестности пирует и веселится в золотом шатре. Двигаясь без остановки день и ночь, мы сможем накрыть его внезапным налетом» [Сокровенное сказание, с. 140]. Предложение было заманчивым, лишне упускать не следовало. В этом и состояло отличие Чингис-хана от соперников — когда ему было надо, он действовал быстро и решительно. От недавнего смирения Чингиса, которое он показывал «хану и отцу», не осталось и следа. Не делая даже почтовых остановок, войска Чингис-хана быстро достигли владений керейтов и окружили ставку Ван-хана, расположенную к югу от верховьев реки Керулен. Три дня и три ночи длился жестокий бой. Керейты были наголову разбиты. Лишь чудом Ван-хану и Сангуму удалось прорваться сквозь кольцо осады и спастись бегством. «Керейский народ» Чингис приказал «раздять... во все концы», «всех вдоволь оделил он керейскими пленниками», а себе взял Ибаха-беки, старшую дочь Ван-хана. «По таковом истреблении керейского племени зазимовали в ту зиму на урочище Абчжая-кодегери» [там же, с. 140—141].

Если принять во внимание сообщение Рашид-ад-дина, то Чингис-хан перед нападением на Ван-хана прибег к военной

² Род кожаной обуви на мягкой подошве (примеч. издателей Рашид-ад-дина)

хитрости, послав к нему людей от имени брата своего Хасара, который якобы выражал желание покориться Ван-хану. И Ван-хан поверил послам, попался на провокацию Чингиса, образовавшись мнимому расколу в его рядах.

Судьба Ван-хана оказалась плачевной. Спасаясь от монголов Чингиса, он и его сын Сангум натолкнулись на найманский караул. Сангуму удалось бежать, а Ван-хан был убит, несмотря на его мольбы и уверения, что он знатный человек, хан керситов. Найманский Таян-хан приказал отсечь голову Ван-хана от тела и доставить в его ставку. По одним сведениям, он повелел оправить голову Ван-хана в серебро и «некоторое время он держал ее ради величия и почета, положивши на свой трон» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1, с. 132]. По другой версии («Тайная история»), найманы положили голову Ван-хана на белую кошму и стали совершать жертвоприношения. Но во время жертвоприношения голова якобы засмеялась, и тогда взбешенный Таян-хан, который принял это за недоброе предзнаменование (а тут еще не к добру залаяла собака), приказал растоптать ее [Сокровенное сказание, с. 142].

Недолго прожил и Сангум. Гонимый, он должен был покинуть пределы Монголии и, по сведениям Рашид-ад-дина, через селение Ишикбалагасун, в котором комментаторы видят тангутский город Идзина (Хара-Хото), ушел в пределы тангутского государства Си Ся. Некоторое время Сангум, не найдя поддержки у тангутов, жил грабежом, а затем был выдворен тангутскими властями в Восточный Туркестан (в пределы Хотана и Кашгара) и там убит одним из местных уйгурских правителей Клыч-Кара. Позднее, когда уйгуры подчинились Чингису, Клыч-Кара передал ему жену и сына Сангума.

Итак, осенью 1203 г., через год после уничтожения татар, Чингис одержал победу над керитами. По оценке китайских авторов, это была самая большая победа Темучжина, ибо только после уничтожения государства керитов он обрел «свое собственное независимое ханское положение». Л. Гамбис и П. Рачневский склоняются к тому, что Чингис-хан не уничтожил керитов столь же жестоко, как татар. «Темучжин не уничтожил керитов, не поступил с ними так, как он поступил с татарами и тайчиутами», — пишет П. Рачневский (с. 72). «Кериты были расселены Темучжином, — заключает Л. Гамбис, — вместе с монгольскими племенами, чтобы лишить их политического единства, которое они сохраняли по крайней мере в течение трех поколений. Он пощадил их и не подверг широким репрессиям, и постепенно они смешались с монголами» [Гамбис, с. 84—85].

Пожалуй, трудно безоговорочно согласиться лишь с положением П. Рачневского о том, что «в борьбе против керитов Темучжин представлял национальные интересы монгольских народов» [Рачневский, с. 76]. В тот момент, когда кериты потерпели поражение, значительная часть монголов еще не шла за

Чингис-ханом и не считала, что именно он представляет их интересы. Другое дело, что ситуация вновь резко изменилась, и вопрос о том, с кем идти — с Чжамухой, Чингис-ханом или с теми, кто хотел стать третьей силой в монгольской среде, встал еще острее. Для многих нойонов этот выбор был выбором между жизнью и смертью.

Были еще найманы — многочисленный народ, кочевавший между Хангаем и Алтаем и в верховьях Иртыша. «Эти племена найманов и их государи были уважаемыми и сильными, они имели большое и хорошее войско, их обычаи и привычки были подобны монгольским» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 137], хотя, как говорилось выше, неясно, были ли найманы монголоязычным народом или тюрками. Есть даже версия о том, что они были киргизами. К 1204 г., когда назрел неизбежный конфликт между найманами и Чингис-ханом, силы найманов были ослаблены враждой между найманскими ханами — Таян-ханом и его братом Буюрук-ханом и между Таян-ханом и его сыном Кучлуком.

Таян-хан носил титул Дай-вана, полученный им от чжурчженей, он и вошел в историю под своим титулом, а собственное его имя, судя по сведениям Рашид-ад-дина, было Байбука. Как уже говорилось, найманы были одним из самых культурных племен, населявших территорию современной Монголии и Алтая. Среди них, как и среди керейтов, было распространено христианство несторианского толка. Соседствуя с уйгурами, они были знакомы с их культурой и приспособили уйгурское письмо к своему языку. Если считать их монголоязычным народом, то они были первыми, кто сделал это. Может быть, поэтому найманы свысока относились к монголам. Мать (а по сведениям Рашид-ад-дина, жена) Таян-хана, Гүрбесу, так отзывалась о монголах:

«Костюм у монголов невзрачен на вид,
От них же самих нестерпимо смердит

Пожалуй, подальше от них. Пожалуй, что их бабы и девки годятся еще доить у нас коров и овец, если только отобрать из них, которые получше, да велеть им вымыть руки и ноги!» [Сокровенное сказание, с. 142].

Действительно, Гүрбесу была и женой и «матерью» Таян-хана одновременно. Она была женой Инанч-хана, отца Таян-хана, т. е. мачехой Таян-хана. Поэтому считалась его матерью. После смерти Инанч-хана Таян-хан, по монгольскому обычаю, взял ее себе в жены, и она стала его фактической женой. Этим объясняется и то большое влияние, которое имела Гүрбесу на Таян-хана.

После разгрома керейтов и гибели Ван-хана Таян-хан видел в Чингисе своего главного соперника в борьбе за власть в монгольских степях, если только он в ней участвовал или желал участвовать. Найманы хоть и были в стороне, но являлись врагами и явно мешали Чингису, тем более что с ними яхшался Чжамуха. Сам Таян-хан определенно недооценивал своего врага:

Сказывают, что в северной стороне есть какие-то там ничтожные монголишки и что будто бы они напугали великого государя Ван-хана и своим возмущением довели его до смерти. Уж не вздумал ли он, Монгол, стать ханом? Разве для того существуют солнце и луна, чтобы и солнце и луна светили и сияли на небе рядом? Так же и на земле. Как могут быть на земле рядом два хана? (по «Сокровенному сказанию», с. 142).

Эти слова, если они достоверны, вряд ли могут быть свидетельством стремления Таян-хана самому стать «владыкой степей». Они введены в «Тайную историю» для того, чтобы подчеркнуть величие Монгола — Чингис-хана.

Столкновение Чингис-хана с Таян-ханом было неизбежным. Чжамуха, который по-прежнему хитрил и выжидал, надеясь на гибель Чингиса на этот раз от руки Таян-хана (или Таян-хана от руки Чингиса), примкнул к найманам.

Говорят, Таян-хан был не из храбрых людей, он больше увлекался охотой, чем воинскими упражнениями и делами своего улуса, и потому, думая начать войну, решил заручиться союзниками. Его послы прибыли к онгутам. Онгуты, тюрки и несториане, как пишет П. Рачневский, «были братьями по расе и вере найманов» [Рачневский, с. 77]. Жили онгуты на границах с Цзинь. По сведениям Рашид-ад-дина, это «был народ особый и только похож на монголов» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 140]. Онгуты служили чжурчжэньским государям, несли охрану границ Цзинь вдоль Великой китайской стены. «Тайная история» передает нам послание Таян-хана к онгутскому правителю Алахуш-Дигитхури, несомненно отражающее недооценку найманским ханом сил Чингиса.

Сказывают, — говорили послы Таян-хана, — что там, на севере, есть какие-то ничтожные монголы. Будь же моей правой рукой. Я выступлю отсюда, и мы соединимся.

Алахуш был свидетелем того, как «ничтожные монголы» Чингиса истребили татар, разгромили кереитов. Он не только не хотел ссориться с Чингисом, а, как говорили, даже симпатизировал ему. Таян-хану он ответил, не объясняя причин: «Я не могу быть твоей правой рукой», а к Чингису отправил верных людей с такой вестью: «Найманий Таян-хан... присылал просить меня быть у него правой рукой, но я отказался. Теперь же посылаю тебя предупредить» [Сокровенное сказание, с. 143].

Эта весть застала Чингис-хана во время большой облавной охоты. Немедленно был созван совет. Мнение большинства было выражено в словах Бельгута: «Найманы хвастают, уповая на то, что улус их велик и многочислен... Как можно усидеть при подобных надменных речах их? На коней, не медля!» [там же, с. 143—144].

Чингис-хан согласился на немедленный поход против Таян-хана. Но он серьезно готовился к войне и перед походом реорганизовал управление войсками и улусом.

Реформы 1204 г. описаны в «Тайной истории»: «Поправилось это слово Бельгута Чингис-хану. Остановив охоту, он выступил

из Абчжиха-кодегера и расположился лагерем по Халхе, в урочище Орноуйн-кельтегей-хада. Произвели подсчет своих сил. Тут он составил тысячи и поставил нойонов, командующих тысячами, сотнями и десятками. Тут же поставил он чербиев. Всего поставил шесть чербиев, а именно: Додай-черби, Дохолу-черби, Оголе-черби, Толун-черби, Бучаран-черби и Сюйкету-черби. После составления тысяч, сотен и десятков Чингис-хан отобрал лично для себя кешиктенов — дежурную стражу. Эта стража состояла из 80 человек кебтеулов для ночной охраны хана и 70 человек турхаудов для его охраны днем. В этот отряд по выбору зачислялись самые способные и видные наружностью сыновья и младшие братья нойонов, тысячников и сотников, а также сыновья людей свободного состояния... Затем была отобрана тысяча богатырей, которыми он милостивейше повелел командовать Архай-Хасару и в дни битв сражаться пред его очами, а в обычное время состоять при нем турхаух-кешиктенами. Семьюдесятью турхаудами повелено управлять Оголе-чербию, по общему совету с Худус-Халчаном» [там же, с. 144]. Таким образом, реформа свелась к следующим мероприятиям:

1. Была реорганизована армия, введена система десятков, сотен и тысяч. Реформа эта, возможно, коснулась не только армии, но и всего населения улуса, поскольку в источнике сказано «составил тысячи». Не исключено, что все население улуса одновременно было разделено на такие группы населения, которые были обязаны выставить соответствующее количество воинов — десятки, сотни и тысячи с полным снаряжением. Это была древняя система Центральной Азии, известная еще с гуннов.

2. Была введена должность черби. Черби, «состоящие на службе», управляли людьми и хозяйством улуса. Они ведали «кравчими, привратниками, конюшими» и т. п. и личной гвардией хана.

3. Была отобрана тысяча гвардейцев хана, призванных сражаться «пред его очами», и создана его личная гвардейская охрана из 150 гвардейцев. В гвардию шли дети и младшие братья нойонов и должностных лиц — тысячников и сотников. По-разному трактуется слово, которое С. А. Козин перевел «люди свободного состояния». П. Рачневский полагает, что речь идет о населении улуса, равноценном по социальному статусу китайским «бай син», т. е. «простым людям», не состоящим на официальной службе [Рачневский, с. 77]. В новом кратком переводе «Тайной истории» на китайский язык, однако, подчеркивается, что в монгольском термине делается упор на то, что на службу в гвардию брали сыновей именно лично свободных людей — «рабовладельцев, не имеющих чина и должности» [Дорона-Тиб, с. 182].

Эти мероприятия, возможно, дополняли то, что было сделано при сформировании первого улуса Чингис-хана, они упорядочили устройство улуса после того, как он сильно пострадал в 1203 г. от удара керситов.

В начале лета 1204 г. войско Чингиса — около 45 тыс. всадников выступило в поход на найманов. Перед походом было

совершенно жертвоприношение священному знамени, в котором, по поверьям монголов, обитал дух-хранитель войска Сульдэ. Армия Чингиса двигалась вверх по реке Керулен. Столкнувшись с первыми найманскими караулами, монголы решили перед большим сражением подкормить коней, а заодно пойти на хитрость — ночью каждому воину разжечь по пять костров в разных местах. Темной, звездной ночью запылаха степь заревом огней, и найманам со страху почудилось, что армия Чингис-хана заполнила всю степь, ибо в стане монголов «огней было больше, чем звезд на небе». Была применена, судя по «Юань ши», и такая хитрость — перед сражением монголы загнали в лагерь Таян-хана тощую лошадь. Таян-хану показали ее. Излагая войскам план сражения, Таян-хан сказал: «Монгольские лошади отоцали, как эта. Заманим их поглубже, а затем начнем сражение и захватим их» [Юань ши, цз. 1, с. 76].

Таян-хан поджидал Чингиса со своим войском на реке Алтай в Хангае. С ним вместе был Чжамуха, а также представители других племен. В «Юань ши» названы меркиты, кериты, ойраты, дэрбэн, хатачины, татары. Когда осторожный Таян-хан предложил было в начале не принимать сражения, а отступить за Алтайские горы, «заманить Чингиса поглубже», увлекая за собой монголов, его сын Кучлук обвинил отца в трусости. Доказывая, что армия у Чингиса невелика, он ссылаясь на тот очевидный факт, что большинство монголов здесь, с Чжамухой, в лагере Таян-хана.

— Эта баба Таян разглагольствует так из трусости. Откуда у него (Чингиса) появилось множество монголов? Ведь большинство монголов с Чжамухой вместе здесь, у нас!

И хотя Кучлук-хан и сам не очень-то представлял себе, сколько монголов идет за Чингисом, а сколько за Чжамухой, но очевидно, что в эти летние дни 1204 г. немало монголов выступали еще против будущего властелина степей, не осознавая, какая им будет польза от объединения Монголии.

Кучлук и приближенные Таян-хана отговорили его от прежнего решения, подсказанного разумной осторожностью:

— Сойтись-то мы сойдемся, а вот легко ли разойдемся? — возражал Таян-хан на наглые слова Кучлука. Но Кучлук и его единомышленники вынудили Таян-хана принять бой с Чингисом. Найманская армия двинулась вдоль реки Тамир и переправилась через Орхон к восточным склонам горы Наху.

По сведениям Рашид-ад-дина, Чингис «сам лично устанавливал войско» и «пошел в передовом отряде». Монголы смяли и погнали найманские передовые караулы. Особенно храбро бились батыры Хубилай, Чжэбе, Чжельме и Субетай. Чжамуха, находясь в стане Таян-хана, и хотел разгрома Чингиса, и боялся его. Сильнее всего он желал бы разгрома найманов, а потом в своей родной, монгольской среде устранения Чингис-хана от власти и захвата ее. Поэтому на вопрос Таян-хана об этих храбрых нукерах Чингиса: «Что это за люди?» — ответил:

— Мой анда Темучжин собирался откормить человеческим мясом четырех псов и привязать их на железную цепь. Должно быгь, это они и подлетают, гоня перед собой наш караул.

— Ну так подайше,— сказал Таян-хан,— подайше от этих презренных тварей! — И приказал перенести свою ставку повынне в горы (по «Сокровенному сказанию», с. 145—147).

Судя по «Тайной истории», четырежды так запугивал Чжамуха Таян-хана, пока тот не оказался на самой вершине горы, а потом, видя, что найманы неминуемо потерпят поражение, покинул их. По рассказу Рашид-ад-дина, «как только Чжамухасечен издали увидел боевой порядок войск Чингис-хана, он обернулся к своим нукерам и сказал: „Знайте, что приемы и боевой порядок войск моего побратима стали иными! Племя найман не оставит никому другому даже кожу с ног быков, а от них никому не достанется прибыли!“» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 148]. Умел Чжамуха так мудрено выражаться, что, действительно, сразу не поймешь, что и сказать он желает. Но действовал он решительно. «Закончив эту речь, он отделился от них, выехал вон из рядов и ускакал с поля битвы» [там же]. По «Тайной истории», Чжамуха не только предательски бросил найманов в разгар битвы, но и сообщил Чингису, что войска найманов расстроены, а Таян-хан напуган и не уверен в исходе сражения (по «Сокровенному сказанию», с. 149—150).

Однако Рашид-ад-дин характеризует Таян-хана несколько иначе. Представляется, что на самом деле Таян-хан был человеком осторожным, но мужественным. В критический момент Таян-хан стойко бился с монголами, «получил множество тяжких ран» и только после того укрылся со своими нукерами на вершине крутой горы Наху-гун. Найманские воины предпочли смерть позорному поражению, «они спустились с этого косогора и жестоко сражались, пока не были все перебиты» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 148]. Некоторые ночью пытались прорваться через скалы, но погибли в горах; «срываясь и соскальзывая с нахугунских высот, они стали давить и колоть друг друга насмерть... трепали, ломаясь, кости, словно сухие сучья» [Сокровенное сказание, с. 150]. Удалось уйти лишь Кучлук с небольшим отрядом. Таян-хан погиб. Найманы, разгромленные, «в состоянии полного расстройства», стали добычей Чингиса и его нукеров. Гурбесу доставили к Чингису.

— Не ты ли говорила, что от монголов дурно пахнет? Чего же теперь явилась?— сказал он ей и взял ее себе в наложницы [там же].

Итак, Чингис-хан, разгромив найманский улус, стал повелителем практически всей Монголии. Были еще враги—Кучлук, бежавший к своему дяде Буюруку на Алтай, меркиты, часть которых, не имея возможности возвратиться в родные земли, утвердился на западе, ойраты, жившие к западу от Байкала, были также Чжамуха, Алтан и Хучар. Чингис-хан, который полагал, что «для врагов государства нет лучшего места, чем

могила» [Рашид-ад-дин], и действовал соответственно. Развивая успех, он осенью 1204 г. совершил поход против меркитов, и «меркитский народ был покорен», хотя и неокончательно. Сам Тохтоа-беки, правитель меркитов, бежал, соединился с Кучлуком и отсиживался в долинах Иргыша за Алтаем. С меркитами были добыты и остатки тех, кто не хотел установления власти Чингис-хана в Монголии или потерпел от него поражение и искал спасения у меркитов.

Чингис провел зиму 1204—1205 гг. на южных склонах Алтая, а весной войска его перевалили через горы и в районе реки Бухтармы нанали на Тохтоа и Кучлука. Тохтоа-беки погиб в бою, а большая часть его войска и наймаинов Кучлука, преследуемых монголами, утонула при переправе через Иртыш. После второго поражения Кучлук со своими людьми и многими недовольными воцарением Чингиса в Монголии через земли уйгуров ушел к кара-китаям на реку Чу. Сыновья Тохтоа-беки со своими меркитами, захватив с собой отрубленную голову оставленного на поле боя отца, бежали к кичикам, в казахские степи. Преследовать их был послан Субетай.

По сведениям Рашид-ад-дина, эти события имели место не в 1205, а в 1208 г.

Поражения Таян-хана, Кучлука и Тохтоа-беки предрекли и неминуемую гибель Чжамухи. Чжамуха просчитался. Сразу же после разгрома найманов большинство бывших с ним монголов, а также представителей других племен Монголии приняли сторону сильного и оказались у Чингис-хана. Когда погиб Чжамуха, неясно. Это случилось или в конце 1205 г., или в 1207 г. По «Тайной истории», это произошло в конце 1205 г. «Тайная история» дает читателю версию, которую П. Рачневский справедливо считает «романтизированной». Чжамуха лишился своего народа и с пятью товарищами скитался по стране. На горе Танлу они убили дикого барана и зажарили его мясо. Во время еды «Чжамуха и говорит своим сотоварищам: „Чьи и чьи сыновья, каких родителей сыновья кормятся теперь вот так охотой за дикими баранами“». Тогда пять спутников Чжамухи, тут же за едой, наложили на него руки и потащили к Чингис-хану. Когда нукеры Чжамухи притащили его к Чингис-хану, Чжамуха якобы заявил последнему:

«Собралась галка,
Загадала черная
Селезья словить.
Вздумал простолюдин,
Чернокостный раб,
На его владыку
Руку поднимать.
Друг мой, государь мой,
Чем же наградишь?»

Намек был моментально понят. «Чингис-хан изволил ответить: „Мыслимо ли оставить в живых тех людей, которые подня-

ли руку на своего природного хана? И кому нужна дружба подобных людей?"

И тотчас же повелел: „Аратов, поднявших руку на своего хана, истребить даже до семени их!“ И тут же на глазах у Чжамухи предал казни посягнувших на него аратов» [Сокровенное сказание, с. 154—155].

Следуя версии «Тайной истории», можно думать, что Чингис-хан хотел оставить Чжамуху в живых, он предлагает ему старую дружбу: «Вот и сошлись мы. Так будем друзьями», отмечает его заслуги в разгроме керситов и найманов («Ты мне Ван-хановы речи сполна передал, сил расстановку раскрыл мне», «Помнишь, как образно ты извещал, паймана словом своим уморил я. на- смерть его своим ртом напугал»). В ответ Чжамуха, вспоминая старую дружбу, тем не менее полагает себя другом недостойным: «Я и в дни дружбы не смог все же как должно сдружиться». Как же сдружиться теперь, когда

Ханский престол присудили тебе.
Что тебе ныне от дружбы моей —
Мир пред тобою склонился!

«Вошью я стану на шее твоей, колючкой в подкладке», — говорит Чжамуха, трезво оценивая происходящее, и просит лишь об одном, казнить его «без пролития» крови. Кровь считалась местом нахождения души. Если казнить без пролития крови, то душа останется защитницей, оберегателем рода. Чингис-хан поломался для виду, что вот «мог бы человек исправиться, да не хочет», потом приказал подыскать причину для казни и казнить Чжамуху без пролития крови, а прах его предать достойному погребению. «Тогда предали смерти Чжамуху и погребли его прах, подняли кости его» (по «Сокровенному сказанию», с. 155—158).

По версии Рашид-ад-дина, которую он сообщает не в разделе «Летопись Чингис-хана», а в разделе «О тюркских племенах, прозываемых монголами», в описании племени джурьят, плененный Чжамуха был не с пятью нукерами, а с родней и отрядом нукеров, в котором было не менее 60 человек. Это, кажется, правдивее. Чжамуха, выданный Чингис-хану, также намекнул на то, что те, кто предал одного своего господина, не будут верно служить и другому, и «Чингис-хан приказал, чтобы от той группы людей, которые являлись его родственниками и двоюродными братьями и были в числе шестидесяти человек, отделили тридцать его нукеров, которые схватили его, и всех казнили. Другие же тридцать человек подчинились и стали послушны ему. Предводитель их Улуг-бахадур стал большим и уважаемым человеком и оказал похвальные услуги.

Так как Чингис-хан называл Джамуку анда, то он не пожелал его убить и подарил его своему двоюродному брату Элджидай-нойону, которого он любил, с нукерами и со всем его домом и имуществом. Элджидай спустя несколько дней умертвил его.

Утверждают, что Элджидай приказал разделить его члены друг от друга по одному. Джамукэ сказал: „Право принадлежит вам! У меня была мысль, что я обрету помощь Неба и разрублю вас на части. Так как поддержка Неба оказалась на вашей стороне, быстрее разрубите меня на части!“ И он их торонил, и показывал им свои суставы, говоря: „Режьте здесь!“ И совершенно не боялся» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 191—192]. Пожалуй, все это больше похоже на правду. Чжамуха был подвергнут жестокой казни, известной еще киданям и именовавшейся линьчи.

Так завершилось это смутное время, время страшное для монгольских степей, когда, по словам одного из приближенных Чингиса, Коко-Цоса, который позднее вспоминал эти годы, «звездное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили. Вся поверхность земли содрогалась — вседневная брань шла. Не прилечь под свое одеяло — до того шла общая вражда» [Сокровенное сказание, с. 185]. Это была борьба ханов и борьба этносов — монгольского, кереитского, найманского, меркитского за преобладание в Монголии. Завершился политический процесс вытеснения из Монголии тюркских этносов и монголизации страны. Отныне Чингис не имел больше могучих соперников на всем пространстве монгольских степей — одни были перебиты, другие загнаны за Алтай, в кинчакскую степь, в просторы современного Казахстана, или далеко на север, в глухие таежные леса Сибири. Необъятные просторы — степи, горы, леса — оказались под властью племени монголов и уже убежденного седирами Чингис-хана. Отныне эта земля получит имя победителей и станет именоваться Монголией, а населяющие ее народы будут забывать свои племенные названия и именоваться монголами. Это объединение следовало оформить, и сделать это был призван всемонгольский съезд знати.

Великий курилтай

Из-за кругов небес незримых
Дракон явил свое чело,—
И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

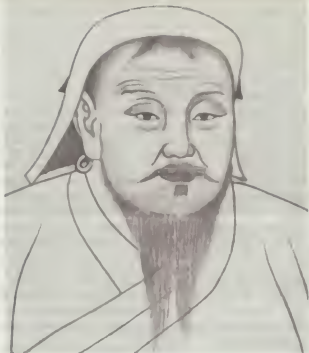
В. С. Соловьев

Весной 1206 г. у истоков реки Онон собрался великий курилтай — съезд ханов и нойонов со всех концов объединенной Монголии, старых и новых сторонников Чингис-хана. Над собравшимися реяло белое священное знамя с девятью хвостами, обитель покровителя монгольских воинов — духа Сульдэ. Одним из первых своих решений курилтай провозгласил Темучжина — Чингиса правителем Монголии — «нарекли ханом Чингис-хана» или «сделали его императором», как сказано в китайском переводе «Тайной истории». Одновременно курилтай закрепил за Темучжином титул Чингис-хан.

В «Юань ши» рассказывается: «Император собрал на большо́й съезд всех ванов и сановников. Поставил девятихвостое белое знамя и взошел на императорский престол у истоков реки Онон. Все ваны и сановники сообща преподнесли ему титул императора Чингиса (Чэнцзисы хуанди)» [Юань ши, цз. 1, с. 8а]. Текст «Юань ши» очень близок тексту «Тайной истории»: «Когда он направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, го в год барса (1206 г.) составилсЯ сейм и собрались у истоков реки Онон. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом Чингис-хана» [Сокровенное сказание, с. 158].

Рашид-ад-дин упоминает об утверждении титула Чингис-хан, который был у Темучжина уже ранее: «Когда благополучно и счастливо наступил год ... являющийся годом барса, начинающийся с раджаба 602 г. х. (февраль — март 1206 г.), в начале весенней поры Чингис-хан приказал водрузить белый девятиножный бунчук и устроил с [присутствием] собрания [полного] величия курилтай. На этом курилтае за ним утвердили великое звание „Чингис-хан“, и он счастливо воссел на престол. Утвердившим это звание был Кокэчу, сын Мунлик-беки-эчигэ из племени конкотан, его звали Теб-Тенгри» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 150].

Между тремя основными источниками есть такие различия: по «Юань ши» и Рашид-ад-дину, курилтай собрал сам Чингис-хан лично. «Тайная история» об этом не говорит. По «Юань ши»,

Чингис-хан

титул Чингис-хан преподнесли Темучжину «ваны и сановники», по «Тайной истории» — собравшиеся на курилтай: «...составился сейм и собрались у истоков реки Онон», «нарекли ханом Чингис-хана».

Рашид-ад-дин сообщает, что титул Чингис-хан «утвердил» за Темучжином Чингис-ханом шаман Кокочу. По «Юань ши» получается, что титул преподнесли впервые, по Рашид-ад-дину — явно вторично, кетати, то же самое и по «Тайной истории» — «нарекли ханом Чингис-хана», т. е. титул уже был и, возможно, его даже особо не подтверждали. Регалией власти было белое девятихвостое, «большое, совершенно белое знамя» [Полное описание, с. 76].

У Мухали, объявленного на курилтае 10-м ваном, тоже было белое знамя с девятью хвостами, но на нем, в отличие от знамени Чингис-хана, была изображена черная луна. Чингис имел зонт — символ императорской власти, который был или красным, или желтым (красный — официальный цвет правившей в то время в Китае династии Сун), он восседал на троне, который был похож на «сидение проповедника буддийского монастыря» и был «украшен головами драконов, обложенных золотом». Это тоже была китайская символика высшей силы и власти. Трон Мухали в от-

личие от трона Чингис-хана был украшен серебром. Седло и конскую сбрую Чингис-хана украшали золотые фигурки свергнувшихся драконов. Число девять — число хвостов на императорском знамени — почиталось у монголов священным. Золото на троне и в ритуальном убранстве Чингис-хана, серебро на соответствующих предметах у Мухали, по-видимому, существовали изначально, с 1206 г. Позже иноземные авторы не раз обращали внимание на обилие у монголов драгоценных металлов. Ли Синьчуань удивлялся: «Нахватали столько, а не прекращали собирать»; когда монголы ограбили всех своих соседей, монгольская знать из серебра делала ясли для лошадей, а из золота — кувшины для вина (по «Полному описанию», с. 76—77).

* * *

Наставляемый Вечным Небом, даровавшим ему ханский престол, Чингис на курилтае был занят земными делами — совершенствовал военно-административное устройство улуса монголов, разросшегося теперь до размеров государства татаро-монголов. Господствующий класс средневекового татаро-монгольского общества — нойонство, выдвинувшее, поддерживавшее и посадившее Чингиса на ханский престол, вместе с родом самого Чингиса должно было первым извлечь все выгоды в новом государстве. Чингис, император, по традиционным представлениям тех областей, «государь, обращенный лицом к югу», т. е. к солнцу, разделил армию и управление страной на три части: одно «крыло» — правое, барунгар, во главе с темником правой руки Боорчу, западное, простиравшееся до Алтая, и левое, джунгар, во главе с темником левой руки Мухали, восточное, простиравшееся до Большого Хингана, а также центр, во главе с Наяя, темником центра. В «Юань ши» в биографии Мухали мы читаем: «Тай-цзу вззошел на императорский трон. Прежде всего он приказал Мухали и Боорчу стать левым и правым темниками. Благодушно сказал: „В государстве живут многие сильные, усмиренные вами. Вы и я, как оглобли одной телеги, как плечи одного тела. Вы непременно должны быть как одно тело, только тогда не загубите первоначальное намерение“» [Юань ши, цз. 119, с. 16]. Это было традиционное устройство управления государством, известное еще со времен гуннов.

Монголия была поделена на 95 военно-административных районов, которые были обязаны выставять тысячу воинов (на деле около того или более) во главе с нойоном-тысячником. Тысячники, а также сотники получали от хана хуби — вознаграждение за службу. Звание и должность сотника, тысячника, темника были наследственными. Назначая тысячников, Чингис-хан заявил:

Я хочу выказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в созидании государства! (По «Сокровенному сказанию», с. 158).

Таким образом, опорой новой власти стали люди, которые так или иначе способствовали победе Чингиса, нойоны, социальная верхушка татаро-монгольского общества, сородичи Чингиса, чьи интересы он представлял. И действительно, в числе тысячников, перечисленных в «Тайной истории», мы находим Мунлика, Боорчу, Мухали, Хорчи, Хубилая, Чжельме, Борохула, Шиги-Хутухту, Сорхан-Шира, Коко-Цоса, Наяа, Чжэбе, Субегая и т. д. В тысячах наименьшей единицей военно-административной системы была группа семей (аилов), обязанная выставять десять воинов. Полагают, что численность монголов при жизни Чингис-хана составляла один миллион человек.

В отдельное управление были выделены области севера, населенные «лесными народами». Управлять ими был поставлен сподвижник Чингиса Хорчи. Все завоеванные и добровольно покорившиеся племена, распределенные отныне по военно-административному принципу, «по тысячам», были прикреплены к месту своего проживания и лишены свободы передвижения. Упоминание об этом важном факте в «Тайной истории» относится только к «лесным народам»: «Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов нечего задумываться!» [Сокровенное сказание, с. 161]. Однако вряд ли этот приказ относился только к «лесным народам». За ними было труднее уследить, поэтому, возможно, при рассказе о них и назначении Хорчи это общее для всех правило было упомянуто особо.

Оно вошло в «Ясу» — свод законов, который, вероятно, первоначально был введен еще во время реформ 1203 г. «Яса» не являлась систематизированным сводом законов, она включала ярлыки — приказы, ясак — законы, билик — поучения. «Яса» не сохранилась до наших дней и известна лишь в пересказах. До нас дошло, что в одном из параграфов «Ясы», в частности, говорилось, «Кто переменит свой пост, того предавать смерти»¹.

В «Истории Монгольской народной республики» отмечается: «Согласно Ясе („Собрание законов“) Чингис-хана аратам запрещалось самовольно переходить из одного десятка в другой, из одной сотни в другую, что фактически означало прикрепление их к земле нойонов-тысячников, сотников и т. д.» [ИМНР, с. 133]. Прикрепление непосредственных производителей к месту и средствам производства составляло в средневековом монгольском обществе основу их эксплуатации.

Еще Г. Рубрук отмечал, что Чингис «издал такое постановление, что ни один человек не свободен от службы, пока он не

¹ Джувейни писал: «А еще Яса такая: чтобы никто из тысяч, сотен или десятков, к которым он приписан, не смел уходить в другое место или укрываться у других, и никто того человека не должен к себе допускать, а если кто-либо поступит вопреки этому приказу, то того, кто перебежит, убьют всенародно, а того, кто его укрыл, свергнут в оковы и накажут» [О составе Великой Ясы, с. 48—49].

настолько стар, что больше не может никоим образом работать» [Путешествия, с. 154]. Распределение населения между тысячниками и сотниками заносилось в так называемые синие книги².

В «Юань ши» сообщается: «В начальный период существования государства еще не было штата чиновников. Во главе [администрации] стоял судья [дуаньшигуань], который звался джаргучи. Он решал все дела государства»; джаргучи «был ответствен за гражданские и уголовные дела» [Юань ши, цз. 85, с. 1а, 4а]. Очевидно, данная информация не является полной.

Государство Чингис-хана знало по крайней мере шестнадцать служб. Это были службы «экономические» — к ним относились пастухи овец, пастухи верблюдов, ведавшие табунами коней, ведавшие повозками и перекочевками; в службу двора входили ведавшие гардеробом хана, стольники, виночерпии, музыканты, охранявшие стены и ворота. Имелась военно-полицейская служба: лучники, сабельники, ловящие воров. Сокольничьи представляли ведомство ханской охоты. «Секретариат» государства включал составителей указов и распоряжений, писцов-секретарей, переводчиков.

Четыре кулюка Чингиса, четыре его верных нукера, были поставлены командовать гвардией. «Тай-цзу приказал им, передавая эту власть по наследству, командовать четырьмя цесе (кешик)» [Юань ши, цз. 99, с. 1а]. Этими четырьмя командующими гвардией стали Борху, Боорчу, Мухали и Чилаун. Мы уже отмечали, что гвардия набиралась из числа «сыновей и младших братьев» тысячников и сотников. Все основные должности в аппарате управления монгольского государства занимали гвардейцы-кешиктены. Автор полностью разделяет мнение Сяо Цицина, что кешиктены, гвардия хана, были «ядром оригинального государственного аппарата монголов» [Сяо Цицин, с. 44].

Местная власть была представлена темниками, тысячниками, сотниками, десятскими. «Не было человека, — сообщал Ата Малик Джувейни, — который был вне сотни, тысячи или тьмы, к которой он был приписан, или бы искал где-либо убежища» [Джувейни, с. 31]. Каждая тысяча имела свои пастбища (нунтуг) и источники воды (усун). Произошел процесс перераспределения части земель, если не большинства их, удобных пастбищ по преимуществу.

«Сущность феодальной собственности на землю, — пишет Г. А. Федоров-Давыдов, — это в первую очередь власть над людьми, живущими и работающими на ней. Система социального устройства монголов при Чингис-хане была основана на подчинении массы кочевников поставленному над ними нойону-военачальнику. Военно-административное членение степи, введенное монголами, оформило этот процесс перераспределения земли» [Федоров-Давыдов, с. 15].

² «Пусть записывают, повелел Чингис, — в синюю роспись „Коко-Дебтер-Бичик“, связывая затем в книги, росписи по разверстыванию на части всеязычных подданных» [Сокровенное сказание, с. 160].

Таким образом, тысячники исполняли административные (управление вверенным населением), хозяйственные (управление пастбищами, перекочевками), фискальные (сбор налогов), военные (отправка на службу определенного числа воинов) функции. Возможно, они были также и судьями на местах. Сяо Цицин особо подчеркивает, что по монгольской системе десятки, сотни, тысячи и тьмы «являлись не только воинскими соединениями, но и гражданскими, административными подразделениями, т. е. десятский не только командовал десятью солдатами, но и одновременно был администратором, ведавшим их семьями» [Сяо Цицин, с. 178].

Родственникам Чингиса были розданы в управление уделы (хуби). Чингис, выделяя уделы, «дал 10 000 юрт матери совместно с Отчигином (брагом Чингиса по отцу — *Е. К.*); сыновьям Чжочи — 9000 юрт, Чаадаю — 8000, Огодою — 5000, Тулюю — 5000, брату Хасару — 4000, Ачидаю — 2000 и Бельгутаю — 1500 юрт» [Сокровенное сказание, с. 176]. Ко всем сородичам были приставлены нойоны, функции которых малоизвестны. Например, нойон Коко-Цос, приставленный к Чаадаю, человеку «кругому и скрытному характером», должен был «вместе с ним обсуждать задуманное» [там же]. Судя по этому примеру, родственники явно были под наблюдением, если не под контролем³.

Родственники Чингиса получили хуби так же, как и заслуженные нукеры Чингиса. Выдача хуби сопровождалась вручением документа (ярлыка) на право иметь хуби и символа власти — гереге. Те, кто не только имел с хуби доход, но и осуществлял управление, контроль, получали печати-тамги. «Удел-хуби состоял из двух частей: из определенного количества кочевых семейств (улус) и из достаточного для их содержания пространства пастбищных и охотничьих угодий (нутуг) [Владимирцов. Общественный строй, с. 111]. Руководство распределением уделов было поручено Шиги-Хутухту.

Сколько-нибудь точных сведений о налогах и повинностях в монгольском обществе XII — начала XIII в. нет. Но то, что

³ Как полагал Б. Я. Владимирцов, «выделение уделов основывалось на том принципе, что государство (улус-ирген) являлось достоянием всего рода того лица, которое создало державу и стало ханом. Так же, как род и его ответвления владеют определенной территорией, на которой совместно кочуют его члены — урухи, и владеют людьми, которые являются его потомственными крепостными вассалами... совершенно так же род является владельцем широта-государства (улус), проживающего на определенной территории... Происходит, следовательно, перенесение понятий родовой собственности на более широкую область народа-государства» [Владимирцов. Общественный строй, с. 98 — 99]. Эта теория и сейчас в каких-то своих аспектах заслуживает внимания, хотя и противоречит главной идее личной власти — избранности высшими силами данного лица на ханство. Вечное синее Небо и Земля избирают на ханство не род, а какого-то конкретного человека. Приход Чингис-хана к власти проистекает этой идеей избранности, в крайних своих проявлениях связанной с представлением о том, что Небо, высшие силы вручили ему не только Монголию, но весь доступный (видимый, известный) мир.

налоги и повинности существовали, ясно из наличия института дархатства. Так, за заслуги по освобождению Темучжина из тайчиутского плена получил права дархатства в своих кочевьях на Селенге Сорхан-Шира. Если бы к 1206 г. не существовало хорошо всем известного института дархатства — освобождения от повинностей в пользу хана, то о чем было бы говорить Чингисеу с Сорхан-Шира? А раз было освобождение от повинностей, то, значит, было от чего освобождать. Очевидной повинностью тысяч было снаряжение на службу хану кешиктенов: «В том раз-мере, в каком нами установлено, надлежит снабжать на местах по разверстке отправляющихся на службу сыновей пойма-тысячников вне всякой зависимости от того, какую кто последст-венную долю получил от отца своего или от того имущества и лю-дей, какие кто из них приобрел собственным трудом. По этому же правилу, т. е. независимо от принадлежащего им лично иму-щества, подлежат снабжению по разверстке также и сыновья пойма-сотников и лиц свободного состояния, отправляющиеся на службу в сопровождении трех товарищей» [Сокровенное сказа-ние, с. 168—169]. В казну поставлялся скот, кумыс и т. п.

Реформы 1206 г. нанесли удар по родо-племенным узам. Представители разных племен оказались в одних тысячах и со-гнях, соединенные между собой службой или проживанием в од-ной местности, смещением своим положив начало единой мон-гольской пародности. «Смещение родов, поколений и племен монгольских при образовании „тысяч“, этих основных единиц в здании империи Чингис-хана, писал Б. Я. Владимирцов, — имело очень важные последствия для родового строя... распре-деление по «тысячам», распределение уделов знаменовало распыле-ние целого ряда больших древнемонгольских племен, например, татар, меркит, джаджират, найман, керейт, остатки которых в большинстве случаев оказались разбросанными по разным улусам и улусам-тысячам» [Владимирцов. Общественный строй, с. 109].

* * *

Делопроизводство у монголов велось уйгурским письмом, приспособленным для монгольского языка. По имеющимся све-дениям, это письмо было введено при содействии уйгура Тататун-га, бывшего хранителя печати найманского Таян-хана. По дан-ным «Юань ши», Тататунга был «уйгур, умный, хорошо владел словом, глубоко познал письменность своего государства. Най-манский Таян-хан почитал его, вручил ему свою золотую печать, а также деньги и зерно. Тай-цзу выступил в поход на запад. Государство найманов погибло. Тататунга, спрятав печать, бе-жал. Через некоторое время его поймали. Тай-цзу допрашивал его, спросил: „Люди и земля Таян-хана, все вернулось ко мне. Ты зачем носишь печать?“ Ответил: „Я служу. Хотел до смерти

сберечь и спасти то, что получил от покойного государя. Разве я осмелюсь иметь другого?" Император сказал: „Верный и почтительный человек!" Спросил: „А как пользоваться этой печатью?" Ответил: „[Печать] используется во всех делах — для удостоверения выдачи денег, зерна, при назначении людей". Император одобрил это. Приказал окружающим [сановникам] после этого начать использовать печать каждый раз, когда издаются указы. И тогда же приказал иметь их [печати]. Император сказал: „Ты хорошо знаешь письменность своего государства?" Тататунга выложил все, что скрывал как тайное. После этого приказали ему обучить всех ванов и использовать уйгурское письмо для записи языка государства» [Юань ши, цз. 124, с. 36]. Это было в 1204 г.

Тамура Дзинцудзо полагает, что письмо могло быть введено ранее, в 1189 г., или в 1204, или в 1206 г. Н. Ц. Мункуев за дату пленения Тататунга принимал 1204 г. Монгольский исследователь Далай Чулууны настаивает на том, что монголы пользовались уйгурским письмом еще до пленения Тататунга. «Согласно „Юань ши", — пишет он, — Чингис-хан в 1204 г. узнал от плененного им визиря найманского Таян-хана — Тататунга, несшего ханскую печать, для чего применяется этот предмет с какими-то письменами, и начал употреблять такую же печать для скрепления государственных бумаг, а затем поручил тому же Тататунга обучить его детей и ноянов-родственников уйгурскому письму. Большинство иностранных ученых, опираясь на это неясное сообщение, без достаточных доказательств считают, что монголы переняли уйгурскую письменность в начале XIII в. Однако, вероятнее всего, уйгурский алфавит, который издавна употреблялся в некоторых монгольских племенах, при Чингис-хане получил распространение по всей Монголии и стал официальным письмом единого монгольского государства» [Чулууны Далай, с. 150 — 151].

Спор, к сожалению, достаточно беспочвенный, пока не найдены тексты на монгольском языке уйгурским письмом, скажем, 80 — 90-х гг. XII в. Конечно, странно, чтобы Чингис-хан не знал о печатях и их употреблении, многое противоречит такому представлению, но приходится пока считаться с фактами. Чжао Хун сообщал, что «при первом возникновении государства нынешних татар у них совсем не было письменных документов. Во всех случаях, когда рассылались приказы, отправлялись послы, [при этом] вырезались только метки... чтобы запомнить их. Послы не смели прибавить или убавить хотя бы одно слово. ...В документах, применяемых ими самими [в сношениях] с другими государствами, до сих пор во всех случаях употребляется уйгурская письменность. ...Но ныне за последние два года в сношениях с государством Цзинь [у татар] употребляется кигайская письменность, так как чиновники государства Цзинь, которые бежали, изменив [своему государству], и сдались татарам, желали быть взятыми ими на службу, не имея пристанища, и начали

обучать их составлению документов» [Полное описание, с. 52]. Факт обучения письму от уйгур подтверждает Джувейни⁴.

В. В. Бартольд отмечал, что «Чингис-хан отдал предпочтение уйгурской цивилизации, очевидно, потому, что она была ближе всего кочевникам; среди уйгуров было много остатков кочевых преданий и степных обычаев» [Бартольд. Образование империи, с. 264].

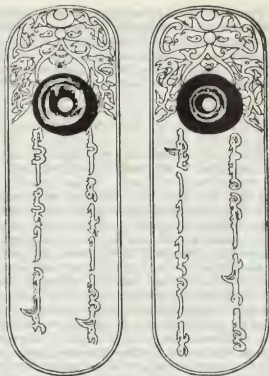
* * *

По всей Монголии по китайскому образцу, используемому и то время в соседних с Монголией государствах чжурчжэней и тангутов, учреждалась почтовая ямская служба. Для обслуживания каждого яма (ог кит. чжань — «почтовая станция») было выделено определенное число лошадей и людей. Все ямы распределялись между тьмами, и каждые две тысячи должны были содержать один ям. Между прочим, китайские источники, описывающие почтовую службу при киданях, чжурчжэнях, полны свидетельств большой тяготы ее для окрестного населения и злоупотреблений. Это касалось гонцов с пайцзами, послов, проезжающих по казенной надобности. Тангутские законы подробно регламентировали меры наказаний за такие злоупотребления. О монгольских делах Рашид-ад-дин сообщает, что проезжающие знатные лица «избивали, вешали и обижали народ». «Со всех мест они брали путевого довольствия во много раз больше, чем требовали дорога и ясак». При знатном проезжающем могло быть 200—300, а то и 500—1000 человек. «Поскольку вес и значение гонцам придавала толпа провожатых, то они старались, чтобы вокруг них собиралось больше нукеров, приглашенных из числа родственников и друзей» [Рашид-ад-дин, г. III, с. 263—265].

На могиле реформатора управления Монголией киданя Елюй Чуцая в надгробной надписи говорится: «Вначале все князья и императорские родственники по собственному усмотрению могли брать станционных лошадей, и, кроме того, послов было великое множество. Если кони падали от усталости, то они силой отбирали лошадей у народа, чтобы ехать на них дальше. В городах или посадах и на дорогах, куда бы они ни прибывали, всюду тревожили местное население. А когда они прибывали в подворья, то требовали самых различных услуг. Если подача кушаний задерживалась хоть немного, то [обслуживающие лица] избивались кнутами» [Китайский источник, с. 81].

Символы, знаки власти — пайцзы, верительные бирки, изготовленные из металла, золота или серебра, также были заимствованы монголами от соседей, а в конечном счете из Китая. Они

⁴ «А как у племен татарских не было письма, повелел он, чтобы люди из уйгуров научили письму монгольских детей» (цит. по [О составе Великой Ясы, с. 42]).

Монгольская пайцза

были разного достоинства, часто украшены изображением головы тигра. Надпись на пайцзе определяла права ее держателя. Известны такие надписи: «Указ пожалованного Небом императора Чингиса. Спешно»; «Указ пожалованного Небом императора Чингиса. Должен вести дела по усмотрению»; «Пусть ведет дела по усмотрению, как бы мы лично ехали». Золотые пайцзы украшались фигурой лежащего тигра и одной-тремя жемчужинами. Монголы принесли ямскую службу в Европу; как известно, в России она просуществовала до XIX в. включительно.

Скоро важной фигурой в администрации монгольского государства стал даругачи — «подавляющий неповиновение». Он контролировал администрацию местных покоренных народов, в качестве символов власти имел дощечку-герге и печать-тамгу. Нелишним будет сказать, что и эти символы власти были заимствованы из Китая. В завоеванных западных областях монгольское правление представлял баскак-танмачи (наместник, воевода).

Монгольское государство получило наименование Еке Монгол улус — Великое монгольское государство (кит. Да мэну го). По сведениям китайского автора Ли Синьчуаня, государство Чингис-хана стало именоваться Великим монгольским государ-

ством с 1211 г. Мы уже упоминали о том, что тезис Б. Я. Владимирцова о том, что государством владел весь ханский род, требует коррективов. Г. В. Вернадский считал, что верховная власть была сосредоточена в лице хана: «Ханский титул есть единственный атрибут верховной власти» [О составе Великой Ясы, с. 15], хотя хан не мог стать таковым без утверждения на курилтае. Все исследователи подчеркивают универсальный характер власти монгольского хана. По заключению Г. Франке, легитимация власти Чингис-хана жаловалась Небом и основывалась на подчинении других народов. Подданные подлежали умиротворению, и управлять ими было радостью. Трон хана именовался «седалищем радости». Универсализм власти монгольского хана, по мнению Г. Франке, состоял в том, что не было разницы между подлинной принадлежностью к его государству и потенциальной. Тем государствам, которые еще не подчинились, рассылались приказы о подчинении, с тем, чтобы они, следуя повелению Неба, сообразуясь с ним, подчинились его представителю на земле. Отсюда отказ признать власть монгольского хана рассматривался как мятеж. В уже упоминавшейся нами надписи на надгробной стеле Елюй Чучая сказано: «Как только враг, отклонив приказ [о сдаче], выпускал хотя бы одну стрелу или камень [по осаждающим войскам], в соответствии с [существовавшей] государственной системой все убивались без пощады во всех случаях» [Китайский источник, с. 76].

Все это напоминает представления о власти китайских императоров. Хуанди — китайский император являлся «правителем всего под Небом». Эта концепция, как показывает Г. Франке, «отчетливо не признавала границ». Хан обладал особой благодатью, харизмой [Франке, 1978, с. 16—18].

Т. Д. Скрынникова выделяет по текстам наличие двух видов благодати у Чингис-хана и его преемников — это «сила» — ключо, и особый вид благодати — су [Скрынникова].

Китайские императоры также владели благой силой дэ, тюркские каганы были наделены благодатью, называемой кут.

Концепция власти хана была сокровенной, тайной. Как нет старого китайского текста, в котором в систематизированном виде была бы изложена концепция власти китайского императора, так нет и подобного монгольского текста.

На данном этапе вряд ли разрешим вопрос о том, сколько в идеях о власти хана, полученной по повелению Неба, сугубо монгольских (центральноазиатских) элементов и сколько китайских. Но именно при монголах не только в теории, но и на практике был остро поставлен вопрос об универсализме, исключительности власти монгольского хана, о недопущении наличия других государей. Исключительность власти не предусматривала равенства отношений, чего, кстати, не допускала и китайская концепция власти императора. Может быть, некоторое отличие можно видеть в том, что китайский император воздействовал на окружающий мир прежде всего своей благой

силой дэ, а не только требованием подчинения, хотя он тоже обладал силой — взй и дарованным Небом правом карать непокорных. Возможно, престо монгольская концепция и практика были несколько грубее.

* * *

Чингис-хан узаконил хунгиратов в качестве брачных партнеров императорского рода. «Когда в роде хунгират рождаются девочки, они из поколения в поколение становятся императрицами; когда рождаются мальчики, они из поколения в поколение женятся на принцессах. Пусть непрерывно из поколения в поколение объявляют этот жалуемый указ в первую луну четырех времен каждого года» [Юань ши, цз. 118, с. 1а]. Интересно, что аналогичную по содержанию статью закона, устанавливающую брачные взаимоотношения между царствующим домом Нгвечи и родом Сими, из которого императоры из рода Нгвечи брали себе жен, мы находим в тангутском кодексе законов середины XII в.

Большая роль в новом государстве была отведена Шиги-Хутухту. Он, как говорилось ранее, распределял уделы — хуби. Именно к нему были обращены следующие слова Чингис-хана:

— Когда же с помощью Вечного Неба будем преобразовывать всенародное государство, будь ты оком смотрения и ухом слушания! Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных, а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переименовывать твоего определения!

Последнее указание являлось прямым запретом менять своего владельца. Чулууны Далай полагает, что «исгэй ту ургатан» («живущие за войлочными стенами») — это кочевое население государства, а «хабдасуи э'удэтэн» («живущие за деревянными стенами») — оседлое, занимавшееся земледелием [Чулууны Далай, с. 107].

Шиги-Хутухту был назначен главой Верховного суда государства и получил наказ:

Искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Виновных в смерти — предавай смерти! Повинных наказанию или штрафу — наказуй! (по «Сокровенному сказанию», с. 159—160).

Правление ханское не должно блуждать в темноте.

Хан ошибаться не должен!

Поступайте по своему усмотрению —

Будьте твердыми, не склоняйтесь на чью-то сторону.

Не пренебрегайте словами своими.

Не горячитесь с почтенными людьми.

Не кричите на людей громким голосом!
Не распускайте слухов.
Не привязывайте звонка к подолу халата,
Не приходите на суд растрепанными

[Алтан Тобчи, с. 215].

Так, судя по одному из монгольских стихотворений, которое, как предполагают, восходит к первой четверти XIII в. (Н. П. Шасгина), Чингис наставлял своих судей.

Суд, возглавляемый Шиги-Хутухту, в своих решениях должен был руководствоваться собранием законов — «Ясой». Г. В. Вернадский, исследователь «Ясы», допускал, что она также была утверждена на курилтае 1206 г. Затем «Яса» пересматривалась в 1218 и 1225 гг. «Яса», по классификации Г. В. Вернадского, включала международное право, государственно-административное право, податной устав, уголовное, частное, торговое и судебное право. Он полагает, что одним из основных положений международного права, содержащегося в «Ясе», «была определенная форма объявления войны с гарантией безопасности населению враждебной страны в случае добровольного подчинения». Империя была основана на всеобщем прикреплении населения к государственной службе. Каждый под страхом смерти был обязан возвратить беглого раба законному собственнику. «Основной целью наказания в понятии Ясы является физическое уничтожение преступников». Г. В. Вернадский расценивал Чингис-хана не только как гениального полководца, но и как «государственного деятеля крупного размаха, творца нового имперского права» (См. [О составе Великой Ясы, с. 33]).

Однако не для всех «Яса» стала законом, который должен был неукоснительно соблюдаться. Раздавая уделы, должности и награды, Чингис-хан ряду своих нукеров позволил «не вменять в вину девять проступков», т. е. не привлекать их к суду и не наказывать за девять совершенных ими преступлений, наказуемых смертной казнью.

Один из сородичей Чингис-хана, старец Усун, получил титул беки. Он должен был восседать на почетном месте (на троне) облаченным в белую шубу и ездить на белом коне. «Должность» Усуна имела культовое значение. Он обязан был изучать связь событий в улусе Чингиса с природой и ее явлениями, был кем-то вроде придворного астролога, наблюдающего за календарем.

— Пусть назначает и освещает нам годы и месяцы! — сказал, по преданию, Чингис-хан (по «Сокровенному сказанию», с. 166).

Пользование своим календарем на Дальнем Востоке было одним из признаков независимого государства.

Затем Чингис приказал увеличить численность своей гвардии — кешиктенов до десяти тысяч человек. Приказ гласил: «Объявляем во всеобщее сведение по всем тысячам о нижеследующем: „При составлении для нас корпуса кешиктенов надлежит пополнять таковой сыновьями нойонов — темников, тысячников и сотников, а также сыновьями людей свободного состояния,

достойных при этом состоять при нас как по своим способностям, так по выдающейся физической силе и крепости. Сыновьям нойонов-тысячников надлежит явиться на службу не иначе как с десятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновьям же нойонов-сотников — с пятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновей нойонов-десятников, равно как и сыновей людей свободного состояния, каждого сопровождают по одному младшему брату и по три товарища, причем все они обязаны явиться со своими средствами передвижения, коими снабжаются на местах. В товарищи к сыновьям нойонов-тысячников люди берутся на местах, по разверстке от тысяч и сотен для той цели, чтобы усилить составленный при нас корпус» («Сокровенное сказание», с. 168—169).

Так была сформирована «тьма кешиктенов», состоявшая из восьмитысячного отряда гвардейцев-турхаутов, в том числе одного полка в тысячу человек из отборных богатырей, и отряда ночной стражи в две тысячи кебтеулов. Чингис-хан повелел:

— Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешиктенов, будет в военное время и главным средним полком.

Мы уже упоминали о том, что охранявшая ханскую ставку стража менялась каждые трое суток. «Кебтеулы, стоящие на страже у ворот, обязаны рубить голову по самые плечи, а плечи иаотвал всякому, кто попытался бы ночью проникнуть во дворец» [Сокровенное сказание, с. 171].

Никто не смел расспрашивать караульных о численности стражи и порядке смены караулов. У заподозренных в расспросах или прямо виновных в этом в качестве штрафа отбирали одежду и лошадь вместе с седлом и сбруей. За самовольный уход с поста караульные наказывались палками. Вместе с тем кешиктены пользовались особой милостью хана, и их нельзя было предавать суду без его ведома.

— О случаях предания кешиктенов суду, — объявил Чингис-хан, надлежит докладывать мне. Мы сами сумеем казнить тех, кого следует предать казни, равно как и разложить и наказать палками тех, кто заслужил палок! [там же, с. 170].

Рядовой гвардеец-кешиктен считался по своему положению выше простого армейского тысячника. «Тайная история» сохранила восторженный гимн гвардии хана:

Тучами небо ночное закрыто,
Ты ж на посту, моя верная стража:
С дымником юрту мою стерсешь ты,
Плотным ее облегаешь ты кругом,
Сон навеваешь на вежды мне крепкий,
Ты ведь и в сан возвела меня царский

[там же, с. 171].

В наши дни часть китайских авторов не без некоторых оснований считает созданное Чингис-ханом объединенное монгольское государство по сути своей рабовладельческим. По мнению

Б. П. Гуревича, это «намеренное умаление степени социально-экономического развития Монголии XIII—XIV вв.» (см. [Чулуны Далай, с. 4]). Однако вопрос не столь прост. Мы не беремся в данном случае обсуждать его, скажем только, что списывать все «на монгольский кочевой феодализм» в наши дни уже отнюдь не достаточно.

Так в начале XIII в. в монгольских степях после длительного соперничества ханов возникла монолитная и грозная сила. Сидящая в сражениях, она была отныне сплочена в единое государство с единой военно-административной властью, с очевидным перевесом в ней военного начала. Правление военных, хотя и на иной основе, хорошо известно и в наши дни. Все — от десятника до темника в государстве Чингис-хана, каждый кешиктен в его ставке, если даже он ведал поварами, были в первую очередь воинами и только потом должностными лицами, решавшими гражданские дела. Это была сила, созданная нойонством и действовавшая в интересах нойонства. «Монгольской степной аристократии важен и нужен был порядок внутри ее кочевий и очень выгодны наезды и войны с внешними врагами, от которых можно было забирать добычу». Инерция войны не только не ослабевала, она нарастала, и все последующее правление Чингис-хана до самой его смерти Монголия не провела ни одного года без войны, без нападений на соседей. Это новое государство, опьяненное внутренними победами и жаждавшее новой добычи, с момента своего рождения заявило себя как сила, враждебная окружающему миру, и, как образно сказал Б. Я. Владимирцов, «еще долго продолжало вести себя по отношению к ...культурным народам, как разбойничья шайка» [Владимирцов. Ответственный строй, с. 86].

Богатства страны тангутов

Почему он до сих пор не возвращается? — Я не мог ответить на это, а лишь молился за всех женщин, чтобы в мире никогда больше не было войны.

Лао Шэ. Записки о кошачьем городе

Как полагают современные китайские авторы «Юань чао ши» («Истории династии Юань»), после объединения Монголии местным народам друг друга стало грабить нельзя и «поэтому богатые соседние страны стали объектом продолжения ими (монголами.— *Е. К.*) грабительских войн», «это жгучее стремление грабить — коренная причина непрерывного проведения правителями монгольского государства внешних войн» [Юань чао ши, с. 98]. Огромному миру, лежавшему к юго-востоку, югу, западу и северо-западу от монгольских степей, новый «дракон явил свое чело» еще за год до великого курилтая на берегах Онона. Возможно, возвращаясь с Алтая после победы над найманами в 1205 г., Чингис-хан решил проверить крепость границ своего соседа, тангутского государства Великое Ся, и приказал своим войскам вторгнуться в его западные районы — округа Шачжоу и Гуачжоу. В «Юань ши» сообщается: 1205 год, «напал на крепость Си Ся Валицзилисай, прошел через город Лосы, ограбил народ, забрал верблюдов» [Юань ши, цз. 1, с. 8а].

Рашид-ад-дин так рассказывает об этом походе: «Чингиз-хан соизволил привести свое войско в порядок и выступил в поход против области Кашин, которую называют Тангут. Когда они вступили в эту область, то прежде всего они достигли крепости, называемой Легили, а место это чрезвычайно укрепленное. Они ее окружили и в короткое время взяли; они разрушили все: и ее стены, и фундамент. Оттуда они пошли на город, название которого Клиш-Лоши, а он был очень крупным городом, они его взяли и разграбили. Затем захватили некоторые другие области Тангута и разграбили их, а скот, найденный ими в тех пределах, они весь угнали с собой. Затем с многочисленной военной добычей и бесчисленным количеством верблюдов и скота они повернули назад и явились с выражением рабской покорности к Чингиз-хану» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 149—150]. Поход на Си Ся имел место в конце весны — в третьем-четвертом месяце 1205 г. по лунному календарю. Успех был полный, а добыча велика.

Тангуты, государство которых существовало уже 200 лет, кичившиеся перед татаро-монголами своей культурой, включившие в свои письменные знаки (правда, по примеру китайцев), передающие слово «татары», элемент «собака», что должно было передать их презрение к северным соседям, были посрамлены. Они пропустили врага через границы и позволили ему разграбить западные районы страны. Тангуты не могли не знать о событиях в монгольской степи. Они видели в своих пределах Ван-хана в худшие дни его жизни, сын Ван-хана Сангум искал у них спасения от преследовавших его воинов Чингиса. Они, несомненно, знали о Чингисе.

Можно с уверенностью сказать, что разграбление западных областей Си Ся явилось мстью тангутам за то, что они не выдали Сангума. Вероятно и то, что успех первого тангутского похода Чингиса, в котором он лично не участвовал, первая проба монгольского оружия в войне против оседлого населения, против городов и крепостей, оказавшаяся очень успешной, ускорила созыв курилтая на берегах Онона, помогла Чингису скорее стать великим ханом всех татаро-монгольских племен. Добыча обогатила Чингиса, так как, по монгольскому обычаю, «от высшего до низшего, независимо от количества добычи, оставляют одну часть для преподнесения императору Чингису» [Полное описание, с. 68]. Она обогатила войско и его костяк — нукеров и нойонство, а главное — разожгла их аппетит, их неумную жажду добычи. Курилтай и последовавшие за ним реформы создали военно-административный аппарат захватнического по своим устремлениям государства.

Прошло лишь полтора года после великого курилтая, как осенью 1207 г. монголы снова вторглись в пределы государства тангутов, на этот раз в его центральные районы, закрепились в Алашаньских горах у крепости Валохай (Уйрака) и всю зиму вплоть до наступления лета 1208 г. грабили соседние селенья и кочевья тангутов. Тангуты блокировали занятый монголами район, но атаковать и разбить монголов либо не решились, либо не смогли и вновь выпустили их с добычей в монгольские степи. Рашид-ад-дин сообщает, что во время похода 1207 — 1208 гг. на тангутов «Чингиз-хан вторично выступил на войну против них и в ту пору покорил всю эту область и вернулся назад победителем, победоносным и удовлетворенным» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 151]. На этот раз Чингис действительно принимал личное участие в походе, но ни о каком полном покорении тангутского государства еще не могло быть и речи. Китайские авторы полагают, что предлогом для второго похода на Си Ся послужил отказ тангутов предоставлять Чингис-хану дань и признать свою вассальную зависимость от него [Юань чао ши, с. 102].

Зимой 1207 — 1208 гг., когда Чингис воевал в Си Ся, по сведениям «Юань ши», в ответ на посольство от киргизов с верховьев Енисея монголы послали к ним двух своих послов. К XIII в. киргизское государство на Енисее распалось на

несколько небольших, не подчинявшихся друг другу владений. Каждое из них возглавлял правитель, звавшийся инал. Киргизы с почтением приняли послов из Монголии и в ответ отправили двух послов, Илик-Тимура и Аткирака, которые привезли Чингис-хану белого сокола и получили у него аудиенцию. Считается, что с этого момента киргизы подчинились государству Чингис-хана [Юань ши, изд. 1, с. 8а].

«Тайная история» рассказывает о подчинении киргизов песко-люкю иначе. В 1207 г. сын Чингис-хана Чжочи был послан для подчинения «лесных народов». Послан с войсками, и в результате монголам подчинились ойраты, буряты и ряд других народов Южной Сибири. Именно при наличии армии Чжочи и явно под давлением подчинились и «тумен-киргизы». Тогда к Чжочи явились киргизские нойоны Еди-Инал, Алдьер и Олебек-дигин. Они принесли Чжочи белых кречетов, белых коней и белых соболей. Вместе с Чжочи киргизские послы и послы других народов прибыли к Чингис-хану. Ойратские правители и их сыновья получили в жены монгольских принцесс. Чингис-хан объявил Чжочи:

— Ты — старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравии благополучно возвратился, покорив без потерь людьми и лошадьми лесные народы. Жалую тебе их в подданство [по «Сокровенному сказанию», с. 174 – 175].

Возможно, подчинение киргизов было «добровольно-принудительным». Это показали события, происшедшие через десять лет. В 1217 г. монгольский отряд выступил для подчинения туматов, живших к западу от Байкала. Туматы нанесли монголам поражение. Тогда уже прочно освоивший тактику «разделяй и властвуй» Чингис приказал вассальным ему киргизам подавить восстание туматов. Но киргизы отказались выполнить этот приказ. Они тоже восстали и стали мятежниками. Правитель «лесных народов» Чжочи должен был отправиться лично наводить порядок. Перейдя по льду Селенгу, Чжочи прошел через земли ойратов, бурятов. Дошел до притока Верхнего Енисея, реки Усы, и затем, пройдя вниз по течению Енисея, атаковал центральные районы расселения киргизов. Отряды монголов дошли до Оби и возвратились. Чжочи подчинились и проживавшие к западу от киргизов теленгулы.

Следствием походов на тангутов явилось подчинение Чингис-хану уйгуров. К началу XIII в. уйгуры расселились на всем пространстве от Хами до Куча, на севере они граничили с найманами, на юге их владения простирались до озера Лоб-Нор. Если в Монголии завершалась монголизация этого региона, то в Восточном Туркестане — его тюркизация. Уже разгром найманов напугал уйгуров. В сложной системе взаимоподчиненности и вассалитета уйгуры тоже не были самостоятельны, они признавали свою зависимость от государства кара-китаев Западное Ляо, в столице уйгуров Гючаче находился наместник киданей. Уйгуры страдали от киданьских притеснений, и усиление монголов, их

удары по тангутам, с которыми их тоже некогда разделяла вражда, поставили уйгуров перед выбором — или быть с врагами Чингис-хана, или вступать в союз с ним, олицетворявшим новую силу, так скоро и наглядно заявившую о себе.

В 1208 г. монголы решили добить Кучлука. Их отряд перевалил Алтай и у реки Бухтармы разгромил найманов и меркитов. Кучлук переправился через Иртыш и бежал во владения каракитаев. В 1209 г. уйгуры убили наместника киданей. Посольство от Чингис-хана прибыло к уйгурам. Правитель уйгуров идикут Барчук вместе с монгольскими послами отправил к Чингис-хану двух своих сановников и заявил о своем подчинении монголам. Он соглашался признать себя сыном Чингис-хана. По преданию, его послы объявили Чингис-хану:

— С великою радостью слышу я о славе чингисханова имени. Так ликуем мы, когда рассеются тучи и явит себя мать всего — солнце. Так радуемся мы, когда пройдет лед и откроются вновь реки. Не пожалует ли меня государь Чингис-хан? Не найдет ли он хоть шиурка от золотого пояса, хоть лоскутка от своей багряницы? Тогда стану я твоим пятым сыном и тебе отдам свою силу!

Чингис, который милостиво принял послов идикута, дал им такой ответ:

— Дочь за него отдам и быть ему пятым сыном моим. Пусть идикут приезжает, взяв с собой золота, серебра, жемчугов, перламутров, золотой парчи, узорчатых штофов и шелковых тканей (по «Сокровенному сказанию», с. 174).

Уйгуры не замедлили также проявить свою преданность. Когда сын меркитского Тохтоа-беки, Худу, прислал к идикуту послов, уйгуры меркитских послов убили, а меркитов, пытавшихся укрыться во владениях уйгуров, вытеснили со своей территории, отказав им в убежище.

Богатый караван из страны уйгуров, который возглавил лично идикут, тронулся в Монголию. Всего насобирал со своих подданных уйгуров идикут — золота, серебра, жемчугов, шелковых тканей, как велел Чингис. Чингис возвратился из тангутского похода. По данным «Юань ши», идикут получил аудиенцию на Керулене в 1211 г. Чингис, который вообще благоволил уйгурам, видя в них своеобразных просветителей монголов, оказал идикуту теплый прием и выдал за него свою дочь Ал-Атуну (Елихатун).

Барчук был признан «пятым сыном», всем сыновьям Чингис-хана приказали считаться его братьями. Этим актом определялось положение уйгуров в монгольском государстве. Как сын Чингиса и основателя династии, Барчук и его потомки идикуты признавались великими ханами, вассалами Чингис-хана и его потомков, императоров династии Юань. Они платили дань, участвовали в походах монголов. Но в своих владениях идикуты сохраняли независимость. Уйгуры оказали монголам помощь и в завоевании тангутского государства Си Ся. Думается, что уйгуры, которые издавна враждовали с соседними тангутами, — а

часть уйгурских земель в XI в. перешла во владения тангутов, — могли видеть в Чингисе мстителя за их давние обиды. Чингисхану на первых порах была нужна не столько военная помощь от уйгуров, сколько гарантия того, что не будет тангута-уйгурского союза против монголов, что найманы и другие «недобитки» вроде меркитов не найдут убежища в Восточном Туркестане и не наберутся там новых сил. Союз с уйгурами занимал важное место в его стратегических замыслах как надежное обеспечение правого, западного фланга для будущей войны с чжурчжэнями.

В том же, 1211 г. «прибыл и подчинился из Западного края (Си юй) хан карлуков Арслан-хан» [Юань ши, из. 1, с. 86]. Карлуки некогда жили западнее Алтая, в бассейне реки Иртыш, позднее они откочевали на юг, ближе к Бэйгину-Бешбалыку, а затем под давлением уйгуров отодвинулись в район юго-восточнее озера Балхаш, к рекам Или и Чу. Здесь они оказались в составе государства Караханидов. При правлении кара-китаев их хан принял титул арслан-хана, который, кстати, судя по китайским источникам, имел и правитель уйгуров. Кидани управляли к карлукам своих наместников. Когда Чингис-хан разгромил найманов, он выслал отряд под командованием Хубилая, чтобы подчинить карлуков. Арслан-Хан упредил события: он убил наместника кара-китаев и добровольно подчинился монголам. В сопровождении Хубилая карлукский правитель в том же, 1211 г. прибыл в ставку Чингис-хана. Перешел на сторону Чингиса и другой карлукский правитель, хан Алмалыка Вадзар. Он доносил Чингис-хану о состоянии дел у Кучлука и также имел у него аудиенцию. В отместку за это Кучлук напал на Алмалык, а Вадзара пленил. Когда на помощь карлукам поспешили монгольские войска, Кучлук снял осаду Алмалыка, а Вадзара убил. Ханом Алмалыка стал сын Вадзара, который за преданность монгольскому делу его отца получил в жены девушку от двора Чингис-хана. Карлуки преданно служили монголам и участвовали в походе на Хорезм.

Все эти события происходили одновременно и на фоне нового большого похода монголов на тангутское государство, на этот раз по замыслу «окончательного», призванного уничтожить государство тангутов. В третьем месяце (6 апреля—6 мая) 1209 г. монгольские войска под командованием самого Чингис-хана в третий раз вторглись в Си Ся. Тангуты выслали навстречу Чингис-хану большую армию во главе с наследником престола. В решительном сражении она была разбита монголами. Чингис снова занял крепость Валохай. Оттуда монголы начали наступление на столицу Си Ся Чжунсин. В одном из горных проходов в горах Хэланьшань (Алашань) у заставы Имынь их поджидала пятидесятитысячная армия тангутов. Тангуты на этот раз смело атаковали монголов и нанесли им поражение. Однако они не приложили никаких усилий, чтобы в летнюю жару, которую всегда не любил Чингис-хан, развить успех. Два месяца обе армии стояли друг против друга, не вступая в сражение. А к осе-

ни, получив подкрепления и пользуясь благоприятной погодой, Чингис начал новое наступление на столицу Си Ся. Монгольская конница небольшими силами атаковала лагерь тангутов. Легко отразив атаку монголов, тангуты поверили в новую победу и всем войском начали преследование бегущего противника. Монголы только этого и ждали — тангуты сами попали в ловушку. «В битвах с врагом,— писал позднее Марко Поло,— берут верх вот как: убежать от врага не стыдятся, убегая, поворачиваются и стреляют. Коней своих они приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно да сильно, так же гоним, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко; бьет и вражьи коней и людей; и враг думает, что они расстроены и побеждены, и сам проигрывает оттого, что кони у него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары как увидят, что перебили и вражьи коней, и людей много, поворачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага» [Марко Поло, с. 91].

Жертвой этого тактического приема татаро-монголов пала и тангутская армия. Она была полностью разгромлена. Многие тангутские полководцы попали в плен. В октябре первые монгольские всадники появились под стенами столицы Си Ся. Началась длительная осада города. И здесь монголы действовали по-своему, создавая собственную тактику взятия городов. «Всякий раз при наступлении на большие города,— писал Чжао Хун,— они сперва нападают на маленькие города, захватывают в плен население, угоняют его и используют [на осадных работах]. Тогда они отдают приказ, чтобы каждый конный воин непременно захватил десять человек. Когда людей захвачено достаточно, то каждый человек обязан набрать столько-то травы или дров, земли или камней. Татары гонят их день и ночь; если люди отстают, то их убивают. Когда люди пригнаны, они заваливают крепостные рвы [вокруг городских стен тем, что они принесли], и немедленно заравнивают [рвы]; некоторых используют для обслуживания колесниц, напоминающих гусей, куполов для штурма, катапультированных установок и других работ. [При этом татары] не шадят даже десятки тысяч человек. Поэтому при штурме городов и крепостей они все без исключения бывают взяты. Когда городские стены проломлены, татары убивают всех, не разбирая старых и малых, красивых и безобразных, бедных и богатых, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пощады. Всякого, кто при приближении противника не подчиняется приказу [о капитуляции], непременно казнят, пусть даже он оказывается знатным» [Полное описание, с. 67].

Во время осады тангутских городов и крепостей на костях тангутов создавалась эта монгольская тактика взятия городов. Именно в стране тангутов монголам впервые пришлось вести осадную войну, именно здесь они столкнулись с катапультами — камнеметными блидами и другой осадной и защитной техникой дальневосточного средневековья, которой тангуты владели очень

хорошо. Именно здесь они стали осваивать эту технику и принуждать вражеских военных специалистов к участию в осаде их собственных городов.

В осажденной столице тангутов был создан государственный совет. Последнее слово оставалось за государем Ань-цюанем. Все замолчали.

— Более двухсот лет наша династия правит государством. И вот враг, пришедший с севера, уже в который раз заставляет нас думать о жизни и смерти династии. Теперь он у стен столицы, не время для праздных разговоров. Повелеваю всем подняться на стены. Я сам приду туда!

Один за другим покидали сановники императорский дворец. Ань-цюань вышел во двор. Ему подали коня. Почти все население столицы поднялось на городскую стену. Устанавливали катапульты и большие самострелы. Лучники несли тугие связки стрел. На стены втаскивали камни. Кипятили в огромных котлах воду и смолу. Было отбито несколько штурмов. Крепкие стены города казались неприступными благодаря мужеству его защитников.

Между тем в походной юрте Чингис-хана тоже состоялся совет, решивший: раз не удастся взять город штурмом, его надо затопить.

Наступила глубокая осень, шли проливные дожди. Население, согнанное из соседних областей, пленные, монгольские воины возводили плотину на реке. Потоки воды хлынули в город. Вода заливала квартал за кварталом. Рушились здания, тонули люди.

Ань-цюань срочно отправил посольство в Цзинь, чтобы просить чжурчжэней выслать войска на помощь осажденным. Тангуты знали, что три года назад, после великого курилтая 1206 г., Чингис, получивший чин на чжурчжэньской службе за поход против татар, перестал официально признавать старшинство Цзинь, а затем, судя по сообщению китайского источника, «порвал с Цзинь». По-видимому, они знали, что курилтай обсуждал возможность войны с Цзинь. Очевидно, Чингис не только стремился уничтожить государство тангутов, но и активно готовился к войне против своего главного врага — чжурчжэней, намеревался отомстить за гибель Амбагай-хагана. Поэтому наиболее благоразумные цзиньские чиновники из тех, кто и раньше выступал за союз с Си Ся против монголов, предлагали немедленно начать войну с Чингис-ханом.

— Если Си Ся погибнет, монголы обязательно нападут на нас, — говорил один из них. — Лучше уж совместно с Ся атаковать их с фронта и тыла.

Это был благоразумный совет. Тангуты и чжурчжэни вместе могли бы если и не уничтожить исходящую от монголов опасность, то хотя бы блокировать монгольские войска, не выпускать их за пределы монгольских степей.

Однако цзиньский государь Вэй-шао ван относился к тангутам враждебно. Ответ его тангутским послам был груб и неумел:

Моему государству выгодно, когда его враги нападают друг на друга. О чем же беспокоиться?

Следуя некогда воспринятой ими старой китайской тактике «бороться с варварами руками самих же варваров», чжурчжэни отказались помочь тангутам, тем самым во многом предопределив и свою собственную судьбу, и судьбы других народов.

Так тангуты остались без союзника, один на один, лицом к лицу с врагом, а вода все прибывала, угрожая разрушить стены города. Гибель Си Ся казалась неминуемой. Дождь лил уже вторые сутки. В мутных потоках, затопивших улицы, зловеще плавали распухшие трупы. Полуживые люди ютились на крышах уцелевших домов, на городской стене, в отчаянии ожидая своего часа. Серый холодный рассвет не сулил ничего хорошего.

В монгольском лагере заметно было какое-то движение. Среди осажденных разнеслась весть: враги готовят штурм, государь приказал всем достойно принять смерть. Уже рассвело, когда тангуты с удивлением увидели, что вода стала убывать. В лагере же монголов случилось что-то невероятное. Побросав юрты, имущество, монголы вскакивали на коней и мчались в сторону ближайших гор. И когда ветер к полудню разогнал тучи и впервые за много дней проглянуло желтое холодное солнце, тангуты поняли, что свершилось чудо. Ранним утром прорвалась воздвигнутая монголами плотина, и вода затопила монгольский лагерь (см. [Кычанов. Очерк, с. 299—300]).

Вынужденные отказаться от мысли на этот раз покончить с тангутами, монголы повели переговоры о мире. К Ань-шоаню прибыл посол Чингис-хана Эда. По-видимому, первым условием монголов было требование выступить их союзниками в последующих войнах, и прежде всего с Цзинь. Как нежелание уйгуров и чжурчжэней, двух соседей Си Ся, помочь тангутам поставило их на грань катастрофы, так и обязательство Си Ся не помогать Цзинь лишило чжурчжэней всяких союзников в будущей войне с монголами. Южносунское китайское государство было враждебно Цзинь и могло стать только союзником монголов в их войне с чжурчжэнями, как это потом и произошло. Но тангуты, соглашаясь быть «правой рукой» Чингис-хана, т.е. в какой-то мере признавать его старшинство и помогать ему, упорно отказывались стать участниками его походов, ссылаясь в переговорах на свою оседлость:

Кочуем мы недалеко, а городища у нас глинобитные. Если взять нас в товарищи, то

Быстрый налет учинить ли.
В жаркой ли сече рубиться
В быстром набеге твоём
Явно враг не нагнать нам.
В жарких же сечах подавно
Нам устоять невозможно

[Сокровенное сказание.
с. 180].

Вместо участия в походах Чингис-хана тангуты предложили ему большой выкуп — верблюдов, сукна, охотничьих соколов. «Тангутский государь, сообщает „Тайная история“, — сдержал свое слово: собрал со своих тангутов столько верблюдов, что с трудом их доставили к нам» [там же, с. 181]. Тангутская принцесса по имени Чахэ стала женой Чингиса. По сведениям Рашид-ад-дина, монголы оставили в тангутском государстве своего наместника и гарнизоны [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 144], но это неверно, так как победа Чингиса была неполной, а следовавшие затем события исключают всякую возможность присутствия монгольских гарнизонов в Си Ся.

Поход 1209—1210 гг. на тангутов и договор с ними 1210 г. явились первой большой военной победой Чингис-хана за пределами монгольских стен. Государство Си Ся считалось сильным противником, и победа над ним возвысила в глазах соседних народов Чингис-хана и поколебала уверенность в себе многих его будущих противников. Многие, кроме главного врага — чжурчжэньского императора Вэй-шао вана. Когда монголы совершали нападения на границы Цзинь, спесивые чжурчжэньские чиновники говорили им:

— Наше государство подобно морю, а ваше — горсти песка. Разве вы можете покорить нас?

Вступив в 1209 г. на престол, Вэй-шао ван послал Чингис-хану указ с извещением о своем приходе к власти. Прибывший в ставку Чингис-хана цзиньский посол требовал, чтобы Чингис лично принял указ, опустившись на колени. Но пришли иные времена. Чингис не только не встал на колени, а более того, демонстративно плюнул в южную сторону, в направлении государства Цзинь, обозвал при всем народе чжурчжэньского императора дураком, вскочил на коня и умчался, выказав полное пренебрежение к своему мнимому сюзерену. Это означало полный разрыв, и обе стороны стали готовиться к войне. Ее задержал только тангутский поход Чингис-хана, затянувшийся против его ожиданий. Надо сказать, что не все разделяли уверенность Вэй-шао вана в своей безопасности, были и такие, кто сочувствовал тангутам. Есть сведения о том, что во время нападения монголов на Си Ся в 1209 г. из Цзинь было отпущено много рабов-тангутов.

К 1210 г. Чингис-хан обеспечил себе западный фланг для войны с Цзинь. Уйгуры и карлуки надежно отгородили его от кара-китаев, тангуты были нейтрализованы. Союз тангутов и чжурчжэней (о допустимости такого союза писал и Л. Гамбис [Гамбис, с. 97]) стал отныне невозможен. Чжурчжэням в ближайшие же месяцы предстояло пожать первые плоды своей близорукости.

Шаман Кокочу

Волхвы не боятся могучих владык.

А. С. Пушкин

Кокочу, Тэб-Тэнгри — «Самый Небесный», шаман Чингис-хана, «посредник» между ним и великим Вечным Небом, освятивший на великом курилтае власть Темучжина над монголами, вел себя в чингисовой орде все более своевольно. Он внушал многим суеверный страх. По-видимому, это был человек богатырского здоровья. В разгар зимы Кокочу садился голым на лед, который таял от тепла его тела. Клубы пара окутывали Кокочу, и простой народ верил, что шаман вознесся на небо на белом коне [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 167]. С одобрения отца своего Мунлика, некогда услужившего Есугаю и малолетнему Темучжину, и при поддержке своих шестерых братьев Кокочу не только обращался, как ему вздумается, с рядовыми нукерами и нойонами Чингиса, но и стал посягать на членов семьи самого хана. И ранее «с Чингиз-ханом он говорил дерзко, но так как некоторые его слова действовали умиротворяюще и служили поддержкой Чингиз-хану, то последнему он приходился по душе. Впоследствии, когда Тэб-Тэнгри стал говорить лишнее, вмешиваться во все и повел себя спесиво и заносчиво, Чингиз-хан полнотою своего разума и проницательности понял, что он обманщик и фальшивый человек» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 167].

Хасар, брат Темучжина, физически сильный человек, имел характер незлобивый и простодушный. Как-то раз подстрекаемые Кокочу сыновья Мунлика избили Хасара. Чингис не только не заступился за брата, а прогнал его с глаз долой:

— Слывешь непобедимым, а вот оказался побежденным!

Плача, Хасар поднялся и вышел из юрты Чингиса. Обидевшись на брата, он три дня не появлялся в его юрте. Тем временем коварный Кокочу, пользуясь размолвкой братьев, задумал окончательно погубить Хасара. Видимо, не впервой в сладких снах своих видел он себя, а не Чингиса повелителем монголов, особенно теперь, когда сила восторжествовала и все были покорены. Ведь еще в пору междоусобицы в монгольских степях Тэб-Тэнгри воспринимался недругами Чингиса как его враг в стане самих монголов. Когда Ван-хан задумал напасть на Чингиса, он не случайно пытался привлечь на свою сторону Кокочу: «Будем действовать сообща: я отсюда, ты оттуда!» Но тогда Кокочу не

осмеливался открыто выступать против Чингиса. Однако растущая слава и власть Чингиса стали для него как бельмо на глазу. Он рассудил, что прежде чем занять место Чингиса, он должен избавиться от возможных его преемников, его братьев, сыновей. Как только Кокочу понял, что Чингис не намерен заступаться за Хасара, он решил прибегнуть к своей власти шамана и, явившись к Чингису, сказал:

— Вечный Тэнгри возвещает мне свою волю так, что выходит временно править государством Темучжину, а временно — Хасару. Если ты не предупредишь замыслы Хасара, то за будущее нельзя поручиться [Сокровенное сказание, с. 176].

Верил ли Чингис, что Кокочу действительно связан с Вечным Небом, или просто поддался наговору, но он в ту же ночь велел арестовать Хасара. Связав руки брату, он подверг его допросу, пытаясь увериться в своих подозрениях. Как рассказывается в «Алтан Тобчи», «матушка, узнав об этом, ночью же отправилась в крытой повозке, запряженной белым верблюдом. Всю ночь она провела без сна в пути и прибыла с восходом солнца. В это время августейший Чингис-хан допрашивал Хасара, у которого были связаны рукава, сняты шапка и пояс. Тогда-то и прибыла матушка. Августейший Чингис-хан, удивленный, вздрогнул, испугавшись матушки» [Алтан Тобчи, с. 194—195]. Освободив Хасара, не зная, как пристыдить Чингиса, Оэлун в гневе присела на корточки и, обнажив груди свои, положив их на колени, сказала:

— Видите? Вот груди, которые вы сосали. Какое же преступление совершил Хасар, что ты губишь родную плоть? Темучжин опорожнял когда-то одну полную грудь. Хачиун с Отчигином вдвоем не могли опорожнить и одной. А Хасар успокаивал меня и ублажал, опорожняя обе груди мои. Вот почему мой Темучжин взял умом, а Хасар меткой стрельбой и силой. Не за то ли вы и возненавидели Хасара, что это он раздвигал врагов?

— Страшно и стыдно мне материнского гнева, — сказал Чингис, успокоил мать и, отпустив Хасара, уехал сам» [Сокровенное сказание, с. 176—177].

Однако подозрения не оставляли Чингиса. Втайне от матери он отобрал у Хасара более половины выделенных ему людей, оставив ему тысячу четырехста юрт из бывших у него ранее четырех тысяч. Хасар отныне жил в вечном страхе, и некоторые из близких ему людей, страшась гнева Чингиса, бежали от него. Если следовать «Алтан Тобчи», то в этот раз Хасар проявил все-таки враждебность по отношению к брату: «Хасар потихоньку, так чтобы матушка не знала, забрал тысячу триста человек и выступил с враждебными намерениями. Матушка узнала об этом и вскоре скончалась». «Тайная история» также подтверждает, что Оэлун скончалась, не перенеся ссоры между ее сыновьями [Алтан Тобчи, с. 195; Сокровенное сказание, с. 177].

Тэб-Тэнгри, Кокочу, остался безнаказанным. Преследовать откочевавшего Хасара был отправлен Субетай-баатур. Он уговорил Хасара не бунтовать, вернуться и покориться воле брата:

«Если разлучишься с родной семьей,
Станешь пищей для чужого человека. Да!
Если разлучишься с материнской родней,
Станешь пищей для монгольских людей. Да!
Если разлучишься с многосемейными людьми,
Станешь пищей для сироты. Да!
Если распадется многочисленный народ,
Станет он пищей для малого народа. Да!
Может, найдешь себе рабов и слуг,
Но родной семьи не найдешь.
Может, найдешь себе подданных,
Но родичей, рожденных в одном роду,
Не найдешь!

Так он сказал. Хасар был согласен с этими словами и возвратился» [Алтан Тобчи, с. 197].

Чингис-хан, видимо, побаивался чудодейственной силы Кокочу. Может быть, какие-то неизвестные нам обстоятельства мешали ему вступить с ним даже в тайное противоборство. Кокочу же непрестанно готовился к борьбе с Чингис-ханом за власть. Он сплавивал вокруг себя пукеров, знатных нойонов, людей разных племен и народов Монголии и других подвластных Чингис-хану народов. К нему стекались люди «всех девяти языков». Вскоре в ставке шамана людей оказалось «столь же много, как у самого Чингиса», и дошло дело до того, что и «от чингисхановой коновязи многие подумывали уйти к Тэб-Тэнгри». Победитель и великий хан встал перед лицом великой опасности. Дело шло о его жизни или смерти, и гибель подстерегала его не на поле битвы, а совсем рядом. Настало то время, когда Чингис сам стал искать повода разделаться с Кокочу. Случилось так, что от Отчигина, младшего брата Чингиса, который вместе с покойной Озлун имел удел в десять тысяч юрт, люди стали перебегать к Кокочу. Отчигин отправил к Кокочу своего посланца по имени Сохор и потребовал возвращения беглецов. Однако Кокочу, по-видимому, считал, что положение его настолько прочно, что ему не страшен никто из ханского рода. Над Сохором всячески надругались («этого посланца он (Кокочу) избивал, мучил»), а потом прогнали прочь, без коня, пешком, навьючив ему на спину седло, со словами:

— Будешь послом под пару Отчигину!

Разгневанный и оскорбленный Отчигин лично прибыл в ставку Кокочу. Семеро братьев в ответ на гневные слова Отчигина:

— Я отправил своего посланца Сохора, а ты отослал его обратно пешком, избив и измучив. Теперь я сам пришел, чтобы вернуть своих людей! — окружили его плотным кольцом и стали пагло издеваться над ним:

— Разве правильно было, что ты послал своего посланца Сохора?

Боясь, что ему не уйти от шамана, Отчигин признался:

— Неправильно я сделал, что отправил посланца.

— Если ты сделал неправильно, то стань на колени и покайся!

И братья Кокочу принудили Отчигина встать на колени.

Оскорбленный Отчигин утром следующего дня явился к Чингису, когда еще тот не встал с постели, и повелел ему о своих обидах. Пока Чингис раздумывал о случившемся, за Отчигина вступилась спавшая с Чингисом его первая жена Борте. Рассказ Отчигина заставил ее заплакать. По версии «Тайной истории», она сказала:

— Если они еще при твоей жизни губят твоих братьев, величественных, как кедр, то после смерти народ подавно не захочет подчиняться твоим детям! (по «Сокровенному сказанию», с. 177—178).

По «Алтан Тобчи», ее угрозы были конкретнее:

— Этак-то они и твоих младших братьев повырубят, как слуг и рабов, и тебе могут повредить [Алтан Тобчи, с. 198].

Очевидно, вот так прямо сказанное «и тебе могут повредить» подвигло Чингиса на конкретные действия. Опасаясь открыто лишить Кокочу власти, Чингис сказал Отчигину:

— Когда Тэб-Тэнгри сегодня придет сюда, делай с ним что хочешь.

Так он обещал Отчигину поддержку, если тот сумеет быстро покончить с Кокочу своими силами.

Отчигин спрятал у входа в юрту Чингиса, за ее порогом, трех отборных силачей и стал ждать. Вскоре явился Мунлик с семьей сыновьями. Кокочу бесцеремонно сел на почетное место. Отчигин подскочил к нему, схватил за ворот и, по старому монгольскому обычаю, вызвал обидчика на единоборство.

— Вчера ты заставил меня просить прощения, сегодня я попытаю свою силу с тобой!

Кокочу и Отчигин схватились прямо в ханской юрте Чингиса. Но хан повелел им выйти из юрты:

— Ступайте меряться силами во дворе!

Очевидно, он знал или догадывался о засаде и о том, какая судьба ждет Кокочу, как только он переступит порог юрты. Действительно, не успел Кокочу выйти за дверь, как сидевшие в засаде три силача схватили его и, мгновенно переломив ему спинной хребет, бросили Тэб-Тэнгри у телег на левой стороне двора.

Отчигин же, возвратясь в юрту, сказал Чингис-хану:

— Тэб-Тэнгри не хочет со мной меряться силами и притворяется лежащим! (по «Сокровенному сказанию», с. 178).

Смекнул старый Мунлик, как сплеховал он с сыновьями. Нет в живых великого шамана Кокочу, соперничавшего с самим ханом. Шестеро братьев Кокочу, загородив выход, стали с угрозами теснить Чингиса (по «Алтан Тобчи», «стали у двери и вокруг очага и засучили свои рукава», с. 199). Зажатый братьями, Чингис испугался и заорал:

— Дай дорогу, расступись!

Он выскочил из юрты и тут же был окружен гвардейской стражей, сбегавшейся на крик хана.

Могучий и славный шаман Кокочу, Тэб-Тэнгри, валялся перед юртой с переломанным хребтом. И мертвый, он внушал страх.

Монгольский борец

Чингис приказал поставить над его телом серую юрту, а сам спешно покинул страшное место. Через некоторое время тело Кокочу таинственно исчезло. Чингис не замедлил объяснить это чудодейственной силой шамана, а самую смерть Кокочу — возмездием Неба: «Тэб-Тэнгри бил моих братьев и несправедливо клеветал на них, за что Небо и не возлюбило его, и отняло вместе и жизнь и тело его» [Сокровенное сказание, с. 178—179].

Однако, опасаясь мести покойного шамана, Чингис все же не решился казнить Мунлика и братьев Кокочу, сославшись на прежние заслуги Мунлика, хотя спокойно мог обвинить их в мятеже и покушении на свою жизнь. Без Кокочу семья Мунлика уже не имела и тени бывшего влияния.

Остается неясным, какие силы стояли за Кокочу. Были ли это нукеры и нойоны, которые еще десять лет назад сражались на стороне соперников Чингиса в борьбе за власть, или какая-то новая оппозиция, но очевидно, что, помимо того что Тэб-Тэнгри сам внушал суеверный страх и претендовал на власть, за его спиной стояли какие-то силы, позволившие ему через четыре года после великого курилтая оспаривать власть у великого хана Монголии. Не исключено, что оппозиция воспользовалась неудачной попыткой Чингис-хана уничтожить тангутское государство, в войне с которым осенью и зимой 1209/10 г. монголы понесли ощутимые потери. Могучий шаман Кокочу заставил Чингиса еще раз пережить страх за престол. По-видимому, глубоко прав был Б. Я. Владимирцов, когда писал, что «вместе с шаманом Кокочу сошел с жизненной сцены последний, кто пытался в Монголии равняться Чингису и оказывать ему сопротивление или неповиновение. Все теперь преклонилось перед железной волей железного императора, прошедшего тяжелый путь от полуголодного существования в заброшенной юрте на берегу Онона до ханской ставки организованной империи» [Владимирцов. Чингис-хан, с. 92—94].

Исполнение завета Амбагай-хагана

Думает господь большие думы.
Смотрит вниз - внизу земля вертится.
Кубарем вертится черный шарик.
Черт его железной цепью хлещет.

М. Горький

Итак, нейтрализовав тангутов, приняв под свое верховенство уйгуров и карлуков, Чингис-хан, как мы уже говорили, обезопасил южный и юго-западный фланги и стал готовиться к войне с его безусловно главным врагом в Восточной Азии — чжурчжэньским государством Цзинь. До его времени власть чжурчжэньских императоров была верховной на материке — их старшинство признавали китайцы, корейцы, тангуты и татаро-монголы, и многие другие, менее многочисленные и сильные племена и народы. «Юань ши» сообщает: «Первоначально император ежегодно платил дань Цзинь. Государь Цзинь послал Вэй-вана Юнь Ци принять дань в Цзиньчжоу. Император, давая аудиенцию Юнь Ци, не исполнил предписанный церемониал. Юнь Ци, возвратившись, выразил желание просить войска и напасть на него. Случилось так, что государь Цзинь скончался. Юнь Ци наследовал престол. Был издан императорский манифест, доставили его в государство [Чингис-хана] и объявили, что его должно принимать с поклоном. Император спросил цзиньского посла: „Кто новый государь?“ Цзиньский посол ответил: „Вэй-ван“. Тогда император вдруг повернулся к югу, плюнул и сказал: „Я скажу так: император Центральной равнины — человек, который пребывает на Небе. Сделать императором этого слабого, заурядного человека? Как ему кланяться?“ Он тотчас сел на коня и усакал на север. Цзиньский посол вернулся и рассказал об этом. Юнь Ци страшно разгневался и решил ждать удобного случая, когда император снова представит дань, чтобы, пользуясь этим, тотчас погубить его. Император знал это. Поэтому он порвал с Цзинь и готовил отборные войска» [Юань ши, цз. 1, с. 86].

Обычно татары и монголы отдавали свою дань Цзинь в городе Цзиньчжоу. Северные, северо-восточные и северо-западные границы Цзинь были обозначены рвом. Это было огромное земляное инженерное сооружение протяженностью более 1500 км, завершленное в 1198 г. Эти и иные пограничные сооружения, обычные в ту эпоху, предстояло преодолеть монголам.

Демонстративно порвав с императором Цзинь, Чингис-хан сам готовился занять его положение в Восточной Азии, а для начала перенести центр этого признанного окружающим миром верховенства из Пекина в свою орду. Покончив с шаманом Кокочу, он отныне мог быть достаточно уверенным и в прочности своей власти в Монголии, хотя эта уверенность не была твердой. Как сообщает Рашид-ад-дин, перед походом на Цзинь Чингис, «онасаясь, как бы несколько из рассеянных племен еще раз не объединились между собой и не восстали бы... послал... в дозор две тысячи человек под начальством Тукучара... для того чтобы, когда он сам пойдет в страну Хитай, тому быть у него в тылу в целях безопасности от племени монгол, керент, найман и других, большинство которых он подчинил себе, да чтобы и его орды были также в безопасности» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 163]. Знаменательно, что Чингис до сих пор опасался не только побитых им керентов и найманов, помнивших бывшее величие Ван-хана и Таян-хана, но и прежде всего своих собственных монголов. Это еще раз убеждает нас в том, что претензии Кокочу на власть не были лишь свидетельством личного влияния верховного жреца — за ним стояла оппозиция Чингис-хану внутри монгольских племен.

Нахата Майчжу, ведавший охраной северо-западных границ Цзинь, доложил своему государю Вэй-шао вану, что монголы после войны с тангутами усиленно готовятся к войне с Цзинь: делают щиты, непрерывно куют стрелы, а коней так берегут, что в укреплениях солдаты возят на себе телеги. Цзиньский император счел Майчжу паникером и посадил в тюрьму [История, с. 47]. А во второй луне 1211 г. (15 февраля — 16 марта) монгольские армии, предводительствуемые лично Чингис-ханом, напали на Цзинь и начали продвижение на юг и юго-восток.

Китайские авторы делят войну монголов с Цзинь на три этапа:

1. Первый период (1211 — 1216 гг.), когда она велась под командованием Чингис-хана.

2. Второй период (1217 — 1229 гг.), когда был подчинен Северный Китай и войсками командовал Мухали, а после его смерти — его сын Болу.

3. Третий период (1230 — 1234 гг.), когда преемники Чингис-хана, Огодай и Тулуй, в союзе с Южной Сун добились Цзинь.

Как подсчитали те же китайские авторы, монголам на завоевание Си Ся потребовалось 22 года, Цзинь — 23, Южной Сун (т. е. всего Китая) — 44 года [Юань чао ши, с. 112].

В «Юань ши» мы читаем: «2-й месяц. Император лично возглавил войска в походе на юг, разгромил цзиньского генерала Дин Се в Ехулин. Захватил уезды Дашуй, Ло, Фэнь и Ли» [Юань ши, цз. 1, с. 86].

Пограбичная армия Цзинь была большей частью сформирована из разноплеменных войск, из народов, покоренных чжурчжэнями. Это были си. кидани, лишенные сто лет назад чжурч-

жнями господства в Северном Китае, население центральных районов Маньчжурии — бохайцы, тюрки-онгуты, которые, как мы знаем, и ранее поддерживали контакты с Чингис-ханом. Часть этих народов, си и кидани, были этнически близки монголам.

Основные силы монгольских войск вторглись в пределы Цзинь от озера Далай-Нор. Отряд под командованием Чжэбе завладел пограничными крепостями. Бои завязались у города Фучжоу. После того как Фучжоу пал, чжурчжэни потеряли также города Сюаньпин и Хуаньчжоу. Перед новым броском на юг Чингис-хан сделал передышку, чтобы дать коням отдых.

Цзиньские командующие знали об этом. Один из них предложил:

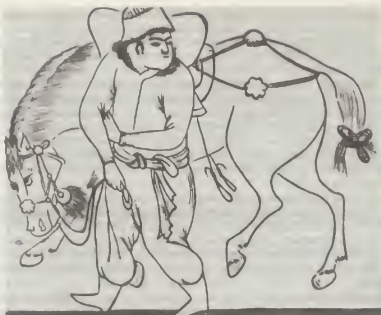
— Войско Чингис-хана разграбило город Фучжоу и занято дележом добычи. Монголы пустили коней на подножный корм. Если мы внезапно нападём на них, мы их разобьём!

Но чжурчжэни не решились нанести внезапный удар. Они послали посла для переговоров. Но посол Мингань переметнулся к Чингису и рассказал ему о планах командующих цзиньских армий.

Чжурчжэни сосредоточили огромную армию в триста — четырёхста тысяч человек у хребта Ехулин. Горы Ехулин прикрывали подступы во внутренние районы государства Цзинь, и прежде всего к его Средней столице. И эта огромная цзиньская армия была разбита. «Поню такое истребление, что кости трещали, словно сухие сучья» [Сокровенное сказание, с. 179]. «В этом сражении были уничтожены знаменитые люди Хитая и Джурджэ» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 167].

Разбитая цзиньская армия не смогла удержать монгольские войска и там, где имела на это еще один шанс, — у Великой китайской стены. Огромная древняя стена, построенная к тому времени почти полторы тысячи лет назад как раз для защиты от кочевников, и на этот раз обнаружила свою подлинную реальную бесполезность. К осени 1211 г. монголы вышли к заставе Цзюйюнгуань. «Дороги были завалены горами трупов, как гнилыми деревьями» [Старинное монгольское сказание, с. 139]. Командующий войсками крепости бросил Цзюйюнгуань на произвол судьбы и бежал. Чжэбе, видя намерение гарнизона крепости сражаться до последнего, решил выманить его из-за стен и, используя старый монгольский прием, стал отступать. Чжурчжэни вывели войска из крепости и начали преследование. Чжэбе повернул свою конницу назад и вместе с подоспевшим Чингисом еще раз нанес серьезное поражение войскам Цзинь. Итоги сражения — «трупы на сто ли», «отрублено более 80 тыс. голов» [Юань ши, цз. 119, с. 16, 2а].

Падение Цзюйюнгуани открыло монголам дорогу на Пекин. В девятом месяце (9 октября — 6 ноября) 1211 г. первые монгольские конники появились у стен современного Пекина, места пребывания чжурчжэньского императора.

Монгольский воин

Город готовился к осаде. Ни один мужчина не вышел из столицы — каждый воин был на счету, каждый мог понадобиться на городских стенах в грозный час осады. Император Цзинь Вэй-няо ван хотел покинуть столицу, но войска поклялись стоять до последнего, и он остался, надеясь на перелом в ходе войны. Здесь он получил пловое печальное известие: монголы напали на государственные пастбища и угнали лучших чжурчжэньских коней, резерв армии Цзинь.

В том же, 1211 г. против Цзинь восстал кидань Елюй Люге в районе современного Ёрина в Маньчжурии и вступил в контакт с монголами. В жизнеописании Елюй Люге сообщается, что он служил тысячником на северной границе Цзинь. «Тай-цзу поднял войска в Шофан. Люди Цзинь, опасаясь, что оставшиеся люди Ляо имеют другие намерения, приказали каждый двор Ляо стеснить двумя дворами чжурчжэней, живущих рядом, и охранять их». Люге и его сторонник Еды восстали, в 1212 г. они заключили союз с монголами, забив на горе Цзиньпань белую лошадь и белого быка и сломав стрелу. Собравшиеся давали клятву на горе, оборотясь лицом на север. Чжурчжэни, разгневанные предательством, объявили награду за Люге по весу: за лян костей Люге один лян золота, за лян мяса Люге — один лян серебра. Предавший Люге мог получить должность тысячника [Юань ши. цз. 149, с. 1а — 1б]. Предателей не нашлось, окружение Люге

рассматривало его как нового борца за национальные интересы киданей.

В 1213 г. шестидесятитысячная армия Цзинь с большим запозданием выступила в карательный поход против Люге. На помощь Люге пришли монголы, они-то и разгромили экспедиционный корпус Цзинь. Пользуясь случаем, Люге решил возродить государство Ляо, он объявил о его создании, принял титул вана Ляо и объявил свой девиз царствования — Юань-тун (Начало правления). Это была явная претензия на независимость, и, судя по данным «Юань ши», придворные убеждали Люге принять титул императора. Но Люге якобы ответил: «Ранее я заключил клятвенный союз с Аньчэнь-нойоном, желаю подчиняться Великому монгольскому государству!». Под командованием Люге находилась сотысячная армия, и он контролировал всю Маньчжурию [Юань ши, цз. 149, с. 16—2а].

Далее события в Маньчжурии развивались следующим образом. В 1214 г. Люге разгромил новую карательную армию Цзинь численностью сорок тысяч человек в районе города Чанту, овладел городом Сяньпином и прилегающими к нему областями и объявил Сяньпин своей Средней столицей. В конце весны 1215 г. он атаковал Восточную столицу Цзинь, которую Чжэбе не сумел взять в 1212 г. Однако и войска Люге не добились успеха. К этому времени во владении Люге было более шестисот тысяч дворов. Кидани, его сподвижники, жаждавшие восстановления былой мощи киданьской империи, были нетерпеливы. Чтобы спровоцировать Люге, они уничтожили отряд монголов в триста человек. Но Люге не поддался на провокацию и не отложился от Чингисхана. Тогда двое из его сподвижников, Есыбу и Цину, восстали. В 1216 г. Есыбу объявил себя императором и сделал своей столицей Дэчжоу. Государство свое он, естественно, назвал Ляо. Есыбу объявил также свой девиз царствования — Тянь-вэй (Грозная сила, дарованная Небом). Но... грозная сила, лишенная поддержки, оказалась недолговечной. Есыбу был убит своими подданными, командующий его армией Цингоу бежал в Цзинь, а его сподвижник Цину был разбит Елюем Люге и бежал в Корею. Новая, третья по счету, империя Ляо просуществовала, по данным «Юань ши», всего 70 с лишним дней [Юань ши, цз. 149, с. 2а—2б]. Кидани не могли примириться с мыслью о невозможности в этом вихре событий восстановить свою былую славу. Были еще мятежи, но монголы и Люге стояли на страже: все они оказались подавлены, в 1219 г. Люге подчинил всех, а в 1220 г. умер.

Зиму 1211/12 гг. Чингис-хан провел в Монголии, за пределами Цзинь, но поблизости от ее северных границ. Вопреки ожиданиям Вэй-шао вана монголы не стали планомерно осаждать Пекин (неудача с осадой тангутской столицы еще была жива в их памяти, большие и хорошо укрепленные города они еще только учились брать).

Весной 1212 г. монгольское наступление возобновилось. Войска двигались тремя колоннами под командованием лично

Чингис-хана и его сыновей — Чжочи, Чагатая и Угэдея. На этот раз основная тяжесть удара была перенесена на северо-западные и западные владения Цзинь. Здесь проводниками монголам служили онгуты. После овладения рядом городов в районе современного Хух-Хото, столицы Внутренней Монголии, монголы осадили Западную столицу Цзинь. Чжурчжэни выслали войска на помощь осажденным, но Чингис заманил их к крепости Мигукоу, разгромил наголову, вернулся к Западной столице и овладел ею. По данным «Юань ши», при осаде Западной столицы Цзинь Чингис-хан был ранен стрелой и именно поэтому монголы вначале сняли осаду [Юань ши, изд. 1, с. 9а].

Зимой, в конце 1212 — начале 1213 г. часть монгольской армии под командованием Чжэбе двинулась в Маньчжурию, на Восточную столицу Цзинь. Это была родина чжурчжэньских племен, их святая святых. Не сумев взять город с налета, Чжэбе прибег почти к той же тактике, что и при взятии заставы Цзюйюнгуань: «Он повернул обратно и медленно стал отходить назад. От привала к привалу доходили вести, что войско-де повернуло назад и ушло далеко. После того, как Чжэбе прошел 50 фарсангов, а население города уверилось в том, что войско ушло, он оставил свои обозы и, отобрав резвых мерингов, выступил. Он спешно скакал ночью и днем, так что подошел к городу внезапно, неожиданно-негаданно, и захватил его» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 165]. Монголы разграбили Восточную столицу Цзинь, но удерживать город не стали. Армия Чжэбе присоединилась к войскам, осаждавшим Пекин.

1213 год начался новым большим монгольским наступлением и новым разгромом цзиньских армий. Постепенно в течение этого года были вновь подчинены все районы к северу от Пекина и области Цзинь, лежавшие к северу от реки Хуанхэ. Осаждался Пекин и несколько других крупных городов. Все области подверглись тотальному разграблению, население многих из них несло огромные потери, а жители города Мичжоу по приказу Мухали были вырезаны поголовно. Мухали «вырубил» город Мичжоу, как перевел это место из «Юань ши» известный русский китаевед первой половины XIX в. Н. Я. Бичурин (отец Иакинф). И при этом он пояснял: «Вырубить город означало: предать острию меча всех жителей города, не разбирая ни возраста, ни пола, ни состояния» [История, с. 57].

Чжурчжэньские власти сгоняли в города окрестных крестьян, чтобы увеличить число защитников города. Монголы при взятии городов также гнали на штурм окрестных жителей. И зачастую стоящий на стене отец узнавал в рядах штурмующих своего сына, а брат сражался против брата [там же, с. 66]. Естественно, что ни у защитников, ни у сгоняемых на штурм людей не было желания сражаться, и так как монголы яростно атаковали города, они сдавались один за другим.

Войска монголов вновь были поделены на три группы. Правая, западная, группа под командованием Чжочи, Чагатая и Угэ-

для действовала к югу от хребта Тайхан и вышла на северный берег Хуанхэ в районе современных уездов Цзисянь и Мэньсянь пров. Хэнань. Левая группа войск (ее возглавлял Хасар) действовала в восточных районах современной провинции Хэбэй. Чингис и Тулуй возглавляли центральную группу войск, они разграбили южные районы современной пров. Хэбэй и западные районы пров. Шаньдун. На огромном пространстве в несколько тысяч километров почти все жители были перебиты. «Золото и шелковые ткани, сыновья и дочери, волы и кони — все, подобно циповке, свернуто и увезено. Дома и хижины сожжены, городские стены превращены в развалины» — так описаны в китайской истории «Тунцзянь ганму» последствия военных действий монголов в Северном Китае в 1213 г. (см. [История, с. 67]).

И здесь не обошлось без предательства. На сторону монголов со своими армиями перешли Ши Тяньэр и Сяо Боди. Оба они стали темниками. В восьмом месяце 1213 г. (18 августа — 9 сентября) в Средней столице Цзинь был совершен государственный переворот. Вэй-шао ван был убит, его место занял Хушаху, бросивший до того Западную столицу.

В начале 1214 г. Чингис-хан лично появился под стенами Пекина. Монгольские полководцы предлагали ему завершить поход взятием города. По «Юань ши», ставка Чингиса раскинулась в северных предместьях Чжунду, «все полководцы прощали, пользуясь победами, разгромить Янь (Пекин. — Е. К.), император не согласился» [Юань ши, цз. 1, с. 96]. Чингис-хан по непонятным причинам, может быть из-за усталости войска, к тому же отягощенного богатой добычей, отказался от штурма и объявил императору Цзинь, что покидает территорию его государства и не прочь вступить с ним в переговоры о мире. «Отправил посла с приказом государю Цзинь: „Все области и уезды твоего Шаньдуна и Хэбэя стали моими. Ты обороняешь лишь один Яньцзин. Поскольку Небо ослабило тебя, я снова поставил тебя в опасное положение. Что же Небо говорит мне? Сейчас я возвращаю армии, ты же можешь одаривать [мои] войска, чтобы умерить гнев моих полководцев!“ Государь Цзинь тотчас послал послов просить мира. Подарил [императору] дочь Вэй-шао вана принцессу Чжию гунчжу, золото, шелк и пятьсот юношей и девушек, три тысячи лошадей» [Юань ши, цз. 1, с. 96]. Выкуп золотом и шелком был огромен. Ограбив страну, монголы «так нагрузились шелками и вещами», что даже выюки перевязывали шелковыми полотнищами [Сокровенное сказание, с. 180]. Дочь Вэй-шао вана стала четвертой женой Чингис-хана, она звалась «гунчжу-хатун». Первый министр чжурчжэньского правительства (чэисян) Ваньянь Фусин лично провожал Чингис-хана от Пекина до Цзюйюнгауя. Чингис, проехав заставу и оставив за Великой стеной и горами Китайскую равнину, приказал собрать несколько сот тысяч пленных молодых мужчин и женщин. Не имея возможности использовать их как рабов в Монголии, или видя в них будущих врагов монголов, или, что

вероятнее всего, в целях устрашения населения еще не покоренных монголами областей Цзинь, он приказал уничтожить их всех до единого. Горы трупов оставляла за собой армия Чингис-хана, покидая пределы Цзинь.

В пятом месяце (10 июня — 8 июля) 1214 г. чжурчжэньский император покинул Среднюю столицу и переехал в Южную столицу Цзинь. В пути против него восстала часть армии, в основном отряды киданей. Восставшие повернули обратно на север к Пекину, послав гонцов к Чингису с просьбой разрешить им принять монгольское подданство. Чингис направил к ним войска под командованием предателя Минганя и в шестом месяце (9 июля — 5 августа) отдал приказ об осаде Средней столицы Цзинь. Мир, таким образом, длился всего лишь месяц. Пекин оказался в руках монголов. Город был разграблен, все его ценности вывезены. В Пекине оставлены наместники — Джабар-ходжа и кидань Шимо Мингань. Осада Пекина, длившаяся после киданьского мятежа почти год, была суровой. Город голодал, «тамошнее население от чрезмерного голода ело человеческое мясо и умирало» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 174]. Когда монголы ворвались в город, они начали избивание тех жителей, которые еще остались живы. Был подожжен дворец чжурчжэньских императоров. Пожар продолжался более месяца. Чингиса не было в войсках, бравших Пекин, он находился на севере, ибо плохо переносил летнюю жару.

Зимой 1214/15 г. Мухали совершил рейд в Ляодун. Он осадил Северную столицу Цзинь. Правитель города добровольно сдался монголам.

В целом, по данным «Юань ши», на осень 1215 г. монголы заняли 862 обнесенных стенами города Цзинь [Юань ши, изд. 1, с. 10а].

1214 год обернулся еще одним серьезным бедствием для чжурчжэней. В отместку чжурчжэням за отказ помочь им в грудную минуту и в надежде на легкую добычу тангуты с 1211 г. тревожили пограничные районы империи Цзинь. С 1214 г. эти нападения переросли в тангута-чжурчжэньскую войну 1214—1224 гг. Вместо того чтобы совместно выступить против монголов, тангуты и чжурчжэни изнурили свои и без того слабые силы в этой войне, приближавшей гибель обоих государств.

Ограблению и разорению подверглись все районы к северу от реки Хуанхэ, включая и современный Шаньдун, так как в 1194 г. река Хуанхэ переменяла русло. В конце 1215 г. монголы предложили чжурчжэням мир на двух условиях: чжурчжэни отказываются от всей территории к северу от Хуанхэ, их император отказывается от императорского титула и, сохранив за собой титул вана (князя), правит оставшимися у него южными областями Цзинь. Чжурчжэни не приняли этих условий.

Чингис-хан в 1216 г. возвратился в свою ставку в Монголию на реку Керулен.

На этом закончился первый период активных войн монголов с чжурчжэнями. Монголы в основном грабили и разоряли тер-

риторию чжурчжэньского государства. Они не осваивали завоеванную территорию и не оставляли в городах своих гарнизонов. Часто после ухода монгольских отрядов на разоренной земле восстанавливалась администрация Цзинь. В этом была одна из причин того, что чжурчжэни не согласились уступить территорию к северу от Хуанхэ. Итогом войны для монголов была военная победа и богатая добыча. «После того как Чингиз-хан в течение этих трех-четырёх упомянутых лет завоевал и покорил вышеперечисленные города и крепости, принадлежащие к владениям Китая, вышеизложенным образом, — сообщает Рашид-ад-дин, — он вернулся обратно из той страны победителем и победоносным. В том же году мыши счастливый и достигший желаемого, он соизволил расположиться в своих ордах. И все!» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 177].

Отныне, по мнению Чингис-хана, чжурчжэням было воздано за все обиды, причиненные его предкам. Они уже не причинили ему вреда, не представляли для него прежней угрозы, и, по видимому, с этого времени помыслы завоевателя все чаще стали обращаться на запад. Месть была ужасной. Мы уже упоминали о горах трупов.

Приведем еще два примера. Когда пал город Баочжоу, монголы вынали из города всех его жителей. Город разграбили. Затем вначале убили всех стариков, а через два дня вырезали все оставшееся население — и старых, и малых, и богатых, и бедных. Было убито несколько сот тысяч человек, трупы в буквальном смысле слова громоздились горами. По сообщению «Тайной истории», когда император Цзинь бежал с севера на юг, его армия была в таком состоянии, что «уцелевшие китайские войска испытывали такой голод, что умирающие с голоду солдаты, убивая друг друга, ели человеческое мясо» [Сокровенное сказание, с. 181].

Таким образом, разорение было ужасным, а добыча победителей велика. Они везли драгоценные металлы, шелк, посуду¹. Пленных был избыток, и их уничтожали.

Монголы захватили огромное количество оружия и военной техники, пленили много военных инженеров, которые умели с этой техникой обращаться и могли обучить других. Итогом первых пяти лет войны с Цзинь стал массовый переход на сторону монголов киданей и китайцев. Из перешедших на сторону монголов солдат и военачальников Цзинь разных национальностей они, по подсчетам Л. Гамбиса, сформировали 46 воинских соединений [Гамбис, с. 107]. Отныне было кому кроме самих монголов продолжать завоевание Цзинь, и именно после этого монгольская армия, а точнее, армия Чингис-хана, стала превращаться в интернациональное, многоплеменное сборище

¹ О том, сколько было награблено в Китае, свидетельствует и такой факт. За взятие одного из цзиньских городов Чингис-хан наградил Субетая телегой золота и шелка [Юань ши, изд. 121, с. 16].

завоевателей и грабителей. Для государства Цзинь итогом пяти лет войны были разорение и упадок. Как писал чуть позже Чжао Хун, «татары теснили их до стен Яньцина. Когда же эта война кончилась, военные силы, созданные цзиньскими разбойниками за столетие, почти полностью были уничтожены и рассеялись. Их государство пришло в упадок» [Полное описание, с. 73].

Второй этап завоевания Цзинь связан с именем Мухали. В 1217 г. Мухали был пожалован титулом го ван, грамотой на право управлять и вести войну в Северном Китае, золотой печатью, которой закреплялось его право на Северный Китай, ибо надпись ее гласила: «Сыновья и внуки непрерывно из поколения в поколение будут передавать друг другу государство». Приказ Чингис-хана гласил: «Земли к северу от [гор] Тайхан освоил я. Земли к югу от [гор] Тайхан — к ним приложишь [свои] усилия ты» [Юань ши, из. 119, с. 12а]. Мухали был пожалован парадный экипаж, девятихвостое знамя, трон из серебра. Всем было объявлено: «Отдавая приказ, Мухали ставит это знамя, а это равносильно тому, что прибыл я сам лично» [там же, с. 26]. Мухали впервые учредил полевые походные провинциальные управления (синшэн), приказал составить карты Центральной равнины, т. е. Северного Китая.

Он неукоснительно исполнял приказ Чингис-хана. Когда в 1222 г. появилась какая-то необычная звезда и военачальники, ссылаясь на это небесное знамение, предлагали приостановить наступательные походы, Мухали сказал: «Государь приказал мне подчинить Центральную равнину. Ныне хотя и покорен Хэбэй, но Хэнань и Циньгу еще не покорены. Если я не стану идти вперед из-за небесного явления, то когда же я подчиню Поднебесную? Разве, нарушив приказ государя, я сохраню верность?» [там же, с. 3а].

Второй этап войны характеризовался широким использованием монголами воинских формирований из населения Цзинь. Китайцы, кидани воюют и с монгольской и с цзиньской сторон. В это время монголы стали не только грабить, но и осваивать завоеванные территории. Китайское население Цзинь, ненавидя чжурчженей, часто добровольно переходило на сторону монголов. Примером служит знатное семейство Ши, его представители создали общество «Цин лэ шэ» — «Общины чистой радости», армию «Цин лэ цзюнь» — «Армию чистой радости». Эти общины и эта армия активно помогали монголам, воевали на их стороне. На стороне монголов действовала против Цзинь китайская Черная армия. Кидань Ван Сюнь создал общество «Бао циньцзу» «Защитим родню». Он привел к монголам сто тысяч человек.

Чингис поощрял тех, кто переходил с его стороны, давал им высокие титулы и власть. Северный Китай, несмотря на то что там шла война, постепенно становился базой для завоеваний монголов на западе. Военные действия шли в основном на территориях современного Шаньдуна, провинций Шаньси и Шэньси.

К 1222 г. монголы взяли города Тайюань и Чанъань. В этом году в возрасте 54 лет от болезни скончался Мухали. Обращаясь к младшему брату Дайсуно, перед смертью он сказал: «Я был помощником создания государства. Вершил великое дело. Носил доспехи и держал в руках оружие сорок лет. Совершал походы на восток, покорял запад. Не о чем сожалеть, кроме одного: не покорил Бяньцзин. Ты справишься с этим» [Юань ши, цз. 119, с. 36].

Последние годы жизни Чингис-хана были отмечены мощным землетрясением в Хэбэе, результатом которого стало народное восстание против монголов и переход части завоеванных территорий обратно к Цзинь, к тому же два крупнейших китайских военачальника, перешедшие на сторону монголов, — Ши Тяньэр и У Сянь начали между собой войну. У Сянь убил Ши Тяньэра и сдался Цзинь. Ши Тяньцзэ, брат убитого, вместе с монгольскими войсками разгромил У Сяня, который бежал в Бянь. Постепенно Хэбэй снова был подчинен монголам. В 1227 г., году смерти Чингис-хана, монголы полностью завоевали Шаньдун. Перед смертью Чингис-хан завещал добить Цзинь в союзе с Сун и даже сказал, что войну следует начать с овладения заставой Тунгуань на западе страны.

Угэдэй, преемник Чингис-хана, лично в 1230 г. пошел войной на Цзинь в указанном Чингис-ханом районе. В 1232 г. в битве при Тунгуань войска Цзинь потерпели сокрушительное поражение. Командующий гарнизоном Тунгуаня Е Сяньгуань сдался монголам. Войска под командованием Субетая начали осаду Бяня. Город был переполнен людьми. Начались голод и эпидемии. По некоторым данным, умерло около девятист тысяч человек. Город пал. Император Цзинь бежал. Монголы в 1232 г. заключили союз с Сун для окончательного завоевания Цзинь. Условием договора со стороны Сун было возвращение Сун всех земель Хэнань. В 1234 г. последний цзиньский император Ай-цзун укрывался в городе Цайчжоу. Монгольские и сунские войска осадили город. Ай-цзун покончил жизнь самоубийством, город пал, династия Цзинь и государство Цзинь прекратили свое существование. Все это произошло уже через семь лет после смерти Чингис-хана. На очереди оказалось государство Сун и весь Китай, но описание его завоевания уже не входит в нашу задачу.

Итак, в 1216 г. Чингис-хан возвратился в Монголию и помыслы его отныне были обращены на завоевание запада. Чтобы быть уверенным в своих тылах, Чингис-хан решает еще раз поугат своих северных и южных соседей.

В 1216 г. Субетай-баатур и Тукучар-баатур по его приказу совершают поход на север против многократно битых меркитов, ибо Чингис узнал, что меркиты «снова устроили там свое сборище и хотят начать враждебные действия». Чингис всегда больше боялся своих татаро-монголов, чем внешних врагов. Полководцы Чингиса «разбили племя меркит и всех перебили, так что никого из них не осталось в живых». Лишь сын одного из вождей меркитов Куду, стрелок Мэргэн, был взят живым и доставлен

к Чжочи. Чжочи просил Чингиса помиловать Мэргэна, но получил отказ: «Я для вас приобрел так много государств и войск, так что зачем он вам», — повелел он ответить сыну. «По этой причине, — сообщает Рашид-ад-дин, — его (Мэргэна) также прикончили, и от этого племени не осталось и следа. Аминь!» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 177–178].

Зимой 1217/18 г. монголы еще раз попытались покончить с тангутским государством. В феврале 1218 г. они осадили столицу Си Ся, предварительно захватив и разграбив ряд тангутских городов. Государь тангутов Цзунь-сян, подобно чжурчжэньскому Сюань-цзуну, струсил и отказался лично возглавить оборону столицы, приказав оборонять город наследнику престола Джэну. Сам Цзунь-сян уехал в Силян и оттуда выслал к монголам посольство для переговоров. Его страх и стремление уладить дело миром можно объяснить тем, что тангуты были великолепно осведомлены о том, что натворили монголы в Цзинь. Монголы уже готовились к походу на запад. Длительная осада столицы Си Ся — а они уже знали, что взять крупный и хорошо укрепленный город отнюдь не просто, — не входила в их расчеты. Тангутское государство, кроме того, находилось в состоянии столь выгодной для монголов войны с Цзинь. Поэтому во время переговоров Чингис-хан потребовал от тангутов одного — их участия в походе на запад. Война с Цзинь показала, что воевать чужими руками удобней. Посол от имени Чингис-хана передал тангутскому государю: «Ты обещал быть моею правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на сартаульский народ, который порвал мои золотые бразды!» [Сокровенное сказание, с. 186].

Тангуты ответили решительным отказом. Чингис-хан, пообещав расправиться с ними после похода на запад, приказал отвести монгольские войска с территории Си Ся.

Что представлял собой Северный Китай после монгольского нашествия, можно увидеть из рассказа Беха-ад-дина Руди, главы посольства хорезмшаха к Чингису, которого он застал еще в пределах Цзинь: «Везде были видны следы страшного опустошения; кости убитых составляли целые горы; почва была рыхлой от человеческого жира; гниющие групп вызывало болезни», от которых погибли некоторые из спутников Беха-ад-дина. «У ворот Пекина лежала огромная куча костей» [Раверти, II, с. 965]. Столь страшной была чингисова месть за Амбагай-хагана. Так заявил о себе Чингис-хан всему миру через десять лет после великого курлтая.

Отарская катастрофа

И я взглянул, и вот конь бледный и на нем всадник, которому имя смерть, и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли умерщвлять мечом и голодом, мором и зверями лесными.

Апокалипсис, XI, 8.

На западе ближайшими соседями и врагами Чингис-хана были государство кара-китаев Западное Ляо (Си Ляо), государство хорезмшахов и Кыпчакские степи (Дешт-и-Кипчак). Государство хорезмшахов (1097—1231) было среди них самым могущественным. В последние десятилетия своего существования оно включало территории Мавераннахра, Хорасана, Мазендарана, Кермана, Персидского Ирака, Азербайджана, Систана и Газны. В начале XIII в., когда на мировую арену вышла монгольская держава, хорезмшах Ала-ад-дин Мухаммед вел войны с кара-китаями и местными владельцами Средней Азии. В 1207 г. он овладел Бухарой, в 1208 г. взял города Ёрат и Хорезм. В войне с кара-китаями хорезмшах попал даже в плен, но сумел бежать. Он платил дань кара-китайскому гур-хану. Но сила уже была не на стороне кара-китаев.

В 1209 г. в столицу прибыл за данью посол гур-хана Туши. Его наглое поведение (он уселся на султанский престол рядом с хорезмшахом) кончилось для него смертью, посол и его свита были изрублены и брошены в Амударью. Враги сошлись в Иламышской степи, и Аллах даровал правоверным победу над неверными. Кара-китаи бежали, жители столицы гур-хана города Баласагуна закрыли городские ворота и не пускали своих правителей-поработителей. В течение пятнадцати дней гур-хан осаждал свою собственную столицу. Тысячи знатных горожан поплатились жизнями за непокорство, а все жители города были ограблены. Исламский мир оценил победу хорезмшаха как победу ислама над безбожниками, и хорезмшаху был дарован титул Второго Александра Македонского (Искандер-и Сани) и Двурогого (Зул-Карнайна)¹.

К этому титулу был добавлен еще один — имя сельджукского султана XI в. Санджар, а на печати для подписи указов и до-

¹ Александр Македонский был известен в исламском мире как Искандер Двурогий.

кументов хорезмшаху вырезали «скромный» текст — «тень Аллаха на земле». В 1212 г. в Самарканде против хорезмшаха произошло восстание последнего из караханидов Усмана. Хорезмшах казнил Усмана и убил десять тысяч своих новых подданных.

В 1211 г. Кучлук, сын найманского Таян-хана, взял в плен и лишил власти кара-китайского гур-хана. До этого Кучлук пользовался доверием последнего гур-хана Чжилугу и даже был женат на его дочери. Кунку, дочь гур-хана, была женщиной волевой и заставила Кучлука сменить веру и из христианства перейти в буддизм. Кучлук видел, что многие в государстве кара-китаев тяготеют властью гур-хана. Да и хорезмшах, узнав о новом фаворите при дворе гур-хана, вступил с ним в контакт. Когда Кучлук узнал о поражении гур-хана от меча хорезмшаха, «он, со всею поспешностью выступив, напал на него (гур-хана.— *Е. К.*) в то время, когда войско того было рассеяно, и окружил его. Так как гур-хан не имел другого выхода, он захотел смиренно поклониться перед ним. Кучлук этого не допустил и смотрел на него как на отца, внешне оказывая ему почтение, сам же... захватил в свои руки области Туркестана, которыми владел гур-хан, и его царский сан. Гур-хан спустя два года отдал богу душу от горя, а казнохранилица, имущество, войска и движимое достояние, которые были собраны и накоплены в течение грехот пяти лет,— все это попало в руки Кучлука» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 182]. Так Кучлук овладел троном кара-китайских гур-ханов и стал соперником хорезмшаха.

Кучлук повел негибкую внутреннюю политику. Сам ренегат, сменивший христианство на буддизм, он стал преследовать мусульман, «раскрыл над подданными длань насилия и вымогательства» [там же]. Кучлук требовал от мусульман Хотана сменить веру на христианскую или буддийскую. Он вступил в «диспут» с мусульманскими богословами Хотана, который кончился тем, что один из них, имам Ала-ад-дин Мухаммед-и Хотани, оскорбил государя, сказав Кучлуку: «Да будет прах тебе в рот, о враг истинной веры» [там же, с. 183], за что был распят на дверях своего медресе. С тех пор Кучлук стал сидеть в своих владениях, как на углях.

Мы уже упоминали, что Субетай-баагур был послан в поход на меркитов. И хотя Рашид-ад-дин сообщает, что все меркиты были поголовно истреблены, тем не менее часть их бежала в Кыпчакские степи, в нынешний Казахстан. Ближе всех к этим местам оказался Чжочи, правитель «лесных пародов». Как сказано в «Юань ши», «в период становления государства [Чжочи] являлся великим князем (цинъ ваном), и ему был выделен и пожалован северо-запад. Эти земли крайне отдаленны, находятся в нескольких десятках тысяч ли от столицы. При скорой езде на почтовых перекладных лошадях, чтобы доехать туда, требуется более 220 дней» [Юань ши, цз. 107, с. 1с]. Чжочи и было приказано добить меркитов, и приказ, видимо, поступил к нему вовремя, несмотря на расстояние.

Итак, монгольский отряд под командованием Чжочи преследовал меркитов. В это же время в поход на север против кыпчаков отправился и хорезмшах. Когда хорезмшах появился на поле битвы, монголы уже покончили с меркитами. Чжочи не хотел вступать в сражение с хорезмшахом и объявил, что Чингис-хан послал его только против меркитов.

Мухаммед надменно заявил, что он считает своими врагами всех неверных, т. е. немусульман, и навязал монголам сражение. По сведениям Ибн-аль-Асира, «длилась битва три дня да столько же ночей, и убито было с обеих сторон столько, что и не сочтешь, но не обратился в бегство ни один из них... Дошло дело у них до того, что иной из них слезал с коня и пеший бился со своим противником. Дрались они на ножах, и кровь текла по земле до такой степени, что лошади стали скользить по ней от множества ее. Наконец, обе стороны истощили свои силы в терпении и в бою» [Ибн-аль-Асир, с. 7]. Исход сражения был неясен. Когда же на следующее утро мусульмане решили продолжать бой, они не обнаружили монголов: монголы отступили ночью, оставив, как это делали обычно, зажженные ими костры, которые и обманули мусульман.

А надо сказать, что в душе хорезмшаха давно уже таилась мысль о походе в Монголию и в Китай и о завоевании этих стран. Он постоянно расспрашивал купцов о богатствах восточных стран. Алчность его росла, а его успехи способствовали тому, что в известной мере из него постепенно вызревал новый Чингис-хан. Джунджани сообщает: «Мы, его слуги и придворные, пытались отговорить хорезмшаха от этой навязчивой идеи, мотивируя свои соображения дальностью расстояний, трудностями пути и другими препятствиями, но хорезмшах стоял на своем. А когда до него дошли слухи о том, что Чингис-хан завоевал Китай, он решил узнать, достоверны ли эти слухи, и отправил в Китай посольство во главе с благородным сейидом Беха ад-дином ар-Рази» (см. [Бунятов, с. 131—132]).

Чингис-хан принял послов хорезмшаха приветливо, одарил их, послал дары хорезмшаху и сказал послу:

— Передай хорезмшаху: «Я — владыка Востока, а ты — владыка Запада. Пусть между нами будет твердый договор о дружбе и мире, и пусть купцы и караваны обеих сторон отправляются и возвращаются, и пусть дорогие изделия и обычные товары, которые есть в моей земле, перевозятся ими к тебе, а твои в таком же порядке пусть перевозятся ко мне!»

Может быть, и прав был акад. В. В. Бартольд, когда писал: «Едва ли Чингис-хан мечтал в то время о всемирном владычестве» [Бартольд. Туркестан, с. 46]. Но этот договор походил на своеобразный «раздел мира», видимого и достигаемого для обоих. Это первое и важное свидетельство того, что Чингис после побед над Цзинь уже не думал ограничить свое государство пределами Монголии, а мыслил категориями стран света. Он считал себя «владыкой Востока», присваивая на Востоке все то, до чего

только был способен добраться его воин на выносливом степном коне.

В ответ на посольство хорезмшаха Чингис отправил к нему свое с богатыми дарами, в числе которых был кусок золота величиной с верблюжий горб (его везли на отдельной телеге), нефрит, мускус, ткани из верблюжьей шерсти. Мухаммед принял послов в Бухаре. Послы передали Мухаммеду, что Чингис-хан слышал о его победах, славе и могуществе, что он предлагает ему мирный договор и готов считать его «наравне с самым дорогим из своих сыновей», т. е. по понятиям дальневосточной дипломатии заявлял, что признание признанием, а равенства между ними быть не может. Чингис — отец, старший, сюзерен. В подтверждение этого предложения Чингис высказывал надежду, что и Мухаммеду известно о его победах в Китае, т. е. попросту слегка приуменьшил хорезмшаха: «Ты для меня как самый дорогой мой сын. Не в тайне и для тебя, что я завладел Китаем и соседними странами тюрок, уже покорились мне их племена» [Буниятов, с. 133].

Что ответил хорезмшах послам Чингис-хана, неизвестно. Но ночью он тайно призвал во дворец главу посольства Чингиса хорезмийца Махмуда. Махмуду было предложено стать соглада-таем при дворе Чингис-хана и был задан ряд вопросов:

— Правду ли сказал мне Чингис-хан, заявляя, что он владыка Китая и что он захватил город Тамгадж. Так ли это на самом деле?

— Да, он сказал правду. Такое великое дело не может оставаться тайной, и скоро султан сам убедится в этом.

— Ты же знаешь, каковы мои владения и как они обширны, знаешь, как многочисленны мои войска. Кто же он, этот проклятый, чтобы называть меня своим сыном? Какое же у него войско?

— Войско Чингис-хана в сравнении с армиями хорезмшаха все равно, что одинокий всадник перед конницей или дымок против ночного мрака [там же, с. 133].

Поначалу Махмуд предостерег хорезмшаха — «скоро султан сам убедится в этом», но потом он, как говорят мусульманские авторы, «отказался от искренности» и дал хорезмшаху дезинформацию об армии Чингис-хана. Может быть, купец испугался и решил, что если скажет правду, то не выйдет из дворца хорезмшаха живым. Хорезмшах подарил ему драгоценный камень и просил помнить, что он хорезмиец.

Договор был заключен, послы возвратились к Чингису, а ночные показания Махмуда, вольные или невольные, имели самые тяжкие последствия для его родины.

И. П. Петрушевский считал, что допрос Махмуда показал, что «хорезмшах не имел никакого понятия о действительном положении империи Чингис-хана, ни о его военных силах» [Петрушевский, с. 105]. Чингис же поддерживал тесные связи со среднеазиатскими купцами, в его орде имелись перебежчики из Средней Азии, и потому «нельзя представить себе, чтобы Чингис-

хан от этих лиц не мог получить необходимой для него информации за год-два до начала войны» [там же]. Думается, что и хорезмшах имел кое-какие сведения и от посольства Беха ад-дина, и от других своих посольств и беглых из Китая и Монголии, от уйгуров и карлуков, от Кучлука, наконец. Не мог он поверить и в то, что Чингис с ничтожной армией завоевал Китай. Хитрый купец угадал тайное желание хорезмшаха и сказал ему то, что было приятно его сердцу. Хорезмшах желал услышать неправду, и он ее услышал.

В те годы мусульманские купцы держали в своих руках всю торговлю между Средней Азией и Ближним Востоком, с одной стороны, и Монголией и Китаем — с другой. Чингис-хан отправил во владения хорезмшаха огромный торговый караван — 450 мусульманских купцов везли на 500 верблюдах товары Чингиса, награбленные в стране тангутов и государстве чжурчженей: золото и серебро, китайские шелка, собольи и иные меха из Южной Сибири и северных областей Цзинь. В составе каравана помимо купцов были монголы, с караваном прибыл и посол Чингиса Ухуна.

Официально прибывшие с караваном люди имели задание «отправиться в земли хорезмшаха, заняться там торговлей и приобрести редкие и ценные товары того края». В послании, которое вез Ухуна, говорилось: «Купцы являются опорой страны. Это они привозят владыкам диковинки и драгоценности, и нет нужды препятствовать им в этом. Я, со своей стороны, не намерен мешать нашим купцам торговать с вами. Надо, чтобы мы оба действовали совместно ради процветания наших краев. Поэтому мы приказали, чтобы отныне между всеми странами на земле установился мир, чтобы купцы безбоязненно направлялись во все края. Богатые и бедные будут жить в мире и благословлять Аллаха» [Буниятов, с. 135]. В послании был один изъян, который не могли не заметить в государстве хорезмшаха, — Чингис «приказал», чтобы между всеми странами на земле установился мир. В послании Чингис-хан заявлял себя уже владыкой мира!

Караван Чингиса прибыл на границу владений хорезмшаха в город Отрар. О дальнейших событиях арабский историк Ибн-аль-Асир рассказывает следующее: «Пришли они (купцы) в один из тюркских городов, называемый Отраром и составлявший крайнее владение хорезмшаха, у которого там был наместник. Когда к нему прибыл этот татарский отряд, то он (наместник) послал к хорезмшаху уведомить его об их прибытии и сообщить ему об имуществе, которое было при них. Хорезмшах прислал ему приказание убить их, отобрать имущество, находящееся при них, и прислать его к нему. Он (наместник) убил их и отослал, что при них было, а вещей было много. Когда посланное прибыло к хорезмшаху, то он разделил его между купцами Бухары и Самарканды и взял с них стоимость его (розданного товара)» [Ибн-аль-Асир, с. 5].

Есть и иные (в деталях) версии этого события. Согласно им Мухаммед только приказал Хайдар-хану Иналу (Иналчику),

наместнику Отрара, задержать купцов, а тот убил их уже по собственному почину, предварительно обвинив в шпионаже. Многие исследователи допускают, что сопровождавшим караван монголам было предписано разведать состояние дел в государстве хорезмшаха.

Как бы то ни было, очевидно, что купцы и сопровождавшие караван монголы стали жертвой жадности и подозрительности наместника Отрара и самого хорезмшаха. Так, З. М. Буниятов прямо пишет, что «ответственность за это преступление лежит на главе государства, так как расправа над купцами противоречила общеизвестным в то время нормам взаимоотношений между владельческими лицами. Кроме того, были убиты послы, которые находились под защитой общепринятых норм обычного права» [Буниятов, с. 135].

Только одному купцу (есть версия — погонщику верблюдов) удалось спастись и принести страшную весть Чингис-хану. Скорее всего, этот человек был оставлен в живых намеренно. Он должен был рассказать Чингис-хану, что стало с его шпионами, соглядатаями. Не купцов при караване, видимо, было немало. «Эти люди, не бывшие купцами, получили, как писал И. П. Петрушевский, и другое задание... этим заданием скорее всего могла быть военная разведка» [Петрушевский, с. 107]. По сведениям некоторых мусульманских авторов, люди Чингис-хана уже начали работать, они запугивали жителей Отрара «грядущим бедствием» [там же, с. 106], т. е. нашествием монголов. Из сообщения Мухаммеда ибн Кайс Рази известно, что до нападения монголов на Хорезм по городам государства хорезмшаха ползли слухи о готовящемся нашествии, и эти слухи вызывали панику среди населения. Что было делать хорезмшаху? Допустить беспрестанно деятельность таких людей или пресечь ее? Он был настроен решительно, хотя и испытывал колебания. В трехсуточном сражении с Чжочи он потерял двадцать тысяч воинов, но поле битвы осталось за ним. Ан-Насави писал, что после битвы с Чжочи «душой султана овладел страх», так как он убедился сам в храбрости и военном мастерстве монголов. Но не будем забывать о том, что это было написано уже после того, как монголы завоевали владения хорезмшаха. И только позже стали ясны последствия резни в Отраре. Джувейни (тоже позднее) писал: «За каждую каплю их (купцов Чингиса) крови там потекли целые реки, кажется, что в воздаяние за каждый волос с их голов сотни тысяч голов валялись в пыли на перекрестках дорог» [Джувейни, I, 80]. Наверное, и хорезмшах Мухаммед и Хайдар-хан Инал могли поступить иначе и не давать повода Чингис-хану для мести. Мы не знаем всех обстоятельств; ясно одно, что они знали об опасности, но думали, что у них достаточно сил, чтобы справиться с Чингис-ханом.

Получив известие о гибели каравана в Отраре, Чингис-хан послал посольство с запросом о случившемся во главе с Ибн Кафраджени Богра. Основным требованием Чингис-хана была

выдача Хайдар-хана Инала. Сохранилось две версии «послания» Чингис-хана хорезмшаху. По одной из них его посол передал: «Ты даровал подписанное твоей рукой обещание обеспечить безопасность купцов и не нападать ни на кого из них, но поступил пероломно и нарушил слово. Вероломство мерзко, а со стороны султана ислама еще более. И если ты утверждаешь, что совершенное Иналом сделано не по твоему повелению, то выдай мне Инала, чтобы мы наказали его за преступление и помешали кровопролитию. А в противном случае — война, в которой самые дорогие души станут дешевы и древки копий переломятся» [Буниатов, с. 136].

Это послание содержит два вопроса, на которые нет ответа. Получается, что был какой-то письменный договор между хорезмшахом и Чингис-ханом «подписанное твоей рукой обещание». Мы о нем ничего не знаем. Кроме того, хорезмшах сразу после случившегося в Оtrarе послал людей с объяснениями. Он уверял, что происшедшее в Оtrarе было сделано не по его «повелению» — когда же эти люди могли прибыть к Чингису?

Вторая версия (ас-Субки) кажется более соответствующей обстоятельствам. «Сообщи мне, то, что произошло, — случилось ли по твоему желанию? Если это случилось не по твоей воле, тогда мы требуем кровь убитых и твоего наместника в Оtrarе, которого надобно доставить к нам в самом жалком виде, униженным и обесчещенным. Но если это сделано по твоей воле, тогда ответственность несешь ты, ибо я не исповедую твою религию и не одобряю этих действий. Ты принадежишь к религии ислама, а ведь купцы эти тоже были твоей религии. Тогда как же расценивать этот приказ, который ты отдал?» [Буниатов, с. 136].

Странно, что Чингис-хан простил хорезмшаху стычку (войну!) с отрядом Чжочи, где только убитых со стороны султана было двадцать тысяч, а значит, речь шла и о тысячах жизней монгольских воинов, и столь огромное значение придал инциденту в Оtrarе? Ведь хорезмшах прямо заявил Чжочи, что сам Аллах велит ему сражаться с монголами. Говорят, что хорезмшах не мог выдать Инала, так как тот был его двоюродным братом со стороны матери и имел многочисленную знатную и влиятельную родню. Возможно, это и так. Но зачем было хорезмшаху выдавать Инала, если он знал, что война неминуема, готовился (плохо или хорошо) к ней и решил воевать тогда, когда не захотел стать «сыном» Чингис-хана, уже полагавшего себя владыкой вселенной, и скрестил оружие с его сыном в стенах Казхстана?

После страшных и кровопролитных войн всегда рождаются версии, что войны можно было избежать. Но... история не повторяется. Сын хорезмшаха Джелал-ад-дин советовал выдать Инала. Хорезмшах приказал посла Ибн Кафраджени Богра убить, а двум его сопровождающим отрезать бороды. Позже мусульманские авторы заклеили этот поступок шаха: «И не было никогда более мерзкого действия, чем это. Каждая капля их

(послов) крови была оплачена потоками крови мусульман» (ас-Субки, см. [Буниятов, с. 136]). И хотя эта оценка справедлива, но ее не было бы, одержи победу хорезмшах. С оскорбленными послами хорезмшах послал ответ Чингис-хану:

— Я иду на тебя, хотя бы ты был на краю света, чтобы отомстить и поступить с тобой так, как поступил с твоими сторонниками!

Шах угрожал хану смертью, и это было объявлением войны. По сведениям тех же мусульманских авторов, получив этот ответ, Чингис три дня молился в одиночестве, взывая:

— О Господь и Создатель вселенной! О творец тазиков и тюрок! Не я был зачинщиком этой смуты! Даруй же мне силу для отпущения! (см. [Ранид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 189]).

Но это тоже мусульманская версия, суть которой состоит в том, что во всех бедствиях, обрушенных монголами на исламский мир, виноват хорезмшах. Ничего подобного в монгольских источниках нет. В «Тайной истории» причиной начала западного похода объявлена не только месть за убийство послов, но отказ повиноваться, попытка порвать златоцветные «поводья» Чингис-хана, которыми он если еще и не взнуздal, то уже решил взнуздal сартаульский народ. «Затем, когда сартаульцы задержали и перебили сто человек наших посольских людей, отправленных к ним во главе с чингисхановым послом Ухуна, государь Чингис-хан сказал: „Пойду войною на сартаульский народ и законною местью отомщу за сотню своих посольских людей во главе с Ухуна. Можно ли позволить сартаульскому народу безнаказанно обрывать украшения моих златоцарственных поводьев?“» [Сокровенное сказание, с. 182].

На решение хорезмшаха не ждать, когда притязания Чингис-хана станут еще более жесткими и оскорбительными, могло повлиять и то, что он знал о стремлении арабов, халифа багдадского подбить Чингиса на войну с ним. По сообщениям Насави, к Чингис-хану ездило посольство халифа ан-Насира, которое предлагало монголам начать войну с хорезмшахом. Хорезмшах воевал с ан-Насиром и не признавал его высшей духовной власти, и Насир еще ранее пытался столкнуться о союзе против хорезмшаха с Кучлуком, гонителем и притеснителем мусульман. Ибн Васил сообщает, что «когда хорезмшах двинулся на Багдад, халиф написал Чингис-хану, владыке татар, подстрекая его напасть на страну хорезмшаха». Схожие сведения есть и у ал-Макризи: «В его (ан-Насира) правление татары опустошили страны Востока. Причиной тому было следующее: он действительно писал им, подстрекая их к нашествию на эти страны, страшась султана Ала-ад-дина Мухаммада, сына хорезмшаха, когда тот вознамерился захватить Багдад» (см. [Буниятов, с. 137]).

Послы халифа могли передать Чингис-хану ценную информацию о состоянии дел у хорезмшаха. И Чингис-хан и хорезмшах были в зените своего могущества и славы. Один из них явно претендовал на исключительное право управлять миром. Их

столкновение было неизбежно. Войны хотел Чингис-хан, от нее не уклонялся и хорезмшах. Поражение хорезмшаха послужило бы причиной того, что мусульманский мир обвинил его одного в начале войны. Может быть, проф. И. П. Петрушевский был излишне категоричен, когда писал, что «инициатива войны не исходила от хорезмшаха; он не хотел ее и был вынужден к ней обстоятельствами. Инициатором войны, по сути дела, был именно Чингис-хан, хотя он так сумел подготовить ее, чтобы иметь возможность формально возложить вину на хорезмшаха, дабы не выставить себя в глазах мусульманского населения врагом ислама» [Петрушевский, с. 111]. Хорезмшах был тоже виноват, но итоги войны были таковы, что именно он оказался главным виновником событий, а Чингис-хан занял позицию «благородного мстителя» за причиненные обиды. И сейчас есть авторы, которые пишут о том, что монголы завоевали полмира только потому, что люди в других странах убивали их послов. Это не имеет ничего общего с реальной действительностью тех трудных и страшных лет.

В государстве хорезмшаха разрабатывали планы войны, точнее, планы обороны. Предлагалось набрать армию в четыреста тысяч человек на берегах Сырдарьи и нанести удар по монголам, не дав им опомниться после длительного пути до владений хорезмшаха. Это был план, предусматривающий недопущение монголов в глубь владений хорезмшаха. Но был еще план, основанный на том, чтобы разбить монголов в глубине территории государства, или в междуречье Сырдарьи и Амударьи, пользуясь знанием местности, или заманив их в труднодоступные горные проходы. Был принят далеко не лучший план не давать генерального сражения, а каждому городу обороняться самостоятельно. Хотя такой план был принят, мало что было сделано для укрепления городов, мобилизации населения и воинов. Более того, хорезмшах обобрал своих подданных, собрав с них тройной налог за 1219/20 г., чем только усилил недовольство своих людей.

Один готовился к войне, но плохо, второй пылал, как мы уже писали, праведным гневом. По рассказу Рашид-ад-дина, «дерзость» хорезмшаха произвела «такое действие на сердце Чингис-хана, что у него не осталось больше сил для стойкости и спокойствия. В этом пламени гнева он поднялся в одиночестве на вершину холма, набросил на шею пояс, обнажил голову и принял лицом к земле. Трое суток он молился и плакал... После этого он почувствовал в себе признаки знамения благовестия и бодрый и радостный спустился оттуда вниз, твердо решившись привести в порядок все необходимое для войны» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 189]. Может быть, Чингис-хан действительно нуждался в «знамении благовестия» от Вечного синего Неба и получал его после долгих экстатических молитв?

В 1218 г., прежде чем выступить в поход против хорезмшаха, Чингис отправил Чжэбе для покорения Кучлука, правителя Семиречья и Кашгара. Как уже говорилось выше, в своих владениях

Кучлук преследовал мусульман, и мусульманское население этих областей восприняло приход монголов как освобождение из-под власти найманского притеснителя. Еще на подступах к Кашгару, тогдашней ставке Кучлука, Чжэбе объявил, «чтобы каждый человек придерживался своей веры и хранил бы в религии путь своих предков» [там же, с. 183]. Мусульманское население восстало против Кучлука, мстя за недавние гонения. Потеряв опору, гонимый, Кучлук некоторое время спасался бегством от преследовавших его монголов, пока не был схвачен в пределах Бадахшана и не выдан монголам. Есть данные о том, что его пленил правитель Алмалыка². С Бадахшана монголы «получили огромную военную добычу, состоящую из наличных денег и драгоценных камней» [там же, с. 183 -- 184]. Весь бассейн Тарима и Семиречье до Таласа отошли к империи монголов. Завоевание государства Кучлука расширило владения Чингиса, оно явилось его первым шагом на пути, который, по его мысли, должен был привести его к владычеству над Востоком и Западом.

* * *

Итак, вопрос о войне был решен. Поход готовился.

Перед походом на Запад Чингис-хану, в зависимости от даты его рождения, было 64, 57 или 52 года. Он был не молод. Даже за пятьдесят по тем временам для правителя государства было немало. И встал вопрос о наследнике престола. Его подняла татарка, ханша Есуй. Всякий родившийся не будет жить вечно. Ее резонном было то, что «многолюдное царство» Чингис-хана держится на его авторитете, его власти. Если он умрет, не рассыпется ли его царство, как горсть конопли, как стая птиц.

Чингис-хан задумался:

— А я-то забылся: будто бы мне не последовать вскоре за праотцами. А я-то заспался: будто бы никогда не похитит меня смерть. Итак, старший мой сын Чжочи, что скажешь ты? Отвечай! (по «Сокровенному сказанию», с. 182—183).

Но «не успел Чжочи открыть рот, как его предупредил Чаадай: „Ты повелеваешь первому говорить Чжочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться этому наследнику меркитского плена?“» При этих словах Чжочи вскочил и, взяв Чаадаю за ворот, говорит: «Родитель государь пока еще не нарек тебя. Что же ты судишь меня? Какими заслугами ты отличаешься? Разве только одной лишь свирепостью ты превосходишь всех. Даю на отсечение свой большой палец, если только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты повалишь меня, победив в борьбе. Но будет на то воля родителя и государя».

Братья уже приготовились к борьбе, но их растащили мать Борте и Мухали. Чингис молчал. Заговорил Коко-Цос, произнеся

² По сведениям «Юань ши», Кучлука убил мусульманин Хэсымайли, человек из окружения кара-китайского гур-хана [Юань ши, цз. 120, с. 86].

Сын Чингис-хана Огодай

слова, которые уже десятки лет служат доказательством прогрессивного характера объединения Монголии Чингис-ханом. Коко-Цос сказал: «Звездное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили». Он намекнул великому князю Чаадаю (Чагатаю), что нехорошо оскорблять мать, которая делила груды вместе с отцом, а отец «черной головы своей не щадил, черную кровь свою щедро лил, черным очам своим мигнуть не давал, сплюснутых ушей своих на подушку не клал — рукав клал вместо подушки, полу подстигал, слюной свою жажду утолял... со лба его пот лил до самых подошв».

Коко-Цос, между прочим, дал понять — раньше мы грабили друг друга, теперь станем грабить другие народы. И его поняли. Чжочи и Чаадай решили, что надо объявить наследником Огодая (Угэдэя), никому из них не будет пока обидно, а они оба будут «парой» служить Огодаю. Вот на это-то Чингис и ответил: «К чему же,—говорит Чингис-хан,—к чему же непременно парой? Мать—земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше, будем отдельно друг от друга править иноземными народами» [Сокровенное сказание, с. 183, 185, 186]. Монголия была мала, ее не хватало на всех. Новые улусы нужно было завоевать. Нареченный преемником, Огодай сказал, что он-то «постарается осилить» управление государством, а за своих потомков не ручается.

В 1219 г. Чингис-хан со всеми своими сыновьями и основными силами, составлявшими сто пятьдесят-двести тысяч человек,

выступил в поход против «владыки Запада» — хорезмшаха Мухаммеда. Лето 1219 г. Чингис-хан провел на берегах Иртыша, а осенью двинулся на Мавераннахр — древние культурные области в бассейне Амударьи и Сырдарьи. Он шел не один. Если ему не удалось принудить к походу на запад таңгутов, то прочие его вассалы — уйгурский идикут Барчук, хан тюрок-карлуков Арслан-хан и Сукнак-тегин алмалыкский, которому монголы передали управление владениями Кучлук, выступили вместе с ним.

Мы уже упоминали, что хорезмшах имел армию, возможно, по численности даже превосходящую армии Чингис-хана. Но его армия была не столь монолитной и послушной, как армия Чингис-хана, и он избрал не лучшую тактику ведения войны, рассредоточив силы по гарнизонам разных городов. Резиденция Мухаммеда была в городе Балхе, хотя ему предлагали уехать еще дальше от зоны вторжения монголов, в Ирак. Сын хорезмшаха Джелал-ад-дин считал меры, принятые отцом для обороны страши, неверными, а его намерение уйти в Ирак и вовсе недопустимым. Он говорил:

— Лучший выход для нас — это собрать, насколько это будет возможным, наши войска и выступить против них. Если султан на это не решится, пусть он один выполняет свое намерение идти в Ирак, а мне даст войска с тем, чтобы я пошел к границе государства и одержал победу и выполнил бы то, что осуществлю, и возможно, дабы перед очами творца и его творений мы были бы оправданы. Если задуманное пока не удастся, мы все же не станем мишенью для стрелы укора и люди не протянут языка злословия на наш счет и не скажут: до сего времени они взымали с нас налоги ...а теперь в такое страшное время пренебрегают нами и бросают нас!

Мухаммед в Ирак не поехал, но и сыну своему войск для встречи армий Чингиса на границе не дал [Петрушевский, с. 108—109; Буниятов, с. 138].

Вступив в пределы государства хорезмшаха, Чингис разделил свои войска: первая группа войск под командованием Чагатая и Огодая была оставлена для осады Отрара, вторая — под командованием Чжочи выступила на Дженд и Янгикент и третья группа под командованием Улак-нойона и Сюкетью-черби наступала южнее Отрара на Ходжент и Бенакент (или Фенакент). Таким образом, три группы армий Чингис-хана наступали в центре на Отрар и на север (войска Чжочи) и к югу от него (войска Улак-нойона и Сюкетью-черби). Четвертая группа войск, которой командовал сам Чингис-хан, а также его полководцы Чжэбе и Субетай, двигались на города Бухару и Самарканд. Захват этих городов считался в ходе кампании главной задачей.

Осада Отрара длилась с сентября 1219 по февраль 1220 г. Город был хорошо укреплен, обороной руководил Хайдар-хан Инал и присланный со вспомогательным войском от хорезмшаха Карача-хан. После пяти месяцев осады Карача-хан вышел из крепости со своими людьми и сдался монголам. Все сдавшиеся

тут же на месте были изрублены монголами, был казнен и Карача-хан. После измены Карача-хана монголы через некоторое время взяли город, выгнали из города, как стадо овец, всех людей, а город разграбили. Хайдар-хан Инал с двадцатью тысячами воинов еще месяц сражался во внутреннем укреплении города — цитадели. Под конец он остался в живых почти один, был загнан на крышу, но и оттуда продолжал бросать в монголов кирпичи. Его стащили вниз, а затем казнили. По сведениям Насави, Чингис «велел привести к нему Инал-хана, затем приказал расплавить серебро и влить ему в уши и глаза» [Насави, с. 81]. Город Отрар был разрушен: монголы «крепостную стену и крепость превратили в прах» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 199]. Большинство населения города было истреблено, оставшихся в живых, преимущественно ремесленников, отправили в полон.

В феврале 1220 г. армия Чингис-хана подошла к Бухаре. 7-го февраля началась осада Бухары — «күпола ислама в восточных странах и города мира этих стран, матери всех городов мусульман». Три дня длился приступ под прикрытием местных жителей и жителей Отрара, припавших под стены Бухары. Через три дня гарнизон решил «силой решимости заменить позор поражения». Они вышли из города и в бою временно потеснили монголов, затем прорвали кольцо осады и стали уходить от города. Однако выход их за стены города оказался роковым. Монголы быстро организовали преследование и уничтожили почти всех, кто покинул Бухару. Только немногим удалось переправиться через Амударью.

Монголы вступили в Бухару 10 февраля. Цитадель Бухары, которую обороняли всего четверста человек, держалась еще 12 дней. Монголы заставили жителей Бухары засыпать ров цитадели и помогать им в осаде. «Победили их неверные и ворвались в цитадель. Бывшие в ней мусульмане бились с ними до тех пор, пока не были истреблены все до последнего. Управившись с крепостью, он (Чингис-хан) приказал составить себе список главных лиц города и их старшин. Сделали это, и когда ему представили список, он приказал привести их к себе. Явились они, и он сказал: „Требую от вас серебро, которое вам продал хорезмшах, ведь оно принадлежит мне, отобрано у моих сторонников и находится у вас“. Представил ему всякий, сколько у кого было этого серебра. Затем он велел им выйти из города, и они вышли из города, лишившись своего имущества: ни у одного из них не осталось ничего, кроме платья, которое было на нем. Вошли неверные в город, ограбили его и убили, кого нашли в нем. Он, Чингис-хан, окружил мусульман и приказал своим сторонникам разделить их между собою. Они (татары) поделили их, и был этот день ужасный вследствие обилия плача мужчин, женщин и детей. Разбрелись они (жители) во все стороны и были растерзаны, как лохмотья; женщины они поделили между собою: наутро Бухара оказалась разрушенной до оснований своих, как будто ее вчера и не было» [Ибн-аль-Асир, с. 9—10].

Мужчин погнали для осады Самарканда. По сведениям Рашид-ад-дина, монголы «умертвили больше тридцати тысяч мужчин, а женщин и детей увезли с собою рабами» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 206]. В марте монголы подошли к Самарканду, ведя за собой толпы пленных, «которые шли за ними пешком в самом гнусном виде, всякий, кто уставал или изнемогал от ходьбы, был убиваем». К армии Чингиса присоединились войска Чагатая и Огодая, только перед этим уничтожившие Отрар.

Когда Карача-хан сдался, он был казнен (возможно, из особо подчеркиваемой монголами ненависти к Отрару). Появившиеся же во время взятия Бухары и позже перебежчики на сторону монголов были обласканы. Ими стали владетель Кундуза Рашид-ад-дин и владетель Балха эмир Мах Руи.

Монголы, чтобы запугать гарнизон Самарканда численностью своих войск, выстроили пленных в ряды и каждому десятку дали знамя. Однако самаркандцы не испугались. Они предприняли смелую вылазку, храбро сражались, но пали жертвой уже известной монгольской тактики ведения войны: «Сразились с ними пешие вне города; татары не переставали отступать, а жители городские преследовали их, надеясь одолеть их. Но неверные успели устроить им засаду, и, когда те зашли за засаду, выступили против них и стали между ними и между городом, а остальные татары, которые первые завязали бой, вернулись, так что те очутились в середине между ними. Поял их меч со всех сторон, и не уцелел ни один из них, а погибли все до последнего мучениками — да смилуется над ними Аллах; было их, как говорят, семьдесят тысяч» [Ибн-аль-Асир, с. 10—11].

Неудачной оказалась и вторая вылазка, хотя во время ее в бой были введены боевые слоны. К Чингис-хану явилась делегация горожан во главе с духовным главой города шейх-ал-исламом для переговоров о капитуляции. 17 марта 1220 г. город был сдан. «В тот день монголы были заняты разрушением городской стены и гласиса и сровняли их с дорогой. Женщин и мужчин сотнями выгоняли в степь в сопровождении монголов... Через глашатаев объявили: „Да прольется безнаказанно кровь каждого живого существа, которое спрячется!“ И монголы, которые были заняты грабежом, перебили множество людей, которых они нашли спрятавшимися по разным норам». Как и в других городах, цитадель в Самарканде держалась еще некоторое время. Под конец, не будучи в силах обороняться, тысяча человек заперлась в соборной мечети. Здесь они и были перебиты, а мечеть сожжена. Тридцать тысяч тюркских воинов, которые сдались Чингису вначале вместе с жителями города и были якобы приняты им на службу, после падения цитадели тоже были уничтожены монголами. Тридцать тысяч самаркандских ремесленников были розданы сыновьям и родственникам Чингиса. Оставшиеся в живых жители Самарканда «за свои души» обязаны были выплатить 200 тысяч динаров. Но так как и после монголы не раз уводили оставленных в живых самаркандцев, то «мало кто спасся, вслед-

ствие этого та страна совершенно обезлюдела» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 206—208].

Корпус под командованием Чжочи завоевывал области государства хорезмшаха, лежащие вниз по течению Сырдарьи. Вначале монголы подошли к городу Сыгнаку и направили сыгнакам посла с предложением сдаться. Сыгнакцы посла убили и сражались с монголами до последнего. Когда же город был взят, то, «заперев врата прощения и снисходительности, монголы убили всех, мстя за одного человека» [там же, с. 199].

В апреле 1220 г. Чжочи подошел к Дженду. Кутлуг-хан, наместник и правитель города, бросил Дженд и ушел в Хорезм. 21 апреля Дженд был взят монголами без боя. Так как Дженд практически не сопротивлялся, жителям его была дарована пощада — монголы продержали их девять суток в степи, а сами в это время разграбили город дотла. Бенакент обороняли тюрки-канглы. Город сдался после трех дней осады. Часть воинов гарнизона монголы убили, жителей выгнали из города и отделили ремесленников и мастеров, которых угнали в плен.

Ведя войну в Средней Азии, монголы везде использовали местное население для осады городов — это называлось «хашар». При осаде Ходжента монголов было двадцать тысяч, а численность хашара составила пятьдесят тысяч человек. Добровольная сдача отнюдь не всегда гарантировала безопасность и доброе отношение. По пути на Бухару Чингис-хану добровольно сдались жители города Зарнук. Однако монголы выгнали их из города, а цитадель разрушили. Всю молодежь угнали в хашар. Добровольно сдался монголам небольшой город Нур-и Бухара. Шестьсот молодых горожан было забрано в хашар.

При осаде монголами Ходжента отличился Дамир-Малик. Он укрепился на острове посреди Сырдарьи, остров был недосыгаем для монгольских стрел и камней из катапульта. Монголы согнали тысячи людей и заставили их таскать камни с гор, чтобы запрудить реку. Дамир-Малик обил войлоком, пропитанным уксусом, 12 барж, обмазал войлок глиной, поэтому баржи стало невозможно поджечь, и каждую ночь совершал вылазки, разрушая плотину, наведенную за день. Нехватка продовольствия и оружия вынудили Дамир-Малика на семидесяти лодках двинуться вниз по течению реки. Монголы преследовали его флотилию по обоим берегам реки. В Бенакенте они перегородили Сырдарью железной цепью, но воины Дамир-Малика прорвали цепь. Лишь поставив на лодки и плогы катапульты, монголы вынудили героев выйти на берег. Здесь они почти все были перебиты. Дамир-Малику удалось вырваться из окружения. Его преследовали трое монголов. Он смертельно ранил одного, а двум другим крикнул: «У меня остались две стрелы. Мне жаль их тратить, но их достаточно для вас обоих. Лучше вам повернуть назад и таким образом спасти ваши жизни!». Поняли его монголы или нет, но они отступили. Дамир-Малик добрался до Гурганджа и присоединился к защитникам города (см. [Буниятов, с. 142—143]).

К концу апреля, «за короткий период (всего за сто с небольшим дней), — как пишет З. М. Буниятов, — Чингис-хану удалось без особых усилий сокрушить могущественное государство хорезмшахов: самые мощные укрепления были взяты или разрушены, захвачены самые населенные города, разгромлена по частям самая многочисленная и хорошо вооруженная армия того времени» [там же, с. 146].

Чингис-хан поставил перед Чжэбе и Субетаем задачу взять в плен хорезмшаха. Их войску (а в него входило двадцать тысяч воинов) было приказано «днем и ночью преследовать хорезмшаха, схватить и доставить к нему». Хорезмшах форсировал Амударью, утопив в реке свою казну, привезенную из Кермана, в которой только золота было семьдесят выюков. Хорезмшах прибыл в Хорасан, но не остановился там. «И случилось так, что Чингис-хан отрядил для похода на Хорасан своего зятя Тогаचार-нойон и эмира из своих начальников по имени Беркей-нойон с десятью тысячами всадников, чтобы они разграбили, сожгли страну, высосали мозг ее костей и кровь ее жил и оставили лишь остатки и последние искры жизни» [Насави, с. 96].

По словам того же Насави, «как черная ночь», папали монголы на город Наса в Хорасане. Пятнадцать дней штурмовали город, гоня пленных впереди себя к его стенам. В стене была пробита брешь, и ночью монголы овладели стенами города. «А когда настал день, татары спустились к ним со стены и погнали их на открытое место за садами... будто стадо овец, которое сгоняют пастухи. Татары не протянули своих рук к добыче и грабежу, пока не собрали их с детьми и женщинами на этом обширном пространстве. Вопли разрывали покровы небес, и крики наполняли воздух. Затем они приказали людям крепко связать друг друга, и те покорно исполнили это. Между тем, если бы они не сделали этого, а разбежались бы, стремясь к спасению, и бежали даже без боя — ведь горы близко, то большинство их спаслось бы. И вот когда они связали друг друга, татары подошли к ним с луками, бросили их на землю и накормили земных зверей и птиц небесных. И сколько было пролитой крови, изнасилованных женщин, детей, убитых и брошенных у груди своих матерей! Количество убитых из числа жителей Насы и тех, кто находился здесь из чужестранцев... было семьдесят тысяч. А ведь это был всего лишь один из округов Хорасана» [там же, с. 96—97].

Насави отмечает, что всюду обстоятельства завоевания Хорасана были «похожи друг на друга: повсюду смерть, везде разрушения», во взятых городах не оставалось никого, кто «мог бы развести огонь или жить в доме. И овладел душами страх» [там же, с. 97]. Хорезмшах не остановился в Хорасане, бросив край на произвол судьбы. На пути в Ирак его пытались убить родственники матери, надеясь, может быть, тем самым остановить или приостановить войну. Покушение не удалось. 18 апреля 1220 г. хорезмшах прибыл в Нишапур.

Нишапур был также взят монголами и сравнен с землей. Монголы «приказали пленным сровнять его лопатами, пока земля не стала здесь ровной, без комьев и камней, и всадник, играя в мяч, не мог бы споткнуться. Большая часть населения города погибла под землей, так как они до этого устроили подвалы и подземные ходы, полагая, что они там могут удержаться» [там же, с. 99].

Монгольские кони буквально висят на хвосте у коней воинов хорезмшаха. В горах хорезмшах прячет десять сундуков с драгоценными камнями, но они достаются монголам. Наконец, отряд хорезмшаха вышел к южным берегам Каспийского моря. Здесь хорезмшах укрылся на острове Ашур-Ада, неподалеку от устья реки Гурган и порта Абаскун. Наследником престола был объявлен Джелал-ад-дин. При этом хорезмшах сказал:

— Узы власти порвались, устой державы ослаблены и разрушены. Стало ясно, какие цели у этого врага: его когти и зубы крепко вцепились в страну. Отомстить за меня может лишь мой сын Манкбурны. И вот я назначаю его наследником престола [Буниятов, с. 148].

А в декабре 1220 г. хорезмшах скончался. Его похоронили на том же острове, и у бывшего владыки Запада «не было даже савана, в который его можно было бы завернуть» [там же].

Позже, поскольку монголы не щадили, а выкапывали и сжигали останки своих врагов. Джелал-ад-дин перевез прах отца в крепость Ардахи. Когда же эта крепость была взята монголами, они-таки вырыли останки хорезмшаха из земли, а затем отвезли их в Монголию, где уже во время правления Огодая сожгли.

Сам Чингис-хан лето 1220 г. провел в районе Несефа. Осенью его войска подошли к Термезу. Монголы предложили жителям Термеза сдаться и самим разрушить цитадель. Взятие внутригородских укреплений в других городах стоило монголам большой крови. Получив отказ, Чингис начал штурм и на одиннадцатый день взял город. Монголы выгнали всех людей одновременно в степь и, по своему обыкновению, разделив между войском, всех перебили. Двигаясь дальше на территории современной Кулябской области (Таджикистан), Чингис «захватил те места. Он стер их с лица земли, грабя и избивая поголовно население, разрушая и предавая все огню» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 218].

Зиму 1220/21 г. Чингис провел на берегах Амударьи. Одновременно высланные им отряды осаждали столицу государства хорезмшаха Мухаммеда — город Ургенч.

Чингис-хан послал к Теркен-хатун, матери хорезмшаха, хаджиба Дапишменда с письмом: «Тебе известно, как неблагодарно поступил твой сын в отношении твоих прав (это был намек на хорошо известные противоречия между хорезмшахом и его матерью. — Е. К.). Вот теперь в согласии с некоторыми из его эмиров я выступаю против него, но я не стану нападать на то, чем владеешь ты. Если ты примешь это, то пришли ко мне кого-

нибудь, кто подтвердит тебе, что я верен своему слову, а затем тебе будут отданы Хорезм, Хорасан и то, что соседствует с ними по ту сторону Джейхуна» [Буниятов, с. 149]. Теркен-хатун на сделку с Чингисом не пошла, она пыталась уйти, но попала в плен в крепости Илан, осада которой длилась четыре месяца. С ней были дети и жены хорезмшаха. Дети хорезмшаха были перебиты, а его жены отданы близким Чингис-хана. Теркен-хатун отправили в ставку Чингис-хана. Перед тем как Чингис покинул Среднюю Азию. Теркен-хатун и женам хорезмшаха было приказано «выйти вперед и громко оплакивать государство хорезмшаха, пока монгольские войска не пройдут перед ними». Теркен-хатун увезли в Монголию, где она жила в ханской ставке, питаясь объедками с ханского стола. Скончалась Теркен-хатун в 1233 г. уже после смерти Чингис-хана [там же, с. 150].

Осада Ургенча длилась семь месяцев. Не хватало камней для катапульт, и монголы использовали вымоченные в воде кругляши, выточенные из тутовых деревьев. Осада затянулась из-за вновь вспыхнувшего соперничества между Чжочи и Чагатаем. Чингис передал все войска в подчинение одному Огодаю, и дело пошло успешнее. Когда город был взят, сто тысяч ремесленников из столицы хорезмшаха было отправлено в Монголию. По данным Ибн-аль-Асира, в Ургенче «монголы перебили всех, находившихся в нем, и ограбили все, что в нем было» [Ибн-аль-Асир, с. 32]. На каждого из пятидесяти тысяч монгольских воинов пришлось по двадцать четыре убитых жителя Ургенча. Избиение сопровождалось унижительными издевательствами. «Монголы приказали пленным женщинам Гурганджа раздеться донага, разбили их на две группы и приказали: „Женщины вашего города прекрасные кулачные бойцы. Поэтому приказываем, чтобы обе стороны начали между собой кулачный бой“. И несчастные женщины Гурганджа набросились друг на друга. Потепневшие этим гнусным зрелищем, монголы изрубили всех выживших женщин» (Джузджани; цит. по [Буниятов, с. 153]). «Потом они открыли плотину, которою удерживалась вода Джейхуна от города; тогда вода хлынула в него и затопила весь город; строения разрушались, и место их заняла вода. Из жителей его положительно ни один не уцелел, тогда как в других местах некоторым удалось спастись: из них кто спрятался, кто бежал, кто вышел да потом спасся, кто сам ложился среди убитых и потом уходил; в Хорезме же тех, кто спрятался от татар, или затопила вода, или убили развалины. И превратилось все в груды и волны» [Ибн-аль-Асир, с. 32]. По словам Джувейни, Ургенч «превратился в место пребывания шакалов и убежище сов и воронов» (см. [Буниятов, с. 153]).

Летом и осенью 1221 г. пали города Балх, Термез, Заузан, Мерв, Нишапур и Герат. Весной 1221 г. Чингис с армией форсировал Амударью и занял Балх. Борьбу с монголами на территории Восточного и Северного Ирана возглавил Джелал-ад-дин, который у Насы впервые разгромил монгольский отряд, состоящий из семисот всадников, и «впервые мусульманский меч обогрился

Осада города монголами

кровью монголов». Но на сторону монголов перешли двоюродный брат хорезмшаха Амин-ал-Мульк и ряд других эмиров хорезмшаха. В битве около Кандагара Джелал-ад-дину удалось нанести новое, уже более существенное поражение монголам. Как полагают мусульманские авторы, это помогло местному населению выйти из того глубокого шока и страха, в котором оно пребывало, а монголов заставило быть более осторожными. Монголы полагали, что «враг способен лишь бежать от них, подобно газели, что никто не собирается нападать, что копыта сопротивления притуплены и некому разить ими. И когда вдруг увидели эти копыта, которые жаждут их горла и стремятся достать их сердца, они оседлали коней бегства» и «стали мясом для острых мечей и пищей для хромых орлов» (см. [Буниятов, с. 156]).

В Газне Джелал-ад-дин собрал армию численностью сто тридцать тысяч человек и разгромил монголов у крепости Валиан. Чингис выслал против него три тьмы под командованием Шиги-Хутукту. Противники сошлись у Первана, близ истоков реки Лугар, притока Кабула, и Джелал-ад-дин нанес монголам сокрушительное поражение, уничтожив почти весь корпус Шиги-Хутукту. «Оседлав коня ненависти, Джелал-ад-дин отсекал мечами концы шейных вен, отделял плечи от места, где они сходятся. А как же иначе? Ведь они причинили большие страдания ему, его братьям и отцу, его государству, его родне и приближенным» (см. [там же, с. 157]).

Известие о победе Джелал-ад-дина вызвало восстание в ряде завоеванных монголами городов. Чингис-хан лично выступил против Джелал-ад-дина. Однако эффект от победы был сильно ослаблен тем, что военачальники Джелал-ад-дина поссорились из-за дележа добычи. Джелал-ад-дин не смог воспрепятствовать

переходу монголов через перевалы Гиндукуша. При осаде города Бамиана был убит стрелой сын Чагатая, любимый внук Чингис-хана Мутуген. Когда крепость была взята, Чингис приказал, «чтобы убивали всякое живое существо из любого рода людей и любой породы скотины, диких животных и птиц, не брали ни одного пленного и никакой добычи и превратили бы город в пустыню и впредь не восстанавливали», чтобы «ни одно живое создание в нем не обитало». Приказ его был выполнен, и это место еще долго называлось Мобалык — Дурной город.

Осенью 1221 г. Чингис-хан занял Газну. Желал-ад-дин к этому времени уже покинул город. У Гардиза монголы догнали Желал-ад-дина, но он разбил отряд преследователей и ушел. Решающее сражение произошло на берегах реки Инд. 23 ноября 1221 г. войска Желал-ад-дина были разгромлены, он сам, утопив в реке весь свой гарем, с четырьмя тысячами воинов переплыл Инд и ушел.

Есть предание, что Чингис-хан запретил его преследовать, сказав: «Только такой сын должен быть у отца. Раз он сумел выйти невредимым из такой битвы и вырваться из такой пучины на берег спасения, от него произойдут множество деяний и бесчисленные смуты» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 224]. Монголы из-за жары в Индии дальше города Мултана не пошли. В 1222 г. отряды Чингис-хана штурмовали и брали укрепления в окрестных горах. Ставка самого Чингис-хана находилась к югу от Гиндукуша. Отсюда Чингис-хан решил возвращаться обратно в Монголию. Причиной возвращения явились и какие-то важные события на Востоке. «Чингис-хан, сообщает Джувейни,— решил возвратиться в Монголию из Пешавара к себе домой; и причиной для столь поспешного его возвращения было то, что китаи и тангуты, воспользовавшись его отсутствием, производили беспокойства и вызывали между подчиненными смуту и мятежи» [Джувейни, с. 139]. То же подтверждает и Рашид-ад-дин: «Чингиз-хан привел в исполнение свое намерение вернуться к своему коренному становищу и древнему своему юрту. Причиной поспешности в этом деле было известие о восстании жителей Тангута, которые вследствие продолжительности времени его отсутствия стали колеблющимися в помыслах» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 226]. Осенью 1222 г. Чингис-хан движется из района Первана через Балх, форсирует Амударью, проезжает Самарканд и Бухару. Пока Чингис-хан воевал, Монголий правил его младший брат Темуге.

Желал-ад-дин, загнанный в Индию, провел в Северо-Западной Индии около двух лет, где восвал с местными раджами. Затем через Керман, Шираз, Исфаган он возвращается на запад. Пытается вместе со своим братом Пир-шахом организовать сопротивление монголам. В 1225 г. он — в Ираке, штурмует Багдад, как полагает З. М. Бунятов, в отместку за тайную связь халифа с монголами. В одном из писем Желал-ад-дин прямо писал, что халиф «является причиной гибели мусульман, гибели моего отца и вторжения неверных в страны ислама» [Бунятов, с. 163]. Затем он воюет в Азербайджане и Грузии, часто столь же

жестоко, как и монголы. Взяв в марте 1225 г. город Дакуку, например, он «перебил жителей, разгромил и сжег город, разрушил стены». Захватив 9 марта 1226 г. Тифлис, он опустошает Грузию. До середины 1231 г. он — правитель Азербайджана, Ширвана и Грузии. Реванш в войне с монголами был одной из целей его жизни. В то время, когда Чингис-хан завершал свой путь на территории Си Ся, Джелал-ад-дин 5 сентября 1227 г. нанес поражение монголам у Исфагана. Приблизительно в 1229—1230 гг. он получил письмо от своей сестры Хан-Султан, отданной в свое время в жены Чжочи. Она писала, что, по ее сведениям, монголы не прочь примириться с ним, сделав границу размежевания владений по реке Джейхун. Однако сестра писала: «Если ты найдешь силы противостоять им, отомсти, сражайся с ними. Если одолеешь, то поступишь, как захочешь. Если нет, пользуйся случаем примириться, пока они этого хотят» [там же, с. 179].

Кажется, это письмо и предложение о мире остались со стороны Джелал-ад-дина без ответа. Против Джелал-ад-дина сложилась коалиция владетелей Малой Азии, Сирии и Северной Месопотамии. Ее глава кенийский султан Ала-ад-дин с союзниками разгромил Джелал-ад-дина 10 августа 1230 г. и, по сведениям Ибн-аль-Асира, «послал к монголам сообщение о слабости Джелал-ад-дина и его бегстве и стал торопить их идти против него, слабого, гарантируя им победу» (см. [там же, с. 182]). В итоге в 1230—1231 гг. монголы вторглись в Азербайджан и быстро захватили страну. Последней попыткой Джелал-ад-дина бороться с монголами было обращение к соседним мусульманским владетелям начать с монголами совместную борьбу. «Их остановят, — писал он, — только совместные усилия всей общины мусульман и полное согласие» [там же, с. 184]. Вскоре, однако, всеми покинутый и преследуемый, Джелал-ад-дин между 17—20 августа был убит.

Мусульманские историки, много писавшие о Джелал-ад-дине, видели в нем борца против монголов, человека храброго, но не сумевшего перешагнуть через смуты междоусобиц и жестокость и тем самым в известной мере облегчившего монголам завоевание стран ислама. Насави писал: «Он был смуглым, небольшого роста, торчком по речи, но говорил также и по-персидски. Что касается его храбрости, то это был лев среди львов и самый отважный среди всадников-смельчаков. Он был кротким, не сердился и не бранился. Он был серьезен, никогда не смеялся, а только улыбался и был немногословен. Он любил справедливость, однако время смуты, с которой он встретился, восторжествовало над ним, изменив его характер. Он любил облегчать жизнь подданных, но правил в период упадка и потому прибегал к насилию» (см. [там же, с. 187]). Ибн-Васил считал, что именно войско Джелал-ад-дина стало «преградой между нами и монголами». Но Джелал-ад-дин «чинил несправедливости, враждовал с соседями, вел себя предательски и вызывал недовольство. Это привело к его гибели и гибели его войска.

А затем последовало нашествие монголов и их победа над странами ислама. Если Аллах пожелает чего-нибудь, то он подготавливает и причины» (см. [там же, с. 189]). Ибн-аль-Асир полагал, что из-за того, что Джелал-ад-дин враждовал с соседями, «они покинули его и не протянули ему руку помощи».

* * *

Надо сказать еще о действиях корпуса Субетая и Чжэбе, преследовавших хорезмшаха. Не настигнув его, эта армия вторглась в Азербайджан. Взяв и разорив в течение 1221 г. крупнейшие города Азербайджана, включая Нахичевань, монголы перешли границы Грузии и в 1222 г. в долине Котмана нанесли поражение грузинской армии. Покинув Грузию, они штурмом овладели Шемахой, миновали Дербент и в пределах Северного Кавказа поодиночке разбили половцев и аланов (осетин). Преследуя разгромленных половцев, Чжэбе и Субетай причерноморскими степями дошли до Крыма, где взяли и разграбили Судак. Половцы собрали новые силы во главе с ханом Юрием Кончаковичем, но монголы и на этот раз нанесли им поражение и гнали их до Днепра. Тогда половцы обратились за помощью к русским князьям. Часть князей со своими полками откликнулась на призыв, справедливо решив, что «еще мы им не поможем и предадутся половцы тагарам, то тягче ны будет». Пришли князь киевский Мстислав Романович, князь козельский и черниговский Мстислав, князь смоленский Владимир Рюрикович, князь курский Олег. Чжэбе и Субетай не хотели сражения с русскими и послали посла с запросом: «Почто хочете на ны итти, кровь пролияти». Посла убили.

31 мая 1223 г. в сражении на реке Калке монголы разгромили объединенные силы половцев и русских князей, устроив после победы пир на телах плененных князей, столь живо изображенный художником Ильей Глазуновым в углу картины «Тысячелетие Руси»³. После этого они двинулись вверх по Днепру, но, не дойдя до города Переяславля, повернули на восток и через степи нынешнего Казахстана вернулись в Монголию, куда уже возвращался и Чингис-хан из западного похода.

Поведение русских князей, по словам акад. Б. А. Рыбакова, отражало типичное «неодиначество», как, впрочем, было везде, где воевали монголы. «Битва на Калке происходила далеко от Руси... победители скоро ушли, а русские князья о них забыли, урок не дал результатов. Грустно листать летописи за годы

³ В походе Субетая и Чжэбе участвовал мусульманин Хэсымайти. В его биографии в «Юань ши» сказано: «...дошли до русских и напали на них. В Железных горах подчинили их. Захватили их государя Метислава (Мичжисыда). Чжэбе приказал Хэсымайти подарить его Чжочю. Казнили его [Метислава]» [Юань ши, изд. 120, с. 96].

В биографии Субетая о битве с русскими при Калке упоминается следующее: «Сразились со старейшиной (дасю) племен русских Метиславом и подчинили его» (там же, изд. 121, с. 16).

1224—1236. Княжеская верхушка, издавна связанная с восточными купцами, как будто ничего не знает о победах над Китаем и о завоевании Чингис-ханом Средней Азии, о кровопролитных сражениях в Закавказье, о том, что грозная и могучая сила уже пододвигается к близким землям. Князья по-прежнему враждуют между собой... Разрабатывать стратегию общерусской обороны некому» [Куликовская битва, с. 8].

На востоке события шли тоже своим чередом. В 1221 г. Мухали обратился к тангутам за разрешением провести свои войска через территорию Си Ся для нападения на чжурчжэней. Тангуты пропустили монголов. Более того, тангутский государь выслал пятидесятитысячный корпус в помощь Мухали, так как тангуты все еще находились в состоянии войны с Цзинь. Овладев рядом чжурчжэньских городов, монголы оставили в главном из них на тангуточжурчжэньской границе свой гарнизон. Это испугало тангутов, как как монгольские войска оказались в их тылу. Тангутский посол Мину прибыл к Мухали и потребовал объяснений. Во время приема встал вопрос о церемониале. Мухали заявил Мину:

Ты смотришь снизу вверх на своего государя, твой государь — на моего государя — вот таков церемониал!

Он потребовал, чтобы Мину встал перед ним на колени. Однако Мину отказался:

— Я не могу совершить коленопреклонение, не получив на то приказа.

Посол уехал, и тангутские войска покинули монгольский лагерь. Мухали начал на соседний с Си Ся город Яньвань. Тангуты смирились, подарили Мухали коня, и их посол встал перед ним на колени [Кычанов, с. 308].

Возможно, эти события или то, что Мухали не добился решительных побед над чжурчжэнями, побудило Чингис-хана тронуться в обратный путь. Во всяком случае, не раскаяние в массовых убийствах и согласие прекратить их после небесного знамения. В жизнеописании киданя Елюй Чуцая, сыгравшего важную роль при монгольском дворе, есть такая версия: «В году цзя-шэнь (22 января 1224 г.— 8 февраля 1225 г.) император, достигнув Восточной Индии, остановился у горного прохода Железные ворота. Какой-то одиозный дикий зверь, по виду похожий на оленя, но с лошадиным хвостом и зеленой масти, произносящий слова, как человек, сказал телохранителю: „Пусть твой правитель побыстрее возвращается обратно!“ Когда император спросил о нем у Елюй Чуцая, он ответил: „Это благовещный зверь. Имя его цзюэдуань. Он умеет говорить на всех языках, любит жизнь и ненавидит убийства. Небо ниспосылает этот знак, чтобы предостеречь Ваше величество. Ваше величество — старший сын Неба, а все люди Поднебесной — сыновья Вашего величества. Внемлите воле Неба и сохраните жизнь народам!“ Император в тот же день повернул войска обратно» [Китайский источник, с. 187]. Даже Небо возопило, увидав те моря крови, которые пролила армия Чингис-хана. И кто знает, может быть

люди Елюй Чуцай и он сам решились разыграть с Чингис-ханом подобную шутку.

Первоначально Чингис-хан думал пройти обратно через Индию, Гималаи и Тибет и выйти к южным границам тангутского государства. Рашид-ад-дин сообщает, что он уже прошел несколько остановок по намеченному пути, когда «пришло известие, что тангуты вновь восстали» [Рашид-ад-дин, г. I, кн. 2, с. 225]. Тогда он принял другое решение — вернуться тем же путем, что и пришел. В начале марта он прибыл из Пешавара в Кабул, прожил лето в горах, переправился через Амударью и провел зиму 1222—1223 гг. в районе Самарканда. Покидая Самарканд, Чингис-хан как раз и устроил нечто вроде парада победы, заставив мать хорезмшаха и его жен оплакивать их погибшее государство. Л. Тамбис полагал, что весну 1223 г. Чингис-хан провел в районе Кулан-Баши к северу от гор Александра, где был курилтай, о котором нам ничего не известно [Тамбис, с. 121]. Летом 1223 г. он находился в степях Таласа и Чу, затем орда Чингис-хана двинулась на северо-восток, и все лето 1224 г. он провел в долине Иртыша. Зимовал Чингис-хан зиму 1224—1225 гг. в долине Эмиля и наконец оттуда прибыл в Монголию. Чингис-хан оставил Среднюю Азию и Иран опустошенными. Шестьсот лет, по подсчетам ученых, потребовалось восстанавливать то, что было разрушено за три-четыре года. «Можно лишь сказать с уверенностью, что экономика обеих этих стран, — писал И. П. Петрушевский, — и позднее, до начала XIX в., никогда не достигала того уровня, на каком она находилась в начале XIII в.» [Петрушевский, с. 125].

А приближенные Чингис-хана заявляли: «Мы... радуемся и ликуем, ибо небеса и земля умножили силы наши, и вот мы сокрушили сартаульский народ» [Сокровенное сказание, с. 188]. Возможно, курилтай 1223 г. подвел итоги войны на западе. Западный поход Чингис-хана, так же как и восточный поход на Цзинь, закончился победоносно, разгромом главных сил врага, но далеко не полным завоеванием побежденных стран. Война продолжалась в Китае, в Иране и Ираке Монголы уже мыслили масштабно. Стрелки Хонхай, Хонтохор и Чормахан, обращаясь к Чингис-хану и проявляя заботу о том, чтобы сыновья его не проявляли нерадения, заявляли:

— А ведь у нас всюду враг — от заката солнца и до восхода его! [Сокровенное сказание, с. 188]. И очевидно, так мыслил сам Чингис, так думали его приближенные, стремившиеся к сокрушению этого «врага», ограблению и подчинению всего доступного мира, «от заката солнца и до восхода его»⁴.

⁴ Чингис-хан писал онгутскому государю: «Слышал я, на востоке есть некто, кто называет себя императором. На Небе нет двух солнц. Разве у людей может быть два государя?»

Как сообщается в биографии Боту, человека из племени икирес, мужа младшей сестры Чингис-хана Темулунь, перед тем как они вступили в брак, Чингис-хан сказал: «Я намерен овладеть Поднебесной. И вы, люди икирес, сопровождая Боту, станете верой и правдой служить мне!» [Юань ши, изд. 108, с. 4а].

С возвращением Чингис-хана в Монголию «Тайная история» связывает назначение наместников в основных городах и областях завоеванных земель. Эти наместники, даругачи, вели учет населения, собирали с него подати и набирали войска из местных жителей, следили за работой почтовой ямской службы и ведали доставкой в ханскую орду дани. Масхут Хурумши был назначен даругачи Средней Азии, а Яловач — даругачи Пекина. Правителем Хорезма был оставлен Чжочи. Остальные сыновья Чингиса возвратились вместе с ним в Монголию (по «Сокровенному сказанию», с. 188—189); см. также [Юань ши, цз. 1, с. 12а].

Чингис-хан вернулся на родину, туда, где текли родные ему реки — «голубой Керулен, золотой Онон», не для покоя, а для исполнения своего замысла, ставшего последним, — низвержения непокорного тангутского государства. «Мятеж» тангутов подтверждает и «Юань ши»: «Тай-цзу находился в Западном крае. Государь государства Ся Ли ван гайно заключил союз о помощи извне, вынашивая планы отложиться» [Юань ши, цз. 119, с. 5а]. Вопрос был в том, кто мог оказать помощь извне? Были ли это чжурчжэни, с которыми наконец в 1224 г. замирились тангуты. Или, что хуже, кто-то из Монголии? И чтобы думать так, у Чингис-хана имелись некоторые основания.

Смерть Чингис-хана

Есть средства хранить свою жизнь,
но нет лекарства бессмертия

Чан Чунь. Си юй цзи

Чингис-хан был уже немолод, когда он в 1219 г. выступил в поход на запад. Прошагав к своей славе по горам трупов в Монголии, тангутском государстве, Северном Китае, он не мог не думать о жизни и смерти. Он видел, как легко обрывается человеческая жизнь, и хотел найти способ продлить собственную, а то и познать тайну бессмертия. Еще в Северном Китае он слышал, что этой тайной владеют, возможно, даосы. Даосизм, одна из религий в Китае, соединял в себе элементы философского даосизма древнего Китая, истолкованные мистически, с элементами самых различных народных верований, культом магии и шаманства, столь характерными для Восточной Азии. Даосы проповедовали достижение бессмертия различными способами с использованием магии, алхимии и в какой-то мере средств китайской медицины.

Большой известностью во времена Чингис-хана пользовался даосский монах Чан Чунь (Цю Чуцзи). Чингис слышал о Чан Чуне и, находясь в западном походе, с берегов Иртыша вызвал его к себе, чтобы познать секреты даосов и узнать тайну достижения бессмертия. Чан Чунь согласился прибыть в ставку Чингис-хана¹, безусловно подчинившись силе, но в то же время он, возможно, надеялся повлиять на грозного хана и уменьшить кровопролитие. Чан Чунь был поэтом, и в одном из стихотворений, сочиненных им в пути, он сам так писал о целях своего путешествия:

Я иду к местопребыванию государя, что на вершинах реки,
Для того чтобы прекратить войны и возвратить мир!

[Си юй цзи, с. 329].

Оба они ошибались — и кровавый завоеватель, и мудрец-поэт, постигший тайны магии и достигший величия духа. Каждый ждал от другого невозможного.

16 мая 1222 г. Чан Чунь прибыл к Чингис-хану, преодолев громадный путь через Северный Китай, Монголию, Восточный

¹ Чан Чуня привез к Чингис-хану Джабар-ходжа, мусульманин, который попал к Чингис-хану еще во время войн последнего с Ван-ханом. Судя по его биографии в «Юань ши», Джабар-ходжа прожил 118 лет [Юань ши, изд. 120, с. 36 — 4а].

Туркестан и Семиречье к берегам Амударьи. После обычного обмена приветствиями Чан Чуню было позволено сесть, ему подали еду, и Чингис-хан задал ему тот вопрос, на который страстно желал получить ответ:

— Святий муж! Ты пришел издалека, какое у тебя есть лекарство для вечной жизни, чтобы снабдить им?

Монах ответил:

— Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия [там же, с. 320].

Ответ его был правдив и прост. Он не требовал особых истолкований, и Чингис понял, что и ему, грозному владыке Востока и Запада, уготована всеобщая участь.

Мы не знаем, обратился ли Чан Чунь к Чингису со своей просьбой, но и он ясно понял, что ему надеяться не на что. Покинув ставку Чингиса, он писал:

По сторонам дороги разбросаны трупы,
Прохожие зажимают носы...
Десять лет на десять тысяч ли движутся военные орудия,
Но рано или поздно войска возвратятся и водворится мир!

[там же, с. 322].

Этому монаху оставалась лишь надежда на то, что «рано или поздно» мир все-таки водворится на земле. Он понял свое бессилие. Чингис-хан охотно беседовал с ним о тайнах духа и учении даосов, но не хотел слушать, когда речь шла о милосердии. Когда Чан Чуня просили заступиться перед Чингис-ханом за жителей Шаньдуна, тот ответил: «Хотя и заступлюсь, ничего не сделаю» [там же, с. 344]. На всем своем громадном пути Чан Чунь видел страшные раны войны и с грустью писал:

Некогда здесь роши доходили до небес.
А теперь селения виднеются кое-где.
Без числа погибло живых тварей от острия меча,
Сколько прекрасных жидиц обратилось в серый пепел!

[там же, с. 347]

Чингис-хан повелел Чан Чуню поселиться вместе с учениками в любом понравившемся ему месте его владений и молиться о его долголетьи [там же, с. 347, 349].

В 1222 г. Чингис-хана навестил в Средней Азии также посол Южной Сун, посланный к нему в 1221 г. с целью обсудить возможности союза и ведения совместных военных действий против Цзинь. В одном из китайских источников есть краткие сведения об этом визите: «Когда в старину наш император Тай-цзу выступил с войском, чтобы покарать Западный край и в год синь-сы остановился у заставы Темэньгуань, сунский владетель Нин-цзун прислал государственного гонца Гоу Мэ-ньюя, чтобы наладить дружбу и просить мира. Император Тай-цзу согласился с этим, было приказано государственному курьеру Гэха проводить его обратно в его страну» [Полное описание, с. 84].

В «Юань ши» сообщается, что в Среднюю Азию к Чингис-хану приезжал еще посол императора Цзинь: «Государь Цзинь послал Угусунь Чжундуаня представить государственную грамоту с просьбой о мире. Называл императора старшим братом. Не согласились на это» [Юань ши, цз. 1, с. 11а]. Император чжурчженей просил заключить мир при условии признания своего независимого положения от Чингис-хана, считая себя «младшим братом», а Чингис-хана «старшим братом», но Чингис-хан не пошел на это, преследуя одну цель — добить Цзинь.

В отсутствие Чингис-хана в 1220 г. в долине Орхона, там, где позже разместился знаменитый буддийский монастырь Эрдэни-цзу, была основана новая ставка Чингис-хана — Каракорум. Превышавшая, как говорилось, была в излучине среднего течения Керулена, в местности Кодэ-Арал. Возможно, здесь был первый оседлый дворец Чингис-хана, здесь были могилы предков, капище для поклонения им, и рядом кочевали четыре ставки хана, управляемые его женами.

Новая ставка Каракорум была продолжением уйгурской традиции. Уйгурское Каракорум означало «черные обломки». По преданию, в районе Каракорума монголы вначале поставили двадцать юрт и учредили здесь свою столицу. Поэтому есть толкование названия Каракорум как «хорин гэр» — «двадцать юрт». Есть и иное толкование: «хара курэм» — «черные камни». Древнее городище у горы Малахитэ и ранее привлекало внимание. В XII в. здесь была ставка керейтского хана, называвшаяся Тахай-балгас. Первоначально при Чингис-хане здесь выстроили городище, в центре которого был поставлен желтый походный шатер Чингис-хана. Полагают, что первоначальная столица Чингис-хана, позднее разросшаяся до крупного города, была размером 400 × 400 м.

Куда прибыл Чингис-хан, вернувшись в Монголию, в Каракорум или иное место, сказать трудно. В «Юань ши» просто сказано: «Весной, в первом месяце возвратился в походную ставку» [Юань ши, цз. 1, с. 12а]. По сведениям Рашид-ад-дина, по возвращении Чингис-хан «повелел разбить большую золотую орду... устроить многочисленное собрание и сделать великое пиршество» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 130]. Лето 1225 г. «он прибыл дома и соизволил издать мудрые повеления».

Как писал позже монгольский поэт:

Земля и Небо — пара.
Луна и Солнце — пара,
Зима и Лето — пара,
Рождение со Смертью — пара.

Мы знаем, что Чингис-хан думал об этом, и знаем, что оставшиеся ему лета он решил посвятить низвержению государства тангутов. Перед возвращением Чингис-хана в Монголию в тангутском государстве произошли нежелательные для него перемены. Под давлением сторонников активной борьбы с монголами тангутский государь Цзунь-сян отрекся от престола

в пользу своего сына Дэ-вана. Дэ-ван, зная о возвращении Чингис-хана из западного похода и о его намерении уничтожить государство Си Ся, пытался принять решительные меры для укрепления обороны страны. В конце 1224 г. он добился заключения мира между тангутами и чжурчжэнями.

Мухали понял опасность такого поворота событий и выслал войска для опустошения центральных районов Си Ся. Тангуты наголову разбили их. Дэ-ван понимал, что чжурчжэни ныне — плохие помощники. Более половины Цзинь находилось в руках монголов. Даже заключив мир с Си Ся, чжурчжэни были вынуждены сражаться на два фронта — на севере с монголами, набеги которых не прекращались, и на юге с китайцами — Южная Сун недальновидно помогала монголам добывать своих недавних врагов и северных соседей. Когда-то китайцы помогли чжурчжэням добить киданей и потеряли половину Китая. Поддерживая монголов, они еще не знали, что вскоре потеряют весь Китай. Таким образом, Дэ-ван не мог рассчитывать и на помощь китайцев. И он предпринял смелый шаг — стал искать союзников во владениях Чингис-хана, среди племен, живущих «к северу от песков», т. е. пустынь Гоби и Такла-Макан, и лишь недавно подчиненных Чингис-ханом.

Это была попытка организовать военный союз в тылу армий Чингис-хана. Интересно то, что она в какой-то мере увенчалась успехом. Не случайно, видимо, Чингис больше всего опасался своих соплеменников. Армии, способной совершить большой поход в Си Ся, в Монголии не было. Узнав о действиях Дэ-вана, монголы осадили западный центр тангутского государства город Шачжоу. Месячная осада не принесла им победы; подкопы монголов под городскую стену тангуты «забросали огнем», тем самым вынудив монголов снять осаду.

Вернувшись домой, Чингис-хан потребовал от Дэ-вана выслать к нему в качестве заложника собственного сына. Государственный совет Си Ся обсуждал ответ монголам. Многие предлагали смириться, идти на любые уступки, чтобы не давать монголам повода для войны. Один из сановников говорил:

— Ване величество! Монголы — это хищные звери. Даже если они смиренные и не беспокоят, все равно следует опасаться их рева. И характер их не постояен. Своим отказом мы дадим им повод для войны. Государство Цзинь на краю гибели. Оно само не в состоянии обороняться. Разве оно сможет помочь нам? Надо опровергнуть наследника в орду [Кычанов, с. 309].

Он был прав. Но прав был и Дэ-ван, когда думал, что это не спасение. Спасение в решительных действиях и не только тангутов, но и их возможных союзников, всех, пострадавших от меча Чингис-хана:

— Я только что восстановил мир с Цзинь и надеюсь совместными усилиями устоять против общего врага. Послать сейчас к ним в кабалу моего единственного сына, а потом раскаиваться? Зачем спешить! [там же, с. 309].

Посол Чингис-хана уехал ни с чем. Возможно, переговоры на этом не закончились. Из одного тангутского документа мы узнаем, что в марте 1225 г. сучжоуский управляющий пограничными делами, держатель золотой пайцзы, был назначен послом и должен был проехать через город Хара-Хото, где и был найден этот подлинный документ той эпохи в 1909 г. П. К. Козловым (см. [Докладная записка]). Мимо этого района, устья реки Эдзин-Гол, посольство могло ехать только в монгольские степи. Переговоры, видимо, не были обнадеживающими. Через некоторое время Дэ-ван принял Шилгаксан-хону, одного из сыновей найманского хана [Юань ши, цз. 1, с. 12], возможно, представителя тех племен «к северу от песков», которые ненавидели Чингис-хана и только еще в тангутах видели силу, способную противостоять ему. Это был уже открытый вызов, а значит, и война.

Осенью 1225 г. Чингис-хан, видимо, отключивал в сторону границ Си Ся. В дороге он охотился на диких лошадей и второй раз упал с коня и сильно расшибся. Второй, потому что весной 1223 г. он также во время охоты упал с коня и чуть не был убит вепрем. Наутро ханша Есуй сказала царевичам и нойонам:

— У государя ночью был сильный жар. Надо обсудить положение.

Совет решил, что «тангуты — люди оседлые, живут в глинобитных городищах. Ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои городища». Поход можно временно отложить и возобновить его снова, когда Чингис-хан поправится. Однако сам Чингис отверг этот план. Он согласился обождать какое-то время, а чтобы тангуты не подумали, что он трусил, направить к ним посла с объявлением войны, которому он и продиктовал следующее: «Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими тангутами моею правой рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на сартаулов, которые нарушили условия мирного договора. Но ты, Бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал войска, но еще и ответил дерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобой потом. Ныне, свершив сартаульский поход и с помощью Вечного Неба обратив сартаульский народ на путь правый, я возвратился и иду к тебе, Бурхан, потребовать отчета».

По преданию, когда посол в столице Си Ся произнес эти слова, один из тангутских военачальников, Аша-Гамбу, дал послу такой ответ:

— Если вы, монголы, любители войны, хотите сражаться, то есть у меня для этого Алашайское кочевье, есть и решетчатые юрты, есть и вьючные верблюды. Ступайте в Алашай и жалуйте ко мне. Там и сразимся! [Сокровенное сказание, с. 189—190].

Посол уехал с вестью о том, что тангуты полны решимости драться до последнего.

На совете, обсуждавшем вопрос о том, воевать или нет с тангутами, не было Чжочи. По сведениям Рашид-ад-дина, Чингис-хан поручил Чжочи покорить весь Дешт-и-Кипчак, башкиров, русских и черкесов. Но Чжочи «уклонился от участия в этом деле

и отправился к своим жилищам», за что Чингис-хан даже пообещал казнить его, заявив: «Я его казню, не видать ему милости». Чжочи заболел, и его не было среди возвратившихся в Монголию царевичей. Чингис-хан несколько раз вызывал его к себе, но Чжочи не являлся, ссылаясь на болезнь. Кто-то оговорил Чжочи, сообщив, что на деле он не болеет, а развлекается охотой. Чингис-хан воспринял такое известие как бунт со стороны сына: «Чжочи сошел с ума, что совершает такие поступки». И приказал, чтобы войско выступило в поход к его стороне [Рашид-ад-дин, т. II, с. 79].

Но поход не состоялся, так как Чжочи скончался в возрасте сорока лет. Есть сведения о том, что Чжочи не одобрял методов массового террора отца, по словам Джужджани, он заявил: «Чингис-хан потерял рассудок, так как губит столько земель и народу». Есть глухие сведения о том, что Чжочи не только враждовал с братьями, особенно с Чагатаем, но даже якобы имел намерения убить отца во время охоты. Его замысел стал известен Чингис-хану, и тот приказал отравить Чжочи [Раверти, с. 1001]. Мы знаем, что Чингис-хан вообще недолго любил Чжочи, родившегося после того, как Борге побывала в меркитском плену. Побудительным мотивом в действиях Чингис-хана могло быть и стремление избежать очень вероятного конфликта между Чжочи и Чагатаем после его смерти. П. Рачневский полагает, что если даже Чингис-хан и был причастен к смерти Чжочи, то это было вызвано не столько проявлением личного чувства, «а скорее политическими соображениями: беспокойством о единстве империи» [Рачневский, с. 123].

В 1226 г. «весной в первом месяце, принимая во внимание, что Си Ся приняло его врага Илэгэсьянькуня (Шилгаксан-хону), а также не прислало в заложники сына [государя], [Чингис-хан] сам лично возглавил войска и выступил в карательный поход против него. Во втором месяце взял город Хэйшуй и другие города» [Юань ши, изд. I, с. 12а]. Чингис, по-видимому, проболел всю зиму 1225/26 г. Только весной 1226 г. монголы перешли границу Си Ся в низовьях реки Эдзин-Гол. Здесь после упорных боев пал город Хэйшуй. Тангуты и некоторые союзные им племена были разгромлены и потеряли несколько десятков тысяч убитыми. Мирное население, «всех прочих тангутов», Чингис, по обыкновению, отдал «на поток и разграбление войску». Так началась последняя война в жизни Чингиса, почти двухлетняя война, направленная на полное истребление тангутского народа².

От Хара-Хото, двигаясь вверх по течению реки Эдзин-Гол, монголы надвое рассклели территорию Си Ся и вышли в предгорья

² Велика была ненависть Чингис-хана к тангутам. Она пережила века. В горах Синьцзяна под Ланьчжоу до сих пор растет тысячелетний дуб. По местному преданию, Чингис-хан ударил по этому дубу мечом и в гневе объявил: «Я все равно уничтожу Си Ся». Автор этих строк лично видел посеченный мечом Чингис-хана дуб в августе 1989 г.

Наньшаня. «Летом [Чингис-хан] спасался от жары в горах Хуньчюшань, захватил Ганьчжоу и Сучжоу. Осенью захватил Силянфу, уезды Шоло и Лохэ, затем перешел Шато и дошел до Хуанхэ у Девяти переправ [Цзю ду]. Захватил Инли и другие уезды» [Юань ши, цз. 1, с. 12а]. Сам Чингис-хан провел лето в горах Наньшань, в то время как его войска совершали походы на соседние области Си Ся. В пятом месяце (28 мая — 25 июня) 1226 г. монголы при захвате города Сучжоу понесли большие потери. Разгневанный упорством осажденных, Чингис-хан приказал вырезать всех жителей Сучжоу, а город разрушить. Такая же судьба ожидала и город Ганьчжоу. Лишь слезные мольбы Чагана, тангута-тысячника в войске Чингис-хана, сына правителя Ганьчжоу, в детские годы попавшего к монголам и служившего Чингис-хану, спасли население Ганьчжоу от поголовного истребления, а город — от разрушения. По «Юань ши», Чаган (Чахань) был сыном сановника Си Ся от наложницы. Жена сановника невзлюбила его мать, и, видимо, ей с сыном пришлось бежать. Чингис встретил Чагана на охоте, ему понравился разговор с ним, мальчик заявил, что высшими чиновниками стали те, кто «изучили церемониал». Мальчик стал жить при ставке Чингис-хана, а когда подрос, то получил в жены девушку из хунгираток. В войнах с Цзинь дослужился до тысячника. Он был в числе тех, кто брал Бухару и Самарканд, участвовал в преследовании Джелал-ад-дина, и потому знал, что ждет город, взятый монголами после упорного сопротивления.

Осада Ганьчжоу в жизнеописании Чахана обрисована следующим образом: «Отец Чахана, Цзюйе Целюй, жил в обороняющемся городе. Чахань прикрепил к стреле письмо и вызвал его. Просил показать ему его младшего брата. Брату было 13 лет. Он поднялся на городскую стену на возвышенном месте и [Чахань] увидел его. Затем послали посла в город с приказом загодя сдаться. Помощник отца [Чахана], Ачжо, и другие тридцать человек объединились и решили убить Цзюйе Целюя. При этом убили посла. Объединили все силы для обороны города и отпора врагу. Когда город был взят, император высказал пожелание полностью срыть его и на его месте оставить яму. Чахань сказал, что народ не виноват. Наказали только 36 человек» [Юань ши, цз. 120, с. 16].

В декабре монголы форсировали Хуанхэ и вышли в восточные районы Си Ся. Как раз в это время скончался Дэ-ван, который пытался наладить борьбу с монголами. Новому тангутскому государю, князю Сянь, досталось грудное наследство. Стотысячная тангутская армия под Линчжоу пыталась остановить продвижение монголов к столице. Подробности этого грандиозного сражения, в котором принимал участие и лично Чингис-хан, остаются неизвестными. Тангутская армия была полностью разгромлена. Линчжоу пал. Перед монгольской армией был открыт путь на столицу Си Ся.

Зимой 1226/27 г. началась последняя осада Чжунзина. В то время как основные силы монгольской армии осаждали город,

отдельные ее отряды захватывали еще не занятые и не разрушенные города и селения. В одной из китайских летописей сообщается: «Монголы полностью покорили города и области Ся. Его жители зарывались в землю и камни, чтобы укрыться от мечей и стрел, но спаслись лишь один — два человека из ста. Белые кости покрыли стень» [Кычанов, с. 313]. Весной и летом 1227 г. тангутское государство оказалось практически стертым с лица земли. Столица тангутов была обречена. Лишь летняя жара отсрочила ее падение. Гибель столицы Си Ся непосредственно связана со смертью Чингис-хана, который скончался под ее стенами. По сведениям Рашид-ад-дина, это случилось еще до падения тангутской столицы. Перед смертью Чингис-хан сказал своим приближенным:

— Вы не объявляйте о моей смерти, не рыдайте и не плачьте, чтобы враг не проведал о ней. Когда же государь и жители в назначенное время выйдут из города, вы их всех сразу уничтожьте! [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 233].

«В пятнадцатый день среднего месяца осени года свиньи, соответствующего месяцу рамазану 624 г. х. (15 августа — 14 сентября, т. е. 2 августа 1227 г.), он покинул этот тленный мир, оставил престол, владение и государство своему именитому уругу. Эмиры, согласно его приказу, скрывали его кончину, пока тот народ (т. е. тангуты) не вышли из города. Тогда они перебили всех» [там же]. По данным «Юань ши» (жизнеописание Чахана), Чингис-хан находился в горах Люнань. «Государь Ся прочно оборонял Чжунсин. Император послал Чахана в город с приказом, в котором излагались беды и благополучия. Войско и народ [тангутов] только-только соглашались сдаться, как случилось, что скончался император. Генералы пленили государя Ся и убили его³. Снова обсуждали вопрос, чтобы вырезать все население Чжунсина. Чахань прилагал все силы и убедил не делать этого. Он лично вступил в город, успокоил и собрал оставшихся людей» [Юань ши, цз. 120, с. 16].

По сведениям же «Тайной истории», Чингис-хан лично принял прибывшего с богатыми дарами для переговоров правителя тангутов. Тангутский государь для подношения Чингис-хану «подобрал по мере, цветам и мастям всяких предметов и вещей в десятикратном числе, как-то: золота с серебром, посуду с утварью, юношей и девушек, мерингов с верблюдами и во главе всего этого золотые кумирни». Во время аудиенции Чингис-хан почувствовал себя плохо. Он распорядился убить государя тангутов. Нарушив перемирие, монголы ворвались в столицу Си Ся. Почти все

³ По данным жизнеописания Ачжулу в «Юань ши», именно Ачжулу пленил последнего государя тангутского государства Си Ся. После этого тот был убит по приказу Огодая. «Произошло большое сражение с врагом в местности Хала-Хачар. Силы Ся были стеснены. Их государь испугался и просил [позволить ему] сдаться. Схватили его и представили его Тай-цзуну. [Тот] убил его» [Юань ши, цз. 123, с. 3а].

население тангутской столицы было уничтожено. Ее храмы, дворцы и библиотеки обращены в развалины. Покончив с тангутским государством, Чингис якобы повелел: «Так как я истребил тангутов до потомков их и даже до последнего раба... то пусть напоминают мне о таком поголовном истреблении за каждым обедом... Дважды ополчась на тангутский народ за нарушение данного слова, Чингис-хан после окончательного разгрома тангутов возвратился и восшел на небеса в год свиньи (1227 г.)» [Сокровенное сказание, с. 190–192].

В первом цзюане «Юань ши», в котором изложена история правления и жизни самого Чингис-хана, о его смерти рассказывается: «Осенью в седьмом месяце скончался в походном лагере Халаоту у реки Саличуань. Перед смертью сказал окружающим его: „Отборные войска Цзинь находятся к югу от заставы Тунгуань и опираются на горы Ляншань. С севера они защищены Великой рекой [Дахэ]. Трудно подойти к ним и разбить их. Може, воспользоваться дорогой через владения Сун? Сун и Цзинь — давние враги, и Сун обязательно разрешит [провести войска, и мы] непременно разгромим их [чжурчжэней]“. Сказал и умер в возрасте 66 лет. Захоронен в ущелье Циняньгу» [Юань ши, тз. I, с. 126].

Таким образом, по своему официальному жизнеописанию, Чингис-хан перед смертью думал не об уничтожении уже поверженных тангутов, а о том, как добить чжурчжэней. Авторы «Юань ши» в конце оставили замечание, которое не лишено смысла и поныне: «Император был глубоких помыслов и имел великие планы. Использовал войска, подобно божеству. Поэтому и смог уничтожить сорок государств, а затем покорил Си Ся. Свидетельства его удивительных геройских деяний многочисленны. К сожалению, в то время [монголы] не готовили чиновников-историографов, и поэтому многое упущено в записях» [там же]. И это верно. Как мы видели, многое и упущено, и противоречиво. Это касается и обстоятельств смерти Чингис-хана.

По данным «Юань ши» и Рашид-ад-дина, Чингис-хан умер от болезни, как писал позже Р. К. Дуглас, «от скоротечной болезни» [Дуглас, с. 23]. Ряд авторов конкретизирует болезнь или причину болезни; Абул Фарадж называет малярию [Рачневский, с. 127]; Джуейни писал о «нездоровом климате» тангутского государства, вызвавшем болезнь [Джуейни, I, с. 180]. По «Тайной истории» получается, что причиной болезни и смерти Чингис-хана могло стать его падение с лошади во время охоты на куланов, когда «его коричнево-серый поднялся на дыбы, причем государь упал и сильно расшибся» [Сокровенное сказание, с. 189]. По «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана, перед смертью «у августейшего владыки случился сильный жар», сказав наставление потомкам, «на шестьдесят шестом году жизни, в двадцать второй год правления, в год красной свиньи в двенадцатый день седьмого месяца он стал тэнгри» [Алтан Тобчи, с. 240]. По сведениям «Алтан Тобчи» XVIII в., «в последнюю луну года красноватой

свиньи был захвачен Чингис-ханом Шийан-а, владелец родов си ся. Чингис, овладев родом си ся, вернулся осенью. В пути он сделал остановку у реки Доораду-Мурэна (Нижняя река), принадлежащей коко-усунским си ся. Хаган обессилел. Прожив семь дней, на восьмой он скончался, сделав свое последнее духовное завещание. Тело его было привезено с почестями и превращено в онгон (т. е. похоронено) в районе реки Чивмэ. Говорят так, но также неизвестно, где находится эта местность» [Монгольская летопись XVIII в., с. 153—154].

Джужджани рассказывает, что плененный император тангутов предсказал Чингис-хану смерть на третий день после своей собственной смерти. У Чингис-хана действительно из раны потекла кровь, как белое молоко, и он «отправился в ад» [Раверти, II, с. 1096].

О том, что Чингис-хан умер от раны, старой раны, полученной еще в войне с Цзинь, писал Марко Поло [Марко Поло, с. 87]. Плано Карпини сообщает, что Чингис-хан был убит ударом молнии [Путешествия, с. 44].

Некоторые поздние монгольские летописи, например «Шара Туджи», рассказывают о фантастическом единоборстве Чингис-хана с правителем тангутов: правитель тангутов обратился в змея, Чингис-хан — в мифическую птицу Гаруду, правитель тангутов обратился в тигра, Чингис-хан — в арслана, мифического льва, правитель тангутов — в юношу, Чингис-хан — в божество Хармусту. Когда Чингис-хан пленил наконец правителя тангутов, тот сказал: «Если убьешь, самому телу будет плохо. Если не убьешь, то потомству моему потом будет плохо». То есть правитель тангутов сказал, что если Чингис убьет его, то погибнет сам, а если не убьет, то плохо станет чингисову потомству. Чингис-хан правителя тангутов убил и пленил его жену Гурбэлджин Гоа-хатун. Она-то и убила Чингис-хана: «Гурбэлджин Гоа-хатун к погасшему месту своему прижав шипцы, тайному месту Эдзэна (Чингис-хана. — Е. К.) вред причинила. Убежав в Хара-Мурэн, прыгнув, утопилась». Получив столь необычную и жестокую травму, Чингис-хан тяжело заболел и «на шестьдесят шестом году жизни в год огня-свиньи в двенадцатый день седьмого месяца в тангутском городе Гурмэгэй Балгасун скончался» [Шара Туджи, с. 133—135]. Р. Груссе высчитал, что Чингис-хан умер 18 августа 1227 г. [Груссе, с. 309].

Таким образом, обстоятельства смерти Чингис-хана остаются неясными. Можно с уверенностью сказать только одно — умер он в начале осени (или в конце лета) 1227 г. на территории тангутского государства Си Ся, сразу после (или незадолго до) падения столицы Си Ся города Чжунсина, пленения последнего тангутского государя и уничтожения тангутского государства. Возможно, что смерть настигла Чингис-хана в Ордосе у речки Чжамхак, ныне на территории Автономного района Внутренняя Монголия, где и теперь возвышается величественный мавзолей великого хана и установлена огромная белокаменная статуя его.

По сведениям Рашид-ад-дина, монголы после смерти хана, «забрав его гроб, пустились в обратный путь. По дороге они убивали все живое, что им попадалось, пока не доставили гроб в орды Чингиз-хана и его детей. Все царевичи, жены и эмиры, бывшие поблизости, собрались и оплакивали покойного» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 233].

Обернувшись крылом парящего ястреба,
ты отлетел, государь мой!
Неужели ты грузом стал повозки грохочущей,
государь мой?
Обернувшись крылом добычу хватающего ястреба,
ты отлетел, государь мой!
Неужели ты грузом стал повозки с вертящейся осью,
государь мой?
Обернувшись крылом шибечущей птички,
ты отлетел, государь мой!
Неужели ты грузом стал повозки скрипящей,
государь мой?

[Алтан Тобчи, с. 240 – 241]

Так или примерно так оплакивали монголы своего повелителя Чингис-хана.

По данным Рашид-ад-дина, Чингис-хан был похоронен в Монголии, в месте, ранее указанном им самим. В Монголии, сообщает Рашид-ад-дин, есть большая гора, которую называют Бурхан-Халдун. С одного склона этой горы стекает множество рек, по берегам их растут густые леса. «В тех местах живут племена тайджиутов. Чингиз-хан сам выбрал это место для своего погребения и повелел: „Наше место погребения и нашего уруга будет здесь“. Летние и зимние кочевья Чингиз-хана находились в тех же пределах, родился он... в низовьях реки Онона, откуда до горы Бурхан-Халдун будет шесть дней пути... Дело обстояло так: однажды Чингиз-хан был на охоте, в одном из этих мест росло одинокое дерево. Он спешил под ним и там обрел некую отраду. Он сказал: „Эта местность, подходящая для моего погребения! Пусть ее отметят!“ Во время оплакивания люди, которые тогда от него слышали эти слова, повторили их. Царевичи и эмиры согласно его повелению избрали ту местность для его могилы. Говорят, что в том же самом году, в котором его там похоронили, в той степи выросло бесчисленное количество деревьев и травы. Ныне же лес так густ, что невозможно пробраться через него, а этого первого дерева и места его, Чингиз-хана, погребения совершенно не опознают» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 233—234].

Если верить этой версии, то Чингис-хан был похоронен у себя на родине, в горах Хэнтэй, в тех горах, где он с детства охотился и где не раз искал спасения от тайчиутов и от меркитов. Л. Гамбис считал, что, возможно, Чингис-хан был «похоронен с частью своих потомков в районе, близком к истокам трех рек в Южной Монголии» [Гамбис, с. 126].

Современные памятные сооружения
на месте предполагаемой смерти Чингис-хана
(Внутренняя Монголия, КНР)

П. Рачневский принимает версию Рашид-ад-дина, место погребения Чингис-хана, по его заключению, было объявлено запретным, «хориг».

В «Алтан Тобчи» мы читаем:

«Хотя и покинула тебя милостивая душа,
Все же мы вернем твой прах, подобный драгоценной яшме.
Доставим его всему твоему народу...
И шевельнулась, скрипя, большая повозка,
И возрадовался весь народ!
До великой ханской земли тогда его провожали...

Подлинный труп его, как говорят некоторые, был похоронен на Бурхан-Халдуне. Другие говорят, что похоронили его на северном склоне Алтай-хана, или на южном склоне Кэптай-хана, или в местности, называемой Йэхэ-Утэк» [Алтан Тобчи, с. 242].

Марко Поло утверждал, что местом погребения Чингис-хана и прочих монгольских государей был Алтай. «Всех великих государей, потомков Чингис-хана, знаете, хоронят в большой горе Алтай, и где бы ни помер великий государь татар, хотя бы за сто дней пути до той горы, его привозят туда хоронить. И вот еще какая диковина: когда тела великих ханов несут к той горе, всякого дней за сорок, побольше или поменьше, убивают мечом провожатые при теле да приговаривают: „Иди на тот свет служить нашему государю!“ Они воистину верят, что убитый пойдет на тот свет служить их государю. С конями они делают то же самое. Когда государь умирает, всех его лучших лошадей они убивают на тот конец, чтобы они были у него на том свете» [Марко Поло, с. 88].

Монголовед и тибетолог прошлого столетия Я. Шмидт, основываясь на том, что монголы не умели бальзамировать трупы,

полагал, что тело Чингис-хана до Монголии не донесли, в Монголии были захоронены только какие-то вещи, реликвии [Шмидт, с. 107, 390]⁴.

Когда на престол взошел Огодой, то духу Чингис-хана были принесены в жертву сорок красивых девушек, одновременно были принесены в жертву и породистые лошади [Рашид-ад-дин, т. II, с. 19].

В XVII в. местом погребения Чингис-хана ламаисты Тибета и Монголии признали Ихти Эджен-Хоро в Ордосе, где якобы стояли юрты с останками Чингис-хана. Их посетил Г. Н. Потанин.

В нарядном китайском платье, сопровождаемый двумя монголами, Григорий Николаевич пешком отправился к Ихти Эджен-Хоро. Вот и сама святыня. На невысокой четырехугольной насыпи, облицованной кирпичами, за проломленной деревянной оградой впритык стояли две юрты, и там, где они соприкасались, был устроен тайный проход. На юртах — золотые маковки; верхние войлоки, покрывающие своды юрт, вырезаны по нижней кромке фестонами в виде языков, свисающих вниз. Вместе с монголами Григорий Николаевич трижды поклонился, встав перед растворенными дверями юрты. Входить в юрту не разрешалось. Только из темных дверей неожиданно высунулась рука с красным деревянным блюдом, на котором стояла медная вазочка с горевшим маслом. Монголы-дархаты, хранители юрты, сопровождавшие Потанина, предложили ему взять блюдо и поддержать его. Затем они снова троекратно поклонились юрте и удалились.

Из расспросов Г. Н. Потанину удалось выяснить, что в юрте якобы находится серебряная рака с костями Чингис-хана. Каждый год в двадцать первый день третьего месяца по лунному календарю ордосские монголы устраивают большой праздник — тайлга — в честь Чингис-хана. К его юрте подвозят Донду Эджен-Хоро, Среднюю ставку Владыки (Ихти Эджен-Хоро — Большая ставка Владыки), ставку первой жены хана Борге, и Бага

⁴ Можно составить следующую сводку возможных мест захоронения Чингис-хана:

Алтай	[Марко Поло, с. 88]
Алтай-хан	[Алтан Тобчи, с. 242]
Бурхан-Халдун	[Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 238—239]
Йэхэ-Утэк	[Алтан Тобчи, с. 242]
Кэнтэй-хан	[Алтан Тобчи, с. 242]
Циняньгу, ущелье	[Юань ши, цз. I, с. 126]
Чивмэ, река	[Монгольская летопись XVIII в., с. 154]

В пяти случаях местом захоронения указана гора (горы). Это наиболее вероятно, в этом представлена давняя дальневосточная традиция. Среди гор первое место отводится горам Хэнтэй, Бурхан-халдуну, столь близким сердцу Чингис-хана. Уже не первый год в МНР работает совместная монгольско-японская экспедиция, которая ищет могилу завоевателя с применением всех средств современной техники. Будем надеяться, что ее поиски увенчаются успехом.

Эджен-Хоро (Младшую ставку Владыки), с платьем ханши Гурбелджин, которая столь коварно и неожиданно погубила властелина мира. В этот день в жертву Чингис-хану приносят лошадь.

Один монгол рассказал Г. Н. Потанину, что в древности Чингис-хану приносились и человеческие жертвы. Кровавого Чингиса смирил тибетский панчен-лама. Оставшись в юрте один на один с прахом великого хана, этот живой бог перепоясал высохшее тело хана красным кушаком и сказал: «Отныне ты должен быть милосердным и не убивать живых людей! В жертву тебе должны приносить лошадей, а не людей!» Затем он запер раку гремя замками, а ключи увез с собой. С тех пор дархаты-хранители сами не знали, что лежит в усыпальнице хана [Звучат лишь письма, с. 10].

В годы войны с Японией Ихи-Эджен-Хоро была вывезена в монастырь Гумбум в Северо-восточном Тибете (1938 г.), в 1954 г. она была перевезена обратно в Ордос. К 800-летию со дня рождения Чингис-хана (отмечалось в КНР в 1962 г.) в 1956 г. в том месте, где находился комплекс Ихи-Эджен-Хоро, был построен роскошный храм высотой 25 м и площадью 2400 кв. м. Ныне это доходный туристский комплекс и место поклонения.

Официально, по «Юань ши», у Чингис-хана было 23 жены-императрицы и 16 наложниц [Юань ши, изд. 106, с. 1а—2а], в другом месте сказано, что жен и наложниц у Чингис-хана было более сорока [там же, изд. 114, с. 16]. Жены и наложницы размещались по четырем ордам. По Рашид-ад-дину, у Чингис-хана жен и наложниц было около пятисот. Он «по старому монгольскому обычаю... брал себе и раздавал приближенным, в частности сыновьям, женам и дочерям побежденных предводителей племен или правителей стран» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 68]. Только пять жен Чингис-хана имели статус императриц — Борте, Хулуь (меркитка), татарки Есуй и Есуган и дочь чжурчжэньского Вэй-шао вана, известная как гунчжу-хатун. По «Юань ши», у Чингис-хана было шесть сыновей: Чжочи, Чаадай, Огодай, Тулуй, Улучи и Колецзинь [Юань ши, изд. 107, с. 46].

Таков, в самых общих чертах, был жизненный путь великого хана монголов, основоположника монгольского государства, одного из крупнейших завоевателей в истории человечества, чье имя и поныне известно миллионам людей и давно стало нарицательным. Известно, что Н. И. Бухарин называл И. В. Сталина Чингис-ханом.

Личность Чингис-хана

Поводырь убийц,
Кормивший смертью с
острия меча
Растерзанный и падший мир.
Работник,
Оравший твердь копьем.
Дикарь,
С петель сорвавший
Дверь Европы,
был уроден.

Дмитрий Кедрин

«Поводырь убийц ... оравший твердь копьем, дикарь, с петель сорвавший дверь Европы, был уроден». В этих строках, адресованных предводителю гуннов Аттиле, поэт как бы создает собирательный образ завоевателя, прославившегося массовыми убийствами и бессмысленной жестокостью. По контрасту со своим предшественником Чингис-хан не был низкорослым, кривоногим кочевником, наоборот, его отличала привлекательная внешность, он был рослым и сильным. Джузджани, который видел Чингис-хана в Хорасане уже немолодым, написал о нем: «Чингиз-хан отличался высоким ростом и крепким телосложением. Имел колючий глаза».

Чжао Хун, возможно, лично не видел Чингис-хана, но оставил его описание с чужих слов, его свидетельство столь же важно, как и свидетельство Джузджани. Оба они были современниками Чингис-хана. Чжао Хун записал: «Что касается татарского владетеля Тэмучжина, то он высокого и величественного роста, с обширным лбом и длинной бородой. Личность воинственная и сильная» [Полное описание, с. 48]. Наконец, как свидетельствует Рашид-ад-дин, отец Чингис-хана и все потомки Есугай-баатура и Чингис-хана были рыжими и голубоглазыми. «Третий сын (Бартанбахадура. — Е. К.) был Есугай-бахадур, который является отцом Чингиз-хана. Племя кият-бурджигин происходит из его потомства. Значение бурджигин — синеокий, и, как это ни странно, те потомки, которые до настоящего времени произошли от Есугай-бахадура, его детей и уруга его, по большей части синеоки и рыжи» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, с. 48]. Племянник Чингис-хана, сын его брата Хасара, Есунгу «был высокого роста, румян и имел продолговатое лицо и длинную бороду» [там же, с. 52].

На этих данных реконструировали свой образ Чингис-хана писатели, например, популярный у нас и за рубежом В. Г. Ян. «Махмуд Ялвач поднял голову. Он увидел строгое темное лицо

с жесткой рыжей бородой. Две седые скрученные в узлы косы падали на широкие плечи. Из под лакированной черной шапки с огромным изумрудом пристально всматривались зеленовато-желтые глаза» [Ян, с. 112]. И еще: «Он высокого роста, и, хотя ему уже больше шестидесяти, он еще очень силен. Тяжелыми шагами и неуклюжими ухватками он похож на медведя, хитростью — на лисицу, злобой — на змею, стремительностью — на барса, неутомимостью — на верблюда, щедростью к тем, кого хочет наградить, — на кровожадную тигрицу, ласкающую своих тигрят. У него высокий лоб, длинная узкая борода и желтые немигающие, как у кошки глаза» [Ян, с. 109].

Мы уже упоминали, что есть рациональное объяснение рыжевато-розоватости и светлоглазости борджигинов. Их прародительница Алан-Гоа была близка с киргизом, а древние киргизы, по описаниям источников и путешественников, отличалась этими признаками. Допуская это, тем не менее не следует вслед за В. Чивилихиным полагать Чингис-хана «не монголом» и относить его к неким «блондицам Азии» [Чивилихин, с. 169—170]. Сама Алан-Гоа была из племени куралас, которое, по информации Рашид-ад-дина, входило в число «тех настоящих монгольских народов, кои были на Эргунэ-Куне» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 78]. Из этих же «настоящих монголов» было и племя олхонут, из которого была мать Чингис-хана Оэлун. Надо сказать и следующее: среди группы племен шивэй, из которых вышли древние монголы, известны хуантоу (букв. «желтоголовые») шивэй, и рыжевато-розоватость и светлоглазость, наблюдавшиеся в роду Чингис-хана, совсем необязательно могли происходить «с запада».

Многие авторы подчеркивают, что Чингис-хан был физически крепким человеком. Как полагает П. Рачневский, он, «наверное, находил удовольствие в сексе» [Рачневский, с. 145]; каждый год в государстве отыскивали красивых девушек и доставляли ему. Однако то, что Чингис-хан из каждого победоносного похода возвращался с женой, а в походах его сопровождали жены (например, Хулан — на запад, Есуй — в походе на Си Ся), не может рассматриваться как доказательство того, что Чингис-хан любил сексуальные утехы. Захват жен побежденных являлся признаком заключения политического союза и покорности (тангутская, чжурчженьская жены) или выражением превосходства над побежденным (жена пайманского Таян-хана). Нет никаких сведений о том, что Чингис-хан был излишне пристрастен к прекрасному полу (12 тыс. красивых девушек, которых ему, по Джунджани, доставили в Западном походе [Раверти, II, с. 1007], тоже не довод, это была добыча), так же как мы не имеем сведений и о том, чтобы он страдал пороком чрезмерного пьянства. Хотя алкоголизм был в его роду, его сын Огодай был алкоголиком, «любил наслаждения и пил вино», а внук Каши «был большим любителем вина и постоянно пребывал в опьянении», «умер от порока — чрезмерного пьянства» [Рашид-ад-дин, т. II, с. 12].

Характеристики внешности Чингиса, которые встречаются в «Тайной истории», типа «во взгляде — огонь, а лицо — что

заря», поэтико-мифологические и, возможно, носят сакральный характер, указывают на божественное, в нашем понимании, происхождение.

Охарактеризовать сущность личности Чингис-хана пытался еще Рашид-ад-дин в специальном разделе своего труда («Известие о Чингиз-хане, относительно его похвальных свойств, душевных качеств, о его избранных обычаях, о прекрасных притчах...»). Чингис-хан изоводал, по словам Рашид-ад-дина, общечеловеческую мудрость, ко времени Чингис-хана, кетати, хорошо разрабатанную в Китае. У народа, у которого сын не слушается отца, младшие братья — старших, «муж не полагается на свою жену, а жена не следует повелению мужа», «великие не защищают малых, а малые не принимают наставлений от старших», — «у такого народа воры, лжецы и всякие мошенники затмевали солнце на его собственном стойбище». Тот, кто умеет управлять семьей, сможет управлять и государством. «Каждый, кто в состоянии содержать в порядке свой дом, в состоянии содержать в порядке и целое владение», «каждый, кто может так, как это положено, выстроит в бою десять человек, достоин того, чтобы ему дали тысячу или туман». Каждый, вызванный к старшему, отвечает только на то, о чем его спрашивают; тот, кто произнес слово прежде вопроса, может быть и не услышан, «хорошо, если его услышат, в противном случае он будет ковать холодное железо». Хорошо служит тот, кто служит верно и преданно в любых условиях: «Добрым можно назвать только того коня, который хорошо идет и откормленным, и в полтеле, и одинаково идет, будучи истощенным». Начальником достоин быть тот, кто понимает нужды подчиненных, «который сам знает, что такое голод и жажда, и судит по этому о состоянии других» [там же, т. I, кн. 2, с. 259—262].

Все это верно, и сегодня неплохо было бы чаще следовать этому правилу и тем, кто служит, и тому, кому служат.

Чингис-хан полагал, что народами следует управлять с помощью наставлений (билик) и законов (яса).

Все эти общие соображения и методы управления призваны были сделать государство упорядоченным и сильным. Во имя чего? И это, может быть, основной вопрос, когда мы говорим об идеологии Чингис-хана и чингисхановщины. «Неупорядоченные и безрассудные народы» подлежат подчинению и управлению ими. Он, Чингис-хан, призван сделать это высшими силами, и эти силы подают ему знаки своей милости. «Однажды в молодые годы Чингиз-хан встал на рассвете, и в его чубе уже побелело несколько волосков. Приблизженные задали ему вопрос: „О счастливый государь, возраст твой достиг еще порога старости, почему же в твоём чубе появилась седина?“ В ответ он сказал: „Так как всевышний Господь пожелал сделать меня главою и старейшиною туманов и тысяч и водрузил бунчук моего благоденствия, то он проявил на мне знак старости, который является знаком старшинства» [там же, с. 262].

Чингис-хан, хан волею Неба, говоря нашими словами, хан милостью Божьей. Во имя чего действует хан? Во имя того,

чтобы члены его уруга, его мужские потомки и их семьи, оделись «в затканые золотом одежды», чтобы они вкушали «вкусные и жирные яства», сажались на красивых коней и обнимали «прекрасноликих жеп». Столь же «красивую жизнь» должны получить те, кто служит хану. «Мои старания и намерения относительно стрелков и стражей, чернеющих словно дремучий лес, супруг, невесток и дочерей, алеющих и сверкающих, словно огонь, таковы: усладить их уста сладостью сахара своего благоволения и украсить их с головы до ног ткаными золотом одеждами, посадить их на идущих покойным ходом меринов, напоить их чистой и вкусной водой, пожаловать для их скота хорошие травяные пастбища». Нет ни слова о том, что для этого надо работать. Все это следует взять у «неупорядоченных народов» силой, уничтожая непокорных, ибо «если мы отравляемся на охоту, то убиваем много изюбрей, а если мы выступаем в походы, то уничтожаем много врагов» [там же, с. 261, 263].

Это сравнение военного похода и охоты — не просто метафора. Как лес и степь полны добычи для удачливого охотника, так и окружающие народы — те же лес и степь, где при удачной «охоте» можно добыть все для той жизни, которую ты считаешь для себя идеальной. Хан и его войско, его «мужи» — это охотники, и «величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет: заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами; в том, чтобы сесть на его хорошего хода с гладкими крупами меринов; в том, чтобы превратить животы его прекрасноликих супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их разноцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы босать!»

Можно спорить о том, является ли все это подлинными мыслями Чингис-хана. Но, по словам Рашид-ад-дина, все это «его (Чингис-хана) назидательный рассказ» и его образ мыслей и действий, устрашающий и пугающий, и не случайно Рашид-ад-дин кончает его словами: «Да будет мир над людьми мира!» [там же], ибо какие бы оговорки мы ни допускали, прав был акад. Б. Я. Владимирцов, которого невозможно даже заподозрить в неуважении к монгольскому народу, что это была идеология разбойничьей шайки и ее главаря.

Л. Гамбис также писал: Чингис-хан «смотрел на оседлые страны — Китай, Иран, как на регионы-источники дохода своей семьи, своей знати и своего народа». По заключению того же Л. Гамбиса, Чингис-хан обладал характером «благородного человека» своей эпохи, если не принимать в расчет «мелочи» — «разрушения и убийства, которые он полагал необходимыми». А так это был человек, преданный друзьям, неумолимый к врагам, человек, который «всегда сохранял ясное понимание величия своей миссии, для которой, как он думал, «он был избран Небом», человек, умеренный в повседневной жизни. Он «унаследовал от своих предков простоту погонщика стад, герение и хитрость охотника» [Гамбис, с. 5–6].

Историзма в оценке личности Чингис-хана требует и П. Рачневский: «Чингис-хан вошел в историю как беспощадный завоеватель. Его завоевательные походы принесли смерть и гибель бесчисленному количеству людей, уничтожили невосполнимые культурные ценности. Но было бы несправедливо судить Чингис-хана с высоты наших столетий. Его поступки определялись жестокими законами степи, которая не знала жалости к врагу. Его дела вершились в военной области. Своими успехами он был обязан не столько своим воинским дарованиям, сколько искусной политике и своим организаторским способностям» [Рачневский, с. X—XI]. Это не мешает автору цитаты отметить, что «его (Чингис-хана.— *Е. К.*) путь к власти пролегал по трупам» [там же, с. 141].

П. Рачневский отмечает те личные качества Чингис-хана, которые действительно характеризуют его положительно. Это чувство благодарности, например, к Сорган-Шира, спасшему ему, возможно, жизнь, когда он бежал из тайчиутского плена, или забота о детях павших соратников. «Чингис-хан повелел: „За то, что друг Хуилдар на брани живот свой положил, пусть получают сиротское пособие даже и потомки потомков его“. Нарин-Тоорилу, сыну Чаган-гоа он сказал: „Твой отец, Чаган-гоа, пал в бою при Далан-Балчжугух от руки Чжамухи, пал, ревностно сражаясь перед моими очами. Пусть же теперь Тоорил, за службу своего отца, получает сиротское пособие» [Сокровенное сказание, с. 166]. Чингис доверял своим сподвижникам, например, Мухали, который в Китае был его личным представителем и в отдельные периоды был вторым после хана лицом в государстве. Он заботился о солдатах; Чан Чуно он говорил: «Я забочусь о моих солдатах, как о своих братьях».

На основании доступных источников трудно определить, отличался ли Чингис личной храбростью. В детстве, мальчишкой, он боялся собак. Будучи физически слабее братьев Хасара и Бектера, он не в честном бою, а с помощью сильного, но, возможно, не очень умного Хасара застал врасплох и погубил безоружного Бектера. Молодой Темучжин не раз спасался бегством и не видел в этом позора. Но он же бросился отбивать угнанных у семьи меринов (правда, позднейшие источники утверждают, что Темучжин поехал не один, а с братом Хасаром) и вступил в драку с чжурки, когда те во время пира в Ононской дубраве ранили Бельгутая.

Чингис-хан, безусловно, был человеком незаурядного ума, хитрым и коварным политиком, знавшим людей, их слабости и умевшим использовать их в своих интересах. Сколько ловкости, хитрости и ума проявил он при побеге из тайчиутского плена! Мы не знаем, видимо, решающего этапа в карьере Чингиса, когда он, прожив полтора года с Чжамухой, оказался только благодаря своему уму и смекалке не главой аила, а ханом собственного улуса. Он сумел найти и выделить из своего окружения талантливых полководцев. Мухали, Боорчу, Субетай.

Чжэбе, Чжочи и другие военачальники, выдвинутые им, приносили ему военные победы, и значительная часть полководческой славы Чингиса принадлежит по справедливости им.

Чингис-хан требовал верности подданных государю, слуг своему хану, и мы видели не раз, как он казнил тех, кто пытался перейти на его сторону и получить его милость выдачей своего господина. Как правило, эти люди не находили у него поддержки. Чингис-хан отличался недоверием, подозрительностью даже к близким людям. Мы знаем о его недоверии к Хасару, хотя, может быть, тот и давал ему поводы к этому, к Отчигину в его конфликте с шаманом Тэб-Тэнгри. Он с подозрением отнесся к Чжельме, который ходил в стан тайчиутов за кислым молоком, чтобы спасти раненого хана. Он ценил в людях способность говорить правду, простил Чжэбе, который признался в том, что это он стрелял и ранил его.

Мстительность и жестокость были чертами характера, во многом определявшими натуру Чингис-хана. П. Рачневский пишет, что его мышление было «мышлением мстителя» [Рачневский, с. 137]. Он возвел месть в ранг государственной политики. «В то время, когда Чингиз-хан предпринял поход во владения Хитая и выступил на войну против Алтан-хана, он один, согласно своему обыкновению, поднялся на вершину холма, развязал пояс и набросил его на шею, развязал завязки кафтана, встал на колени и сказал: „О, господь извечный, ты знаешь и ведаешь, что ветром, раздувшим смуту, был Алтан-хан и начало распри положил он. Он безвинно умертвил Укин-Баркака и Хамбакай-каана... я же домогаюсь их крови, лишь мстя им. Если ты считаешь мое мнение справедливым, исполни мне свыше в помощь силу!“ С полнейшим смирением он вознес это моление; затем сел на коня и выступил. Благодаря своей правоте и верному намерению он одержал победу над Алтан-ханом... и его владения и его дети очутились во власти Чингиз-хана» [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2, с. 263].

Считать это лишь рецидивом обязательности кровной мести, присущей первобытному мышлению, было бы, наверно, неверно. Давно уже правил не тот Алтан-хан, который убил его сородичей, более того, когда это было выгодно, Чингис-хан дружил с ним и не отказался принять из рук Алтан-хана чин. Да и не случайно, замечает П. Рачневский, что при неудачах Чингис часто ищет убежища поближе к границам Цзинь. На совести Чингис-хана убийства из мести родичей Сача-беки и Тайчу, Алтана и Хучара, которые возвели его на ханский престол; он убил братьями Чжамуху, возможно, своего сына Чжочи.

Говорят, что все это были политические убийства. Это верно, просто чувство мести было возведено до высот внутренней и внешней политики Чингис-хана. Л. Н. Гумилев пишет: «После стольких преступлений, совершенных именно чжурчженями, ожесточение монголов объяснимо как психологическая реакция... При такой ситуации, сложившейся исторически, личные качества

Чингис-хана не имели значения. Он повел свой народ на истинных, безжалостных врагов потому, что этого хотел весь народ, дети убитых и братья проданных в рабство. Да если бы он этого не сделал, так не быть ему ханом!» [Гумилев, Поиски, с. 189]. Откуда это? Где сведения о том, что войны с Цзинь хотел весь народ? Почему Чингис-хан, не начни он эту войну, не был бы ханом? Он стал им за пять лет до этого. «Война, конечно,— продолжает Л. Н. Гумилев,— дело страшное, но в классовом обществе она неизбежна, как единственный способ разрешения противоречий. Можно осуждать морально того, кто начал войну, но тогда виноваты чжурчжэни. А винить победителя, перенесшего поле сражения на территорию противника, бессмысленно и аморально. Тут, очевидно, доминирует не историческое прозрение, а пристрастие» [там же, с. 189].

Будем пристрастны. Именно Чингис возвел месть в культ, он спровоцировал и тщательно подготовил войну и вел ее предельно жестоко. Пристрастие не думать так, а думать и писать наоборот. Столь же пристрастно, как это делает Л. Н. Гумилев, объяснять пагубения монголов убийством их послов. Речи нет, убивать послов пехорошо, но ведь известно, что требования, предъявляемые монгольскими послами, как правило, были провокационными и сводились к одному — или вы покоритесь, или война, а с ней смерть и разрушения.

Жестокость Чингис-хана из свойств его личности была возведена в разряд средств государственной политики. Чингис-хан сознательно применял жестокие методы ведения войны, предусматривающие широкое применение репрессий. Поголовное истребление населения многих городов и сел в целях устрашения противника было осознанным методом ведения войны, политикой Чингис-хана и его полководцев. «Это были уже не стихийные жестокости,— справедливо писал в предисловии к русскому переводу труда Рашид-ад-дина известный советский востоковед И. П. Петрушевский,— а целая система террора, провозглашаемая сверху и имевшая целью организованное истребление способных к сопротивлению элементов населения, запугивание мирных жителей и создание массовой паники в завоеванных странах» [Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, с. 32]. В мусульманских источниках зафиксировано около трех десятков случаев «всеобщей резни» при взятии городов. Но зачастую вырезали и все население окрестных селений. Пленные писцы подсчитывали число убитых. После резни в Мерве, например, этот ужасный подсчет продолжался тринадцать дней.

Чингис поддерживал подобные методы ведения войны, и есть сведения современников, что он гордился своей жестокостью. Джунджани приводит рассказ очевидца событий Вахид-ад-дина Бушенджи о том, как Чингис-хан хвастался в кругу приближенных тем, что перебил такое множество людей и потому его слава будет вечной. Бывший при этом Бушенджи резонно заметил:

— Если хан и его слуги перебьют всех людей, среди кого же будет жить его слава?

Чингис обозвал его глупцом и заявил:

— Государей в мире много. Я творил всеобщую резню и разрушение повсюду, куда ступали копыта коней войска Мухаммеда Огузского, хорезмшаха. А остальные народы, что находятся в странах других государей, сложат рассказы во славу мою! [там же, с. 33—34].

Прав Л. Н. Гумилев, когда пишет: «Жестокости, совершенные победоносными монголами, конечно, ужасны, но не менее ужасными были зверства чжурчженей в Китае, сельджуков в Армении, крестоносцев в Прибалтике и Византии. Такова была эпоха» [Гумилев, Поиски, с. 397]. Это верно. Такова была эпоха. И все-таки Чингис-хан выделялся и в ту эпоху, и он не ошибся в том, что учиненную им резню народы помнят до сих пор. Есть мнения, что масштабы неоправданных убийств, совершенных по приказу Чингиса и его полководцев, устрашали и удивляли самих монголов¹. «Находящаяся уже в „Сокровенном сказании“ легенда о том, что Чингисхан родился с комком запекшейся крови в руке,— писал В. В. Бартольд, наглядно показывает, что количество крови, пролитой по повелению Чингисхана, поражало и его монголов» [Бартольд, Владимирцов, с. 453]. Известно, что не одобрял массового террора старший сын Чингис-хана, Чжочи.

Чингис-хан был, безусловно, властолюбив. «Воля к власти,— пишет П. Рачневский,— преобладающая черта в характере Чингис-хана» [Рачневский, с. 140]. Хотя он во многом был обязан Ван-хану, это не помешало ему на пути к утверждению власти над Монголией погубить и улус Ван-хана, и его самого. Ван-хан, Чжамуха, Хучар не раз были его союзниками, но «мог ли он оставить их в живых,— задается вопросом П. Рачневский,— если видел в них соперников, вставших на пути его власти? Чингис полагал, что он всегда прав, призван к этому высшими силами» [там же, с. 141].

Эта убежденность как идеологическая основа монгольской державы стала как бы составной частью личности Чингис-хана; он был одержим этой верой, и, судя по всему, вполне искренне. Чингис верил или, точнее, с какого-то неясного для нас момента поверил, что власть над всем миром, именно над всем миром, дарована ему Вечным Небом. Все, кто не принимал эту доктрину, считались «булга ирген» — «мятежниками». Они выступали против социального порядка, установленного высшими силами. Война против «мятежников» была не только морально оправданной, но и необходимой. Хан получал от Вечного Неба силу — «кючу»

¹ Существует, правда, свидетельство того, что Чингис-хан высказался в пользу сохранения жизни завоеванных. Один из его приближенных сказал: «„Люди — основа государства. Если убивать людей, то какая польза государству от приобретенных территорий? При этом убивать невинных — это только укрепляет враждебные чувства. Это не намерение государя!“ Тай-цзу услышал и одобрил это». Данный текст из «Юань ши» является лишним доказательством того, что террор против покоренных вызывал осуждение и в окружении Чингис-хана (см. [Юань ши, цз. 124, с. 1]).

и защиту — «ихе-эждэ». Благодать императора называлась «су», отсюда прилагательное «суту», «сутай» — «счастливый».

Многие исследователи не сомневаются в том, что идея кагана-хана, избранного Небом или поставленного по воле Неба, испытала сильное влияние китайской концепции сына Неба. Чингис к концу жизни хорошо знал китайскую концепцию власти. Он, например, считал, что поражение Цзинь в войне с ним было предопределено Небом, покаравшим цзиньских государей за дурное поведение. Чан Чунь, объясняя свое учение Чингис-хану в 1222 г., говорил, что государи — это небесные существа, направленные Небом жить среди людей, и им предназначено вернуться на Небо. Елюй Чуцай, вручая в 1222 г. Чингис-хану составленный им календарь для монгольского государства, развивал идею о том, что только благодаря воле Неба Чингис-хан завоевал империю, столь великое дело не могло быть совершено силами обыкновенного человека. Почти все исследователи сходятся в том, что Чингис-хан уверовал в свое право завоевать Поднебесную, т. е. весь доступный и известный ему мир².

Его потомки и старались выполнить эту задачу. По мнению П. Рачневского, монгольская доктрина универсальной монархии отличалась от китайской тем, что целью китайской было подчинение покоренных китайской культуре, целью же монгольской — только завоевание. Можно согласиться с П. Рачневским и в том, что Чингис-хан не был врагом культуры вообще, его отличал сугубо практический подход к достижениям культуры. Он ценил письменность и ввел ее для нужд государства, так же как ремесло и продукты ремесла. Безжалостно уничтожалось лишь то, что в тот момент он и его окружение признавали для себя бесполезным. И многое в культуре народов было погублено безвозвратно.

Джузеппи писал: «Всевышний отличил Чингис-хана умом и рассудком». Безусловно, Чингис-хан был не только кровавый завоеватель, но и выдающийся государственный деятель. Он создал монгольское государство, использовав традиционные для Центральной Азии формы и придав им определенный монгольский колорит. Он заимствовал все, что считал нужным, от соседей.

² В своей книге «Древняя Русь и Великая степь» Л. Н. Гумилев пишет: «Так, один современный автор озаглавил свою книгу „Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир“. Вот уж Темучжин не мог даже мечтать о престоле, когда он таскал на себе тайчиутскую колодку, когда его молодую жену увезли меркиты, когда его покинули родные дяди и брат, предал спасенный им Ван-хан и когда на него навалилось огромное войско найманов. В эти годы он думал, как спасти жизнь своей семьи и свою, и то, что ему удалось одержать победы над могучими и безжалостными врагами — это вопрос, который следует ставить корректно» [Гумилев. Древняя Русь, с. 455]. Л. Н. Гумилев прав — и ставить вопросы, и поступать следует корректно. Я ведь тоже считаю, что Темучжин не думал еще о завоевании мира, когда происходили те события, о которых он упоминает. А позже? Это он писал онгутскому государю перед войной с Цзинь: «На небе нет двух солнц. Разве у людей может быть два государя?» Это Илано Карини по свежим следам событий писал: «Замысел татар состоит в том, чтобы покорить

Гонимы и правители с пайцзой. ямская служба, строгое административное деление и прикрепление населения к месту работы и месту жительства — все это было введено при Чингис-хане. Яса гласила: «Никто да не уходит из своей тысячи, сотни или десятка, где он был сосчитан. Иначе да будет казнен он сам и начальничкой (другой) части, который его принял» [О составе Великой Ясы, с. 54]. Гвардия и рекрутируемые из гвардии чиновники центрального аппарата управления великолепно справлялись со своими обязанностями. Возможно, никогда ни до ни после кочевые формы государственности не были так отточены, так совершенны, как в улусе Чингис-хана. Он если не создал лично, то освятил своим именем Ясу, которую Г. В. Вернадский, ее исследователь, считал «не кодифицированием норм обычного права», а «созданием новых норм права в соответствии с нуждами повой империи» [там же, с. 33].

«Положил он для каждого обстоятельства правило и для каждой вины установил кару, а как у племен татарских не было письма, повелел он, чтобы люди из уйгуров научили письму монгольских детей и те ясу и приказы записали они на свитки, и называются они Великой книгой Ясы. Лежит она в казне доверенных царевичей, и в какое время станет хан на трон садиться, или посадит на конь войско великое, или соберутся царевичи и станут советоваться о делах царства и их устройении — те свитки приносят и по ним кладут основу дел; построение ли войска или разрушение стран и городов по тому порядку выполняют» [там же, с. 49].

Чингис-хан был шаманист, он верил в колдовство, гадания, приметы. Он соприкасался с мировыми религиями — христианством, исламом, буддизмом, видимо, выслушал основы даосизма, но судя по всему, никакого особого интереса ни к одной из этих религий не проявил. Его вера, комплекс тех верований, который был присущ монголам его эпохи, можно условно назвать тэнгризмом, в широком смысле — поклонением Небу как верховному божеству и творцу всего сущего. Это был глубоко азиатский культ, присущий древним китайцам, тибетцам, всем кочевым государствам — предшественникам империи

себе, если можно, весь мир... и об этом они имеют приказ Чингис-хана» [Путешествия, с. 59]. Естественно, Чингис-хан не думал завоевывать Америку или Австралию. Но овладеть Поднебесной в ее китайском понимании, т. е. Евразийским материком, он помышлял и считал себя в силе и вправе, дарованными ему Вечным синим Небом, сделать это. Никто и до Л. Н. Гумилева не отрицал влияния природной среды обитания и традиций (можно называть их и «генетическими традициями») на жизнь народов (этносов). Никто не отказывался от учета их психологического склада. Если есть источники, всегда можно объяснить крутые перемены в жизни этносов, не прибегая к туманным понятиям «пассионарного толчка» или «пассионарного взрыва». Новые термины не меняют представлений исторической науки о важных событиях в Азии и Европе. Можно лишь сожалеть об одном — выдавая исторический процесс за природный, Л. Н. Гумилев считает, что «моральные оценки к нему неприменимы» [Гумилев. Древняя Русь, с. 451].

Чингис-хана. Культ Неба предполагал и культ Земли, но земля играла подчиненную роль. Во всяком случае, в эпоху Чингис-хана больше апеллировали к Небу, чем к Земле. Наличие «своей веры» делало Чингис-хана и его подданных -- монголов достаточно безразличными к другим религиям. Отсюда веротерпимость монголов, в чем-то способствовавшая их воинским успехам.

Надо сказать, что у тех авторов, которые профессионально писали последние пятнадцать лет о Чингис-хане, есть любопытные и заслуживающие внимания характеристики личности Чингис-хана. Нам кажется, что было бы справедливо познакомить с ними нашего читателя.

Итак, слово Л. Гамбису: «Он был человеком своей эпохи и был помечен той грубой средой, в которой он жил. В этом следует искать причины его безразличия к принесению в жертву человеческих жизней, поэтому он обладал мало развитой чувствительностью. Свои юные годы он начал с убийства своего сводного брата, который мог бы оспаривать его власть главы семьи. Без всяких колебаний он отбрасывал все то, что становилось на пути его безмерного честолюбия, потому что по сути своей он был холодный и расчетливый политик, который терпеливо действовал так, как будто право на его стороне. С чрезвычайной выдержкой он добивался реализации своих проектов, старался завершить дело так, чтобы не оставлять врага позади себя. Он не прощал измены данному слову. Однако сам действовал изворотливо и всегда хотел бы оставить право за собой, полагая, что его действиям покровительствует божественное начало. И терпел только тех, кто признавал его авторитет. Так же безжалостен он был, когда мстил за оскорбление и отвечал на вероломство. Молодым он вынужден был долгие годы ждать случая утвердить себя; когда он состарился, он всегда действовал быстро и реализовал огромные замыслы за короткое время. Он постоянно был осторожен и не искал приключений. Он был воздержан во всем, хотя и имел страсть к женщинам и крепким напиткам; он был щедр и всегда вознаграждал тех, кто заслужил. Он вершил великие дела и полностью наслаждался жизнью, ее спокойной радостью, без необузданных страстей, не думая о каком-то ее смысле. Он никогда не отправлялся в поход, не взяв с собой одной из своих жен. ...Он интересовался мыслями завоеванных людей, не отдавая предпочтения тем или другим, считая, что все правила морали хороши и не считая, что какие-то из них лучшие. Прежде всего он был практиком и великим организатором. Все в его жизни было распределено, даже в самые грудные минуты он никогда не терял спокойствия. Он умел связать людей со своей судьбой, и когда они начинали служить ему, они не хотели иметь другого господина. Таковы причины его успеха и его величия. Никогда ни один человек не достигал такой степени могущества, без всякого тщеславия» [Гамбис, с. 126—127]. Это писал француз, легко, изящно, не забыв про женщин и вино.

Предоставим слово немцу. «Личность Чингис-хана соединяет силу и страстность человеческой природы с дисциплиной, которую диктует ей разум. В частной жизни он был сердечным другом, заботливым отцом, пекущимся о благополучии своей семьи и своих домашних, человеком обычного и простого нрава. Как правитель он был исполнен безмерного честолюбия, не боялся никаких средств для достижения своей цели, с безжалостной жестокостью подавлял малейшее сопротивление» [Рачневский, с. 148]. Это писал немец: сила, дисциплина, немного сентиментальности.

Автор хотел бы представить читателям в этой книге все основные известные нам факты из жизни Чингис-хана. Нам он представляется личностью незаурядной, на которую наложили жесткий отпечаток его тяжёлые юные годы и та среда, в которой он рос и мужал. Талантливый государственный деятель; если не способный военачальник, то великодушный организатор армии, он был человеком карьеры, искренне считавшим, что избран для нее высшими силами. На пути к власти он не был разборчив в средствах, а приобретя эту власть, использовал ее в личных интересах и интересах своего уруга, своих мужских потомков и членов их семей. Его жестокость, возможно, объяснима средой, жизнью, шире — эпохой, когда действительно людей не жалели, но она была все-таки чрезмерной. Он считал, что цель оправдывает средства, и не ограничивал себя в выборе этих средств.

Положа руку на сердце мы не можем сказать, что он был любящим сыном, мужем и отцом. По-видимому, это оттого, что наши источники рисуют нам образ хана-правителя, а не человека. Любил ли он братьев? Кого вообще он любил, кроме своих нукеров, в которых ценил прежде всего преданность, а затем храбрость и силу. Он заботился о тех, кто служил ему, оказанных услуг не забывал и вознаграждал за службу и услуги. Он требовал беспрекословного подчинения и дисциплины. Выделял ли он среди своих подчиненных монголов, особенно в последний период жизни? Кажется, нет. Для него неважно было, к какому народу принадлежит тот, кто ему служит, лишь бы он служил хорошо ему и его делу. В этом он был чужд национальной ограниченности.

Чингис-хан был человеком подозрительным, как все правители, пришедшие к власти по трупам и сознающие, что те меготы, которые они применяли к другим, могут быть применены и к ним самим. Мы не знаем примеров его мужества в зрелом возрасте, его умения владеть оружием. Воевать он доверял другим. Он создал идеал облеченного властью грабителя и следовал ему, не без основания полагая, что многие захотят следовать за ним. Он, безусловно, был опьянен властью и не знал ограничений в пользовании ею. Любил ли он свой народ? Неясно. Тогда не задавались, как правило, таким вопросом. Он требовал от народа службы и дисциплины, слепого повиновения его ханской воле и строго карал за упущения по службе и неповиновение.

Представьте себе этого седого, крепкого рыжевато-го старика с плоским волевым лицом, с бородой, растущей в основном с подбородка, человека коварного и изворотливого, который одержим жадной сокрушения власти соседних владетелей и возвеличения своего уруга. И этой идее подчинена вся его жизнь, по крайней мере с 1211 г. Он не увидел при своей жизни свержения свдего главного соперника — императора Цзинь. Император Си Ся, видимо, был убит уже после его смерти. Его реальный приз — хорезмшах Мухаммед. Мы так и не узнаем, утолил ли он лично свою жажду властолюбия. Можно согласиться с тем, что он был умерен в страстях, справедливо видя в них препятствие к успешному достижению цели. Если, как полагают, он был одержим некоторыми из них (пьянство, женщины) и ограничивал себя, это лишний пример наличия у этого человека твердой воли. Он не был, возможно, счастлив в детях и не без тревоги за судьбы своего уруга оставлял этот мир. Таков был Чингис-хан, хан карающий и вознаграждающий, видевший личное счастье в бесчестье и гибели поверженного врага.

Можно не согласиться и с такой характеристикой. Есть книги, есть основные источники, два из которых, «Тайная история» («Сокровенное сказание») и «Сборник летописей» Рашид-ад-дина, переведены на русский язык. Читатель сам может ознакомиться с ними и сделать свои выводы.

Эпоха

Побежденные... были повинны не менее победителей.

*Л. Н. Гумилев.
Поиски вымышленного царства*

Великий Рашид-ад-дин не случайно в своем «Сборнике летописей» каждый период в жизни Чингис-хана сопровождал «Летописью государей, современников Чингис-хана». Истоки побед Чингис-хана не только в его таланте государственного и политического деятеля и полководца, в военном мастерстве его военачальников и воинском искусстве его солдат, они и в объективных слабостях его противников, в той политической ситуации, которая сложилась в Азии на начало XIII в. Причины эти — в психологии победителей и побежденных, в их восприятии событий и отношении к ним.

Япония, находясь на островах, в первой трети XIII в. была вне игры, и лишь много позднее монголы предприняли попытку захватить ее, но неудачно. Корея после походов монголов в соседнюю Маньчжурию в 1218 г. добровольно подчинилась монголам, ван Корё признал свою зависимость от Чингис-хана.

В Северном Китае к моменту рождения Чингис-хана произошли важные перемены. В 1115 г. чжурчжэни провозгласили создание своего государства Цзинь в Центральной Маньчжурии. К 1125 г. они уничтожили своего сюзерена, киданьское государство Ляо. В том же, 1125 г. чжурчжэни начали наступление на Китай, где правила династия Сун. Уже на следующий год они взяли столицу Сун город Бяньцзин и два китайских императора оказались в чжурчжэньском плену и были увезены на север, в Маньчжурию. Один из членов императорской фамилии в 1127 г. был провозглашен новым китайским императором (Гао-цзун, 1127—1162 гг.), новое китайское государство, занимавшее южную часть современного Китая, было названо Южная Сун, столицей его стал Ханчжоу. Войны между Южной Сун и Цзинь продолжались до 1141 г. и завершились заключением мирного договора, в соответствии с которым северная часть Китая осталась за чжурчжэнями.

В том году, когда в Монголии собрался великий курултай, провозгласивший Чингис-хана правителем всей Монголии (1206 г.), войска Южной Сун напали на Цзинь. Война длилась три года, и в 1208 г. был заключен мир. Чингис-хан, готовясь

к пападению на Цзинь, конечно, не мог не знать об этих событиях. Он отлично понимал, что в войне с ним империя Цзинь не имела надежного тыла, так как ее южный сосед, империя Южная Сун, был откровенно враждебно настроен к северному соседу.

К югу от Монголии находилось тангутское государство Си Ся. В конце XII в. были нарушены добрососедские отношения между тангутским государством и государством чжурчжэней. Чжурчжэни, как мы знаем, отказались прийти на помощь тангутам в критический момент осады их столицы монголами. Это лишь усилило вражду и привело к войне Си Ся и Цзинь (с 1214 г.). С того же, 1214 г. Южная Сун отказалась платить дань Цзинь. Си Ся и Южная Сун решили объединить свои усилия против чжурчжэней, и без того еле выдерживавших сокрушительные удары монголов. С 1217 г. китайцы Южной Сун перешли к прямым военным действиям против Цзинь. Война Си Ся и Южной Сун против Цзинь длилась до 1224 г. Стоит ли говорить, что это было на руку Мухали, воевавшему в эти годы в Северном Китае. Уже после смерти Чингис-хана Южная Сун возобновила войну с Цзинь, и китайцы совместными усилиями с монголами добились чжурчжэньского государства.

Таким образом, в первой трети XIII в. политическая ситуация в Восточной Азии была исключительно благоприятна для монголов. Цзинь, Южная Сун, Си Ся и Корё не создали единого союза против монгольской агрессии, и в итоге три ведущих государства Восточной Азии были разбиты и добиты поодиночке.

Если обратиться на запад, то и здесь царили вражда и соперничество и также сложилась ситуация, выгодная для монголов. Уйгуры и гюрки-карлуки добровольно подчиняются Чингис-хану и становятся активными пособниками его в войнах с государством хорезмшаха и Кучлуком. Хорезмшах воюет с владельцами соседних стран, и многие области государства хорезмшаха лишь за пять — двадцать пять лет до нашествия Чингис-хана силою оружия оказываются включенными в состав государства хорезмшаха (Хорасан — 80-е годы XII в., Западный Иран — 1194 г., Мавераннахр — 1210 г., Афганистан — 1215 г.). Это не способствовало укреплению государства. На севере государство хорезмшаха постоянно вступало в столкновения с кочевыми племенами тюрков-кыпчаков.

Государство кара-китаев испытывало большие внутренние трудности, потерпело ряд поражений извне, от того же хорезмшаха, и наконец трон был узурпирован беглыми найманами во главе с Кучлуком. Жестокое преследование мусульман вызвало мощную волну недовольства и способствовало победе монголов и гибели Кучлука и того государства, которым он управлял. Государство найманов на Алтае было разгромлено Чингис-ханом ранее. Киргизы, которые еще в VIII в. создали в Центральной Азии свой каганат и господствовали в Монголии до утверждения там власти киданей, к началу XIII в. имели несколько раздроб-

ленных владений в верховьях Енисея и не представляли силы, способной оказать серьезное сопротивление Чингис-хану. Все сказанное, включая длительное отсутствие (в XI—XII вв.) мощной централизованной власти в самой Монголии, создало ту благоприятную политическую обстановку, которая позволила Чингис-хану возвыситься, объединить Монголию и, собрав в единый кулак значительные силы, выйти за ее пределы.

Сила монгольской армии, с которой столкнулся восточноазиатский и центральноазиатский мир, была в ней самой и вне ее. Ее сила опиралась на систему военной организации, традиционной для Центральной Азии, но, возможно, дополнительно усовершенствованной Чингис-ханом. Сила ее была в закалке и выносливости монгольского воина, прирожденного кавалериста, и его тренированного коня, в умелом использовании конницы монгольскими полководцами, в их тактическом мастерстве, в хорошем оснащении монгольской армии до выхода ее за пределы Монголии и в восприимчивости монгольских военачальников к использованию военной техники соседей, прежде всего камнеметной артиллерии.

По сведениям Абу-ль-Фараджа, в монгольскую армию брали мужчин с 20 лет [О составе Великой Ясы, с. 54]. Чжао Хун писал: «Татары рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы они каждый день гонятся и охотятся. Это есть их средство к существованию. Поэтому у них нет пеших солдат, а все конные воины» [Полное описание, с. 66—67]. Значение охоты в приобретении воинских навыков у монголов подчеркивал и Чингис: «Когда нет войны с врагами, пусть предаются делу лова—учат сыновей, как гнать диких животных, чтобы они навывали к бою и обретали силу и выносливость и затем бросались на врага, как на диких животных, не щадя себя» [О составе Великой Ясы, с. 43]. По сведениям Джувейни, монгольские воины в десятках, сотнях, тысячах в мирное время работали в хозяйстве, «как крестьяне» [там же, с. 47]. На службу по мобилизации воины являлись с конем (конями), оружием и доспехами, набором инструментов, нужных на войне. Регулярно в десятках и сотнях устраивались смотры, на которых проверялось наличие и состояние оружия и доспехов; по словам Джувейни, «в день смотра предьявляют они снаряжение, и если хоть немного не хватит, то такому человеку сильно достается и его крепко наказывают» [там же, с. 21].

Абсолютно такую же систему мы находим в материалах тангутского права XII в. Сабли монголов были легки, тонки и изогнуты. Древки стрел изготовлялись из ивы, луки и седла—из дерева. Монголы не знали кольчуг, тело они защищали традиционным для Центральной Азии и Китая ламеллярным панцирем, изготовленным из узких кожаных или металлических пластинок, связанных между собой ремешками. Панцири из твердых материалов, из деталей, связанных между собой, именовались хуяг. Еще один тип панциря назывался хатангу дегель—это

были «кафтаны» из мягких материалов — войлока, ткани, кожи, простеганные и проложенные металлом. Хуяг наворачивался на тело на лямках и оставлял открытыми плечи; хатангу дегель защищал плечи и имел оплечья в виде фигурно вырезанных лопатовидных лопастей. Шею защищали «боевые воротники» из мягкой кожи, на которую нашивали металлические пластины. Щит воина, халха, был сплетен из ивовых прутьев, имел круглую форму и диаметр около 50 см. Шлемы у монгольских воинов были сфероконическими, склеенными из отдельных элементов, по швам перекрытые металлическими пластинками, с коническим, полушаровидным или плоским навершием. Лоб защищала прямоугольная или фигурная пластина, затылок прикрывали пластинчатые бармицы. Имелись и конские доспехи [Горелик, с. 247 — 259]. Металла монголы имели в достатке и были хорошими кузнецами. Их оружие и доспехи оказались надежными и эффективными в бою.

Боевые кони проходили специальную выучку. «Лоннадей. — сообщал Чжао Хуи. ...на первом или втором году жизни усиленно обездужают в степи и обучают. Затем расстяг в течение трех лет и после этого снова обездужают их... В течение дня их не кормят сеном. Только на ночь отпускают их на пастбище... На рассвете сдлают их и едут... Всякий раз, когда татары выступают в поход, каждый человек имеет несколько лоннадей. Они едут на них поочередно, сменяя их каждый день. Поэтому лошади не изнуряются» [Полное описание, с. 68 — 69].

Во время марша командир был обязан ориентироваться на слабейшего, и их темп движения был обязательным для остальных. Чингис считал, что «подобает начальствовать войском тому, кто сам чувствует жажду и голод и соразмеряет с этим положение других, идет в дороге с расчетом и не допускает войско терпеть голод и жажду, а четвероногих — отощать» [О составе Великой Ясы, с. 18].

За вычетом из добычи доли, причитающейся хану, каждый воин имел свою долю в добыче. Это было весьма важным стимулом и побуждало этой добычей завладеть, а сделать это можно было, только победив врага. В найденном не столь давно в Корее памятнике монгольского законодательства XIII в. прямо декларируется, что все то, что захватил солдат, все его. «Все трофеи, найденные солдатом в походе, как то: пленные, скот, вещи — принадлежат только этому солдату, и запрещается его начальнику конфисковать их путем наказания и угрозы солдату» [Сумьябаатор, с. 358].

Семья, член которой пал на поле брани, на год освобождалась от мобилизации в армию других военнообязанных мужчин. Если член семьи, воин, умирал на службе в армии от болезни, отсрочка на призыв в армию другого члена семьи давалась на полгода. Дезертир подлежал смертной казни, которая обычно совершалась перед строем.

Первый отряд камнеметчиков из пятисот солдат был организован в монгольской армии, возможно, монголом Аньмухаем.

По его биографии в «Юань ши», Чингис спросил Аньмухуя о возможной тактике взятия городов. Аньмухуй сказал: «Чтобы атаковать город, надо прежде всего использовать камнеметные орудия. Когда силы от этого увеличатся, можно двигаться вперед». Император обрадовался и тотчас приказал назначить его камнеметчиком. Он отобрал 500 человек и обучил их» [Юань ши, изд. 122, с. 66—7а].

Мы уже писали о том, что монгольская доктрина отношений с соседями требовала от них безоговорочного подчинения по первому требованию. «Как только враг, отклонив приказ, выпускал хотя бы одну стрелу или метательный камень, в соответствии с государственной системой все убивались без пощады во всех случаях» [Китайский источник, с. 76]. Монголы предпочитали начинать войну осенью, когда кони нагуляют тело, но планы и цели будущей войны обычно обсуждались и определялись весной и в начале лета.

Приказы о мобилизации войска и выступлении в поход передавались быстро и четко, нередко через гонцов, устно, без всяких письменных приказов.

Немаловажно то, как оценивали приемы и тактику ведения боя монголами их современники, в том числе и европейские. Венгерский монах, брат Юлиан, сведения которого относятся к 1235—1237 гг., доносил: «Сообщу вам о войне его но правде следующее. Говорят, что стреляют они дальше, чем умеют другие народы. При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а как бы ливнем льются. Мечами и копьями они, по слухам, бьются менее искусно. Строй свой они строят таким образом, что во главе десяти человек стоит один татарин, а над сотней человек один сотник. Это сделано с таким хитрым расчетом, чтобы приходящие разведчики не могли укрыться среди них... и люди, собранные из разных языков и народов, не могли совершить никакой измены. Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, кто пошел в бой и кого убили, делят между оставленными для обработки земли... и обязывают тех людей впредь именоваться татарами. Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если погибнут в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами. Поэтому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить, а умереть скорее». «На укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок... из всех завоеванных стран они гонят в бой перед

собой воинов, годных к битве» [Известия венгерских миссионеров, с. 87 – 88].

Брат Юлиан собрал достоверные сведения о ведении боя, тактике взятия укреплений и городов, о том, что армия монголов потому и была велика, что состояла «из разных языков и народов», часть из которых шла в бой по принуждению. Мы уже сообщали выше, что все это почти слово в слово повторяется у Чжао Хуна, Джувейни. «От границы Туркестана до крайней Сирии... повсюду, где был царь, либо владетель страны, либо управитель города, что встретили его сунпротивно, он всех их уничтожил с семьями, приемниками, сродниками и чужаками. Так что, где было народу сто тысяч, без преувеличения сотни не осталось» [О составе Великой Ясы, с. 41]. В 1233 г. при взятии Кайфына Субетай объявил: «Этот город долго сопротивлялся, убито и ранено много воинов, поэтому хочу вырезать его весь» [Китайский источник, с. 76]. Это стало правилом.

* * *

Если Чингис-хан считал, что он избран Вечным Небом на роль завоевателя мира и выполняет это высшее предназначение, то те, на кого он обрушил мощь своих армий, сочли его бичом божьим, существом, посланным им в наказание, как это ни удивительно, теми же высшими силами¹. Вера в повеление высших сил, в то, что мы назвали бы «божественным промыслом», давала одним уверенность в победе, других лишала воли к сопротивлению.

Массовый террор деморализовал противника. Ибн-аль-Асир с возмущением рассказывал о необычных случаях проявления страха перед татаро-монголами: «Так, например, рассказывалось, что один человек из них (татар) заехал в деревню или улицу, где находилось много людей, и, не переставая, перебил их одного за другим, и никто не решился поднять руку на этого всадника. Передавали мне, что один из них схватил человека, и так как при татарине не было, чем убить его, то он сказал ему: „Положи голову свою на землю и не уходи“. Тот и положил голову на землю, а татарин ушел, принес меч и им убил его. Рассказывал мне человек также следующее: был я с семнадцатью другими людьми в пути: подъехал к ним всадник из татар и сказал, чтобы один из них связал другого. Мои товарищи начали делать, что он им приказал. Тогда я сказал им: он один, отчего бы нам не убить

¹ Китаец Сун Цзычжэнь полагал нашествие Чингис-хана наказанием, которое обрушилось на народы Северного Китая по воле Неба: «Основы процветания государства были заложены в Северной стороне. Там Тай-изу удостоился получить [великое] повеление [Неба на занятие трона] благодаря [своей] мудрости и добродетелям и почтительно осуществил наказание [народов по воле] Неба. Куда бы ни обращалась голова его коня, нигде не оказывалось государства, которое было бы способно [устоять перед его натиском]» (Китайский источник, с. 68).

его и не убежать. Они ответили: мы боимся, а я сказал: он ведь хочет убить вас сейчас, так мы лучше убьем его, может быть, Аллах спасет нас. Клянусь Аллахом, ни один из них не решился сделать это. Тогда я взял нож и убил его, а мы убежали и спаслись. Таких примеров много» [Ибн-аль-Асир, с. 42].

Жестокость стала политикой, об этом мы уже говорили. «Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь в качестве рабов» [Путешествия, с. 54]. Селения были покинуты, а земледельцы уходили голые. «Они предают мечу людей независимо от их возраста, положения и пола». «Только археологические раскопки могут во всей неприглядной правдивости дать представление о масштабах общерусского погрома: вымершие столицы княжеств, тысячи сожженных домов, скелеты разрубленных саблями женщин и детей» [Куликовская битва, с. 9]. Смба́т Спа́ранет ехал в 1247 г. в Каракорум. В районе Самарканда, записал он в отчете о поездке, «я видел несколько городов, разрушенных татарами... Я видел некоторые из них за три дня пути и несколько удивительных гор, состоящих из груды костей тех, кого умертвили» [Армянские источники, с. 65]. Другой армянский автор писал: «Они были настолько жестоки, что если бы я обладал самым хорошим красноречием, то не смог бы рассказать те страдания и горести, которые они дали испытать полной чашей в Араратской долине, особенно в городе Ани» [там же, с. 44]. И вполне естественный результат: воля к сопротивлению была подавлена или подавлялась, возникла та рабская покорность, о которой столь красноречиво поведал Ибн-аль-Асир. Ведь везде было одно и то же: в Китае, Средней Азии, в Иране и на Кавказе, на Руси и в Восточной Европе.

Нет больше ни родника, ни реки,
Не наполненных нашими слезами.
Нет больше ни гор, ни полей,
Не потоптанных татарами.
Лишь дышим мы едва-едва,
А ум и чувства в нас мертвы

(Фрик. 1210—1290 гг.)

[Армянские источники, с. 10—11].

Вот это и нужно было завоевателям: чтобы ум и чувства покоренных были мертвы. Они добивались этого, и это способствовало их победам. Это создало легенду о том, что в мире никогда не было армии, которая могла бы сравниться с армией татар.

Одним из следствий террора наряду с иными причинами стало массовое предательство, переход на сторону сильного, преданная служба недавнему врагу, что гоже входило в нравственно-психологический фон эпохи и немало помогло незначительным по численности монголам вести за собой или подчинить себе и заставить действовать в своих интересах целые армии, состоящие

из представителей покоренных и сдавшихся народов, те «разные языки и народы», которые с не меньшим усердием, чем верные нукеры Чингис-хана, ковали для него победу. Мы видим тангута Сили Цяньбу на стене родного города, осажденного монголами, а пройдет десять лет, и он с усердием станет штурмовать Рязань и Козельск; это факты из «Юань ши» [цз. 122], а не наш домысел. Для Евпатия Коловрата он все равно был «татарин», а для нас нет. Он был в татарской армии, ковал ей победу, спасши лично себя, но, презрев муки и судьбы своего народа, который, о чем он мог и не знать тогда, уже был обречен на полную гибель, на исчезновение в качестве самостоятельного этноса.

В биографии Субетая [«Юань ши», цз. 120, с. 16—2а], подчеркивается, что, объединив Монголию, монголы создавали тысячи из меркитов, найманов, керейтов, из соседних тюрок, капглы и кипчаков. Керейт Цисили изменил Ван-хану и стал служить Чингису. Покорился и перешел на монгольскую службу найман Мача, позже командовавший монгольской и китайской армиями. Служил Чингису и Чаосы, найман, но не простой, а правнук Таян-хана и внук Кучлука. Канглы Хашибол (Хасбулат) сдался монголам и позже ведал скотом при дворе одной из императриц.

Мусульманин Джафар-ходжа присоединился к Чингис-хану в 1203 г., вместе с другим мусульманином на службе у Чингис-хана, купцом Хасаном, он пил воду из озера Бальчжуна и стал одним из первых монгольских даругачи. Даругачи стал уйгур Цюели, который ранее также добровольно сдался монголам. Служили Чингису грамотные уйгуры Мэнсусы и Булухай.

В биографии Мухали [«Юань ши», цз. 119, с. 1а, — 2б] сообщается, что когда во время войны с Цзинь сдавались полководцы — кидани, китайцы, чжурчжэни, то им давали армию, территорию в управление и отправляли на войну против их бывшего государя. С 1216 г. монголы стали брать в гвардию сыновей сдавшихся полководцев и вельмож Цзинь. Короче, привлечение завоеванных к продолжению завоеваний было правилом. Уже после смерти Чингис-хана в 1235 г. обсуждался проект использования мусульман для завоевания юга Китая, а китайцев для походов в Восточную Европу. Елюй Чупай, имевший большой авторитет при монгольском дворе, отговорил хана от этой затеи, сославшись на различие климатов, но предложил, что «лучше, если и те и другие будут участвовать в карательных походах в своих странах» [Китайский источник, с. 78].

Основное население империи Цзинь составляли китайцы, чжурчжэни, кидани, бохайцы. Кидани мечтали о восстановлении своей погибшей династии. Китайцы в массе своей, естественно, были на стороне Южной Сун, они также думали об изгнании завоевателей-чжурчжэней. И бохайцы, возможно, не забыли о том, что двести лет назад имели свою государственность, уничтоженную киданями. Поэтому обстановка для монгольского вторжения была достаточно благоприятной. Многие, слишком многие в империи Цзинь были равнодушны к судьбе династии.

У Чингис-хана не было недостатка в информаторах. Еще до объединения им Монголии к нему на службу перешли Елюй Ахай и Елюй Тухуа, братья, отпрыски правившей в киданьском государстве династии. Они были посланы императором Цзинь к Ван-хану керейскому, но перешли на службу к Чингис-хану и пили с ним вместе воду из озера Бальджуна. Они хорошо знали положение Цзинь и особенно ситуацию в пограничном районе. В 1208 г. четыре высоких цзиньских чиновника-китайца с семьями перебежали к Чингис-хану и стали его советниками. Это были Ли Цао, человек умный, который усиленно подбивал Чингиса на войну с Цзинь, а также Бай Лунь, У Фэньчэнь и Тянь Гуанмин. Ли Цао и Бай Лунь в 1221 г. занимали высокие посты в монгольской администрации. Причины перехода этих людей не очень ясны (кроме естественного желания натравить монголов на Цзинь). Игорь де Рахевильц полагает, что трое из них готовили поход на монголов, но император Чжап-цзун решил, что они хотят переметнуться к монголам. Чтобы избежать следствия и наказания, они действительно оказались у монголов [Рахевильц. Личное и личности, с. 96—98].

Елюй Ахай участвовал в западном походе, был монгольским наместником в Самарканде и умер на этом посту. Еще до начала войны с Цзинь на сторону монголов перешел кидань Елюй Нирз. Ему принадлежит авторство плана нападения на Цзинь, состоявшего из 10 пунктов. Елюй Нирз занимал должность бичеги. Пост бичеги считался очень важным. Бичеги принадлежал к гвардии, это был не просто писец, а секретарь, советник, эксперт. Положение бичеги, по предположению Игоря де Рахевильца, равнялось положению министра [там же, с. 100—103].

Война принесла с собой новую волну перебежчиков. После 1211 г. именно благодаря перебежчикам монголы научились пользоваться осадными машинами и брать города. По подсчетам Игоря де Рахевильца, специально исследовавшего вопрос, сохранились сведения о 35 видных деятелях Цзинь, перешедших на службу к монголам [там же, с. 105]. Среди них было 22 китайца, 9 киданей и 4 чжурчжэня. Уже в 1213 г. была сформирована первая армия из местного населения Цзинь, воевавшая на стороне монголов. Она называлась «Черная армия», ее первым командующим был китаец Ши Хуайдэ, после его смерти Ши Тяньсян. Семья Ши преданно служила Чингис-хану. Ее глава Ши Бишжи перешел на сторону монголов в 1213 г. Его сын Ши Тяньпи стал темником, в 1214 г. получил золотую пайцзу от Чингис-хана, в 1215 г. — золотую тигровую пайцзу и пост главнокомандующего немонгольскими войсками на западе Хэбэй. Сам Ши Тяньсян дослужился до «маршалского» звания юаньшуй; с 1220 г. он — левый помощник главнокомандующего Мухали. Из числа китайцев в монгольской армии, воевавшей в Цзинь, было три темника — Джалар, Лю Хэйма и Ши Тяньцзэ. Сохранилась биография китайца на военной службе монголов Ван Цзи, советником Мухали был китаец Хэ Ши.

Игорь де Рахевильц выделяет четыре причины перехода подданных Цзинь на сторону монголов: предчувствие гибели Цзинь и подъема новой династии, использование монголов для борьбы с давним врагом — чжурчжэнями, стремление сохранить свою жизнь и жизнь своих людей, наконец, желание присоединиться к родственникам, попавшим в руки монголов [там же, с. 106]. Кидань Шимо Есянь не раз спрашивал отца о причинах гибели государства Ляо. «Ты можешь возродить его!» — сказал ему отец. Шимо Есянь подчинился монголам и посоветовал им атаковать Восточную столицу — исконные земли Цзинь в Маньчжурии. Мухали взял Восточную столицу Цзинь при помощи киданей, в результате монголы получили территорию в несколько тысяч ли и стотысячную армию. А захваченные фураж, военное снаряжение и военная техника, по словам источника, «громоздились горой». В итоге «люди Цзинь оплакивали свои исконные земли» [Юань ши, цз. 150, с. 16].

В 1216 г. к монголам попал их знаменитый будущий советник Елюй Чуцай, человек большой учености, считавший, что, даже служа, можно продолжать учиться, ибо день принадлежит службе, а ночь — тебе. Чингис принял Елюй Чуцай и имел с ним беседу:

— Ляо и Цзинь — извечные враги. Я отомстил чжурчжэням за тебя!

Однако Елюй Чуцай не согласился с Чингисом и сказал:

— Мой дед и мой отец служили дому Цзинь как подданные. Неужели я решусь быть двоедушным и осмелюсь стать врагом государя и отца! [Китайский источник, с. 70].

Исход у этой, как мы видели не раз, стандартной беседы был тоже стандартен. Чингис-хан оставил Елюй Чуцай при себе советником. Если Елюй Чуцай предпочел службу монголам личной смерти, то и в духе морали той эпохи он служил Чингис-хану преданно, как новому «государю и отцу», и, как сам он позже говаривал, за 30 лет службы «никогда не поворачивался спиной к государству». И Чингис ценил своего советника. Он сказал как-то Огодаю: «Небо пожаловало этого человека нашему дому». Именно Елюй Чуцай, так по крайней мере утверждают источники, предотвратил поголовное истребление Северного Китая. Многие монголы считали китайцев бесполезными, «нет от них никакой пользы, лучше уничтожить их всех». Елюй Чуцай убедил императора, что население Северного Китая следует сохранить и не превращать страну в пастбища. Выгоднее обложить население налогом и получать много серебра, шелковых тканей и зерна. Он же внушил монголам, что Поднебесную можно получить, сидя на коне, но управлять ею, сидя на коне, невозможно (см. [Китайский источник, с. 68—80, 187]). Перебежчики и люди, очутившиеся на монгольской службе из Цзинь и Си Ся, принесли с собой богатый опыт многовековой китайской государственности.

Из тангутов на монгольской службе известны еще Вачжацзэ, работавший в управлении историография государства Си Ся. Он

сдался при осаде Силяна вместе со старейшими и почетными жителями города. После гибели государства Си Ся стал управителем бывшей его столицы Чжунсина, занимался снабжением монгольской армии продовольствием и фуражом [Юань ши, цз. 134, с. 7а]. Тысячником монгольской армии был тангут Ебу Ганьбу [там же, с. 5а], бичеги Чингиса был тангут Сэн Цито [там же, цз. 133, с. 1а]. Сяо Ню, выдающийся тангутский мастер по изготовлению луков, стал сотником мастеров-лучников в Каракоруме [там же, цз. 134, с. 12].

В ходе войны в Северном Китае появилась армия танмачи, сформированная из отрядов киданей, китайцев, чжурчжэней, а затем китайская армия. Начиная с 1219 г., с похода Чингис-хана на запад, завоевание Северного Китая все больше и больше велось чужими руками, в основном китайскими. Можно согласиться с Игорем де Рахевильцем, что в одиночку монголы вряд ли смогли бы завоевать и удержать северные провинции Цзинь. Число китайцев-перебежчиков неуклонно росло, из 23 видных перебежчиков после 1216 г. уже только один кидань и 22 китайца. Среди глав местных, так называемых подвижных провинциальных управлений, созданных с 1214 по 1228 г., монгол был один, уйгур один, чжурчжэнь один, выходец из Средней Азии один, киданей четыре и китайцев девять. В целом в органах управления завоеванными территориями Цзинь 80% чиновников были китайцы [Рахевильц. Личное и личности, с. 118, 119—120]. Власть их в основном стала наследственной, права их приравнивались к правам монгольской знати, а подчиненное им население считалось «народом» (улусом или иргеном), а не рассматривалось как рабы. Монголы сохраняли за китайскими и киданьскими перебежчиками их цзиньские титулы; они были безразличны для монголов, но имели значение в глазах местного населения. Все видные перебежчики по социальному статусу приравнивались к нукерам.

Перебежчики были и при завоевании Средней Азии и Ирана. После падения Бухары на сторону Чингис-хана перешли владетель Кундуза Али-ад-дин и владетель Балха Мах Руи. В числе наиболее видных перебежчиков был Бадр-ад-дин. Он заявил Чингис-хану: «Пусть хан знает, что султан в моих глазах — самое ненавистное из творений Аллаха, потому что он погубил многих из моих родичей». Именно Бадр-ад-дин предложил Чингис-хану посеять рознь между тюрками и нетюрками в государстве хорезмшаха. Он научил написать подложные письма от имени родственников Теркен-хатун, матери хорезмшаха, Чингис-хану, в которых говорилось: «Мы с нашими племенами и теми, кто ищет у нас убежища, пришли из страны тюрок к хорезмшаху, желая служить его матери. И мы помогали ему против всех правителей земли, пока он не завладел ею, пока ему не покорились властелины и не подчинились подданные. И вот теперь изменилось его намерение в отношении прав его матери: он ведет себя заносчиво и непочтительно. Поэтому она приказывает оставить его без

помощи. А мы находимся в ожидании твоего прихода, чтобы следовать твоей воле и твоему желанию» [Буниятов, с. 141]. Такие письма вызывали недоверие у хорезмшаха к тюнкам из окружения матери, вынуждали его принимать меры предосторожности, распылять силы, что было на руку завоевателям.

Молодой свердловский исследователь В. В. Трепавлов подчеркивает особое отношение Чингис-хана к тюнкам. Он полагает наличие программ «объединения» и «пропаганды тюрко-монгольского единства». В программу «объединения» он включает присоединение к империи киргизов, алтайцев, кимаков, уйгуров и карлуков Восточного Туркестана после разгрома Кучлука. Программа «пропаганды тюрко-монгольского единства» включала привлечение в 1218–1223 г. отколотых от хорезмшаха и побитых монголами канглы, туркмен, кипчаков в войска, состоявшие на службе у монголов, помогавшие им продолжать завоевание [Трепавлов, с. 10–11]. И хотя наличие «специальных программ» — это в какой-то мере реконструкция событий В. В. Трепавловым, но он прав в главном — монголы действительно выделяли тюнков и стремились сделать из них своих союзников. Позже, при правлении в Китае монгольской династии Юань, тюнкам принадлежала важная роль в управлении страной.

В Хорасане, по сведениям ал-Насави, монголам активно помогал некий Хабап из Касиджа «Люди претерпели от него страшные бедствия», он заставлял местных жителей и владельцев осаждать и брать города, тех же, кто не повиновался, «он предавал мечу и отправлял по пути смерти» [Насави, с. 98].

Таким образом, правы те, кто подчеркивает, что успехи монгольского оружия — это заслуга и тех, кто перешел на его сторону и преданно служил ему, каковы бы ни были их мотивы — измена, добровольная или вынужденная сдача, служба после нападения в плен или просто добровольный переход на службу монголам, вполне осознанный и диктуемый желанием урвать свою долю добычи и славы. Таких людей было много, за ними была немалая сила, и они активно содействовали победам Чингис-хана и поражениям тех, на кого он нападал.

* * *

Личность и эпоха, роль личности в истории отнюдь не простая проблема, когда мы переходим от общих рассуждений к конкретным фактам. В чем проявляет себя закономерность, а в чем — случайность, как произошло то сцепление событий, которое вытолкнуло на большую историческую арену такую личность, как Чингис-хан? На протяжении полутора тысяч лет возникали и гибли кочевые государства Центральной Азии — гуннов, сяньби, жуаньжуаней, тюнков, уйгуров, киргизов, киданей. И монголы Чингис-хана даже не замыкают эту цепочку, потому что было возобновление монгольского государства после падения династии Юань, были ойраты. На фоне исторических собы-

тий, происходивших в Центральной Азии, появление монгольского государства, объединение Монголии — закономерность, как столь же очевидно закономерен последующий развал и упадок, ибо все это бывало, и не раз, уже до этого и после этого. Поскольку объединение Монголии в начале XIII в. вполне закономерно, то с позиций этой закономерности безразлично, кто это сделал бы — Чингис-хан, или Чжамуха, или Ван-хан. Но мы знаем, что этносы, народы мужают и ослабевают. И то, что именно монголы объединили Монголию, шире — Центральную Азию, в какой-то мере объяснимо тем, что монгольский этнос, выйдя на просторы Халхи и вытесняя оттуда тюрков, заимствуя от них все пригодное, был на подъеме, и не случайно, что именно монголы, потерпев в первый раз неудачу — развал Хамаг монгол улуса, — объединили страну, которую мы и именуем теперь Монголией.

Но почему осуществил это именно Чингис-хан, вернее, Темучжин? Темучжин, происходя из ханской семьи, имел потенциальное право на власть, но эта потенция могла и не быть реализована, как у многих других представителей его рода. Подрастком он испытывал гонения и жил в бедности, хотя для его семьи это не было закономерным — сыграло свою роль неблагоприятное стечение обстоятельств в связи с безвременной гибелью Есугай-баатура. Чингис мог погибнуть, мог кончить свои дни в плену или даже рабстве, на его месте мог быть кто-то другой и не было бы его личности, ее влияния на события и на эпоху. Гибель Темучжина или его возмужание — это фактор случайный, но то, что время требовало там, где он жил и рос, появления такой или схожей с ним личности, — это зов необходимости. Нам не кажется глубоко аргументированным противопоставление Чжамухи как носителя старого, родо-племенного быта Темучжину как носителю нового строя. В источниках мы находим фиксацию неодинаковости скорее их личных качеств, чем их «программ». Устремления их были одинаковыми — уничтожить соперников и объединить монголов и окружающие улусы под своей властью. Да и вообще полагать, что монголы в XII в. жили родо-племенным обществом, пусть даже на той стадии, которую выделяли ранее и называли военной демократией, нам кажется ошибочным. Эта проблема должна быть еще доисследована.

Темучжин превзошел своих соперников, реальных правителей Монголии тех лет, Чжамуху и Ван-хана, Таян-хана и Торгутай-Кирилтуха, именно своими личными качествами, импонировавшими тем, кто являл собой реальную силу и потому подчинившимся, перешедшим на службу к нему и начавшим выполнять его волю. В данном случае решающую роль сыграла личность Темучжина, независимо от того, как бы ее ни оценивать с позиций наших дней.

Главным, вероятно, явилось то, что Темучжин не только искренне и со всей ответственностью поверил в свое призвание избранника Неба, но и сумел внушить эту веру, а значит,

и уверенность в необходимости (если не правоте) его действий другим. Он добился первого крупного успеха — ликвидировал междоусобицы и внутренние войны, объединил страну и нашел то, что смогло увлечь его армию за пределы страны, и, видимо, в данном случае произошло то единение истории и личности одного из ее творцов, которое и составляет суть каждого крупного исторического события. Считая идеалом жизни воина-кочевника ниспровержение и ограбление врага, захват и дележ добычи. Чингис-хан указал на соседние страны, где такая добыча была и ее можно было захватить, не рискуя получить отпор или погибнуть.

Объективным и закономерным было и то, что соседний Китай (понимая под этим словом Китай в его современных границах и границах конкретно-исторических для каждой данной эпохи, что не одно и то же) столь же регулярно, как и соседний кочевой мир, переживал периоды объединения и раздробленности, усиления и ослабления. С одной стороны, на соседних с собственно Китаем землях в эпоху, предшествующую непосредственно появлению Чингис-хана, непрерывно шел процесс мужания этносов и появления их самобытной государственности, будь то Тибет, тюркские каганаты, Наньчжао на территории современной провинции Юньнань, государства киданей, тангутов, чжурчженей. С другой стороны, и собственно Китай переживал регулярные периоды единения и распада: эпоха Воюющих царств — IV — III в. до н. э. и объединение при династиях Цинь и Хань до III в. н. э.; распад с III в. н. э. до конца VI в.; объединение с VII по начало X в. и распад до завоевания монголами всего Китая во второй половине XIII в. Объединение кочевого мира отнюдь не всегда совпадало с разъединением Китая, но возникновение сильных кочевых держав не раз приводило к включению в их состав северных районов страны.

Мы имеем все основания считать раскол и объединение Китая исторической закономерностью. Чингис-хан объединил Монголию и обрел силу как раз в тот момент, когда Китай был расчленен на южную и северную половины: северная входила в состав государства Цзинь, часть китайцев жила в созданном тангутами государстве Си Ся. Ситуация для завоевания части страны (или всей страны) была объективно благоприятной.

По мнению китайских авторов, отсутствие единства страны и упадок — вот та политическая ситуация, которая привела Чингис-хана к победам [Юань чао ши, с. 2 — 3]. В сущности ни Цзинь, ни Южная Сун не находились в состоянии упадка, так же как и тангутское государство, а государство хорезмшаха при всех его слабостях набирало силу. Трудности, возникавшие в этих государствах, не выходили за рамки обычных, даже повседневных, они стали роковыми тогда, когда эти государства подверглись атакам монголов. Известно, что государства, населенные различными этносами, в особенности если одни из них покорены другими, всегда более уязвимы. Межэтнические трения резко обостри-

лись в Цзинь во время монгольского вторжения и дали свои печальные плоды.

Не исключено (мы просто не имеем свидетельств источников), что межэтническая рознь обострилась и в Си Ся. В этом государстве при господстве тангутов жили еще по меньшей мере три народности — китайцы, уйгуры и тибетцы. Уйгуры, часть китайцев и тибетцев были включены в состав тангутского государства силой оружия. Государство Си Ляо, или кара-китаев, также было многонациональным при господстве киданей-завоевателей. В этой стране внутренняя рознь усиливалась благодаря вражде на религиозной почве (большинство подданных мусульмане, а господствующий народ и династия — буддисты). В государстве хорезмшаха были трения, в том числе и в пределах правящего дома, между ираноязычными и тюркоязычными этносами.

Следует учитывать и психологию людей той эпохи. Многие из них служили верно и преданно своему государю, своей династии. Но именно государю и династии, а отнюдь не всегда своему народу, своей родине. Патриотизм, как мы понимаем его сейчас, отнюдь не был господствующим и единственно нравственным. Для Елюй Чуцая, который оказался на службе у Чингис-хана, столь же нравственно было отдавать все силы служению Чингис-хану, как он ранее служил императору Цзинь, хотя Чингис-хан и воевал с его прежним государем и не думал восстанавливать киданьское государство. Нелепо было бы отрицать силу этнических связей, но отношения «подданный — государь», независимо от этнической принадлежности государя и подданных, нередко были сильнее связей и отношений этнических.

Современная китайская наука, которая сочла удобным для себя полагать Китай издревле в современных границах как некое извечное культурно-географическое единство, объявляет разные государства, так или иначе включавшие в свой состав территорию современного Китая, «политическими властями», на которые временами распадался Китай. Поэтому покойный Хань Жулинь в предисловии к «Истории династии Юань» писал: «Во время подъема монголов в Китае утвердились семь-восемь политических властей: Южная Сун, Цзинь, Си Ся, Си Ляо, Дали, Тибет» [Юань чао ши, с. 2]. Названо всего шесть. Кто не назван? Очевидно, Корея и Вьетнам. Но не в этом суть.

Поэтому для китайца, нашего современника, представляющего Китай как некое культурно-географическое полиэтническое единство при культурном (для прошлого даже необязательно всегда политическом) превосходстве китайцев, при доминировании их государственности, не составляет особого труда представить завоевание его страны монголами в XIII в. не как установление «татаро-монгольского ига», а как... «объединение страны». «Почему только монголы смогли объединить Китай, покончить с пятисотлетним расколом?» — задает вопрос Хань Жулинь, вопрос, который нам и в голову не придет. Он сам и отвечает на него: «сила коней», «китайское

мастерство» (техническое), личный талант Чингис-хана, неравномерное развитие национальностей (имеется в виду Китай) — монголы были на подъеме, а Сун и Цзинь в периоде упадка. «Монголы объединили Китай, и это в объективной ситуации того времени было совершенно естественно» [там же, с. 4]. Не завоевание (кровавое) Цзинь, Си Ся, Южной Сун, Си Ляо, Дали, подчинение Тибета, а «объединение Китая».

Думали ли так современники? На западе — явно нет. Там считали Чингис-хана наказанием за грехи, но отнюдь не объединителем. В Восточной Азии с ее представлениями о своей ойкумене как о Поднебесной и с давними идеями объединения Поднебесной под властью одного императора — такие настроения могли быть. Ошибочно думать, что эта идея была господствующей и имела ту законченную форму, которую за последние двадцать лет в целях определенной политической конъюнктуры ей придали современные китайские историки, но она тлела в Восточной Азии тысячелетия и объективно помогала Чингис-хану «объединять» Поднебесную. «Император юаньской династии, — писал Хань Жулинь, — был монголом. О времени, когда на драгоценном императорском троне Центральной равнины сидел император из национальных меньшинств, некоторые люди, не утруждавшие себя тщательными исследованиями, говорили, что это было темное время. Это не научный подход. Объединение под властью Юань завершило пятисотлетний период национальной вражды и кровавых войн, позволило каждой из национальностей страны в сравнительно спокойных условиях трудиться, развивать материальную и духовную культуру, и это, безусловно, был исторический прогресс» [там же, с. 4]. С юаньской эпохи Тибет «стал неотъемлемой частью родины». А «монголов было мало», и поэтому «не научно считать династию Юань черным пятном» [там же, с. 5].

Нам трудно воспринять такой «исторический прогресс». То, что для одних было «объединением», для других — было и остается «татаро-монгольским игом». Сущность многих китайских оценок чингисхановой деятельности, их метаморфозы хорошо сформулировал в свое время Лу Синь: «В двадцать лет я услышал, что когда „наш“ Чингис-хан покорила Европу, то был „наш“ золотой век. Лишь когда мне исполнилось двадцать пять лет, я узнал, что на самом деле в так называемый „наш“ золотой век монголы покорили Китай и мы стали рабами» (см. [Чулууны Далай, с. 4]).

Историческая наука, пытаясь реконструировать социально-экономические корни феномена Чингис-хана, исходит из того, что его появление связано с развитием монгольского общества, с его переходом к феодализму. Первым о монгольском кочевом феодализме наиболее четко написал акад. Б. Я. Владимирцов. Много лет монгольские и советские историки писали о том, что монголы перешли к феодализму, минуя рабовладельческую формацию. В известной мере нормативном для советской и мон-

гольской науки пособии «История Монгольской Народной Республики» мы читаем: «Создание монгольского государства знаменовало собой замену родового строя новым общественным строем — феодальным» [ИМНР, с. 133]. Монгольские феодалы, имея ограниченную собственную базу эксплуатации — кочевое скотоводство, с одной стороны, и «все возрастающие потребности» — с другой, повели аратов на захватнические войны. Чингис-хан отражал «интересы феодализирующейся кочевой знати» [там же, с. 136—137]. Чулууны Далай и его советский издатель Б. П. Гуревич пишут о Чингис-хане как о «выразителе прежде всего интересов монгольских феодалов» [Чулууны Далай, с. 3]. Современный французский ученый, монголовед Жак Легран избегает слова «феодализм». Он предпочитает термин «аристократия». Аристократия желала прочного установления своей власти и срочного расширения социально-экономической базы своего господства «ввиду низкого, недоразвитого уровня производительных сил самого собственно монгольского общества и хозяйства». «Именно на этой... почве — ...политическая специфика образования классового общества у монголов и необходимость для только что возникшей аристократии приступить к экспансионистской политике — возникла сущность чингисхановой личности, нового исторического типа индивидуальности» [Легран, с. 165].

О феодализации монгольского общества конца XII — начала XIII в. писали и некоторые западноевропейские ученые, например Ральф Фокс. Он полагал, что объединение Монголии явилось «неизбежной стадией в процессе развития феодализма у этого пастушеского и воинственного народа» [Фокс, с. 249].

Монгольское общество XII в. было классовым, и, безусловно, Чингис-хан создал социальную (военно-административную) иерархию и прикрепил производителей к месту производства. Возможно, в этом не было ничего принципиально нового для тысячелетней истории Центральной Азии, но, видимо, это было внове для монгольского общества и государства. Называть монгольских воинов, нукеров и полководцев Чингис-хана, монгольскую родовитую знать феодалами или степной аристократией — в известной мере условность, стремление дать этому классу общества европейскую характеристику. И это объективно вызывает вопросы в том числе, почему в большинстве случаев феодализация общества разъединяет его, порождает явление «феодальной раздробленности», а Монголию она объединяет? Не будем иронизировать над тем, чему действительно чрезвычайно трудно дать точную и убедительную научную характеристику.

Хорошо известно, что в мировой науке нет единых оценок Чингис-хана и его роли в истории. Интерес к его личности, оценки ее зачастую прямо связаны с политической ситуацией тех дней и лет, когда авторы вдруг снова берутся за перо и в который раз воскрешают из небытия грозную фигуру завоевателя. В Европе долгое время Чингис-хан воспринимался как правитель,

одержимый злой волей, направляющий на соседние народы своих варваров-грабителей. Еще Рубрук писал: «И конечно, если бы мне позволили, я стал бы, насколько у меня хватало бы сил, во всем мире проповедовать войну против них» [Путешествия, с. 137]. Ж. де Гинь, известный французский историк XVIII в., утверждал, что монголы не являлись цивилизованным народом и не стремились распространить мудрость своих законов. Это были варвары, которые отправились в соседние страны, чтобы захватить их богатства, а завоеванные народы обратить в рабов, вернуть покоренных в состояние варварства, а одним именем своим внушать страх всем и вся. Известный историк монголов д'Оссон объяснял все эти события честолюбием монгольских вождей и злой волей Чингис-хана, неуемной жадностью «жестоких и неистовых орд» к грабежу и захвату (см. [Гольман, с. 40—42]). Можно заметить, что в этот период особое внимание обращалось не столько на личность самого Чингис-хана, сколько на монгольские завоевания, их грабительский характер.

Со второй половины XIX в. авторы начинают больше уделять внимания непосредственно Чингис-хану. «Когда в возрасте 13 лет Чингис наследовал трон своего отца, он унаследовал только небольшой негостеприимный кусок территории на реке Онон. Для человека его... воинственной природы было невозможно удовлетвориться столь малой империей, и с неисчерпаемой энергией он распространял свои завоевания до тех пор, пока не наступил высший момент и он не увидел свою армию победоносной от Китайского моря до берегов Днепра» [Дуглас, с. 5]. «Он поставил цель перед людьми, которые были послушны ему... Его жизнь вся целиком была отдана этой цели... Дух великого Чингиса сделал способными его многочисленный род и его последователей... господствовать не только над их степной империей, но и над другими завоеванными культурными странами Восточной и Западной Азии» [Краузе, с. 3—4]. «Семьсот лет назад,— писал Ламб,— человек почти завоевал землю. Он стал владыкой половины известного мира и возбудил в людях чувство страха, которое сохранялось поколениями». «Чингис-хан — завоеватель более гигантского масштаба, чем хорошо известные европейские деятели». Тайна Чингис-хана — «в примитивной простоте монгольского характера». «Он взял от мира то, что он хотел для своих сыновей и своего народа. Он сделал это путем войн, потому что он не знал иных средств. То, что он разрушил, он не хотел разрушать, потому что он не знал еще, что с этим делать». Но, может быть, в словах Ламба впервые звучит и такая мысль: «Чингис-хан, разрушитель, сломал барьеры веков тьмы. Он открыл дороги. Европа вступила в контакт с Китаем» [Ламб, с. 13, 16, 210, 211]. О последней идее несколько ниже придется поговорить особо.

Гитлеровская Германия вносит свой оттенок в оценки Чингис-хана. Жорж Монгадон, переводчик на французский язык книги И. Баркхаузена «Юная империя Чингис-хана», пишет в предис-

ловии: «Монголы играют для великой монгольской расы точно такую же роль, какую блондины для европеоидной». Чингис-хан «имел в себе факторы блондизма», хотя и «нельзя сказать, что эти факторы стали факторами его личного могущества». Баркхаузен же трактует Чингис-хана как «суперперсональное воплощение расы и кочевничества», «в нем соединилась — определенно последний раз в истории — вся энергия чистого центральноазиатского номадизма, которая достигла чрезмерного величия и изменила лицо мира» [Баркхаузен, с. 8, 16].

Очень детально останавливается на анализе личности Чингис-хана и последствий его завоеваний Р. Фокс. «История не представляет параллелей этим двадцати годам завоевания мира неграмотным кочевником». Объединение им Монголии — «неизбежная стадия в процессе развития феодализма». Контакты с великими азиатскими цивилизациями — «потребность экономической жизни». Но «будь Китай сильной и объединенной страной со стабильной экономикой, никакой Чингис-хан никогда не завоевал бы его, даже благодаря своему богоподобному воинскому мастерству». То же самое — с Центральной Азией и Ираном. Под Центральной Азией Р. Фокс имеет в виду Среднюю Азию. «Будь эти два великих общества, китайское, с одной, и тюрко-иранское, с другой, не в полном упадке, Темучжин остался бы Темучжином, не имевшим никакого понятия о мире за пределами его родных степей».

Р. Фокс против того, чтобы оценивать Чингис-хана только как кровавого завоевателя. Если думать так, то «...подлинным памятником монгольскому народу была бы лишь знаменитая пирамида из черепов с картины Верещагина. Пирамиду из черепов игнорировать нельзя... Да, пирамида — закономерное основание, но это не полная правда». Результат не был «чисто негативным». Доводы Р. Фокса в пользу этого: Чингис-хан задержал упадок азиатских обществ; после завоеваний произошел расцвет культуры в юаньском Китае и Персии; монголы доказали на практике, что они были такими же блестящими организаторами, как и войнами (почта, дисциплина в армии, поощрение торговли, спокойствие границ); наконец, завоевания Чингис-хана внесли «великие изменения в отношения между Азией и Европой», «восток и запад вступили в прямой контакт», «были созданы реальные условия для мирового рынка и мировой торговли», «Темучжин открыл богатства Азии западному миру» и «тем самым сделал возможным рождение современного человека». Наконец, он «восстановил единство Китая» (вот откуда идеи Хань Жулиня и других китайских историков, разделявших и разделяющих взгляды Р. Фокса). Имя Чингис-хана, завершает свои выводы Р. Фокс, — «одно из самых известных простым людям Азии, которые доказывают, что они имеют лучшие суждения, чем многие историки» (см. [Фокс, с. 244—261]).

Рене Груссе, возможно, наиболее полно собравший в своем труде доступный ему материал, тем не менее избегал оценок. Для

него Чингис-хан — «наиболее великий и наиболее знаменитый завоеватель Востока», человек, который «в рамках своего образа жизни... проявил врожденный вкус к порядку и хорошему управлению» [Груссе, с. 4, 311]. «Убийства забываются... а поддержка дисциплины чингисханидами и уйгурская канцелярия остались. Эта работа после первоначальных разрушений оказалась в конечном итоге полезной для цивилизации... Объединив все тюрко-монгольские народы в единую империю, установив железную дисциплину от Пекина до Каспийского моря, Чингис-хан подавил вечную войну одних племен с другими и дал невиданную ранее безопасность караванам» [Груссе, с. 316].

П. Рачневский полагает споры о том, «были ли деяния Чингис-хана прогрессивными или негативными», бессмысленными, ибо не он первый «выпустил на волю экспансионистский натиск кочевников», «не он выдумал идею универсальной монархии». Он оказался только «удачливой экспонентой» этих сил, «завоевания Чингис-хана не были ни первыми, ни последними попытками кочевников Центральной Азии установления господства над культурными народами» [Рачневский, с. 184].

Мы привели лишь немногие из множества оценок, которыми пестрит значительная по объему литература о Чингис-хане. Стоит остановить внимание читателя на двух моментах, и прежде всего на якобы «врожденной» экспансии кочевников. Это серьезный довод, подтверждение которому видят в самом способе кочевого производства, в экономической необходимости — отсутствие нормальной торговли толкает кочевников на обмен силой, на ограбление оседлых соседей; в более повышенной «воинственности» кочевников, вызванной их образом жизни. В этом вопросе в науке пока нет полной ясности, однако, окинув взором путь, пройденный человечеством, нельзя утверждать, что кочевники были всегда более жестокими и неумолимыми завоевателями, чем оседлые народы. Если обратиться, например, к взаимоотношениям оседлых цивилизаций современного Китая с кочевниками Центральной Азии, то можно обнаружить, что китайцы постепенно поджимали кочевников, оттесняли их в глубины Азии, медленно, но неуклонно продвигая свои границы и сферу распространения своего этноса к северу. Совсем не случайно современные историки видят положительным в действиях Чингис-хана то, что он нанес удар «по захватнической политике китайских императоров и чиновников, постоянно стремившихся к угнетению кочевых народов, в том числе монголов» [Чулууны Далай, с. 3].

И наконец, еще об одном, очень важном. Р. Груссе неправ в том, что убийства забываются. Пирамиды из черепов не забываются. Человечество запомнило Чингис-хана не как правителя, обеспечивавшего достаточно надежную торговлю между Востоком и Западом (кстати, этот тезис наука не подтвердила конкретными исследованиями), а прежде всего как кровавого завоевателя. Какой бы ни была геростратова слава, геростраты, к сожа-

лению, не остаются в проигрыше, их помнят. Человечеству небезразлично, какой ценой оно оплатило пути из Азии в Европу и обратно, проложенные монголами. И у историка всегда есть право на то, чтобы сказать: «А что, если бы...» Если бы Монголию объединил не Темучжин, а Чжамуха, Ван-хан, Таян-хан или кто-либо еще из «природных монгольских ханов»? Завершилось бы это объединение такой же внешней экспансией или нет? Была ли одержимость Чингис-хана, его ненасытность как завоевателя велением эпохи или свойством его характера? Пусть даже некоторые черты характера Чингис-хана отражали особенности того общества, в котором он жил, мера его собственной жестокости была исключительно его личным свойством. И будь на его месте другой, меньше было бы пролито крови, человечество и меньше бы заплатило за те «блага», которые связываются с именем завоевателя. Нет, не может человечество не задумываться о цене тех или иных исторических событий. поэтому оно так или иначе всегда представляло и сейчас представляет счет всем чингис-ханам, какие бы цели они перед собой ни ставили.

А Чингис-хан и не искал себе оправданий. А. Борщаговский, написавший послесловие к одному из изданий книги И. Калашникова «Жестокий век», вслед за покойным монгольским академиком Ринченем, с которым он имел беседу о Чингис-хане, полагает, что Чингис-хану «открылась страшная тщета собственной жизни, его бессилие победить смерть, перед которой он еще более жалок, чем покорный судьбе нищий пастух». Он предполагает, что разрушенными оказались не только владения сопредельных народов, но и прежде всего личность самого Чингис-хана [Калашников, с. 764—767]. «Нравственная казнь», которую А. Борщаговский приписывает Чингис-хану и которую, кстати, трудно обнаружить и в романе И. Калашникова, и в сентенции Ринчена, за которыми следует А. Борщаговский, — антиисторическая выдумка, которая не находит ни малейшего подтверждения во всем том, что мы знаем о Чингис-хане. У Чингис-хана не было и тени раскаяния в содеянном, он был тверд в том, к чему как он верил, его призвало Небо, и был последователен в своих действиях до последнего своего часа.

Однако нельзя, как это сделал В. Чивилихин, полагать Темучжина — Чингис-хана «человеком без морали» [Чивилихин, с. 175]. Он руководствовался моралью своего общества, моралью «природных ханов», к числу которых принадлежал. И среди этих принципов имелись и такие (например, верность долгу), которые не вызовут осуждения и сейчас.

Современная монгольская и советская историческая наука исходит из того, «что историческую роль Чингис-хана нельзя оценивать однозначно. Она была прогрессивной в том смысле, что соответствовала объективно-историческому процессу консолидации монгольской народности и формированию единого монгольского феодального государства». Когда же Чингис-хан «встал на путь захватнических войн, его деятельность приобрела

реакционный характер». Войны эти оказались губительными и для самой Монголии, они «способствовали разобщению монгольской народности, истощали людские ресурсы Монголии, обусловили длительный политический, экономический и культурный ее упадок в последующие века» [ИМНР, с. 136—137]. «Труды Чингис-хана пропали,— пишет П. Рачневский.— Со времен Чингис-хана Монголия стала монгольской. Но монголы никогда не стали монголами времен Чингис-хана» [Рачневский, с. 184—185].

Да, Чингис-хан объединил разобщенные, враждовавшие между собой татаро-монгольские племена в единое монгольское государство. Но и в данном случае не следует забывать, какой ценой было достигнуто это единство — судьба татар хороший тому пример. Выросшее в войнах и нацеленное на захватнические войны государство Чингис-хана, разросшееся впоследствии до гигантских размеров, мало что принесло самой Монголии. В монгольском произведении, которое некоторые исследователи относят к XIII в., «Сказании об Аргасун-Хуурчи», гонец, прибывший из Монголии к воевавшему в далеких восточных землях Чингису, на его вопрос: «Здоровы ли супруга моя, сыновья и народ мой?» — отвечает:

Супруга твоя и сыновья твои здоровы!
Но не знаешь ты, как живет весь народ твой!
Жена твоя и сыновья твои здоровы,
Но не знаешь ты поведенья великого народа твоего!
Поедает он кожу и кору, что найдет,
разорванным ртом своим.
Всего народа твоего поведенья не знаешь ты!
Пьет он воду и снег, как случится, жаждущим
ртом своим.

Твоих монголов обычая и поведенья не знаешь ты!

[Шастина. Образ Чингис-хана, с. 441].

Войны принесли не только добычу, но и немалые бедствия простым монголам. Источники сообщают о разорении монгольских семей, о безлошадных кочевниках, о продаже монголов в рабство. Обнищание аратов подтверждает «ту истину, что завоевателями и угнетателями чужих народов были не вообще монголы, а только монгольские нойоны» [Мункуев, с. 385]. Тяжело был налог кровью. Лучшие людские силы были посланы за пределы страны на войну и остались за ее пределами, сложив головы на полях сражений или осев на завоеванных землях. Войны Чингиса наводнили Монголию награбленными предметами роскоши и пленными ремесленниками, производящими по преимуществу оружие и все те же предметы роскоши, но не внесли (да и не могли внести!) сколько-нибудь существенных изменений в основу хозяйства монголов — кочевое скотоводство.

Неудивительно, что, когда приблизительно через сто лет после окончания войн завоеванные народы свергли татаро-монгольское иго, монгольский арат оказался живущим почти в тех же условиях, что и в конце XII — начале XIII в. В наследство от Чингис-хана ему осталась только память о его походах и его кровавая слава.

И тем не менее, почему бы монголам не называть Чингис-хана выдающимся государственным деятелем своего государства? А жителям Средней Азии, Ирана и Кавказа, России не считать его кровавым завоевателем? И даже китайцам не писать о нем как об «объединителе Китая» и выдающемся государственным деятеле и их, китайской, истории?

Как показывает жизнь, писать портрет деятелей такого масштаба, как Чингис-хан, только черной или белой краской невозможно. И в злодействах своих они были масштабны и гениальны. Таков был Александр Македонский: гениальный полководец, стратег и тактик, выдающийся организатор побед — и душитель греческой свободы и демократии. Мужественный, непобедимый воин, рыцарь без страха и упрека — и человек, подозреваемый в отцеубийстве, кровавый палач, не останавливающийся перед пытками, казнями и жестокими расправами над целыми народами, странами и городами (см. [Шифман]).

Таков и Чингис-хан. Еще немало книг будет написано о нем — и научных, и научно-популярных, и романов, — будут созданы кино- и видеофильмы, и всякий раз ученые, писатели и сценаристы будут стоять перед проблемой — как оценить Темучжина — Чингис-хана, и будут решать ее в зависимости от своей национальной принадлежности, своей эпохи, своего характера и даже своих личных симпатий и антипатий. И может быть, прав Л. Н. Толстой в том, что нет величия там, где нет добра и правды, но как еще люди далеки от того, чтобы не только правду, но и добро понимать однозначно. И нередко, касаясь одних и тех же событий, одни возвеличивают героя, а другие оплакивают его жертвы — и те и другие бывают правы.

Список цитированной литературы

- Алтан Тобчи. — Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). Пер. Н. П. Шастиной. М., 1973.
- Армянские источники. — Армянские источники о монголах. М., 1962.
- Банзаров. — Банзаров Д. Собрание сочинений. Подготовка к печати и примеч. Г. И. Румянцев. М., 1959.
- Бархаузен. — Barckhausen I. L'Empire jeune de Genghis-Khan. P., 1935.
- Бартольд, Владимирцов. — Бартольд В. В. [Рец. на:] Владимирцов Б. Я. Чингис-хан (1922). — Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М., 1968.
- Бартольд В. В. Образование империи. — Бартольд В. В. Образование империи Чингиз-хана. — Сочинения. Т. V. М., 1968.
- Бартольд. Туркестан. — Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения. Т. I. М., 1963.
- Бунятов. — Бунятов З. М. Государство Хорезмшахов Ануштегинидов (1097—1231). М., 1986.
- Васильев. — Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. С приложением перевода китайских известий о Киданях, Чжурчжэнях и Монголо-Татарах. СПб., 1857.
- Викторова. — Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
- Владимирцов. Общественный строй. — Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

- Владимирцов. Чингис-хан. — Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. Петербург — Москва — Берлин, 1922.
- Воробьев. Чжурчжэнь. — Воробьев М. В. Чжурчжэнь и государство Цзинь. М., 1975.
- Вяткин, Тихвинский. — Вяткин Р. В., Тихвинский С. Л. О некоторых вопросах исторической науки в КНР. — Вопросы истории. 1963, № 10.
- Гамбис. — *Hambis L. Genghis-Khan*. P., 1973.
- Гамбис. История. — *Hambis L. L'Histoire des Mongols avant Gengis-Khan d'après les sources chinoises et mongoles et la documentation conserve par Rashidu-d-din*. — *Central Asiatic Journal*. Vol. 19. 1970, № 1—3.
- Гао Вэньдэ. — *Gao Wenyde*. Мэнгу нули чжи чутаи (О рабстве у монголов), отд. отт. Гольман. — Гольман М. Изучение истории Монголии на Западе. М., 1988.
- Горелик. — *Горелик М. В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. — Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
- Груссе. — *Grousset R. L'Empire du Monde*. P., 1941.
- Гумилев. Поиски. — *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.
- Гумилев. Древняя Русь. — *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
- Джувеини. — *Ata-Malik-Juvaini*. The History of the World Conqueror. Trans. A. Boyle. L., 1958.
- Докладная записка. — *Кычанов Е. И.* Докладная записка помощника командующего Хара-Хото (март 1225 г.). — Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1972. М., 1977.
- Дорона-Тиб. — *Даоцзунь Тибу (Дорона-Тиб)*. Синь и цзянь чжу «Мэнгу би ши» (Новый перевод с кратким комментарием «Тайной истории монголов»). Хух-Хот, 1979.
- Дуглас. — *Douglas R. K.* The Life of Jenghiz-Khan. L., 1877.
- Е Лун-ли. — *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань гочжи). Пер. с кит., введ., коммент. и примеч. В. С. Таскина. — Памятники письменности Востока, 25. М., 1979.
- Звучат лишь письмена. — *Кычанов Е. И.* Звучат лишь письмена. М., 1965.
- Ибн-аль-Асир. — *Тизенгаузен В.* Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.
- Известия венгерских миссионеров. — *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII — XIV вв. о татарах в Восточной Европе. Исторический архив. III. М. — Л., 1940.
- Илиньчжэнь. — *Илиньчжэнь.* Чжунго бэй фан миньцзу юй мэнгу цзу юань (Северные народности Китая и происхождение монголов), отд. отт.
- ИМНР — История Монгольской Народной Республики. Изд. третье. М., 1983.
- История. — *Иакинф [Бичурин Н. Я.]*. История первых четырех ханов из Дома Чингисова. СПб., 1829.
- Калашиников. — *Калашиников И.* Жестокий век. Улан-Удэ, 1985.
- Капица. — *Капица М. С.* Еще раз о роли Чингис-хаи в истории. — Вопросы истории. 1988, № 7.
- Китайский источник. — *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965.
- Клиф. — *Cleaves F. W.* The Historicity of the Baljuna Covenant. — *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 18, 1955.
- Комаи Ёсиаки. — *Комаи Ёсиаки.* Моко си дзёсэцу (Введение в историю монголов). Киото, 1961.
- Краусе. — *Krause E. A.* Čingis Han. Die Geschichte seines Leben nach den Chinesischen Reichs Annalen. Heidelberg, 1922.
- Куликовская битва. — *Рыбаков Б. А.* Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.
- Кычанов. Очерк. — *Кычанов Е. И.* Очерк истории таигутского государства. М., 1968.
- Ламб. — *Lamb H.* Genghis Khan, Emperor of all Men. L., 1928.
- Легран. — *Легран Жак.* Определение политического содержания «Монголын нууд товчоо» и установление даты его сочинения. — Олон улсын монголч-эрдэмтний IV их хурал. I боть. Улаанбаатор, 1984.
- Марко Поло. — *[Поло М.]* Книга Марко Поло. М., 1956.
- Михайлов. — *Михайлов Г. И.* Литературное наследие монголов. М., 1969.

- Монгольская летопись XVIII в. — *Балданжапов П. Б.* Allan Tobci. Монгольская летопись XVIII в. Улан-Удэ, 1970.
- Мункуев. — *Мункуев Н. Ц.* Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII—XIV вв. — Татари-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Намуонь. — *Намуонь.* Гуаньюй II — 13 пинци мэngu цзу шэxуй синчжи (О характере общества монголов в XI—XIII вв.), отд. отт.
- Насави. — *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалаалад-дина Манкбурны. Пер. с араб., предисл., коммент., примеч., указат. З. М. Буинятова. Баку, 1973.
- О составе Великой Ясы. — *Вернадский Г. В.* О составе Великой Ясы Чингисхана. — *Studies in Russian and Oriental History.* Bruxelles, 1939.
- Пельо. Тамбис. — *Pelliot P., Hambis L.* Histoire des Campagnes de Gengiz Khan. Cheng-Wou Ts'in-tscheng lou. Leiden, 1951.
- Пельо. Заметки. — *Pelliot P.* Notes on Marco Polo, I. Ouvrage posthume. P., 1959.
- Пельо. Монголы. — *Pelliot P.* Mongols et la papauté. P., 1923.
- Петрушевский. — *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия. — Татари-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Полное описание. — Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Пер. Н. Ц. Мункуева — Письменные памятники Востока, XXVI. М., 1975.
- Путевые заметки. — Путевые заметки китайца Чжан Дэ-хоя во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия, пер. П. Кафарова — Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. IX и X. Иркутск, 1867.
- Путешествия. — Путешествия в восточные страны. Плано Карпини и Рубрика М., 1957.
- Пэн Да-я, Сюй Тин. — *Пэн Да-я, Сюй Тин.* Краткие сведения о черных татарах. Публикация Линь Кюн и Н. Ц. Мункуева. — Проблемы востоковедения. 1960, № 5.
- Раверти. — *Raverty.* Tabakat-i-nasiri. A General History of Muhammadan Dynasty. Vol. I—II. L., 1881.
- Рахевильц. Личное и личности. — *Rachewiltz I.* de Personal and Personalities in North China in the Early Mongol Period. — *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* Vol. 9. 1966.
- Рахевильц. Некоторые замечания. — *Rachewiltz Ig. de.* Some Remarks on the Ideological Foundation of Chingis Khans Empire. — *Papers on Far Eastern History.* Vol. 7. 1973.
- Рачневский. — *Ratschnevsky P.* Činggis-Khan. Sein Leben und Wirken. — *Münchener Ostasiatische Studien.* Bd. 32. Wiesbaden, 1983.
- Рашид-ад-дин. — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей, т. I, кн. I, пер. Л. А. Хетагурова. М. — Л., 1952; т. I, кн. 2, пер. О. И. Смирновой. М. — Л., 1952, т. II, пер. Ю. П. Верховского. М. — Л., 1966; т. III, пер. А. К. Арендса. М. — Л., 1946.
- Сандаг. — *Сандаг Ш.* Образование монгольского государства и Чингисхан. — Татари-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Си юй цзи. — Си юй цзи или Описание путешествия на Запад. Пер. П. Кафарова. — Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866.
- Синь Тан шу. — Синь Тан шу (Новая история династии Тан). — Сы бу бэй жо. Шанхай, 1935.
- Скрынникова. — *Скрынникова Т. Д.* Монгольские термины сакральности правителя. V Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, сентябрь 1987). — Доклады советской делегации. I. История. Экономика. М., 1987.
- Сокровенное сказание. — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I, М. — Л., 1941.
- Старинное монгольское сказание. — Старинное монгольское сказание о Чингисхане. Пер. с кит. с примеч. Архимандрита Палладия. — Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866.
- Суй шу. — Суй шу (История династии Суй). — Сы бу бэй жо. Шанхай, 1935.
- Сумьябаатор. — *Сумьябаатор Б.* Новонайденный монгольский законодательный памятник XIII в. — Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал. I боть. Улаанбаатор, 1984.
- Сяо Цици. — *Ch'i — ch'ing Hsiao,* The Military Establishment of the Yuan Dynasty. Cambridge — Mass and London, 1978.

- Тайная история. — см. Сохрванное сказание.
- Тайная история монголов. — *The Secret History of the Mongol*. Transl. by Igor de Rachewiltz. — *Papers on Far Eastern History*. 1971, № 4; 1972, № 5; 1974, № 10; 1976, № 13; 1977, № 16; 1980, № 21; 1981, № 23; 1982, № 26; 1984, № 30; 1985, № 31.
- Тамура Дзицудзо. — *Tamura Jitsuzo*. The Legend of the Origin of the Mongol and Problem Concerning Their Migration. — *Acta Asiatica*. 1973, 24.
- Трепавлов. — *Трепавлов В. В.* Социально-политическая преемственность в государственном строе монгольской империи XIII в. — Автореф. канд. дис. М., 1987.
- Федоров-Давыдов. — *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Фокс. — *Fox R.* Genghis Khan. L., 1936.
- Франке. 1978. — *Franke H.* From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God. The Legitimation of the Yuan Dynasty. — *Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Sitzungsberichte, Jahrgang 1978, Hf. 2*.
- Франке. — *Franke H.* Fremdeherrschaften in China und ihr Einfluss auf die staatlichen Institutionen (10 14. Jahrhundert). Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 122. Philosophische-Historische Klasse 1985, № 3.
- Хань Жулинь. — *Хань Жулинь*. Чэнцзисы хань (Чингис-хан). — Цзянсу жэньминь чубаньшэ. Пекин, 1982.
- Цзю Тан шу. — *Цзю Тан шу* (Старая история династии Тан). — Сы бу бэй яо. Шанхай, 1935.
- Чжан Дэ-хой. — Палладий. Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия. — Записки Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 9 — 10. Иркутск, 1867.
- Чивилихин. — *Чивилихин В.* Память. Роман-эссе, кн. 2. — Собрание сочинений. Т. 4. М., 1985.
- Чулууны Далай. — *Чулууны Далай*. Монголия в XIII — XIV веках. М., 1983.
- Шара Туджи. — *Шара Туджи*. Монгольская летопись XVII века. Пер. Н. П. Шастин. М. — Л., 1957.
- Шастина. — *Шастина Н. П.* Образ Чингис-хана в средневековой литературе монголов. — Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Шифман. — *Шифман И. Ш.* Александр Македонский. Л., 1988.
- Шмидт. — *Schmidt I. J.* Edeni-yin Tobci. Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürstenhaus. St. Petersburg, 1829.
- Юань чао ши. — Юань чао ши. Хань Жулинь чжубянь (История династии Юань. Главный редактор Хань Жулинь). Т. 1. Пекин, 1986.
- Юань ши. — Юань ши (История династии Юань). — Сы бу бэй яо. Шанхай, 1935.
- Ян. — *Ян В. Г.* Чингиз-хан. Нукус, 1972.

Указатель имен

Абаоцзи — правитель киданей, основатель династии Ляо (X в.) 16	175, 177 — 183, 186, 190 — 193, 196, 221, 226, 228, 237, 238
Ай — предок тюрков, сын Огуз-хана 88	Ала-ад-дин Мухаммед сын хорезмшаха 182
Ай-хун — император Цзинь (1224 — 1234) 173	Ала-ад-дин Мухаммед-и Хотани — мусульманский богослов из Хотана, убитый Кучлукем 176
Ал-Атуна — дочь Чингис-хана, была отдана в жены идикуту уйгуров Барчуку 151	Алан-Гоа — прародительница той группы монгольских племен, из которых вышел Чингис-хан 15, 16, 17, 20, 48, 49, 57, 215
ан-Насир — багдадский халиф, начало XIII в 182	Алахуш-дигит-хури — правитель онгутов 126
Ала-ад-дин — конийский султан, который разгромил сына хорезмшаха Джелал-ад-дина 195	Алдир — киргизский нойон 150
Ала-ад-дин Мухаммед — хорезмшах	

Али-ад-дин — владетель г. Кундуза, добровольно сдался монголам 188, 237

Алтан — сын Хутула-хагана 83, 84, 94, 111, 117, 119, 122, 123, 129, 219

Алтан-Джиун — см. Алтан

Алчи — правитель татар 108

Амбагай-хаган — внук Хайду, правитель монголов, казненный чжурчженями 19—23, 52, 57, 110, 111, 154, 174, 219

Амин-ал-Мульх — двоюродный брат хорезмшаха, перешедший на сторону монголов 193

Аньдань — см. Алтан

Аньмухай — командир первого монгольского отряда камнететной артиллерии 230, 231

Ань-цзоань — император Си Ся Сянь-цзун (1223—1227) 154, 155

Аньчэнь-нойон — монгольский военачальник 167

Аоло-боцзиле — правитель первого государства монголов Хамаг монгол улус 19

Арахуш — см. Алахуш-дигит-хури

Ариг-Бука — см. Арик-Бука

Арик-Бука — в середине XIII в. соперник Хубилая в борьбе за великоханский престол 5

Арслан-хан — хан карлуков 152, 186

Архай-Хасар — тысячник Чингис-хана 127

Атжирак — правитель киргизов 150

Аучу-баатур — знатное лицо из тайчиутов 108

Ачжо — тангутский чиновник из г. Ганьчжоу 206, см. Ачжулуг

Ачжулуг — сподвижник Чингис-хана, был в числе тех, кто пил воду из оз. Бальджуна 120, 207

Ачидай — родственник Чингис-хана 138

Аша-Гамбу — сановник и военачальник Си Ся 204

Бадр-ад-дин — мусульманин на службе у Чингис-хана 237

Бай Лунь — китаец, подданный Цзинь, перешедший на службу к монголам

Байбосы-хан — хан онгутов, белых татар 50

Байбука — личное имя найманского Таян-хана 125

Байшинкор-Докшин — старший сын Хайду, предок Чингис-хана 19, 20

Балагачи — нукер Амбагай-хагана 21

Бартан-баатур — отец Есугай-баатура, дед Чингис-хана 20, 22, 84, 214

Бартан-бахадур — см. Бартан-баатур

Барчук — идикут уйгуров 151, 186

Бата-Чиган — потомок Борте-Чино и Гоа-Марал, мифических предков Чингис-хана 14

Баурчак — см. Барчук

Баху-Чороги — правитель хадагинцев 108

Бектер — сводный брат Темучжина 22, 55, 57—61, 86, 218

Бельгунотай — сын Алан-Гоа от Добун-Мергена 15

Белыутай — сводный брат Темучжина 22, 55, 57—61, 67, 69, 72, 74, 75, 76, 78, 90, 98, 102, 112, 113, 126, 138, 218

Беркей — нойон, полководец Чингис-хана 190

Беха-ад-дин — см. Беха-ад-дин Руди

Беха-ад-дин ар-Разин — см. Беха-ад-дин Руди

Беха-ад-дин Руди — посол хорезмшаха к Чингис-хану 174, 177, 179

Богорчи — см. Боорчу

Богорчин — см. Боорчу

Бодончар — младший сын прародительницы Темучжина Алан-Гоа, предок Чингис-хана 10, 15, 16, 17, 20, 49, 50, 57, 82

Бодончар-мунглик — см. Бодончар

Болу — сын Мухали 164

Боорчу — первый нукер Чингис-хана 49, 53, 67, 68, 69, 73, 89, 90, 92, 105, 135, 136, 137, 138

Борагул-нойон — см. Борохул

Боролдай — правитель племени икирес, предупредивший Чингис-хана о нападении Чжамухи 95

Боролхул — нукер Чингис-хана 54, 68, 69, 70, 105, 136, 137

Борте — жена Темучжина из племени унгират 26, 28, 69, 70, 72, 74, 76, 77, 78, 81, 86, 160, 184, 205, 212, 213

Борте-Чино — легендарный предок монголов 14, 15, 17

Борху — см. Борохул

Борчжу — см. Боорчу

Боту — глава монгольского племени икирес, муж младшей сестры Темучжина 117, 122, 198

Бугу — брат Мухали 71

Бугу-Хадаги — сын Алан-Гоа, рожденный чудесным образом 15, 49

Бугунотай — сын Алан-Гоа от Добун-Мергена 15

Буирук — см. Бузюрук

Буирук — см. Бузюрук

Булухай — уйгур на монгольской службе 234

Бури — человек из племени чжурки, ведал конями Сача-беки 98

Бурхан — здесь, наименование последнего тангутского императора 204

Бухату-Салчжи — сын Алан-Гоа, рожденный чудесным образом 15
 Бучаран-черби — один из первых черби в улусе Чингис-хана 127
 Бушенджи — см. Вахид-ад-дин Бушеиджи
 Буурук-хаи — хаи наймаинов, брат найманского Таян-хаана 88, 104, 106, 108, 109, 125, 129
 Бэлхутай — см. Бельгутай
 Вадзар — хан тюрок-карлуков, правитель г. Алмалыха 152
 Ван Сюнь — кидань, в годы войны с Цзинь создал античжурчженское общество «Защитим Родину» 172
 Ван-хан — см. Тоорил-хан
 Ван Ци — китаец на военной службе у Чингис-хаана 235
 Вангин-чиань — см. Ваньянь Сян
 Ваньянь Аньго — военачальник государства Цзинь 99
 Ваньянь Сян — военачальник государства Цзинь, 99, 100, 101
 Ваньянь Фусин — глава правительства Цзинь 169
 Вахид-ад-дин Бушенджи — сановник хорезмшаха, который перешел на сторону Чингис-хана 220
 Вачжацз — таигут на монгольской службе 236
 Владимир Рюрикович — князь Смоленский, участник битвы при Калке 196
 Вотза — военачальник государства Ляо 30
 Вэй-ван — см. Вэй-шао ван
 Вэй-ван Юнь Цзи — см. Вэй-шао ван
 Вэй-шао ван — император государства Цзинь (1209 — 1213) 154, 156, 163, 164, 166, 167, 169, 213
 Гайр-хаи — см. Хайдар-хан Ииал
 Гайр-хаи Ииал — см. Хайдар-хан Ииал
 Гоа-Марал — легендарная прародительница монголов 14, 17
 Гоу Мизьюй — посол императора Сун к Чингис-хаю в Среднюю Азию 201
 Гуи-ва — отец Мухали 71
 Гур-хаи — дядя Тоорил-хаана 70, 71
 Гурбелджин Гоа-хатуи — по монгольским преданиям, жена последнего императора Си Ся, погубившая Чингис-хаана 209, 213
 Гурбэсу — мачеха и жена найманского Таян-хаана 125, 129
 Гучуут — правитель найманов 108
 Гэха — курьер Чингис-хана 201
 Даир-Усуи — правитель меркитов 80

Дай-Сечеи — тесть и сподвижник Темучжина из племени унгират 26, 27, 69, 116, 117
 Дайсуи — младший брат Мухали 173
 Далитай — см. Даритай-Отчигин
 Дамир-Малик — военачальник, оказавший упорное сопротивление монголам при осаде г. Ходжента 189
 Данишменд-хаджиб — мусульманский купец, находившийся на службе у Чингис-хана 117, 191
 Даритай-Отчигин — дядя Чингис-хаана, младший брат отца Темучжина Есугай-баатура 8, 9, 57, 111, 123
 Даян-хаи — см. Таян-хан
 Демугин-Хингей — Чингис-хан (Темучжин-Чингис) 87
 Денгиз — предок тюрок, сын Огуз-хана, см. также Теигиз 88
 Дергек-эмель Алхуй — правитель унгиратов 108
 Джабар-ходжа — мусульманин на службе у Чингис-хана 117, 120, 170, 200, 234
 Джака-Гамбу — сын Тоорил-хаана 65
 Джалал-ад-дин — см. Джелал-ад-дин
 Джалар — китаец, темник на монгольской службе 235
 Джамуз — см. Чжамуха
 Джамуха — см. Чжамуха
 Джафар-ходжа — см. Джабар-ходжа
 Джелал-ад-дин — сын хорезмшаха, возглавивший борьбу с монголами 181, 186, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 206
 Джелал-ад-дин Манкбурны — см. Джелал-ад-дин
 Джэлмэ-Ухэ — см. Чжельме
 Джочи — см. Чжочи
 Джочин-Касар — см. Хасар
 Джэбе — см. Чжэбе
 Дин Се — военачальник Цзинь 164
 Добун-Мерган — супруг Алан-Гоа, прародительницы рода Чингис-хаана 15
 Додай-черби — один из черби, управителей в улусе Чингис-хаана 127
 Долитай — см. Даритай-Отчигин
 Дохолу-черби — один из черби, управителей в улусе Чингис-хаана 127
 Дува-Сохор — один из мифических предков монголов 17, 109
 Дз ван — сын императора Си Ся — Цзунь-сяна 174, 203, 204, 206
 Ебу Ганьбу — таигут на монгольской службе 237
 Евпатий Коловрат — рязанский военачальник 234
 Ели-инал — киргизский ийон 150
 Елы — кидань, поддержавший восстание Елюй Люге 166

Еке-Церен — правитель татар. 112, 114
 Ели-Хатуи — см. Ал-Алтуна
 Елюй — фамилия правящего дома в киданьском государстве Ляо 18
 Елюй Ахай — кидань на службе Чингис-хана. наместник Самарканда 235
 Елюй Даши — член императорской фамилии Ляо, предводитель киданей, ушедших после гибели Ляо на запад и основавших государство Западное Ляо 18, 30
 Елюй Люге — кидань на службе чжурчженей, поднял мятеж и перешел к Чингис-хану 166, 167
 Елюй Низр — кидань на службе у Чингис-хана, бичеги 235
 Елюй Тухуа — кидань на службе у монголов 235
 Елюй Чуцай — кидань, приглашен на службу Чингис-ханом, известный реформатор 141, 143, 197, 198, 222, 234, 236, 241
 Есугай-баатур — отец Чингис-хана 8, 9, 19—23, 25, 26, 27, 29, 44, 52, 53, 55, 57, 59, 61, 65, 70, 72, 74, 75, 78, 82, 93, 102, 105, 110, 117, 157, 214, 239
 Есугай-багатур — см. Есугай-баатур
 Есугай-бахадур — см. Есугай-баатур
 Есуган-хатун — татарская княжна, жена Чингис-хана 114, 115, 213
 Есугэй — см. Есугай-баатур
 Есуй — татарская княжна, жена Чингис-хана 92, 114, 184, 204, 213, 215
 Есунгу — сын Хасара, племянник Чингис-хана 214
 Есыбу — кидань на службе у Елюй Люге 167
 Е Сяньгуань — военачальник Цзинь 173
 Зу-л-Карнайи — Двурогий (имеется в виду Александр Македонский); титул, под которым был известен хорезмшах 175
 Ибаха-беки — дочь Тоорил-хана 123
 Ибн Кафраджени Богра — посол Чингис-хана к хорезмшаху 180, 181
 Иди-урун — правитель киргизов 150
 Илик-Тимур — посол киргизов к Чингис-хану 150
 Илэгэянькунь — см. Шилгаксан-хона
 Инал — см. Хайдар-хан Инал
 Иналчик — см. Хайдар-хан Инал
 Инанч-хан — найманский хан 50, 93, 104, 125
 Иоани — пресвитер, 101
 Искандер-н Сани — титул, присвоенный хорезмшаху 175
 Кадан-тайши — сын Амбагай-хагана 21

Карача-хан — полководец хорезмшаха 186, 187, 188
 Каши — сын Огодая, внук Чингис-хана 215
 Киян — один из предков монголов 14
 Клыч-Кара — правитель уйгуров, убивший Сангума 124
 Кок — предок тюрков, сын Огуз-хана 88
 Кок-Цос — нукер Чингис-хана, был приставлен к Чагатаю 132, 136, 138, 184, 185
 Кокочу — Тэб-Тэигри, шаман Чингис-хана 29, 87, 97, 133, 134, 157, 158, 159, 160, 162, 164, 219
 Кокэчу — см. Кокочу
 Колещинь — сын Чингис-хана 213
 Котон-Барах — предводитель татар 23
 Кубилай — см. Хубилай, соратник Чингис-хана
 Кубилай — см. Хубилай, император династии Юань (1271—1295)
 Кулу — один из правителей меркитов 173
 Кули-нойон — татарин на службе Чингис-хана 115
 Кун — предок тюрков, сын Огуз-хана 88
 Куику — дочь последнего кара-китайского гурхана, жена Кучлука 176
 Кутлуг-хан — правитель Джэнда 189
 Куту-Тимур — правитель татар 123
 Кутула-каан — см. Хутула-хаган
 Кучар — см. Хучар
 Кучар-беки — см. Хучар
 Кучлук — сын найманского Таян-хана 125, 128, 129, 130, 151, 152, 176, 179, 182, 183, 184, 186, 228, 234, 238
 Кушлук — см. Кучлук
 Кюль-тегин — полководец древних тюрков 13
 Ли ван — последний государь Си Ся 199
 Ли Цао — китаец, подданный Цзинь, перешедший на службу к Чингис-хану 235
 Лю Хэйма — теминк, китаец на монгольской службе 235
 Маалих — слуга в доме Алан-Гоа, возможно, киргиз, отец троих «чудесным образом» рожденных сыновей Алан-Гоа 15, 16
 Маалих-Баяудец — см. Маалих
 Майчжу — см. Нахата Майчжу
 Маикбурины — см. Джелал-ад-дин
 Маркуз — дед Тоорил-хана 30, 70
 Маркус — см. Маркуз
 Масхут Хурумши — даругачи Средней Азии 199
 Мах Руи — владетель Балха, добровольно перешел к монголам 188, 237

Махмуд — купец, член посольства Чингис-хана к хорезмшаху 178
 Мача — наймаи, военачальник в армии Чингис-хана 234
 Мейге-Уху — татарин на службе Чингис-хана 115
 Менгучжин-Сеульту — правитель татар 100
 Миигань — посол государства Цзинь к Чингис-хану 165, 170
 Мину — полководец Си Ся и посол к Мухали 197
 Мичжисыла — см. Мстислав
 Могусы — см. Маркуз
 Монгол — здесь: Чингис-хан 126
 Мстислав — князь козельский, участник битвы при Калке 196
 Мстислав Романович — князь киевский, участник битвы при Калке 196
 Мулке-Тотак — правитель племени ижирес, предупредивший Чингис-хана о нападении Чжамухи 95
 Мунлик-беки-Эчигз — сподвижник Есугай-баатура, отец шамана Тэб-Тзигри 26, 27, 29, 97, 117, 118, 133, 136, 157, 160, 162
 Мунлик — см. Муилик-беки-Эчигз
 Мутугеи — сын Чагатая, внук Чингис-хана 194
 Мухали — нукер, полководец и сподвижник Чингис-хана 44, 54, 69, 70, 71, 83, 92, 105, 134, 135, 136, 137, 164, 168, 170, 172, 184, 197, 203, 218, 228, 234, 235, 236
 Мухаммед — см. Ала-ад-дин Мухаммед хорезмшах
 Мухуали — см. Мухали
 Мэнсусы — уйгур на монгольской службе 234
 Мэргзи — меркит, сын Куду 173, 174
 Нарин-Тоорил — сын нукера Чингис-хана Чагаи-Гоа 218
 Нахата Майчжу — военачальник Цзинь, ведал охраной северо-западных границ 164
 Наху-Баян — отец Боорчи, нукера Чингис-хана 67
 Начигай (миф) — имя божества 47
 Наяа — нукер Чингис-хана, темник центральной группировки войск 135, 136
 Нгвечи — фамилия правящего дома Си Ся 144
 Негун-тайши — см. Некун-тайчжи
 Некун-тайчжи — дядя Чингис-хана по отцу, старший брат Есугай-баатура 8, 57, 84, 94, 111, 123
 Нилха-Сангум — см. Сангум
 Нин-цзун — император династии Сун (1195-1225) 201

Нокто-буула — представитель монгольской знати 123
 Нукуз — один из предков монголов 14
 Нэкун-тайши — см. Некун-тайчжи
 Огодай — сын Чингис-хана, его преемник на монгольском престоле 25, 76, 138, 164, 168, 173, 185, 186, 188, 191, 192, 207, 212, 213, 215, 236
 Огодой — см. Огодай
 Оголай-черби — младший брат Боорчу, один из первых командующих гвардией Чингис-хана 89
 Оголе-черби — один из шести черби — управляющих в улусе Чингис-хана 127
 Огуз-хаи — легендарный предок тюркских народов 88
 Окин-Бархак — см. Окин-Бархах
 Окин-Бархах — сын Хабул-хана, предок монголов чжурки 20, 55, 102, 110
 Олебек-дигни — киргизский нойон 150
 Олег — князь курский, участник битвы при Калке 196
 Олунь-бэйле — см. Аоло-боцзиле
 Ои-хай — см. Ван-хан, Тоорил-хан
 Оиг-хай — см. Ван-хай, Тоорил-хан
 Орбай — жена Амбагай-хагана 52
 Отчиги — см. Даритай-Отчигин
 Отчигин — брат Чингис-хана 138, 158, 159, 160, 219
 Озлун — мать Чингис-хана 8, 9, 22, 23, 26, 28, 52, 53, 56, 57, 58, 59, 66, 67, 69, 70, 72, 93, 158, 159, 215
 Озлун-учжин — см. Озлун
 Озлун-фучжин — см. Озлун
 Пир-шах — брат Джелал-ад-дина 194
 Пэн Да-я — сунский дипломат, посол к монголам 33, 40, 41, 42, 45, 48
 Сайн-Тегин — глава племени хуигираг в середине XI в. 20
 Сангум — сын керентского Тоорил-хана 105, 106, 116—119, 122—124, 149
 Санджар — имя сельджукского султана; использовалось в качестве титула хорезмшаха 175
 Сапа — слуга Чингис-хана 73
 Сача — см. Сача-беки
 Сача-беки — сын Бартан-баатура, один из предводителей чжурки, участвовал в возведении Чингис-хана на ханский престол 83, 84, 98, 101, 103, 219
 Сянгун-Бильгей — отец Амбагай-хагана 20
 Сили Цяньбу — тангут на монгольской службе, участвовал в завоевании Руси 234

Сорган-Шира — монгол из племени тайчиутов, помог Темучжину бежать из плена, сподвижник Чингис-хана 62, 63, 64, 70, 107, 135, 139, 218

Соржан-Ширэ — см. Сорган-Шира

Сормаган — монгольский воин-лучник 198

Сорхату-Чжурки — сын Окин-Бархаха, предок монголов чжурки 102

Сохатай — жена Амбагай-хагаи 52

Сохор — нукер Отчигина, брата Чингис-хана 159

Субетай-баатур — нукер и полководец Чингис-хана 28, 90, 128, 129, 136, 158, 171, 173, 176, 186, 190, 196, 218, 232, 234

Сукнак-Тегиин — правитель Алмалыка 180

Сун Цзы-чжэнь — китаец на монгольской службе, автор текста стелы на могиле Елюй Чуцай 232

Си Цито — таигут на монгольской службе 237

Сэчэ-беки — см. Сача-беки

Сюй Тин — суиский дипломат, посол к монголам 30, 40, 42, 45, 48

Сюань-цзун — император Цзинь (1213—1224) 174

Сюйкету-черби — один из шести черби, управляющих в улусе Чингис-хана 127, 186

Сюкети-черби — см. Сюйкету-черби

Сюэлицзянь-нойон — сподвижник Чингис-хана, пил воду из оз. Бальджуна 120

Сягу Цаньчэнь — военачальник Цзинь, командовал походом на татар в 1195 г. 99

Сянкунь-Бильге — сын Чаракай-линку 55

Сянь — император Си Ся Сянь-цзун (1223—1227) 206

Сяо Боди — китаец на службе Цзинь, перешел на сторону Чингис-хана 169

Сяо Ню — таигут на монгольской службе 237

Тагай-Кулакай — представитель монгольской знати из племени мангут 123

Тай-Тамур-тайши — брат Тоорил-хана 70

Тайджу — старая монголка, которая ухаживала за Темучжином в тайчиутском плену 64

Тайчар — брат Чжамухи 95

Тайчу — правитель чжурки 84, 103, 219

Тайчу-Кури — см. Тайчу

Тай-цзу — император — основоположник династии; здесь: Чингис-хан —

24, 54, 55, 69, 135, 139, 166, 199, 201, 221, 232

Тай-цзун — см. Огодай

Так — предок тюрков, сын Огуз-хана 88

Тайулуй — см. Тэмүлүн

Таргудай-Кирилту — см. Таргутай-Кирилтух

Таргутай-Кирилтух — правитель тайчиутов 53, 54, 60, 61, 64, 107, 108, 239

Тататунга — уйгур, писец найманского хана Таяна, обучивший монголов уйгурскому письму 139

Таян-хан — хан найманов 104, 109, 125, 126, 128, 129, 139, 164, 176, 215, 234, 239, 247

Темуге — младший брат Чингис-хана 55, 61, 194

Темүлүн — см. Тэмүлүн

Темучин — см. Темучжин

Темучжин — личное имя Чингис-хана 3, 7, 8, 22—27, 33, 34, 44, 47, 51, 53, 54, 55, 57, 69—84, 86, 93—95, 102, 104, 106, 117, 118, 122, 124, 133, 134, 139, 157, 158, 214, 218, 222, 239, 245, 247, 249

Темучжин-Уге — знатный татарин, именем которого был назван Темучжин 23

Теигиз — см. Деигиз

Теркен-хатун — мать хорезмшаха 191, 192, 237

Теркин-хатун — см. Теркен-хатун

Тогагар-нойон — зять Чингис-хана 190

Тогорил — из уруга Коктэ, враг Чингис-хана 123

Тогорил-хаи — см. Тоорил-хаи

Тогтога — см. Тохтоа-беки

Тодосен-Гиртай — правитель тайчиутов 53

Толи — см. Тоорил-хаи

Толуй-черби — один из шести черби — управляющих в улусе Чингис-хана 127

Томучин — см. Темучжин

Тоорил-хаи — правитель керенотов 30, 50, 54, 65, 71—80, 93, 94, 97, 99, 100, 103, 104, 105, 108, 109, 111, 115—124, 126, 131, 149, 164, 200, 221, 222, 234, 235, 239, 247

Тохтоа-беки — правитель меркитов 72, 76, 80, 105, 108, 130, 151

Туге-Маха — правитель икиресов 108

Тудай — внук Амбагай-хагана 21

Тукуса — правитель найманов в конце XI в. 31

Тукучар-баатур — монгольский полководец 164, 173

Тулуй — внук Чингис-хана 65, 138, 164, 169, 213

Тумбинай-сечен — прапрадед Чингис-хана 20, 55
 Тунге — нукер Чингис-хана 72
 Тусаху — внук керейского Тоорил-хана, сын Сангума 106
 Туши — посол кара-китайского гур-хана к хорезмшаху 175
 Тэб-Тэнгри — см. Кокочу
 Тэмуге — см. Темуге
 Тэмүлун — сестра Чингис-хана 55, 61, 198
 Тэмучжин — см. Темучжин
 Тянь Гуан-мин — китаец на службе у Чингис-хана 235
 Угусунь Чжуандуань — посол императора Цзинь к Чингис-хану в Среднюю Азию 202
 Угэдэй — см. Огодай
 Укин-Барках — сын Хабул-хагана 219
 Улак-нойон — полководец Чингис-хана 186
 Улуг-Бахадур — нукер Чжамухи 131
 Улучи — сын Чингис-хана 213
 У Сянь — военачальник Цзинь, принявший сторону монголов 173
 Усман — правитель Самарканда из династии Караханидов 176
 Усун — см. Усун-беки
 Усун-беки — сородич Чингис-хана, придворный наблюдатель за календарем и культами 145
 Ут (миф.) — дух огня 47
 У Фэньчэнь — китаец на службе у Чингис-хана 235
 Ухуна — посол Чингис-хана к хорезмшаху 179, 182
 Хаадан-тайчжи — см. Кадан-тайши
 Хабань — отец Субетай-баатура, нукера и полководца Чингис-хана 90
 Хабул-хаган — прадед Чингис-хана 18—21, 48, 55, 57, 102, 110
 Хабаш из Касиджа — мусульманин, перешедший на сторону монголов 238
 Хадаан — дочь Сорган-Шира 64
 Хадаан-тайчжи — сын Тумбинай-сечена, предка Чингис-хана 23
 Хайдар-хан Инал — наместник Отрара 179—181, 186, 187
 Хайду — отец Хабул-хана, предок Чингис-хана 19, 20
 Хамбагай-хаан — см. Амбагай-хаган
 Хамбакай-хаан — см. Амбагай-хаган
 Хан-Султан — сестра Джелал-ад-дина, жена Чжоча 195
 Хасан — мусульманский купец, состоявший на службе Чингис-хана 117, 234
 Хармуста — от иранского Ормузд; одно из небесных божеств у монголов 209

Хасар — младший брат Чингис-хана 55, 58, 60, 61, 66, 67, 69, 74, 75, 90, 102, 108, 109, 113, 120, 122, 124, 138, 157, 158, 159, 169, 214, 218, 219
 Хачиун — младший брат Чингис-хана 55, 61, 158
 Хачиун-беки — правитель племени дербен 108
 Хаши — нукер Чингис-хана 72
 Хашибол — тюрок-канглы на службе у Чингис-хана 234
 Хоачин — возможно, вторая жена Есугай-баатура, мать Бектера и Бельгута 22
 Ходун-Орчан — знатное лицо из тайчиутов 108
 Хонхотор — монгольский воин-лучник 198
 Хонхай — монгольский воин-лучник 190
 Хори-Буха — знатный татарин 23
 Хоридай — нукер Чингис-хана из племени горлос 108
 Хорилартай-Мерген — отец Алан-Гоа, прародительницы Чингис-хана 49
 Хоричжин-хатун — ханша чжурки 102
 Хочар — см. Хучар
 Хочжин-беки — дочь Чингис-хана 106
 Хорчи — представитель правящей монгольской знати из клана баарин 82, 136
 Хри-Буха — см. Хори-Буха
 Хубилай — император монгольской династии Юань 5, 22
 Хубилай — полководец Чингис-хана 111, 128, 136, 152
 Худу — сын хана меркитов Тохтоа-беки 108, 151
 Худус — см. Худус-Халчан
 Худус-Халчан — один из первых командующих гвардией Чингис-хана 127
 Худуха-беки — правитель ойратов 108
 Хуилдар — см. Хуилдар-сечен
 Хуилдар-сечен — нукер Чингис-хана 47, 50, 119, 218
 Хулуба — правитель меркитов 30
 Хулуь — меркитка, жена Чингис-хана 215
 Хулухань — старший брат Субетай-баатура 90
 Хуту — сын меркитского Тохтоа-беки, см. Худу
 Хутула-хаган — сын Хабул-хана, правителя монголов 21, 22, 57, 70, 83, 84, 94, 111, 123
 Хуурчин — ханша чжурки 102
 Хучар — двоюродный брат Чингис-хана, сын Некунтайчи 57, 83, 84, 94, 111, 117, 119, 122, 123, 129, 219, 221
 Хушаху — император Цзинь 169
 Хэсымайли — мусульманин из окруже-

ния кара-китайского гур-хана, уби-
вший Кучлука 196
Хэ Ши — китаец, советник Мухали 235

Цзун Би — командующий пограничными войсками государства Цзинь в XII в 32

Цзунь-сян — государь тангутов 174, 202

Цзюйе Целюй — тангут, правитель Ганьчжоу 206

Цингоу — кидань на службе у Елюй Люге и Есыбу 167

Цину — кидань на службе у Елюй Люге 167

Цисили — керейт, изменивший Ван-хану и перешедший к Чингис-хану 234

Цотан — мать Борте, жены Чингис-хана 69

Цю Чуцзи — см Чан Чунь

Цюели — уйгур, даругачи Чингис-хана 234

Чаалай — см. Чагатай

Чаган — нойон-тысячник Чингис-хана, происходил из Си Ся 20, 207

Чаган-Гоа — нукер Чингис-хана 218

Чагатай — третий сын Чингис-хана 25, 138, 168, 184, 186, 188, 192, 194, 205, 213

Чан Чунь — лаосский монах, совершивший поездку к Чингис-хану в Среднюю Азию 33, 35, 36, 44—46, 200, 201, 222

Чаосы — найман, внук Кучлука 234

Чарахай-линку — сын Хайду, предка Чингис-хана 19, 55

Чарахай-линху — см Чарахай-линку

Чарха — см Чарха-Ебуген

Чарха-Ебуген — нукер Есугай-баатурса 53

Чаур-беки — дочь керейтского Тоорил-хана 106, 117

Чахаан-Уда — сторонник Чингис-хана 96

Чахань — см Чагаи

Чажэ — тангутская принцесса, отданная в жены Чингис-хану 156

Чжалик-Буха — правитель татар 108

Чжамуха — побратим и соперник Темучжина в борьбе за власть над монголами 65, 74, 84, 89, 94, 98, 101, 103—109, 115, 121, 125, 126, 128, 129, 130, 131, 132, 218, 219, 221, 239, 247

Чжан-цзун — император династии Цзинь (1190—1209) 24, 235

Чжан Дэхой — китаец, совершивший поездку в Монголию 33

Чжао Хун — суинский посол к монголам 33—35, 40—42, 44, 45, 65, 87, 97, 99, 140, 153, 172, 214, 229, 230

Чжельме — нукер и полководец Чингис-хана 69, 71, 73, 89, 107, 128, 136, 219

Чжили-Буха — предводитель татар 23

Чжилугу — последний гур-хан кара-китаев 176

Чжию гуичжу — дочь императора Цзинь-Вэй шао вана, жена Чингис-хана 169

Чжочи — старший сын Чингис-хана 25, 72, 73, 77, 86, 117, 138, 150, 168, 173, 176, 177, 180, 181, 184—186, 189, 192, 195, 199, 204, 205, 213, 219, 221

Чжочи-Дармала — один из людей Чингис-хана 95

Чжэбе — полководец Чингис-хана 97, 107, 111, 128, 136, 165, 167, 168, 183, 184, 186, 190, 196, 219

Чилаовэнь — см. Чилаун

Чилаун — сын Сорган-Ширы 54, 63, 69, 70, 72, 105, 137

Чилаун-Хайчи — монгол, отдавший в нукеры Чингис-хану двух своих сыновей — Туиге и Хаши 72

Чиледу — см. Эхс-Чиледу

Чильчер — младший брат Чиледу 72, 78

Чимбай — сын Сорган-Ширы 63

Чингиз-хан — см. Чингис-хан

Чингис-хаи — хаиский титул осиявателя империи монголов и династии Юань Темучжина, употребляется как имя Темучжина — по всему тексту

Чиргаидай-баатур — правитель хадагинцев и салчжиутов 108

Чох-Чахдан — правитель горлосов 108

Ши — китайский клан в Цзинь, перешедший на сторону монголов 172, 235

Ши Биичжи — китаец, темник на монгольской службе 235

Ши Тяньини — китаец, темник на монгольской службе 235

Ши Тяньсян — тангус на монгольской службе, командующий «Черной армией» 235

Ши Тяньцзэ — китаец, темник на монгольской службе 173, 235

Ши Тяньэр — китаец на монгольской службе 169, 173

Ши Хуайдэ — китаец на монгольской службе, командующий «Черной армией» 235

Шийан-а — имя последнего государя Си Ся 209

Шиги-хутукту — татарин, главный судья в государстве Чингис-хана 101, 136, 138, 144, 145, 193

Шиги-хутукту — см Шиги-хутукту

Шкиур — кравчий Чингис-хана 102
 Шилгоксаи-хои — сыи найманского хана 204, 205
 Шимо Есянь — кидань, перешедший на службу к Чингис-хану 236
 Шимо Мингань — см. Мингань
 Шулой — жена Абаоцзи, императрица государства киданей 16
 Эда — монгольский посол в государстве Си Ся 155
 Эдззи — букв. «владыка», употреблялось как одно из имен Чингис-хана 209
 Эке-Чилеу — представитель меркитской знати 8, 9, 22, 72, 78
 Элжидай-нойон — двоюродный брат Чингис-хана 131, 132

Эрке-Хара — брат Тоорил-хана керентского 71, 94
 Этуген (миф) — имя богини Земли 47
 Юань-хао — император государства Си Ся (1032—1049) 36
 Юла-Магас — брат Тоорил-хана 70
 Юлдуз — предок тюрков, сын Огуз-хана 88
 Юнь Цзи — см. Вэй-Шао ван
 Юрий Кончакович — половецкий хан, участник битвы при Калке 196

Ялович (Махмуд Ялович) — мусульманин на монгольской службе, даругачи Пекина 199, 214

Указатель географических названий

Абаскун — в XIII в. порт в Ираке на южном берегу Каспийского моря 191
 Абчжая-кодегер — см. Абчжиха-кодегер
 Абчжиха-кодегер — ставка Чингис-хана в 1202—1204 гг. 123, 127
 Алаут-Тураут — см. Алаут-Турхаут
 Алаут-Турхаут — горный перевал 96
 Алашай — см. Алашань
 Алашань — пустыня к западу от гор Хэлаишань 204
 Алашань — см. Хэлаишань
 Алей — река, приток Оби 131, 108
 Алмалык — столичный город карлуков, находился в районе г. Кульджа, Синьцзян, КНР 152, 184
 Алтай — горы, Алтайские горы в Российской Федерации и Монгольский и Гобийский Алтай в МНР 31, 32, 34, 104, 125, 128—130, 132, 135, 148, 151, 152, 212, 228
 Алтай — река в Хакасии, МНР 128
 Алтай-хан — горы, Монгольский и Гобийский Алтай как место погребения Чингис-хана 211, 212
 Алхуй-Булах — местность в Монголии, где Чжамуха был провозглашен гур-ханом 108
 Амударья — река в Средней Азии 183, 186, 187, 190—192, 194, 198, 201
 Амур — река на Дальнем Востоке 12, 13
 Ангара — река, приток Енисея 32
 Ани — древняя столица Армении 233
 Араратская долина — местность в Армении

Арбай-Хэрэ — город, Увэр-Хангайский аймак, МНР 30
 Аргунь — река, вытекает из оз. Далай-Нор 13, 14, 106, 108, 109
 Арих-Усуи — местность в Хори-Туматской земле 49
 Ашур-Ара — остров вблизи южного берега Каспийского моря 191
 Багдад — столица Ирака 182, 194
 Бадахшан — горная страна на стыке границ Таджикистана, Афганистана и Индии 184
 Балаж-Булак — озеро у места впадения р. Могонт в р. Халху, МНР 119
 Баласигун — город, развалины у г. Токмак, Киргизия 175
 Балджуна — см. Бальджуна
 Балезино — озеро близ г. Агниска, Читинская обл. 119
 Балх — город, находился близ г. Термеза 186, 188, 192, 194, 237
 Балхаш — озеро, Казахстан 152
 Бальджи — река, МНР 23
 Бальджуниз — см. Бальджуна
 Бальжина — см. Бальджуна
 Бальджуна — озеро в Северо-Восточной Монголии, из которого вытекает р. Тура 90, 117, 119, 120, 122, 234, 235
 Баминаи — город в Афганистане 194
 Баничжизь — см. Бальджуна
 Баничжунахэ — река, возможно, р. Бальджуна, МНР
 Баочжоу — город, современный г. Баодин, Хэбэй, КНР 171

Баньжуна — см. Бальжуна
Бенакент — город, развалины в долине р. Лижиген на правом берегу Сыр-дарьи 186, 189
Бешбалык — город, находился к северу от г. Турфан, Синьцзян, КНР, 152
Большие горы — очевидно, Большой Хинган 11, 12
Большой Хинган — горы, западная Маньчжурия, КНР 14, 32, 135
Буир-Наур — см. Буир-Нор
Буир-Нор — озеро на восточной границе МНР, между МНР и КНР 21, 29, 112, 116
Бурхан-Халдун — горы Хэнтэй, МНР 14, 24, 28, 30, 49, 210—212
Бухара — город, Узбекистан 175, 178, 179, 186, 187, 189, 194, 206, 237
Бухтарма — река, приток Иртыша, Западный Алтай 130, 151
Буюр-Нор — см. Буир-Нор
Бэйтин — см. Бешбалык
Бянь — см. Бяньцзин
Бяньцзин — см. Кейфын
Валиан — крепость, находилась у г. Газни, Афганистан 193
Валицзисай — крепость в государстве Си Си 148
Валохай — горный проход и крепость в Си Си, в северных отрогах гор Хэланьшань 149, 152
Ванцзинхэ — в VII—X вв. китайское наименование р. Амур в верхнем течении 11
Великая река — здесь: р. Хуанхэ 208
Восточная столица Цзинь — г. Ляонин, пров. Ляонин, КНР 167, 168, 236
Восточный Туркестан — северная и западная части современной пров. Синьцзян, КНР 117, 124, 152, 200
Восьмипречье — см. Секиз-мурэн
Газна — г. Газни, Афганистан 175, 193, 194
Гам — см. Ган
Ган — река, приток Аргуни 108, 109
Ганьчжоу — современный г. Чжанье, пров. Ганьсу, КНР 206
Гаочан — см. Турфан
Гиндукуш — горы на границе Афганистана и Пакистана 194
Гирин — см. Цилинь
Гоби — пустыня, южная часть МНР 30, 203
Гуйчжоу — город, находился в западной части пров. Ганьсу, КНР 149
Гулегу — горы в верховьях р. Онон 69, 95, 108, 209
Гулелыгу — см. Гулегу
Гумбум — буддийский монастырь в Се-

веро-Восточном Тибете, Амло, пров. Цинхай, КНР 213
Гуран — река, впадает в Каспийское море 191
Гургандж — см. Ургенч
Гурелыгу — см. Гулегу
Гурмэйжэ-Балагасуя — одно из наименований места смерти Чингис-хана 209
Гусе-Нор — озеро, МНР 30
Далань-Баньчжусы — см. Далан-Балчжутах
Дакуу — древний город в Иранском Азербайджане (?) 195
Далай-Нор — озеро к востоку от Большого Хингана, Автономный район Внутренний Монголия, КНР 11—13, 21, 29, 99, 165
Далан-Даба — летняя ставка керситов в верховьях р. Онон 30
Далан-Балчжут — см. Далан-Балчжутах
Далан-Балчжутах — место сражения Чингис-хана с Чжамухой 95, 96, 218
Далань-Баньчжусы — см. Далан-Балчжутах
Далан-Намургесе — место сражения Чингис-хана с татарами 112
Дали — государство народности низу, существовало в X—XIII вв. на территории современных провинций Юньнань и Гуйчжоу, КНР 241, 242
Дархан — горы в районе современного г. Дархан МНР 25
Дашуйсинь — уезд в государстве Цзинь, Северный Китай 164
Делюун-болдак — см. Делюон-булдак
Делюон-болдах — см. Делюон-булдак
Делюон-болдак — см. Делюон-булдак
Делюон-булдак — место рождения Темужина, точное местонахождение неизвестно, возможно, где-то в районе пересечения р. Онон границы МНР и Российской Федерации 23
Дербент — город на берегу Каспийского моря, Дагестан 196
Дешт-и-Кипчак — территория современного Казахстана 30, 175, 176, 204
Джейхун — р. Амударья 192, 195
Джеид — древний город, развалины находятся к югу от г. Кызыл-Орда на р. Сырдарье 186, 189
Джидда — река, приток Селенги 29
Джурджэ — государство чжурчженей Цзинь 165
Дооралду-Мурэн — река, см. Циншуй
Дичжоу — город, современный г. Хэйчэн, пров. Ляонин, КНР 167

Енисей — здесь: верховья реки 31, 32, 104, 149, 150, 229
Ехе-Арал — холм на берегу р. Онон, место рождения Чингис-хана 24
Елудли — горы, пров. Хэбэй, КНР 164, 165

Железные ворота — ущелье в горах Байсуи на пути из Бухары в Самарканд и Гиссарскую долину 197, 201

Западная столица Цзинь — современный город Датун, пров. Шаньси, КНР 168, 169

Западное Ляо — государство, основанное ушедшими на запад киданями (кара-китаи) на территории Семиречья 86, 150, 175, 241, 242

Западный край — см. Си юй

Зарнук — древний город, находился близ г. Бухара 189

Заван — город между Нишапуром и Гератом, Иран 192

Идзина — древний город; развалины в устье реки Эдзин-Гол (Хэйшуй), знамя Идзина, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР 124, 204, 205

Иламышская степь — возле г. Илам, Западный Иран 175

Илан — город Илам, Иран 192

Или — река на территории Синьцзяна, КНР и Казахстана 152

Имынь — горный проход и застава в горах Хэланьшань, КНР, 152

Инд — река в Пакистане 194

Инли — уезд в государстве Си Ся, находился близ современного г. Ляньчжоу, пров. Ганьсу, КНР 206

Иртыш — здесь: верховья реки в Восточном Казахстане 31, 125, 130, 151, 152, 186, 198, 200

Исфган — г. Исфahan, Иран 194, 195

Ихи Эджен-хоро — место смерти и нахождения юрты — памятника Чингис-хана, знамя Икчэжамэи, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР. Ныне мавзолеем Чингис-хана, находится в 65 км от г. Дуншэи, КНР 37

Ишикбалагасун — см. Идзина

Ихэ-утэк — одно из предполагаемых мест погребения Чингис-хана 211, 212

Кабул — река в Афганистане 193

Кабул — столица Афганистана 198

Кайфу — столица пров. Хэнань, КНР 170, 173, 227, 232

Кайюань — древний г. Кайюань, в отличие от современного, находился севернее г. Саньсян, пров. Ляонин, КНР 12

Калка — река близ Азовского моря, подле которой произошла битва объединенных сил половцев и русских с монголами 196

Кан-мурэн — река, см. Гань

Кандагар — город в Афганистане 193

Кара-Китай — см. Западное Ляо

Каракайтское государство — см. Западное Ляо

Карахорум — древняя столица Монголии, находилась неподалеку от монастыря Эрдэни-цзу, МНР 202, 233, 237

Караун-Джиун — место кочевки Хасара, брата Чингис-хана 122

Касидж — город в области Хорасан, Иран 238

Катун — древний город в долине р. Орхон, на его месте построен Карахорум 17

Каштар — город в пров. Синьцзян, КНР 124, 183, 184

Кашин — см. Хэси

Керман — город, Иран 175, 190, 194

Керулен — река, МНР 14, 24, 28, 30, 34, 93, 94, 99, 123, 128, 151, 170, 199, 202

Кёлен-Нор — см. Далай-Нор

Клин-Лоши — см. Лоши

Кодз-Арал — ставка Чингис-хана в среднем течении р. Керулен 202

Козельск — город, находился под Рязанью, Россия 234

Коко-Нур — озеро, поблизости от которого Темучжин впервые был избран ханом 83

Колен-Наур — см. Далай-Нор

Корё — Корея 227, 241

Котманская долина — местность у слияния рек Куры и Алазани, Грузия 196

Кулан-баши — местность к северу от г. Шевченко, Казахстан, 198

Куляб — город, Таджикистан 191

Кундуз — город, Афганистан 188, 237

Куча — город, пров. Синьцзян, КНР 150

Кыпчацкая степь — см. Дешт-и-Кипчак

Кэдунь — см. Катун

Кэм — река, верхнее течение р. Енисей 104

Кэнтэй-хан — горы Хэнтэй, МНР, одно из предполагаемых мест погребения Чингис-хана 211, 212

Ланьчжоу — город, центр пров. Ганьсу, КНР 205

Леили — город в Си Ся 148

Линчжоу — город, современный Линь

- иэу, Ниися-Хузйский автономный район, КНР 206
- Лисянь — уезд в государстве Цзинь, Северный Китай 164
- Лоб-Нор — озеро, пров. Синьцзян, КНР 150
- Лосы — см. Лоши
- Лосиянь — уезд в государстве Цзинь, Северный Китай 164
- Лохэ — древний город; находился в районе современного города Увэй, Ганьсу, КНР 206
- Лоши — древний город; находился в западной части пров. Ганьсу, КНР 148
- Лугар — река, приток р. Кабул 193
- Люпаншань — горы в современном Ниися-Хузйском автономном районе, КНР 207
- Ляишань — горы в западной части пров. Ганьсу, КНР 208
- Ляодун — области к востоку от р. Ляохэ, Южная Маньчжурия, пров. Ляонин, КНР 170
- Мавераннахр — районы в междуречье Сырдарьи и Амударьи и прилегающие к ним области Средней Азии 117, 175
- Малахитэ — гора в МНР, район Эрлэин-цзу 202
- Малый Хинган — горный хребет к югу от р. Амур и к востоку от р. Сунгари, пров. Хэйлуцзян, КНР 13
- Мерв — город в Туркменинии 192, 220
- Мигукоу — крепость; находилась поблизости от современного г. Дагун, пров. Шаньси, КНР 168
- Мичжоу — современный г. Чжучэнь, пров. Шаньдун, КНР 168
- Мобалык — см. Баминан
- Могоит — река, приток р. Халхи, МНР 119
- Мукден — см. Шэньян
- Мултаи — город в Пакистане 194
- Мэнфу — китайское наименование Хамаг-монгол улуса, первого государства монголов 19
- Мэньшань — уезд в пров. Хэнань, КНР, 169
- Наньчжао — государство народа иэцу в VIII—X вв. на территории современных пров. Юньнань и Гуйчжоу, КНР 240
- Наньшань — горы, окаймляющие с севера Тибетское плато, пров. Ганьсу, КНР 206
- Наса — см. Ниса
- Нахичевань — город в Азербайджане 196
- Наху — гора в Монгольском Алтае, где происходила битва Чингис-хана с найманами 128, 129
- Наху-гуи — см. Наху
- Нессеф — современный г. Карши, Узбекистан 191
- Ниса — город в Туркменистане 190, 192
- Нишапур — город в Иране 190 — 192
- Ноии — река в Северо-Западной Маньчжурии, приток Сунгари 13
- Нур-и Бухара — город Нур-Ата, неподалеку от Бухары, 189
- Обь — река в Сибири 31, 150
- Оигин-Гол — река в МНР, у г. Арбай-Хэрэ 30
- Онои — река на северо-востоке МНР и в Забайкалье, приток р. Шилки 8, 9, 14, 23, 24, 28, 29, 34, 53, 56, 62, 63, 75, 76, 80, 86, 95, 96, 106, 133, 148, 149, 162, 199, 210, 244
- Оионская дубрава — место стоянок моголов в юные годы Темучжина 218
- Оионский Цзерен — см. Цзереиново ущелье
- Ордос — плато в излучине р. Хуинхэ, с юга ограничено Великой китайской стеной 37, 209, 212, 213
- Орноуйн-кельтегей-хада — урочище, в котором размещалась ставка Чингис-хана у р. Халхи, МНР 127
- Орхон — река в северной части центра МНР, приток реки Селеири 30, 128, 202
- Отар — древний город; находился в среднем течении р. Сырдарьи, развалины у железнодорожной станции Тимур 179 — 181, 186, 187
- Парван — город в Афганистане 193, 194
- Перван — см. Парван
- Переяславль — г. Переяславль Украинский, Украина 196
- Пекин — столица КНР 165, 167, 168, 169, 170, 174, 199
- Пешавар — город в Пакистане 194, 198
- Саличуань — см. Цишуй
- Самарканд — город в Узбекистане 176, 179, 186, 188, 194, 198, 206, 233, 235
- Сангур — см. Сунгур
- Саньпин — город, находился северо-западнее Чжанцзякоу (Калган), пров. Хэбэй, КНР
- Саяны — горы в Южной Сибири 34
- Северная столица Цзинь — современный г. Далиньчэнь, пров. Цзилинь, КНР 170
- Секиз-Мурзи — Восьмиручье, бассейны верхнего Енисея и его притоков 32
- Селеири — река в МНР и России, впадает в оз. Байкал 29, 30, 34, 76, 139, 150

- Семиречье — регион, охватывающий смежные районы Киргизии и Казахстана и западные области пров. Синьцзян, КНР 94, 183, 184, 201
- Сенгур — см. Сунгур
- Сиджистан — см. Систан
- Систан — историческая область на востоке Ирана 175
- Си Ляо — см. Западное Ляо
- Силян — современный г. Увэй, пров. Ганьсу, КНР 174, 206, 237
- Силянфу — см. Силян
- Сининхэ — речка, в XII в. протекала на границе Монголии с государством Цзинь 19
- Синлуншань — горы у г. Ланьчжоу, пров. Ганьсу, КНР 205
- Си юй — Западный край, в древности и в средние века — все области к западу от современной пров. Ганьсу, КНР 152, 199, 201
- Средняя столица Цзинь — г. Чжунду, современный Пекин 165, 169
- Судак — город в Крыму 196
- Сунгари — река в Центральной Маньчжурии, приток р. Амур 13
- Сунгур — река в Монголии в XII в., подле которой прошли юные годы Темучжина 69, 83, 95
- Сучжоу — современный г. Цюцюань, пров. Ганьсу, КНР 206
- Сыгнах — древний город, развалины у Тюмень-Арык, Казахстан 189
- Сырдарья — река в Средней Азии 183, 186, 189
- Сюаньпин — город в Северном Китае 165
- Сюнь сычань — см. Самарканд
- Сяньпин — современный г. Кайюань, пров. Ляонин, КНР 167
- Тайхан — горы в юго-восточной части пров. Шаньси, КНР 165, 172
- Тайюань — центральный город пров. Шаньси, КНР 172
- Такла-Махан — пустыня в южной части пров. Синьцзян, КНР 203
- Талан-Балджиус — см. Далан-Балчжу-тах
- Талас — город в Казахстане 184, 198
- Тамгалж — китайский город, упоминаемый в мусульманских источниках, возможно Пекин 178
- Тамир — река в верховьях р. Онон 128
- Тангут — область, созданная монголами на месте бывшего государства Си Ся 148, 194
- Танлу — так называлась гора, подле которой нухеры схватили Чжамуху 130
- Таниу-Ола — горы к северу от оз. Убсун-Нор, на границе России и МНР 34
- Тарим — река в центральной части пров. Синьцзян, КНР 184
- Тахай-балгас — ставка керейского Токорил-хана; по преданию, именно на ее месте был заложен г. Каракорум 202
- Темзньгуань — см. Железные ворота
- Тенгис — наименование моря в легенде о предках монголов; возможно, оз. Байкал или оз. Далай-Нор 14
- Тергунь — гора, на которой Темучжин спасался от тайчиутов 61
- Термез — город на юге Узбекистана 191, 192
- Тифлис — современный Тбилиси, Грузия 195
- Тола — река, приток р. Орхона, МНР 24, 28, 30, 34
- Тунгелих — древнее наименование реки в МНР 49
- Тунгуань — город Тунгуань, пров. Шаньси, КНР 173, 208
- Туркестан — здесь: владения кара-ки-таев 176
- Турфан — город в пров. Синьцзян, КНР 150
- Уйраха — см. Валохай
- Улукуй-Силу-долджит — см. Улухуй-Шилу-гельжит
- Улуг-Кэм — река, приток р. Енисей 32
- Улухуй-Шилу-гельжит — урочище 111, 112
- Улухуй-Шиланьчжэнь — см. Улухуй-Шилу-гельжит
- Ульдза — река в МНР 99, 100
- Ульча — см. Ульдза
- Ургенч — город в Узбекистане 189, 191, 192
- Уршун — река между озерами Буир-Нор и Далай-Нор 21
- Уса — река, приток р. Енисей 150
- Фенакент — см. Бенакент
- Фучжоу — современный г. Чжанбэй, пров. Хэбэй, КНР 165
- Фэньсянь — уезд в государстве Цзинь, Северный Китай 164
- Халвоту — местность в Ордосе у р. Циншуй 208
- Хала-Хачар — местность в районе современного города Иньчуань (Нинся-Хуэйский автономный район КНР), где произошла последняя битва тангутов с монголами 207
- Халха — территория современной МНР 17, 31, 32, 47, 239
- Халха — река в МНР 17, 99, 119, 127
- Халхин-Гол — уезд в МНР 42
- Хами — город в пров. Синьцзян, КНР 150

Хангай — горы в Западной Монголии, к северу от Гобийского и Монгольского Алтая 30, 32, 125, 128
Ханчжоу — город, пров. Чжэцзян, КНР 227
Хара-Мурэн — см. р. Хуанхэ
Хара-Чжуркен — урочище, где Темучжин впервые был избран ханом 83
Хатун — см. Кэдунь
Хинган — горы 29
Хитай — северные области Китая 164, 165, 219
Ходжент — город в Таджикистане 186, 189
Хорасан — восточные области Ирана 33, 175, 190, 192, 214, 228, 238
Хорезм — город в Узбекистане 175, 189, 192
Хори-Туматская земля — Забайкалье 49
Хорхог-Джибур — см. Хорхонох-Чжугур
Хорхонох-Чжугур — ставка, в которой Темучжин жил вместе с Чжамухой 76, 80
Хотан — город, пров. Синьцзян, КНР 124, 176
Хуанлун — в VII—X вв. область в Центральной Маньчжурии, к северу от городов Шэньян и Кайюань 12
Хуанхэ — река в КНР 168, 169, 170, 171, 206, 209
Хуаньчжоу — современный г. Смыли, знамя Чжэнлянь, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР 165
Хуньчжоушань — горы на территории Си Ся 206
Хулдагар — гора, где жили Темучжин и Чжамуха 80
Хулуь-Нор — см. Далай-Нор
Хух-Хото — главный город Автономного района Внутренняя Монголия, КНР 168
Хэбэй — здесь: области Китая к северу от р. Хуанхэ 99, 169, 172, 173
Хэйчэн — см. Идзина
Хэланьшань — горы в Китае, к западу от излучины р. Хуанхэ 149, 152
Хэнань — здесь: области Китая к югу от р. Хуанхэ 169, 172, 173
Хэнтэй — горы к северу от г. Улан-Батора, на границе МНР и России 24, 210
Хэси — области к западу от излучины р. Хуанхэ и гор Хэланьшань 148
Цайчжоу — современный г. Жонань, пров. Хэнань, КНР 173
Центральная равнина — см. Чжунъюань
Цзереново ущелье — горная теснина в верховьях р. Онон 96

Цзилинь — пров. Северо-Восточного Китая 12, 166
Цзиньчжоу — город в государстве Цзинь, пограничный с монголами 163
Цзиньшань — гора в Северном Китае, на которой восставшие против Цзинь кидани дали клятву верности монголам 166
Цзисянь — уезд, пров. Хэнань, КНР 169
Цюнду — букв. «Девять переправ»; поселение на берегу р. Хуанхэ на территории Си Ся 206
Цзюйюньгуань — застава в горах, ныне поселок к северу от Пекина 165, 168
Цзянь — река, см. Ган
Цзяньхэ — река, см. Ган
Циншуй — река в Ордосе в районе Алтан-Ширэн (знамя Эджин-Хоро, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР); подле нее скончался Чингис-хан 209
Циняньгу — ущелье, в котором, по сведениям «Юань ши», был погребен Чингис-хан 208, 212
Циньгу — в XIII в. обобщенное наименование западных районов государства Цзинь 172
Чанту — город в пров. Ляонин, КНР 167
Чанчжоу — современный город Цзюйянь, знамя Туйсы, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР 167
Чаньань — современный г. Сиань, центр пров. Шаньси, КНР 172
Черный Иртыш — река в пров. Синьцзян, КНР 31, 104
Чжамхак — монгольское название реки, подле которой стоит Ихи-Эджен-Хоро — мавзолей Чингис-хана 209
Чжунду — Средняя столица, см. Пекин
Чжунсин — город, столица государства Си Ся, современный г. Иньчуань, центр Нинся-Хуэйского автономного района, КНР 152, 206, 207, 209, 237
Чжунъюань — Центральная равнина; области застенного Китая к югу от Великой китайской стены, в переносном смысле «Китай» 163, 172, 242
Чжэньчжоу — см. Кэдунь
Чивмэ — река, подле которой по преданию был похоронен Чингис-хан 209, 212
Чикой — река, приток р. Селенги, Буриятия 25
Чу — река в южной части Казахстана,

к юго-западу от Алма-Аты 130, 152, 198

Шаньдун — полуостров на восточном побережье Китая 99, 169, 170, 172, 173, 201

Шато — пески, возможно пустыня Ала-шань 206

Шаньси — западная провинция Китая 172

Шачжоу — город, современный Дуньхуан, пров. Ганьсу, КНР 148, 203

Шемаха — город в Азербайджане 196

Шилка — река на Дальнем Востоке 12

Шираз — город в Иране 194

Ширван — область в Иране 195

Шисыцзысы — место обитания ойратов и других «лесных народов» между реками Енисей и Ангара, к югу от Саянских гор 32

Шичзяньхэ — см. Шилка

Шоло — уезд, находился в районе современного г. Узэй, пров. Ганьсу, КНР 206

Шофан — пустыня Гоби и прилегающие области, шире — все районы к северу от Великой китайской стены за пределами Маньчжурии 166

Шэньси — западная провинция Китая 172

Шэньян — город, центр пров. Ляонин, КНР 12

Эджей-Хоро — см. Или-Эджей-Хоро

Элзина — см. Илзина

Элзин-Гол — река, западные области пров. Ганьсу и Автономного района Внутренняя Монголия, КНР 204, 205

Эмиль — р. Эмель (пограничные районы пров. Синьцзян, КНР и Казахстана), впадает в оз. Алаколь 198

Эргуи — см. Аргуи

Эргуи-Кун — место обитания древних монголов, район Большого Хингана к югу от р. Аргуи 13, 14, 28, 215

Эрдэни-Цзу — первый буддийский монастырь Монголии 202

Южная столица Цзинь — см. Кайфын

Юньнань — юго-западная провинция Китая 240

Янгикент — древний город, развалины находятся в низовьях р. Сырдарья, к югу от Казалинска 186

Янь — современный г. Пекин 169, 172

Яньань — город в пров. Шэньси, КНР 197

Яньцзин — см. Янь

Указатель племен и народов

авары — см. жуаньжуань

айриуд-байрууд — татарское племя 21

алаи — предки осетин 196

алтайцы — тюркское население Алтая 238

алухай-татар — одно из объединений древних татар 112

алчи-татар — одно из объединений древних татар 109, 111, 112

аньчи-татар — см. алчи-татар

аралат — см. арулат

арулат — одно из древнемонгольских племен, вышедшее из Эргуи-Кун 54, 68

баарин — монгольское племя из нирунов 123

барулас — монгольское племя из нирунов 54

башкиры — предки современных башкир, жили в районах Казахстана, прилегающих к Уралу 204

баяут — монгольское племя из дарлекинов 29

бесуд — древнемонгольское племя 21

борджиги — синеглазые, предки Чингис-хана, потомки Бодоичара 16, 22, 83, 214, 215

бохайцы — туигусо-маньчжурское население Центральной и Северо-Восточной Маньчжурии 165, 234

бурджиги — см. борджиги

буряты — предки современных бурят 150

горлос — см. хорулас

гуины — кочевые народы, жившие и господствовавшие в Центральной Азии с III в. до н.э. до III в. н.э.; этническая принадлежность неясна 10, 11, 127, 135, 238

дарлекины — монголы вообще и группа монгольских племен, не являющихся нирунами 16, 49, 79

джидараи — см. чжачжират

джалжират — см. чжачжират

джалаиры — монгольское племя 29, 30, 54

джауриэт — см. чжачжират

джурки — см. чжурки
джурят — см. чжачжират
долобань — см. дорбэн
долоубань — см. дорбэн
долубань — см. дорбэн
дорбэн-татары — наименование группы татарских племен 108
дорбэн — монгольское племя из нирунов 108, 109, 128
дурбан — см. дорбэн
дурбэн — см. дорбэн
дутаут-татары — наименование группы татарских племен 112
лэрбэн — см. дорбэн

жуаньжуань — древний народ, господствовавший в Центральной Азии в V—VI вв. 10, 19, 238

икирас — см. икирес
икирес — монгольское племя, выходцы из Эргуиз-Кун 50, 95, 108, 109, 117, 120, 122, 198
ичиласы — см. икирес

каиглы — тюркское племя 189, 234, 238
кара-китай — группа киданей, ушедшая в конце 20-х годов XII в после гибели государства Ляо на запад и основавшая в Семиречье государство Западное Ляо 31, 86, 94, 130, 150—152, 156, 175, 241

кара-китай — см. кара-китай
карлуки — тюркское племя 152, 156, 163, 179, 186, 228, 234, 238

катаки — см. хатаки

келар — см. хэрэл

керенты — монголо или тюркоязычное племя 22, 30, 31, 55, 70, 75, 83, 94, 103, 104, 105, 106, 109, 110, 116, 119, 120, 123, 124, 126, 127, 128, 131, 132, 139, 164, 234

кидани — древняя монгольская народность с тунгусо-маньчжурскими элементами в языке 10, 11, 12, 18, 20, 21, 28, 30, 32, 33, 35, 36, 50, 93, 101, 132, 141, 150, 151, 166, 167, 170, 171, 172, 228, 234—237, 240

кимаки — тюркское племя 238

кипчаки — группа тюркоязычных племен, населявшая Деиш-и-Кипчак (территорию современного Казахстана) и придонские степи 130, 177, 228, 234, 238

кирей — см. керент

киргизы — тюркоязычный народ, в VIII—XIII вв. обитали в верховьях Енисея 10, 13, 30, 32, 34, 149, 150, 228, 238

китай — здесь население Северного Китая 194

китад — см. кидани

кият — древние монголы, потомки Бай-Шинкор-Докшина, сына Хайлу, Тумбинай-сечена и Хабул-хаи 19, 22, 55, 89, 193, 214

кокз-усуиские си ся — здесь: население государства Си Ся в районе р. Салчуань 209

комаи — см. половцы

конкотан — см. хатаки

куигират — см. унгират

куралас — см. хорулас

кыргызы — см. киргизы

кыпчак — см. кипчаки

кэрэл — одно из древних, вероятно, тюркских племен 30

лотань — одно из племен шивэй 12

мэйлици — см. меркиты

мангут — см. манхут

манхут — монгольское племя из нирунов 54, 120, 123

меркиты — одно из древнемонгольских племен 18, 22, 30, 55, 61, 62, 65, 72, 73, 75—80, 83, 94, 97, 104, 106, 109, 120, 121, 128—130, 132, 139, 151, 152, 173, 176, 177, 222, 234

меркит-увас — одно из меркитских племен 74

меркит-удунт — одно из меркитских племен 74, 75

монголы — часть племен шивэй, переселившиеся в Монголию; народ, сложившийся в XIII в. после войн Чингис-хана и объединения Монголии 10, 13, 78, 83, 84, 86, 93, 101, 104, 105, 110, 112, 117, 121, 122, 124—127, 129, 130, 132, 135, 163, 164, 219, 239

монголы-дархаты — монголы, охранявшие Их-и-Элжен-Хоро 212

мэнва — одно из китайских наименований древних монголов, части племен шивэй 11, 12

мэнзу — см. мэнва

м'иркит — см. меркиты

найманы — одна из народностей, господствовавшая в западной части Центральной Азии в XII в., возможно, тюрки; точная этническая принадлежность не установлена 30, 31, 50, 55, 83, 93, 103, 104, 105, 108, 121, 124—132, 139, 148, 150—152, 164, 222, 234

нируны — монгольские племена, потомки Бельгунотая и Бугунотая, первых двух сыновей прародителей монголов Алаи-Гоа и ее мужа Добун-Мергена 16, 79, 93

няньбагэ — см. найманы

няньбасы — см. найманы

обры — см. жуаньжуань
ойраты — древнемонгольские племена Южной Сибири к западу от оз. Байкал; относились к числу «лесных» 32, 108, 109, 128, 129, 150, 238

олхунут — см. олхунут

олхонут — см. олхунут

олхунут — монгольское племя, выходцы из Эргуни-Куи 8, 25, 54, 215

онгуты — так называемые белые татары, вероятно тюркская народность, проживавшая на западных и северо-западных границах Цзинь 30, 34, 126, 165, 168

половцы — тюркские кипчакские племена, жившие на границах с Киевской Русью 13, 196

салджиут — монгольское племя из нирунов 16, 108, 109

сальджиут — см. салджиут

сальчжуты — см. салджиут

самодийцы — народности юга Сибири, относившиеся по языку к финно-угорско-самодийским народам 10

саньчжун — см. салджиут

саньчжу — см. салджиут

сарталу — мусульманское население государства хорезмшаха 182, 198, 204

сельджуки — тюрки-сельджуки 221
си — древняя монголо-туингуская народность, жили к югу от шивэй и к северу от киданей в Западной Маньчжурии 164, 165

сулдус — древнее монгольское племя из дарлекинов 62 — 64, 120

сыгасы — см. киргизы

сяньби — древний народ, господствовавший в Центральной Азии в III—VI вв. Есть версии об их как монголо, так и тюркоязычности 10, 15, 19, 238

газик — мусульманское население арабских государств и Ирана 182

тайджиут — см. тайчиут

тайджу-эгэчи — монгольское племя 64

тайчиуд — см. тайчиут

тайчиут — монгольское племя из нирунов, потомки Чарак-лину, сына Хайду 20 — 22, 25, 29, 52, 55 — 58, 60 — 65, 68, 70, 96, 97, 104, 106 — 109, 121, 170, 219

тангуты — тибето-бирманская по языку народность, основавшая государство Си Ся 30, 34, 36, 65, 94, 141, 150, 156, 163, 164, 179, 186, 194, 197, 198, 203 — 205, 207, 208, 240, 241

татары — в VIII—XIII вв. наименование группы монголоязычных племен; обобщенное наименование соседями татаро-монгольских пле-

мен 13, 20, 22, 23, 26, 29, 30, 34, 35, 40, 44, 45, 55, 65, 70, 83, 92, 94, 97 — 101, 103, 104, 108, 113, 123, 124, 126, 128, 139, 163, 182, 218

теленгуты — тюркское население западного Алтая 150

тибетцы — население Тибетского нагорья 34, 241

тувинцы — тюркский народ, Тува 28

туматы — монголоязычные племена, проживавшие к западу от оз. Байкал 150

тумен-киргизы — см. киргизы

туркмены — тюркский народ, Туркменистан 238

тюрки — здесь: древние тюрки и другие различные народы их потомки 10, 11, 17, 19, 28, 30, 31, 132, 178, 182, 234, 237 — 239

тюрки-онгуты — см. онгуты

уйгуры — тюркская народность, в VIII—IX вв. господствовали в Центральной Азии, после разгрома киргизами основная их часть переселилась на территорию современной китайской пров. Синьцзян 10, 13, 28, 30, 31, 34, 94, 125, 130, 139, 141, 150 — 152, 155, 156, 163, 179, 186, 228, 234, 237, 238, 241

унграт — древнее монгольское племя из дарлекинов 20, 26, 28, 50, 104, 108, 109, 116, 117, 122, 144, 206

урякхат — древнее монгольское племя из дарлекинов 28, 54, 72, 90

ураут — древнее монгольское племя из дарлекинов 29, 87

хадазинь — см. хатакин

хадагин — см. хатакин

хадачин — см. хатакин

хазарейцы — монголоязычные племена Афганистана 37

хара-татары — черные татары, одно из наименований древних монголов 35

хатакин — древнее монгольское племя из нирунов 16, 108, 109, 128, 133

хатачин — см. хатакин

хитай — см. хидань; также общее наименование монголами хиданей и чжурчженей, населения Северного Китая, отсюда и русское «Китай»

холудас — см. хорулас

хорезмийцы — выходцы из Хорезма 178

хорилар — древние монголы из рода Хорилартай-Мергена, отца Алан-Гоа 49

хорулас — древние монгольские племена, выходцы из Эргуни-Куи 108, 109, 117, 122, 215

хуантоу шивэй — «желтоголовые шивэй», группа племен шивэй 215
хуигират — см. унгират
хуицзила — см. уигират
цзили-цзисы — см. кыргызы
цзубу — киданьское наименование народов Центральной Азии в X—XIII вв. Цзубу называют татарами 13
цзубу-чжалату — см. джалаиры
чаган-татар — белые татары; одна из групп татарских племен 109, 111, 112
чеутай — одно из монгольских племен 120
чжадаран — одно из монгольских племен 95
чжала — см. джалаир
чжачжират — древнее монгольское племя 18, 97, 108, 123, 131, 139
чжачжурдай — см. чжачжират
чжуниин — одно из племен татар 21
чжурки — монголы из киятов, потомки

старших внуков Хабул-хагана 50, 55, 83, 98, 100—103, 110, 218
чжурчжэни — тунгусо-маньчжурская народность, проживавшая в Центральной Маньчжурии; в XII в. чжурчжэни завоевали Северный Китай и основали государство Цзинь 10, 17, 18, 20, 29, 36, 49, 50, 52, 65, 70, 97, 101, 110, 125, 141, 152, 154—156, 163, 165, 166, 168, 170—172, 179, 197, 199, 203, 208, 219—221, 227, 228, 234—237, 240
чинос — древнее монгольское племя из иируинов 96
чонос — см. чинос

шивэй — в VI—IX вв. обобщенное наименование группы племен, проживавших в Северо-Западной Маньчжурии 11—13, 31, 215

юешюелюй — см. унгират
юркин — см. чжурки

Указатель терминов

айл — семья, поселение 38—40, 218
аймак — иншая социально-административная единица 92
алтан-хаган-китадский — букв. «золотой хан», император; у древних монголов наименование императоров киданьской династии Ляо 21
алтан-хааны — у древних монголов наименование императоров киданьской династии Ляо и чжурчжэньской Цзинь, правивших в Северном Китае в X—XIII вв. 18, 21, 100, 111, 219
альчик — кость нижнего сустава копытных животных, используемая для игр в бабки 23
анда — побратим 22, 65, 70, 74, 80, 81, 89, 94, 95, 105, 116, 118, 121, 129, 131
аньда — см. анда
арат — простой человек, скотовод 83, 114, 131, 136, 243, 248
арслан-хан — букв. «хан-лев»; титул правителя карлуков 152
аурук — ханская ставка 102
баатур — богатырь, один из титулов древних монгольских правителей 52, 53, 82
бай син (кит.) — букв. «сто фамилий»; в смысле «весь простой народ» 127
балджуинту — сподвижники Чингис-

хана, связанные с ним клятвой верности на оз. Бальчжуна 120
бармицы — металлические пластины, часть шлема, прикрывавшая затылок воина 230
барунгар — правое крыло войска; правая, западная часть владения 135
баскак — наместник 142
баян — богатый, богач 49
беки — старший в роде 47, 145
блик — наставления, поучения 136, 216
бильге — тюрк. «мудрый»; древнемонгольский титул 53
бичечи — писец; секретарь; делопроизводитель 235, 237
богол — раб-мужчина 49
богтаг — женский головной убор 42
бука — букв. «сила»; древнемонгольский титул 53
ван — княжеский титул 50, 101, 133, 140, 170
ван-хан — титул Тоорил-хаа 86, 88, 101
ваньхань — см. ван-хан
вэй — грозная сила императора, дарованная ему небом 144
гериге — деревянная дощечка; символ власти 138, 142
герисге — войлок для юрт 90

го ван — князь государства; титул 19, 50, 134, 172
 го чжу — государь; государь государства; титул 19
 гугу — см. богтаг
 гуиичжу-хатун — букв. «княжна — ханша»; титул чжурчженской принцессы, отданной в жены Чингис-хану 169, 213
 гур-хал — титул, равнозначный титулу шахиношаха или императора; в эпоху Чингис-хана — один из высших титулов правителей Центральной Азии 86, 106, 108, 109, 116, 175, 176
 гуян — см. го ван
 дай-ван (кит.) — букв. «великий князь»; титул 125
 даругачи — см. дарухачи
 дарухачи — наместник, букв. «подавляющий исповиновские», 142, 199, 234
 дархан — см. дархат
 дархат — человек, получивший дархатство (см.) 90
 дархатство — освобождение от повинностей в пользу хана 68, 139
 даян-хал — титул 86
 джад — «чужой», «чужак», в противоположность сородичам своего урука или обока (см.) 49, 54
 джалау — потомственные рабы 49
 джаргучи — судья; наименование одних из первых монгольских правителей покоренных народов 137
 джат — см. джал
 джаутхури — см. чаутхури
 джунгар — левое крыло войска; левая, восточная часть владения 135
 джэбе — один из типов древнемонгольских стрел 29
 доу — мера объема, примерно 10 л 20 дуаньшигуань (кит.) — судья, см. джаргучи
 дэ — благая сила императора, дарованная ему Небом 143, 144
 дэрбэн-кулуд — четыре героя, четыре первых нукара Чингис-хана 55
 заягчи — оignon счастья, доброй судьбы 47
 идикут — титул правителей древних уйгуров 151, 186
 инал — титул правителей сибирских киргизов 150
 индже — женщина-рабыня 49
 ирген — люди, народ 54, 237
 йасак — см. ясак

каган — см. хаган
 кади — мусульманский судья 188
 кан — способ отопления жилья посредством дымоходов, обогревающих лежанки 17
 канга — шейная колодка 60
 карачу — простой народ, простолюдин 50
 кебтеулы — ночная гвардейская стража Чингис-хана 127, 146
 кегюль — прическа древних монголов 35, см. туфа
 кеших — буква «очередь», служба в очереди, посменно; гвардейская стража 54, 55, 137
 кешиктен — «тот, кто несет посменно караульную службу»; гвардеец 55, 127, 137, 139, 145—147
 кулюк — силач, богатырь 137
 курень — буква «кольцо»; способ устройства лагеря кольцом при перекочевках; единица социальной структуры 38, 40, 54, 93, 94
 курилтай — съезд знати 21, 133, 135, 143, 148, 149, 154, 157, 162, 198, 227
 кут (тюрк.) — благая сила хана, дарованная ему Небом 143
 кючю — благая сила хана, дарованная ему Небом 143, 221
 ли — китайская мера длины, примерно 600 м 40, 46, 236
 ливэнь — пограничный воссачальник 18
 лянчи — вид смертной казни 20, 132
 луусы (миф.) — духи земли и воды 86
 ляи — мера веса, примерно 31 г
 мерген — меткий стрелок, древний титул монгольской знати 53
 мохе — здесь зимние одежды из кожи шивей 12
 мохэдо — см. мохэфу
 мохэфу — титул правителей народа шивей 11, 12
 намбе — сорт войлока, использовавшийся для изготовления конских попои 90
 иачигай — см. иогот
 иогот — низшие божества у бурят шаманистов 47
 нойон — знатный человек, наименование монгольской знати 50, 53, 55, 82—84, 94, 125, 127, 133, 135, 136, 139, 146, 147, 149, 157, 159, 162, 243
 ноян — см. нойон
 нугайт, нугейт — см. ногот
 нукара — друг, дружинник хана 52, 54, 55, 60, 81, 83, 89, 90, 92, 94, 103, 105, 107, 111, 129, 130, 131, 137, 141, 145, 149, 157, 159, 162, 225, 237, 243

иунтук — см. нунтук
нунтук — территория улуса, кочевья 53,
54, 137, 138
иутук — см. нунтук

обах — см. обок
обог — см. обок
обок — клан, род; в эпоху Чингис-хана — иерархические образования, состоявшие из разных социальных групп 48, 49, 95

одора — тип древнемонгольских стрел, которые не отличались дальностью полета 90

онгот — низшие божества тунгусов
онг-хал — см. ван-хан
отзгу-богод — древние монгольские племена и роды, попавшие в рабскую зависимость 49, 54

пайцза — верительная бирка 141, 142

раджа — царь 194

сайи-хувун — благородные люди 50
сейид — мусульманин, якобы происходящий от потомков пророка Мухаммеда 177

сенгон (кит. цзянцзюнь) — генерал 50
сечей — букв. «мудрый»; титул древнемонгольской знати 53, 74, 82

синши — фамилия; клановое имя 48
синшэн — походные управления, местная администрация, создававшаяся монголами в Северном Китае 172

су — небесная благодать, приписываемая монгольскому хану 143, 222

сульдз — дух-хранитель войска 128, 133
сутай — наделенный благодатью-су, счастливый 222

сути — см. сутай
сянвэнь — чин, равнозначный чину министра 50

сянгун (кит.) — первый министр; ве-
зирь; глава правительства 50, 105
схюэнь — пограничный военачальник 18

тайлга — праздник 212

тайши — монгольский титул принадлежности к родовой знати 50

танмачи — армия из иноплемеников, была сформирована монголами для войны с Цзинь 142, 237

тарханство — см. дархатство

таян — великий князь, титул 50, 88
темник — глава тумена; командир

тымы, тумена 134, 135, 169

туг — знамя 56, 89
тук — см. туг
туман — см. тумен

тумен — военно-административная единица, обязанная выставить десять тысяч воинов, корпус из десяти тысяч воинов 74, 77, 93, 141, 146, 216

турхауд — см. турхаут
турхаут — гвардеец из дневной стражи монгольского хана 54, 127, 146

турхаух — см. турхаут
туфа — тип древней прически у киданей, тангутов, монголов, когда затылок и часть головы обриты и оставлена челка на лбу и косицы на висках 35, 36

гьма — см. тумен
тзигри — букв. «небо», небожители, небесные духи 47, 87, 208

тянь цы — букв. «пожалованное небо»; по одной из китайских версий, объяснение титула «чингис» 87, 88

улус — здесь: государство 22, 25, 31, 53—56, 70, 79, 80, 83, 86, 89, 90, 92, 93, 95, 98, 99, 101, 103—105, 116, 119, 121, 122, 126, 127, 135, 138, 139, 145, 218, 221

уруг — потомки; мужское потомство какого-либо лица, например, хана 22, 49, 54, 68, 82, 92, 123, 138, 210, 214, 217, 223, 225, 226

урук — см. уруг
урух — см. уруг

усун — источник; совокупно — источники воды в данной местности или административной единице 137

утзгу-богод — см. отзгу-богод
учжин — см. фучжин

фарсанг — мера длины, приблизительно 6 км 168

фучжин — госпожа, государыня, титул императрицы 9, 23, 56

хаган — титул государя 19, 22
хаджиб — привратник 191

хаджир-чингис-тзигри — наименование одного из духов-тзигриев 87

халха — шит 230

хан — титул государя 19

харвар — букв. «груз осла»; мера веса, равная примерно 100 кг 14

харизма — небесная благодать, которой обладал правитель или какой-либо необыкновенный человек 143

хасба — наименование печати Чингис-хана, якобы подаренной ему духами-луусами 86

хатайгу-дегел — панцирь из мягких материалов 229

хашар — здесь: стон монголами мест-

ного населения для осады и штурма городов 189
хоорцах — тип древнемонгольских стрел; отличались дальностью полета 90

хорчи — стрелок 89

хуанди — император 19, 87, 143

худа — сват, свойственник; родственники женщины, взятых в жены мужчинами данного уруга 54

хуби — вознаграждение, удел 49, 135, 138, 144

хуяг — панцирь из твердых материалов 229

цесeday — см. кешиктен

цзю — войска из иноплеменников, несущие пограничную службу; использовались при киданьской династии Ляо и чжурчжэньской Цзинь 101

цзюйэрхань — см. гур-хан

цинъ ван — великий князь; член правящего дома 176

цунь — мера длины, равная приблизительно 3 см 35

чаутхури — предположительно чин сотника пограничной охраны, был получен Темучжином от властей Цзинь 50, 101 см. чжаотао

черби — служилые люди при дворе монгольского хана; вообще лица, ис-

полнявшие какую-либо должность 90, 127

чжань (кит.) — почтовая станция, то же, что ям

чжаотао — чин пограничного военачальника в Ляо и Цзинь 101, см. чаутхури

чжуншулин — глава государственного секретариата 50

чи — мера длины, приблизительно 30—32 см 35

чэисяи — премьер-министр; везирь 169

шаханшах — царь царей; титул 86, 87

шейх-ал-ислам — глава мусульманской общины 188

шибильгер — прическа древних монголов 35, см. туфа

эджен — правитель; государь 19

эмегелдин — онгон, божок-хранитель стада 47

эмир — правитель 190, 191, 193, 207, 210

юаньшуай — маршал 235

ядагу хувун — бедняки, бедные люди 49

ям — почтовая станция 141

ярлык — приказ 136, 138

яса — свод законов 136, 145, 216, 223

жасак — закон, указ, приказ 136, 141

Содержание

Предисловие ко второму изданию	3
Оэлуи и Есугай-баатур	8
Переселение на запад	10
Первое государство монголов	18
Отец Темучжина	22
«Народ безвестный и чужой»	28
«Ключевые воды пропали, бел-камень треснул»	52
«У твоего порога пусть будут они рабами»	67
«Я нашел, что искал»	74
Свой улус	79
Побратимы-враги	93
Набег на татар	99
Мечь за отца	110
Кто же станет владыкой степей?	116
Великий курюлтай	133
Богатства страны тангутов	148
Шаман Кокочу	157
Исполнение завета Амбагай-хагана	163
Отрарская катастрофа	175
Смерть Чингис-хана	200
Личность Чингис-хана	214
Эпоха	227
Список цитированной литературы	249
Указатель имен	252
Указатель географических названий	260
Указатель племен и народов	266
Указатель терминов	269

Е.И.Кычанов ЖИЗНЬ ТЕМУЧЖИНА